

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ РАН
по изучению и охране культурного и природного наследия
ЭКСПЕРТНЫЙ ЦЕНТР ВСЕМИРНОГО РУССКОГО НАРОДНОГО СОБОРА

Цивилизационное развитие
России
наследие, потенциал, перспективы

Коллективная монография

Москва
Издатель Воробьев А.В.
2018

УДК 504.03
ББК 20.1
Ц58

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЧЕЛЫШЕВ Евгений Петрович, академик РАН (*председатель Редакционного совета*),
ВОЛОБУЕВ Сергей Григорьевич, КЛЕЙНЕР Георгий Борисович, член-корр. РАН,
КОСТИН Олег Александрович (*заместитель председателя Редакционного совета*),
ЛАКОВСКИЙ Сергей Геннадьевич, ЛЕПЕХИН Владимир Анатольевич, к.ф.н.,
ПОСАДСКИЙ Александр Владимирович, д.ф.н., РЕМИЗОВ Михаил Витальевич, к.ф.н.,
РУДАКОВ Александр Борисович, ТИМАКОВ Владимир Викторович,
ЦВЕТКОВ Николай Александрович, к.э.н.

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДДЕРЖКУ

Московский институт МИРБИС

АНО «Центр развития гуманистической экологии и культуры»
фонд «МЕТА»

Ц58 Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. – 440 с.

ISBN 978–5–93883–376–0

В коллективной монографии, посвященной 25-летию Всемирного Русского Народного Собора и 25-летию Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, обобщены результаты исследовательской программы «Цивилизационный путь России». Программа инициирована Научным советом при Президиуме РАН и Экспертным центром ВРНС при организационном участии МГУ имени М.В. Ломоносова, Института наследия имени Д.С. Лихачева и ряда региональных отделений РАН, других ведущих научных центров и высших учебных заведений России. Программа открыта для всех ученых, занятых цивилизационной тематикой, деятелей Церкви и культуры.

ISBN 978–5–93883–376–0

© Коллектив авторов, 2018

© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2018

Авторский коллектив

АННУШКИН Владимир Иванович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Института русского языка имени А.С. Пушкина, председатель Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики.

БОЙЦОВА Ольга Юрьевна, доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы философского факультета «Стратегическое управление и экономическая политика».

ГРОМОВ Михаил Николаевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

КЛЕЙНЕР Георгий Борисович, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель научного руководителя ЦЭМИ РАН, председатель Научного совета «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» при Отделении общественных наук РАН, член Бюро Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия.

РАСТОРГУЕВ Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель председателя Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, председатель Научного совета Экспертного центра ВРНС, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

ЧЕЛЫШЕВ Евгений Петрович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, сопредседатель Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны президиума РАН, заместитель председателя Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации, почетный член Литературной академии Индии.

ЧЕРЕШНЕВ Валерий Александрович, доктор медицинских наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, сопредседатель Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, президент Российского общества иммунологов, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

СОДЕРЖАНИЕ

Авторский коллектив	3
Цивилизационное наследие: непреходящее в преходящем <i>Обращение к читателям академика РАН Е.П. Чельишева</i>	6
ВВЕДЕНИЕ. Русская цивилизационная идентичность: живое наследие и условия наследования (<i>В.Н. Расторгуев</i>)	21
Идентичность и «принцип живой кровли»: замысел исследовательской программы «Цивилизационный путь России»	21
Русская цивилизационная идентичность	30
ГЛАВА 1. Цивилизационное наследие, наследники и право наследования	42
1.1. Цивилизационное наследие России: устоявшиеся представления и новые концепции (<i>В.Н. Расторгуев: 1.1–1.4, 1.7–1.8</i>)	42
1.2. Можно ли устранить многозначность?	52
1.3. Методологические подходы к теме и типология цивилизаций	66
1.4. Личностное измерение цивилизации и «незаёмные смыслы»: школа А.С. Панарина и международные Панаринские чтения	85
1.5. Цивилизация: история концепта (<i>О.Ю. Бойцова</i>)	102
1.6. Генезис и типология отечественной цивилизации (<i>М.И. Громов</i>)	113
1.7. Мир цивилизаций и война идеологий	154
1.8. Роковые события и феномен исторического синхронизма в становлении цивилизации	176
ГЛАВА 2. Геополитическое измерение цивилизационного развития и стратегический выбор России	204
2.1. Россия как страна-цивилизация (<i>В.Н. Расторгуев 2.1–2.4, 2.6</i>)	204
2.2. Россия и Европа в современном мире: цивилизационное родство или отторжение?	211

2.3. Парадоксы европейской цивилизационной идентичности.....	227
2.4. Архитектоника Евросоюза и «угроза панславизма»	239
2.5. Историческая миссия России, диалог цивилизаций и парадоксы мультикультурализма (В.А. Черешнев, В.Н. Расторгуев).....	248
2.6. Глобальные проблемы через призму цивилизационной теории .	260
2.7. Цивилизационное измерение экологической и социальной политики России (В.А. Черешнев, В.Н. Расторгуев) .	281
2.8. Путь от утопии к стратегии: концепция устойчивого развития и принцип экологического императива (В.А. Черешнев, В.Н. Расторгуев)	312
ГЛАВА 3. Русский язык и цивилизационный путь России в истории и современности (В.И. Аннушкин)	325
3.1. Русский язык в становлении российской цивилизации.....	325
3.2. Русский язык и современный цивилизационный путь России.....	351
ГЛАВА 4. Российская экономическая цивилизация: вклад в мировую экономическую культуру (Г.Б. Клейнер).....	384
4.1. Экономика в структуре общества: элементы макросистемного анализа	385
4.2. Особенности конфигурации «государство – социум – экономика – бизнес» как базовые характеристики страновой цивилизации....	391
4.3. Российская экономическая цивилизация: основные особенности	409
4.4. Вклад экономики России в мировую экономическую цивилизацию	413
4.5. Миссия России в системе мирового развития.....	416
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Взгляд в будущее: солидарность цивилизаций (В.Н. Расторгуев)	421

Цивилизационное наследие: непреходящее в преходящем

Обращение к читателям
академика РАН Е.П. Чельшева

Цивилизационное наследие мира вбирает в себя достижения всех состоявшихся цивилизаций. Это не что иное, как единство в многообразии, — все то, что люди ценят как непреходящее и бесценное в преходящем и суетном мире. Посвятив большую часть своей жизни сравнительному изучению индийской, европейской и российской цивилизаций, я часто вспоминаю мысль Махатмы Ганди о том, что мы никогда, даже в самые трудные моменты истории, когда обостряются недоверие и вражда между народами, не должны терять веры в человечество. При этом он сравнивал человечество с океаном: «если несколько капель в океане грязны, океан не становится грязным».

Эти слова Мохандас Ганди, уже получивший тогда благодаря Рабиндранату Тагору свое второе имя Махатма, произнес более ста лет тому назад, в ноябре 1917 года, когда излагал свою политическую программу, ставшую позднее теоретической основой мощного движения за ненасильственное освобождение Индии от колониальной зависимости. В ней он говорил о своем отношении к цивилизационному наследию в эпоху великих потрясений и об исключительной роли религиозной веры в его сохранении, когда «мудрецы и святые примут участие в общественной жизни». Знаменательно, что в эти же дни в революционной России происходили исторические события, ставшие поворотным пунктом в истории всей мировой цивилизации. Нельзя не увидеть внутреннюю связь этих событий, произошедших в разных концах мира, но связанных с общими судьбами великих цивилизаций.

В той же речи Ганди предостерегал соотечественников: «Если мы не проявляем достаточного внимания к народному языку,.. если наш климат нам кажется недостаточно хорошим, если народ

наш кажется нам неотесанным и непригодным для нашего общества, если наша цивилизация кажется нам ложной, а иностранная — привлекательной, тогда... еще долго придется оставаться под чужеземной опекой»¹.

С этим суждением трудно не согласиться: сбережение цивилизационного наследия было и остается одним из условий национальной независимости, особенно когда речь идет о странах-цивилизациях. Из этого следует, что долг наследников — сохранить наследие предков, помня о том, что само цивилизационное наследие сберегает нас: нашу идентичность, общее прошлое, настоящее и будущее наших детей и внуков, потомков во многих поколениях. Изучение и защита исторического наследия России, всего Русского мира — не только и не столько область специализированной деятельности (которая относится к компетенции ученых и многочисленных специалистов, научных центров и лабораторий, профильных государственных ведомств и «надгосударственных» международных организаций, призванных сохранять цивилизационное многообразие мира), но и нечто несравненно большее.

Сбережение и накопление наследия предков — это долг ныне живущих перед теми поколениями, которые еще не пришли в этот мир, хотя именно они должны, по логике истории, вступить в права наследования. Но прежде всего, это священный долг перед отцами и прадедами, которые столетиями по крупице собирали национальное наследие и защищали его, чтобы передать нам, ибо в этом наследии сконцентрирована и вера, объединяющая поколения, и высшие смыслы, без которых любые достижения превратятся из созидательной силы в силу разрушительную. Как было отмечено в Послании Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 года, «...изменения в мире носят цивилизационный характер. И масштаб этого вызова требует от нас такого же сильного ответа. Мы готовы дать такой ответ. Мы готовы к настоящему прорыву». Именно поэтому «крайне важно сохранить свою идентичность в бурный век технологических перемен, и здесь невозможно переоценить роль культуры, которая является нашим об-

¹ Ганди М. Революция без насилия. М.: Алгоритм, 2012. С. 29.

щенациональным цивилизационным кодом, раскрывает в человеке созидательные начала»².

Русская идентичность опирается на православное самосознание, его ценности и идеалы, но она органично включает в себя бережное и уважительное отношение к религиозным чувствам и святыням каждого из народов, история и культура которых связаны с Россией. И эти идеалы очень далеки от любого самообособления и самолюбования, от этнической ограниченности и неуважения к непохожим укладам и верованиям. Само наследование самобытности возможно, разумеется, только при условии, если этот долг перед прошлым и будущим не будет забыт ныне или отложен в долгий ящик, как не раз бывало и в далёком прошлом, и в недалёком, как бывает и в наши дни. Причём поводов для того, чтобы отложить «на время» столь масштабное и неподъёмное дело, всегда будет множество. Среди них спады и кризисы, новые технологические вызовы и военные угрозы, которые множатся с каждым днем, требуя концентрации ресурсов, природные и техногенные катастрофы — уже случившиеся или предопределённые обилием совершённых ошибок. По этой причине стратегия изучения и защиты наследия предков требует и от человека, и от общества, и от государства особой способности — заглянуть за горизонт «современности», как понимают её люди, живущие сегодняшним днём, выйти за узкие рамки «текущих проблем», поскольку любые достижения, оплаченные утратой живого наследия, обесцениваются полностью.

В интересах консолидации всех, кто отдаёт себе отчет в значимости проблем цивилизационного наследования, свыше 25 лет тому назад при Президиуме РАН был организован Научный совет по изучению и охране культурного и природного наследия, который тесно сотрудничает с Экспертным советом Всемирного Русского Народного Собора. ВРНС — международная организация, не просто озабоченная наследием России и всей российской цивилизации, но и ставшая постоянно действующей уникальной пло-

² Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 года // www.kremlin.ru/events/president/news/56957.

щадкой для предельно открытого и честного диалога между государством, гражданским обществом и церковью, а также ведущими учёными и политиками, представляющими почти весь спектр идейных течений. Как замечают многие зарубежные коллеги, аналога такой «площадки» сегодня нет в странах Европы.

Методология и направленность аналитической и организационной работы Всемирного Русского Народного Собора предельно точно отражены в самом его названии — это поиск соборных решений, содействующих сближению миллионов людей, разделённых имущественными, идейными или государственными границами, но осознающих свою принадлежность к великому наследию Русской цивилизации. Нашу цивилизацию можно с полным основанием называть и русской, и российской, если не сводить эти понятия к сугубо этнической и гражданской принадлежности, поскольку русские — это и самоназвание гражданской нации, состоящей не только из великороссов, но и из представителей всех этнических групп исторической России. Да и Русская православная церковь несёт в себе вселенскую миссию, она окормляет всех своих чад, не разделяя их по крови и по паспорту. И когда мы произносим гордое слово «российский», мы также имеем в виду одновременно и принадлежность к Российской Федерации в ее нынешних границах, и духовную связь с тысячелетней Россией — страной-цивилизацией. Нашу цивилизацию не разделить новообразованными государственными границами, ибо цивилизационная память народов заключена не в учебниках, а в национальных культурах и языках, в душах и сердцах...

Сохранению цивилизационной памяти подчинена и научно-исследовательская деятельность учёных из ведущих научных центров и университетов, работающих в рамках программ Научного совета, и просветительская и миссионерская деятельность Собора, призванная вернуть наследникам их наследие — одновременно и уникальное, и вселенское по своему духу. Как отмечал Николай Бердяев, все народы, цивилизации и конфессии имеют свои специальные дары и миссии, но осознание этих даров и миссий не должно парализовать вселенского сознания. При этом следует напомнить, что Бердяев различал два понимания

вселенскости с учётом конфессиональных отличий — горизонтальное и вертикальное: для первого вселенское единство означает охватывание как можно больших пространств земли и универсальную организацию, а для второго вселенскость есть не что иное, как «измерение глубины». Именно это понимание он относил к православию.

Разумеется, такое метафоричное толкование существенно упрощает и схематизирует представление о межцивилизационных контактах, но заостряет внимание на ключевом аспекте при осмыслении этой тематики — на особой роли мировых конфессий в процессе становления локальных цивилизаций. При размывании религиозных основ мировосприятия исчезают и высшие смыслы мирового развития, его общечеловеческие (вселенские) горизонты. Единство в многообразии — эта формула, почерпнутая, в частности, из древней индуистской культуры, является универсальной.

Установка на консолидацию русского народа, основанная на понимании цивилизационной специфики и, соответственно, исторической миссии России, полностью совпадает с методологией, положенной в основу программы «Цивилизационный путь России», которую в течение последних лет осуществляет Совет. Наши позиции сближает и тот факт, что одним из членов Совета с момента его организации был Святейший Патриарх Кирилл, в то время митрополит Смоленский и Калининградский.

Базовая установка, которой придерживается Научный совет, заключается в том, что исходный принцип построения исследовательских программ и осуществления их мониторинга — это природный и культурный синтез. При этом сразу следует отметить, что мы рассматриваем природный и культурный синтез в двух аспектах — процессуальном и результативном. Внимание фиксируется, с одной стороны, на взаимном влиянии природных и социальных факторов в цивилизационном развитии и, соответственно, на становлении междисциплинарных парадигм в науках о цивилизации, а с другой стороны, на инвариантных, метаисторических характеристиках российской цивилизации и других локальных цивилизаций.

Российская цивилизация формировалась под влиянием множества природных факторов. В первую очередь следует остановиться на пространственных и географических характеристиках, начиная с бассейнового принципа организации пространства, диктующего масштабы «государственного тела»: Россия была и остается самым крупным государством планеты. При этом достаточно даже беглого взгляда карту, чтобы понять, что большая часть державы — ее северные территории.

С этим фактором связан еще один аспект деятельности Совета — региональный подход к оценке и изучению природного и культурного наследия. Важно напомнить в этой связи о ресурсном потенциале цивилизационного развития, поскольку львиная часть этого природного наследия (ресурсных «кладовых планеты» и стратегических резервов развития мировой технологической цивилизации) также принадлежит России, в том числе и прежде всего — её северным и приарктическим регионам. Именно эти соображения позволили нам подготовить и осуществить ряд общих проектов с успешно работающим свыше 10 лет Северным социально-экологическим конгрессом. Этот интеграционный процесс нашел отражение и в организационном плане: председатель конгресса академик В.А. Черешнев в 2016 году стал, по решению Президиума РАН, сопредседателем Научного совета³.

Природный и культурный синтез — процесс, соединяющий социальные и экологические аспекты развития, который не прекращается ни на мгновение. Именно здесь скрыт источник созидательной социальной и духовной энергии русского народа, под которым, как уже говорилось, мы понимаем не только и не столько великороссов и не только суперэтнос, сколько уникальный сплав многих народов, считающих Россию своим Отечеством и (или) центром единого цивилизационного пространства. Этот живой источник щедро питает многоцивилизационный мир, насыщая каждую культурную ветвь единого цивилизационного дерева. Он

³ Постановлением президиума РАН «Об утверждении состава Бюро Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия» от 28 июля 2016 г. сопредседателями совета утверждены академики Челышев Е.П., Черешнев В.А. и член-корр. Шоба С.А.

оживляет все виды нашей деятельности — с юности и до заката, от первых движений человеческой души, постигающей красоту и краски природного мира, самые тонкие оттенки чувств, до высших проявлений национального самосознания — духа нации, которому открывается и земное, и горнее.

Этой теме особое внимание уделял Александр Сергеевич Панарин — выдающийся мыслитель, который участвовал в становлении Научного совета. В одной из последних своих книг «Православная цивилизация в глобальном мире» он писал: «Наряду с Россией — рукотворной империей продолжала существовать страна под любовным названием Русь. Понятие это — не социоцентричное, а космо- и культуроцентричное, выражающее органику нашей природы и культуры в их взаимной гармонии (коэволюционном синтезе). И интуитивно каждый знал и знает, что носителем этого феномена, одновременно космического, теллурического и духовного, явилась особая общность крестьянский мир, народ крестьянский (он же — христианский)»⁴.

В научном плане природный и культурный синтез — своего рода методологический ключ к пониманию внутренней взаимосвязи естественнонаучного знания и гуманитарных дисциплин, отправная точка в попытке постичь внутреннее сходство законов творения с законами творчества, природных процессов с механизмами зарождения, становления и развития народов, государств, цивилизаций. Для того чтобы пояснить этот тезис, достаточно упомянуть о двух основных подходах к пониманию сущности природного и культурного синтеза — методологическом и культурно-историческом.

В методологическом плане феномен природного и культурного синтеза диктует необходимость организации и проведения скоординированных междисциплинарных естественнонаучных и гуманитарных исследований, поскольку только соединение усилий различных наук открывает сущность социальных и природных феноменов, механизмы межцивилизационных контактов. Акцент на методологической стороне исследований стимулирует возник-

⁴ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 68.

новение и институционализацию новых и продуктивных научных направлений, а также ориентирует научный поиск на применение продуктивных идей в практической деятельности. Одно из наиболее интересных практических «приложений» теории природного и культурного синтеза — деятельность по изучению, сохранению и защите мирового и национального природного и культурного наследия, включая сюда и наследие народов Российского Севера. Здесь мы наблюдаем тот редкий случай, когда ради благой цели соединяются методы современной науки и инструменты политической власти. Собственно, именно для этой цели — объединения усилий науки, политики, а также основных институтов гражданского общества и церкви во имя предотвращения грубых и непоправимых стратегических ошибок, разрушающих природно-культурный синтез, — и был создан Научный совет при президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия.

Культурно-исторический подход, в свою очередь, позволяет рассматривать природный и культурный синтез в контексте становления и развития народов как особый тип социокультурной преемственности и наследования культуры. Именно этот подход открывает взаимопроникновение форм культуры, взаимосвязь наук, искусств и других видов деятельности, что позволяет накапливать, сохранять и передавать будущим поколениям ценности, определяемые как природное и культурное наследие. Только такой взгляд на феномен наследования открывает просвещённому сознанию вечную истину: самобытное достояние каждой цивилизации и каждого народа — большого и малочисленного — имеет право на уважение и защиту, что позволяет преодолеть ограниченный, а в настоящее время и крайне опасный «цивилизаторский» образ мышления. В соответствии с ним мир делится на избранные народы, провозгласившие себя цивилизованными, и все прочие народы, которые, по логике цивилизаторов, могут быть отнесены к варварам. Именно такая классификация служит для обоснования и оправдания насильственных мер по насаждению «мирового порядка» и якобы цивилизованных форм правления.

Ответной реакцией на подобную модель мироустройства является искусственно подогреваемое противостояние цивилизаций,

иногда рассматриваемое как источник якобы неизбежных межцивилизационных войн. Напомним в этой связи суждение Гегеля, не без основания полагавшего, что «цивилизованные нации рассматривают другие народы, отстающие от них в субстанциальных моментах государства (скотоводческие народы — охотничьи; земледельческие народы — те и другие), как варваров и неравноправных им, а самостоятельность этих народов — как нечто формальное и соответственно относятся к ним»⁵.

Культурно-исторический подход выявляет и генетически заложенное, и благоприобретённое в процессе исторического становления родство цивилизаций, о котором чаще всего забывают под деструктивным влиянием политических распрей или идеологических противоборств. Для того чтобы проиллюстрировать эту мысль, можно соотнести уникальные характеристики русской (российской) цивилизации, с одной стороны, и совершенно не похожие характеристики иных цивилизационных миров. К примеру, в России издавна сложились и до сих пор актуальны три направления общественной мысли. Первое — славянофильское, или почвенническое, акцентирующее внимание на самобытности, а не на превосходстве русской культуры, как пытаются нас убедить иные интерпретаторы творческого наследия Хомякова и Аксакова. Второе — западническое, выделяющее заёмный характер русской культуры и необходимость её дальнейшей «европеизации», но не отрицающее (во всяком случае, в наследии таких западников, как Белинский или Герцен) положительного начала в собственно национальном содержании культуры. И наконец, третье направление — евразийское, которое ставит во главу угла синтез исконного и заимствованного. При этом речь идет о «заимствовании» не только у Запада, но и у Востока, с одним весьма существенным уточнением: вряд ли в русской культуре, в силу геополитического положения государства российского, можно выделить чисто европейские или чисто азиатские элементы.

Столь широкий тематический диапазон, в котором работает наш Научный совет, стал доступен благодаря тому, что в состав

⁵ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 373.

Научного совета и постоянно действующего Совета конгресса вошли крупные учёные, за каждым из которых стоит целая область научного знания. К сожалению, в последние годы из жизни ушли выдающиеся люди, внёсшие огромный вклад в нашу общую работу. Среди них назову имена Д.С. Лихачева, Б.В. Раушенбаха, Н.И. Толстого, Д.С. Львова, Б.С. Ерасова, В.В. Кожина, А.С. Панарина, а также совсем недавно ушедших Г.В. Добровольского и С.Л. Тихвинского. Их работы никогда не утратят своей научной ценности и актуальности.

Сформулируем несколько тезисов, которые позволяют если не раскрыть, то, во всяком случае, зафиксировать некоторые важнейшие, с нашей точки зрения, особенности российской цивилизации и свойственного ей синтеза.

1. Российскую цивилизацию отличает двойственный характер, что связано с её синтетической евразийской природой и масштабами её северных территорий, сосуществованием и взаимодействием различных цивилизационных типов, свойственных Европе, Азии и народам Севера (как уже отмечалось, программа Научного совета тесно связана с исследовательскими планами Северного социально-экологического конгресса).

2. В становлении и развитии российской цивилизации и российской государственности большая роль исторически отведена православию, без чего не понять специфики духовной и культурной жизни России, а также природы её поликонфессиональности. Религиозная веротерпимость является залогом гармоничного многовекового развития России.

3. Особенностью российской цивилизации является также её многонациональность и многоязычность при сохранении особой роли русского языка. Решение национально-языковых вопросов является одним из важнейших факторов укрепления национальной безопасности России и сохранения исторически сложившейся полиэтнической структуры регионов, что соответствует государственным интересам России. При этом русская культура несводима к этническому или национальному субстрату, хотя, несомненно, несёт в себе характеристики обоих этих уровней. В прошедшем году под эгидой нашего Научного совета и Института языкознания

РАН вышел фундаментальный труд, посвящённый этой тематике и подводящий итоги большой исследовательской программы, — «Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России»⁶.

4. Русский язык является одной из главных основ российской цивилизации, языком государствообразующей нации, важным средством межнационального общения и укрепления российской цивилизации. В становлении и развитии культурного наследия России доминирующую роль играет и великая русская литература, которая выступала как носительница современного просвещения, разума и гуманизма.

5. Для того чтобы выявить специфику российской цивилизации и, что не менее важно, расширить возможность прогностического видения цивилизационного развития России, необходимо учитывать связующие нити между различными элементами и сферами социокультурной и демографической, экономической и политической структуры российского общества. Именно на это обстоятельство постоянно обращал внимание Д.С. Львов. По его мнению, по всем прогнозам, которые сегодня имеются, нельзя игнорировать факторы, угрожающие существованию российской цивилизации. Говоря о причинах этого разрушительного процесса, Львов указывал на феномен социального расслоения, масштабы которого несовместимы с принципом цивилизационной целостности.

6. При рассмотрении современного состояния российской цивилизации следует иметь в виду нарастание противоречий между разнонаправленными, но взаимосвязанными тенденциями: с одной стороны, социокультурной унификацией, обусловленной общей направленностью смены технологических укладов и динамикой научно-технического развития ведущих стран, и, с другой стороны, стремлением сохранить традиции, обеспечивающие социальную устойчивость и цивилизационную идентичность. По-

⁶ Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. академика Е.П. Чельшева. Научный совет при президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия; Институт языкознания. М.: Азбуковник, 2017.

этому проблеме следует рассматривать в контексте глобализационных процессов, происходящих в современном мире, и с учётом особых социальных и экологических рисков, с которыми сопряжено освоение особо уязвимых территорий, в первую очередь, северных регионов и приарктических зон.

7. Следует иметь в виду и столь важный аспект поставленной проблемы, как особая роль Российского государства, которое, в отличие от многих стран Запада, служило не только дополнением, но зачастую и заменой собственного цивилизационного устройства. При этом, как справедливо отмечал А.С. Панарин, Российское государство основывалось не на идее государства-нации, как это было свойственно западной политической культуре с характерным для неё принципом доминирования одного этноса (по этой причине национализм эпохи модерна зачастую был атеистическим). Напротив, оно строилось на идее «семьи народов», что и стало гарантом поддержания устойчивого межэтнического синтеза. Такой синтез, обеспечиваемый государством, — одна из существенных особенностей цивилизационного устройства, от которого Россия не может отойти без утраты своего цивилизационного качества. Мысль эта особенно важна при анализе советского общества с позиций цивилизационных. В книге Б.С. Ерасова есть раздел «Советская система как цивилизация». Мне кажется, что некоторые её положения, сформулированные в недавние времена, когда было принято лишь в чёрном свете изображать этот период в истории России, заслуживают внимания и сегодня.

8. Наше исследование российской цивилизации должно, по возможности, вестись на широком междисциплинарном поле, включать в себя такие важные аспекты, как изучение эволюции военной мысли, оборонных и военных традиций, их использование для укрепления безопасности России, а также изучение культурного наследия российской эмиграции как неотъемлемой части общенациональной культуры России.

9. Важное место в нашей совместной работе уделено также проблеме соотносённости российской цивилизации с мировым обществом, формированию образа России за рубежом и образа зарубежных стран в сознании граждан России.

10. И наконец, наиважнейшим направлением работы должно стать, как уже отмечалось, исследование географических, природных, климатических факторов зарождения и существования единой, но многоликой российской цивилизации — проблема, которой в течение длительного времени по соображениям, далёким от науки, у нас не уделялось должного внимания.

* * *

Подводя итоги сказанному и предвосхищая ожидания читателей нашей книги, важно ещё раз отметить, что вступление в «права наследия» предполагает не только усилие «опекунов» в лице государственных структур и благотворителей, обладающих необходимыми ресурсами и понимающих роль наследия в сохранении жизни, но и усилия самих потенциальных наследников. Именно поэтому одна из ключевых задач нашего времени — повышение активности местных органов самоуправления и всех институтов гражданского общества, постоянное расширение прав и, что особенно важно, материальных и иных ресурсов, которые находятся в их распоряжении. При этом нельзя забывать, что солидарность российского общества держится на соборности, на объединяющей силе духовной жизни.

Есть и ещё одна важная опора успешных программ по защите наследия — это так называемые однопроблемные движения культурной или экологической, к примеру, направленности. Речь идёт о неправительственных организациях, которые приобретают в последние годы столь значимый вес в национальной и мировой политике, что иногда от их позиции зависит само определение стратегических приоритетов на всех этапах власти в большей степени, чем от позиции государственных органов и основных субъектов международного права.

Но самое главное и трудное — соединить все эти возможности в единую силу. Лозунгом, который мог бы предельно сжато определить цели такого единения, мог бы стать всего один термин, вошедший в последние годы в язык политики, фундаментальной науки и культуры. Этот универсальный термин — качество жизни, которое начинается с качества среды обитания: природной, культурной, информаци-

онной, языковой. Этот список можно продолжать до бесконечности, допустив в качестве аксиомы равнозначность всех этих составляющих, наполняющих жизнь человека и социума смыслом.

Качество жизни в принципе не сводится ни к одному из факторов. Оно не сводится, конечно, и к критериям оценки уровня жизни и потребления, хотя включает и эти критерии, с учётом всех остальных, и, в первую очередь, с учётом этнокультурной и цивилизационной специфики регионов планеты. Среди этих регионов особую роль играют государства-цивилизации и, естественно, Россия, которая выстраивает особые отношения с другими государствами-цивилизациями, такими, к примеру, как Индия, Китай или Япония. В числе отличительных характеристик локальной цивилизации выделяют обычно её конфессиональную основу (доминирующую культуруобразующую конфессию), устойчивую государственную систему и общее языковое пространство (государственный язык).

Цивилизационный подход к проблеме наследия открывает нашему сознанию внутреннюю логику подлинной истории народов и культур. Но он очень тяжело даётся «разделённому сознанию», которое характерно для эпохи «мирового разделения труда» и узкой специализации во всех сферах науки и профессиональной культуры. По этой причине мы, люди, живущие в XXI веке, в информационном обществе, где, казалось бы, любые знания могут накапливаться и транслироваться в колоссальном объеме и в режиме текущего времени, что, по идее, должно сделать их общедоступными, можем знать в действительности только очень немного, ибо даже самые достоверные знания об отдельных законах и тенденциях фрагментарны и отгорожены друг от друга защитной оболочкой узкодисциплинарной специализации.

Эту междисциплинарную «отгороженность» не могут преодолеть ни люди, далекие от науки, ни учёные и самые высококлассные специалисты, ни те, кто берёт на себя ответственность принимать решения в области социальной, культурной и экологической, научной и образовательной политики, где и решаются (или не решаются) многие проблемы, связанные с системным изучением и комплексной защитой наследия. Как собрать эти знания воедино, чтобы не обесценить их? И где можно найти ту основу, которая

способна стать центром притяжения, поскольку не поддается коррозии, идущей от узкопрагматичного отношения к целям социального и культурного развития?

Чтобы ответить на эти и иные вопросы, связанные с поиском механизмов наследования, важно объединять усилия научных организаций и общественных движений, ведущих учёных и специалистов, представляющих самые различные области профессионального знания, а также деятелей культуры, обладающих способностью «вживания» в культуру и творческим даром её постоянного обогащения. В этом ряду особое место, разумеется, должно быть отведено деятелям церкви — хранительницы цивилизационного кода — и людям, избравшим политическую стезю, а потому взявшим на себя ответственность за безопасность и сбережение среды обитания, за качество жизни всех слоёв общества. Многие из деятелей культуры, созидателей и защитников традиции сами становятся со временем частью общего культурного наследия, принадлежащего народу.

ВВЕДЕНИЕ

Русская цивилизационная идентичность: живое наследие и условия наследования

Идентичность и «принцип живой кровли»: замысел исследовательской программы «Цивилизационный путь России»

Деятельность Всемирного Русского Народного Собора направлена на сохранение и развитие российской цивилизационной идентичности, защиту мировоззренческих основ российской государственности. ВРНС — российский и международный центр цивилизационной солидарности, своеобразная лаборатория и трибуна межпартийного диалога в интересах консолидации российского общества на основе общих базовых ценностей. В функции Экспертного центра, созданного при ВРНС, входит научно-аналитическое обеспечение его деятельности, вовлечение в совместную работу над программами и проектами Собора ведущих учёных и специалистов, представляющих крупные научные и образовательные центры, а также профильные экспертные структуры в органах законодательной и исполнительной власти.

Примером такого сотрудничества может служить исследовательская программа «Цивилизационный путь России», которую в течение ряда лет осуществляет Научный совет при президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия в тесном взаимодействии с Экспертным центром ВРНС. К её осуществлению привлечены Институт наследия имени Д.С. Лихачева и философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (координатор программы в МГУ — кафедра философии политики и права), экспертные центры Феде-

рального Собрания России и другие организации. Программа нашла отражение в этой книге и открыта для широкого соборного обсуждения.

Среди основных задач программы — систематизация цивилизационных теорий и школ, в том числе и конкурирующих. Мы исходим из принципа уважения к плюрализму научных идей: каждая из концепций, вошедших в научный оборот, имеет право на существование, поскольку по-новому открывает какой-либо аспект цивилизационного развития и имеет своих сторонников или адептов. Наша задача — выявить эвристический и методологический потенциал различных научных концепций, найти рациональное зерно в каждой позиции, не забывая, конечно, о границах доступного отдельным методам. Но плюрализм в науке не тождественен идеологической всеядности, особенно когда речь идёт о сохранении культурного наследия и защите национального суверенитета России.

Цивилизационные теории нередко критикуются или замалчиваются в целях политической индоктринации и манипуляции сознанием миллионов людей. В результате из массового сознания искусственно вымываются традиционные ценности и признаки цивилизационной идентичности под предлогом приоритета ценностей открытого общества. Однако сама политическая доктрина открытого общества, теоретическим основанием которой послужила книга К. Поппера «Открытое общество и его враги», полностью базируется на «идее врага», служащей для консолидации «цивилизованного мира» перед лицом общей угрозы. А в качестве такой непреходящей угрозы западной цивилизации в течение двух последних столетий всегда назначалась Россия и русская, или российская, цивилизация. Методология программы позволяет различать цивилизационный дискурс в науке и идеологический дискурс, который присутствует в сфере научного познания, но явно доминирует в международной и внутренней политике, а также в медийной сфере. При этом особо выделяется сфера образования и культурной политики, где принципиально важно защищать культурную и цивилизационную идентичность от примитивизма и политизации.

В основе цивилизационной идентичности, в отличие от идеологической идентификации, лежит глубинная потребность человека в духовной солидарности с ушедшими и будущими поколениями, чувство личной сопричастности к судьбе отчей земли и собственного народа, что наполняет жизнь новым смыслом. Носителями российской или русской цивилизационной идентичности являются миллионы людей, принадлежащих к различным этническим и религиозным группам, а также целые народы и народности. Их объединяет общая историческая судьба, коллективная память и единая система ценностей, выработанных столетиями в результате опыта совместной жизни на обширной территории России. Все они внесли свою лепту в становление Русской цивилизации и потому по праву считают себя её наследниками. Но считаться наследниками и являться наследниками — далеко не одно и то же: наследники должны быть достойны собственного наследия.

По сути, цивилизационная идентичность — это одновременно и качество — личностное качество отдельного человека или качество социума, свидетельствующее о праве на наследование, — и сам процесс наследования цивилизационных признаков (самоидентификация), и живое ядро, главная составляющая часть этого колоссального наследия, неразрывно связанная со всем многообразием культурного и природного наследия. Всё это предполагает процесс самопознания и самоидентификации, который далеко не всегда фиксируется сознанием, ибо составляет часть повседневной жизни. Этот процесс играет судьбоносную роль в становлении каждой личности и любого народа. Цивилизационная самоидентификация расширяет не только жизненные горизонты отдельного человека за пределы его личного существования, но и раздвигает временные горизонты великих наций и малочисленных народов за границы узконациональных интересов и конкретной эпохи. Это требует от человека осознания собственного призвания, а от народа — сознания своей миссии в мировой истории и солидарной ответственности за судьбу всего человечества, мировой цивилизации.

Цивилизационная самоидентификация не исключает, а предполагает другие формы самоидентификации: гендерной и возрастной, этнокультурной и религиозной, социальной и профессиональной,

политической и гражданской. При этом цивилизационная идентичность не всегда соответствует гражданской принадлежности, которую в настоящее время можно сменить или приобрести либо в силу обстоятельств (изменение государственных границ, распад некогда единых государств и возникновение новых государственных образований и союзов), либо на основе личного выбора.

Принципиально важен тот факт, что цивилизационная и религиозная идентичность во многом тождественны. Дело в том, что локальные цивилизации отличаются, прежде всего, по признаку доминирующей конфессии (например, западно-христианская и восточно-христианская, буддийская и исламская цивилизации). Это не означает полного совпадения идентичностей, так как цивилизационная самоидентификация не является привилегией верующих и далеко не всегда совпадает с их представлениями и познаниями. Но, с другой стороны, она требует как от верующих, так и от неверующих людей глубочайшего уважения к религиозным традициям и святыням своего народа, а также к традициям и святыням других народов, что, в свою очередь, стимулирует поиск необходимых знаний по истории собственной цивилизации.

Исторически сложившееся конфессиональное многообразие внутри локальных цивилизаций не исключает значимости доминирующей конфессии и не преуменьшает ту роль, которую играет сосуществование различных конфессий в рамках единой цивилизационной общности. Напротив, эта роль постоянно возрастает в современном мире, ибо от уровня взаимопонимания между представителями религиозных общин внутри отдельных государств непосредственно зависит международный климат и характер взаимодействия различных локальных цивилизаций.

Потребность в цивилизационной идентичности объясняется тем, что именно она сохраняет высший, сакральный смысл бытия и ценность освящённых многовековым опытом традиций. Следуя им, люди объединяются в семьи, семьи — в поколения, поколения — в народы, а народы сливаются в единую цивилизационную семью народов, сохраняя благодаря этому свою самобытность и уникальность. Само понятие «цивилизация» как противопоставление варварству и дикости было введено в язык европейской науки и

политики, по мнению выдающегося филолога Э. Бенвениста, графом де Мирабо в эпоху французской революции, носившей выраженный антиклерикальный характер, но, тем не менее, неразрывно связано с религиозными чувствами. По словам Бенвениста, «сегодня нам трудно представить себе славу и авторитет, которыми автор «Друга людей» пользовался не только в кругу физиократов, но и во всём интеллектуальном мире в течение целых десятилетий, по крайней мере, вплоть до первой четверти XIX в. Мы можем оценить его воздействие на умы по пылким свидетельствам тех современников, которые пламенно восприняли его учение». Само слово *civilisation* впервые встречается в его сочинении «Друг людей, или Трактат о народонаселении» в 1757 году. По мнению Мирабо, служители религии по праву занимают первые места в хорошо устроенном обществе, а «религия, бесспорно, наилучшая и наиболее полезная узда человечества; это главная пружина цивилизации; она наставляет нас и беспрестанно напоминает нам о братстве, смягчает наше сердце»⁷.

Позднее представление об общечеловеческой цивилизации как о сумме достижений человеческого разума свело значение этого понятия к идее поступательного развития и технического прогресса, носителем которого провозгласили себя «развитые страны», а варварами стали называть все другие государства и народы, которые должны быть «цивилизованы» Западом ценой полного или частичного отказа от собственной цивилизационной принадлежности. Это значение проникло в язык политики и публицистики, а также массового образования. Но в мировой науке о цивилизации со времён Н.Я. Данилевского доминируют теории, признающие многообразие локальных цивилизаций, отличительным признаком которых является религиозная идентичность.

Во всех наиболее влиятельных научных теориях и школах особо выделяется русская (или российская) цивилизация. А к варварству, соответственно, относится «цивилизаторство», то есть любые попытки насильственно или «мягкой силой» (то есть пропагандой своих ценностей и подкупом элит, обманом и хитро-

⁷ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 387.

стью) уничтожить или стереть с лица земли это многообразие. Поэтому так важно донести до каждого человека знания о его цивилизационной принадлежности через систему образования, которое не должно превращаться в инструмент политики, направленной на унификацию мира. В настоящее время цели, методы и стандарты общего и специального образования почти повсеместно исключают даже ознакомление с азами знаний о собственной цивилизации и о ее исторической миссии.

Подлинная мировая цивилизация складывается из обособленных и самобытных цивилизационных общностей, которые иногда называют субцивилизациями. В противном случае сам прогресс превращается в свою полную противоположность — из созидательной силы в силу, разрушающую цивилизационное и природное многообразие мира, которое является основой жизни и гарантом сохранения природных систем. В результате сама общечеловеческая цивилизация становится опасной утопией и фикцией.

Цивилизационная идентичность напоминает, если провести аналогию с живой природой, корневую систему, связывающую народы с родной землей, святынями и культурой предков. Верность цивилизационному наследию позволяет народам, с одной стороны, сохранять свою самобытность («живые корни» локальной цивилизации), а с другой стороны, подняться над узкопрагматичным отношением к жизни и узкоэтническим горизонтом. Последнее обстоятельство важно выделить особо, поскольку именно здесь скрыто противоядие от этнокультурных конфликтов, разъедающих общество, что особенно зримо проявилось в эпоху почти не контролируемой миграции. Обезличивание — цена, которую платит каждый, кто не устоял перед соблазном изменить своему призванию, которое есть у любого человека и каждого из народов. Богом данное многообразие локальных цивилизаций, этносов и народов, языков и культур (эти понятия фиксируют различные срезы одного и того же феномена) вполне можно уподобить биологическому многообразию по ряду причин. Назовем только две основные.

Первая причина связана с закономерностью, которая характеризует функционирование и способность самовоспроизведения

сверхсложных социоприродных систем. Её можно условно назвать **принципом живой кровли**. Суть этого принципа: относительная устойчивость и сохранность природного и социального мира обеспечивается двумя разнонаправленными тенденциями. Первая из них всем известна: естественно сложившееся региональное биоразнообразие служит основным условием и гарантом зарождения, развития, становления и сбережения всех народов и локальных цивилизаций⁸. Вторая тенденция в силу многих причин почти всегда остаётся в тени или сознательно игнорируется, хотя основная идея достаточно проста: сама этническая и цивилизационная многоликость мира становится, в свою очередь, условием и основным гарантом природосбережения, сердцевинной которого является сохранение и поддержание биоразнообразия.

Это объясняется тем, что важнейшим из факторов природосбережения становится «укоренённость» этнических групп, больших и малочисленных народов на своей земле. Каждый человек по отдельности — птица вольная: он может при желании переместиться с одного места на другое, и в этом отношении он свободен. Народу идти некуда — его жизненное пространство всегда ограничено территорией его исторического пребывания. И это не только пространство, это его социальная почва, земля отцов, Родина. Чаще всего — это земля определённой группы различных этносов и народов, имеющих не только общие корни, но и общую историю сосуществования. Если народ связан с землёй, если на земле предков — вся его судьба, изначальная память и будущность, то он врастает корнями не только в родную землю, но и в самое время, в прошлое и будущее. И тогда народу открываются и запечатлеваются в его национальной культуре и памяти временные горизонты, вполне совместимые, например, с природными временными циклами и, соответственно, с экологической картиной мира, с большими природными циклами, которым подчиняется всё живое на огромных пространствах.

⁸ И напротив, искусственно созданное биоразнообразие зачастую становится одним из факторов, разрушающих устойчивость первозданного и исторически сложившегося баланса природных систем, что ведёт к деградации биоты и представляет смертельную угрозу для жизни и сбережения народов.

Но этническое многообразие сохраняется благодаря языковой и культурной многоликости мира, которая возникает, сохраняется и поддерживается благодаря религиозному сознанию. И здесь мы подходим к самому главному — к пониманию созидательной миссии мировых культуuroобразующих религий, то есть к самой сути целостного цивилизационного видения мира.

Обоснование «принципа живой кровли» было выработано автором в процессе работы над Государственной программой развития Тверской области (территории Великого водораздела Русской равнины) в 1991 г.⁹, а позднее стало предметом обсуждения на серии престижных международных конференций и всемирных саммитов в середине 1990-х годов. «Принцип живой кровли» в различных вариациях был включён в целый ряд международных соглашений. Имеются в виду, в частности, Конференция ООН по народонаселению и развитию (Каир, 1994 г., доклад В.Н. Расторгуева на Парламентском дне конференции) и Вторая конференция парламентариев стран Восточной Азии и бассейна Тихого океана по окружающей среде и развитию (Таиланд, 1994). Основные положения были включены в итоговый документ конференции — «Пхукетскую декларацию». На пленарном заседании Международной конференции стран Азиатско-Тихоокеанского региона по проблемам изменения климата (Филиппины, 1995 г.) также был заслушан доклад по аналогичной теме, основные положения которого нашли отражение в «Манильской декларации».

Вторая причина — очевидная, но совершенно не изученная связь между разрушением биологического разнообразия в планетарных масштабах и динамикой исчезновения цивилизационного и языкового многообразия мира. Динамика подобной глобальной «декультивации» в эпоху глобализирующегося мира столь высока,

⁹ Развернутое обоснование принципа живой кровли содержится в коллективной монографии «Колодцы мира. Великий водораздел двух тысячелетий и трёх морей (серия «Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам») / Общ. редакция Расторгуев В.Н. М.: Финансовый контроль, 2004. На основании этого принципа была разработана единая типология особо ценных природных и историко-культурных территорий — см.: *Расторгуев В.Н.* Горизонты культурной политики России. Концепция Государственной региональной программы социально-культурного развития Тверской земли. Выпуск 1. Тверь, 1991.

что, по имеющимся прогнозам, уже в этом веке с этнокультурной и языковой карты мира исчезнет основная часть всех мировых языков, а следовательно, и народов. Это касается не только малочисленных этнических групп, но и великих европейских наций¹⁰.

Данная закономерность (принцип живой кровли) обнаруживается и применительно к глобальным процессам природной и культурно-языковой деградации, и применительно к сохранению полиэтнических культур и цивилизаций. Именно по этой причине многообразию языков, этносов и культур является ядром социальной политики в любом государстве, исторически соединившем судьбы многих народов. Очевидно, что это относится, в первую очередь, к России — самому крупному государству мира, многовековая история становления которого свидетельствует об уникальном опыте сбережения больших и малых народов, национальных культур и языков. Опыт этнокультурного союза — едва ли не самый ценный ресурс нашей страны, накопленный во многом благодаря миротворческой миссии Православия как основной культуурообразующей религии России. Отличительной особенностью Русской православной церкви во все времена являлось, как известно, глубоко уважительное отношение к другим вероисповеданиям, исторически представленным на территориях державы.

Цивилизационная самоидентификация направлена на консолидацию разноязычных племён, народностей и народов перед лицом новых вызовов времени, предоставляя им возможность говорить и на своих языках, и на языке межнационального общения, совместными усилиями защищать свои святыни (как общие, так и различные) и очаги от природных бедствий и врагов. Её цель — сотрудничество связанных общей культурой, историей и судьбой народов, направленное на сохранение собственной идентичности

¹⁰ Анализу феномена корреляции природных и культурно-языковых факторов, влияющих на сохранение или деградацию социоприродных систем с учетом специфики России и особенностей её северных регионов, были посвящены разработки, осуществлённые под руководством академика В.А. Черешнева и при участии автора этого текста в рамках проекта «Системный экологический мониторинг как компонент системы национальной безопасности». За разработку и реализацию этого проекта его авторы были удостоены премии Правительства РФ в области науки и техники 22 февраля 2007 г.

в глобализирующемся мире, что является условием устойчивого развития. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации, в разряд приоритетных задач государственной политики входит «предотвращение межцивилизационных разломов, формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества»¹¹.

Русская цивилизационная идентичность

Русская, восточно-христианская или российская цивилизация восходит к византийским цивилизационным и вероучительным истокам, что позволяет её называть православной цивилизацией.

Само многовариантное название нашей цивилизации связано с тысячелетней российской историей, которая наполнила каждое из определений множеством смыслов, в том числе и новых, возникших в советскую эпоху и придающих представлению о цивилизации не свойственную ему «оценочно-идеологическую коннотацию», разделяющую граждан даже на уровне языкового общения. Очевидно, потребуются многие годы целенаправленной просветительской работы и специальные образовательные программы, чтобы очистить русский язык от влияния политической конъюнктуры.

Русскими во всём мире называют всех жителей России независимо от этнического происхождения, точно так же, как французами называют всех граждан Франции, к примеру. Такое самоназвание разноплеменной нации существует и в русском языке: русскими издревле называли себя не только великороссы, но и другие славянские народы России, а также и представители всех других национальностей и народностей, культур и вероисповеданий,

¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации 15 июля 2008 года // www.kremlin.ru/acts/news/785.

для которых Россия была Отечеством. По словам В.В. Путина, «для планеты мы, независимо от нашей этнической принадлежности, были и остаёмся единым народом. <...> Так было всегда»¹². По этой причине в русском языке и в других языках закрепились словосочетания: русские немцы, русские карелы, русские ненцы и т.д. В этом значении русская и российская цивилизация — синонимы, если слово «российский» применяется по отношению к России как самостоятельному государству на всех исторических этапах его становления.

После революции само имя России было заменено аббревиатурой СССР, а граждан страны стали именовать советскими людьми. В годы Великой Отечественной войны это имя стало символом коллективного подвига и сплоченности народов страны перед лицом общей опасности, но со сменой политического строя вышло из употребления. В настоящее время в Российской Федерации ещё не устоялось самоназвание граждан, хотя часто используется в этом значении слово «россияне», но оно до сих пор воспринимается как «идеологически окрашенное». А слово «российский» может применяться как по отношению к неразделённой стране, так и в новом значении — по отношению к территории Российской Федерации, что также порождает трудности, поскольку российская цивилизация не ограничивается пределами современной России.

Аналогичная ситуация сложилась и с самоназванием русских в этническом плане, что затрудняет их этнокультурную самоидентификацию. Русские в узкоэтническом смысле слова — это великороссы как наиболее влиятельная и многочисленная этническая группа в России, давшая миру удивительный язык, вошедший в число немногих мировых языков, но крайне редко использующая слово «великороссы» в качестве этнического самоназвания. Это объясняется иммунитетом, свойственным великороссам, к этнонационализму и националистической идеологии, которая получила огромное распространение среди большинства народов в XX веке.

¹² Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // www.kremlin.ru/events/president/news/17118.

Такая невосприимчивость связана с рядом исторических причин, главная из которых заключается в том, что великороссы никогда не были на грани полной утраты своей этнокультурной идентичности. Гарантами сохранения идентичности служила доминирующая численность великорусского этноса в пределах самой крупной державы мира, обладающей колоссальным потенциалом, а также сам государственный великорусский (русский) язык как язык межнационального общения, распространённый на всей территории страны без существенных диалектных барьеров, а также великая русская литература, ставшая частью мировой культуры. В силу этих особенностей русскую цивилизационную идентичность многие великие мыслители называли всечеловеческой.

Русскими по духу или по происхождению называет себя и многомиллионная армия наших соотечественников из ближнего и дальнего зарубежья, для которых языком общения служит русский (великорусский) язык. При этом зарубежные соотечественники, иногда лишённые возможности поддерживать тесные контакты с родиной, зачастую сами являются носителями коллективной цивилизационной памяти, которая не всегда сохраняется у граждан России уже по той причине, что они не ощущают опасности её утраты, или в силу воздействия государственной политики, направленной на её принудительное изменение. По этой причине огромную роль в укреплении национальной и цивилизационной идентичности сыграли восстановление отношений с зарубежными соотечественниками, особенно с потомками «первых волн» эмиграции, и объединение Русской православной церкви, осуществлённое при деятельной поддержке политического руководства России (Акт о каноническом общении РПЦ и РПЦЗ).

Не следует забывать, что русскими называют и мощный, а в историческом плане — государствообразующий славянский этнос (суперэтнос), включающий в себя великороссов, белорусов и малороссов, связанных духовными и кровными узами, единством веры и общим литературным языком. Но на рубеже веков и это понятие выходит из общего употребления в результате государственного разделения и русофобской политики на Украине, что нанесло непоправимый ущерб единству русской цивилизационной

идентичности, умноженный политизацией цивилизационной теории и появлением её конъюнктурных псевдонаучных версий.

Кроме того, уже не одно столетие русскими называют себя православные люди, что также имеет своё обоснование и не противоречит другим значениям этого слова. Русская православная церковь, доминировавшая в России (по этой причине во многих теориях русская цивилизация именуется православной), во все времена отличалась искренним уважением к другим конфессиям, представленным на исторических территориях единого государства, и бережным отношением к инославным согражданам. Это во многом объясняет тот факт, что Россия не знала межконфессиональных войн, а этнические противоречия и конфликты всегда разрешались миром. В настоящее время искусственные границы разделили по живому и нацию российских граждан, и единый русский этнос, а русские превращены в самый большой разделенный народ на планете, что разрушает единство нашей цивилизации, провоцируя гражданские и межэтнические войны нового типа. После развала Советского Союза, по словам В.В. Путина, «25 миллионов русских людей в одну ночь оказались за границей, и это реально одна из крупнейших катастроф XX века»¹³.

Все эти «живые значения» русскости, закреплённые в великом русском языке и других языках мира, отражают многомерность и уникальность цивилизационной идентичности России. Они имеют право на существование и сосуществование, так же, как и мы имеем право выборочно использовать их в каждом конкретном случае. Эта «перегруженность смыслами», с одной стороны, иногда порождает непонимание и провоцирует споры, но, с другой стороны, позволяет каждому образованному человеку, принадлежащему к русской цивилизации, глубже понимать её своеобразие и взаимосвязь с другими культурными мирами, а также природу и ценность собственной идентичности.

Едва ли не главная историческая особенность России, открывающая суть её предназначения, заключается, по определению

¹³ Интервью В.В. Путина Оливеру Стоуну // РИА Новости. 13.06.2017 // ria.ru/politics/20170613/1496353896.html.

Святейшего Патриарха Кирилла, в том, что «нашими рубежами являются и наши мировоззренческие установки, стоящие на страже нашей цивилизационной идентичности. Сердцевиной нашей цивилизации в социальном смысле является русский народ, главный созидатель Российского государства. В духовном же смысле такой сердцевиной, несомненно, является православное христианство, которое, собственно говоря, и сформировало единое централизованное большое государство на евразийском пространстве»¹⁴.

Об удивительной стойкости цивилизационной идентичности России и русских, а также каждого из народов нашей страны свидетельствуют важнейшие вехи отечественной истории, которые можно проследить по «параду событий» (великих юбилеев), который мы наблюдали во втором десятилетии XXI века. Среди них — 400-летие преодоления Смуты, когда на защиту православной идентичности поднялся весь народ (событийный ряд 2010–2012 гг.), и 200-летие со дня «Нашествия двенадцати языков» (2012–2014 гг.), совпавшего с юбилейными датами Великой Отечественной войны. И конечно, событийный ряд 2013–2018 гг., который ведёт отчёт от 100-летия расцвета династии Романовых до 100-летия её гибели в огне революции, которая произошла на фоне мировой катастрофы и крушения основных европейских империй. Об этом же говорят результаты переписи населения 1937 года. Большинство граждан открыто заявили о своем вероисповедании. Их оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн против 42,2 млн, или 56,7% против 43,3% от всех выразивших свое отношение к религии. В самом начале Великой Отечественной войны, почти сразу названной священной, отношение государства к церкви резко изменилось, а первое же обращение вождя и главнокомандующего к народу начиналось со слов «Братья и сестры»...

Цивилизация России неразрывно связана со всеми ныне существующими цивилизационными мирами и, прежде всего, с западно-христианской цивилизацией, переживающей глубокий кризис своей идентичности, что позволило А. Тойнби назвать ее постхри-

¹⁴ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на I Калининградском форуме Всемирного Русского Народного Собора 14 марта 2015 г. // www.patriarchia.ru/db/text/4013160.

стианской. Русскую цивилизацию характеризует ряд существенных признаков, объединяющих её с другими цивилизациями и одновременно выделяющими её из общего круга. Соответственно, и формы нашей цивилизационной идентичности (имеется в виду реальная миссия России, которая определяет её положение в мире), идентификации (оценка нашей самобытности «со стороны») и нашей самоидентификации (самообраз русских и России) имеют существенные отличия. Всё многообразие отличий можно условно свести к 10 основным:

1. Международные отношения и межнациональное согласие внутри стран всё в большей степени зависят от уровня и характера взаимодействия между мировыми цивилизациями, что предполагает уважительное отношение к традициям, ценностям и цивилизационной идентичности всех народов. Цивилизационная идентификация и самоидентификация русского народа сохраняется в течение веков. Главная её особенность заключается в том, что русские в подавляющем своём большинстве осознают себя как народ-государственник, для которого служение своему Отечеству составляет одну из высших ценностей, во имя которой люди готовы на любые жертвы. Таким же образом воспринимаются (идентифицируются) русские в глазах мирового сообщества, хотя эта особенность оценивается совершенно по-разному — в зависимости от политических и идеологических предпочтений, от коллективной исторической памяти каждого из народов, сохраняющей свой уникальный многовековой опыт межкультурного взаимодействия, от текущих событий и их медийного освещения. Характерная для русских преданность своей стране-цивилизации объясняет способность России выстоять в великих испытаниях. Это качество является одновременно и причиной восхищения перед мужеством нашего народа, который неоднократно ценой огромных жертв спасал европейские страны от порабощения, и причиной подспудного, но вполне объяснимого страха перед мощью России и сплочённостью её народов, который культивируется и используется в политических целях, что порождает русофобию, распространённую среди западных элит. Преданность идее государства характеризует политическую культуру не только русских,

но и других народов, принадлежащих к числу стран-цивилизаций. Это сближает Россию с такими государствами, как, к примеру, Индия и Китай, что важно учитывать в сфере международной политики.

2. Цивилизационную идентичность России отличает удивительная верность религии предков, свойственная большей части этнических групп и, что особенно важно, единому русскому этносу (суперэтносу), а также самому многочисленному народу России — великороссам, или «этнически русским» (эвфемизм, укоренившийся в языке в советский период). О том, насколько глубоко цивилизационная самоидентификация проникла в сознание нашего народа, свидетельствует тот факт, что её не смогли сломить ни откровенно богоборческая государственная идеология, ни жесточайшие репрессии по отношению к верующим и к духовенству (вплоть до массового физического истребления), ни «отделение церкви от государства», а точнее — полный запрет на всеобщее духовное образование и просвещение, ни тотальная государственная цензура, которая распространялась даже на русскую классическую литературу и сам русский язык. В конце XX века, на рубеже тысячелетий, сразу после падения господствовавшей богоборческой государственной идеологии, Российское государство вернуло себе свою наиважнейшую функцию защиты цивилизационной идентичности России.

3. Наша цивилизационная идентичность впитала в себя бесценный опыт межконфессионального согласия. Это качество пришло благодаря неизменной исторической позиции Русской православной церкви, воспитывавшей не терпимость к чуждым нравам и культурам, а искреннее уважение к инославным одновременно с нетерпимостью к собственным порокам, среди которых наихудший — гордыня, в том числе этнонациональная. По этой причине установка на уважительное отношение к православию сформировалась и в других конфессиях, представленных в России и во всем мире.

4. Важная особенность российской цивилизации — единое языковое и образовательное пространство. Его становление было основано на том, что все разноязычные этнические группы полу-

чили в России защиту своих родных языков и культур (многие народы приобрели благодаря этой политике свою письменность и создали собственную литературу) и благодаря этому внесли свой воистину безмерный вклад в становление русского языка как языка межнационального общения. Именно русский язык, имеющий статус государственного на всей территории страны, и культура билингвизма, распространённая на значительной части территории России, являются всеобщим цивилизационным достоянием и условием успешного развития.

5. Российская цивилизация формировалась под влиянием множества природных факторов, которые в значительной степени определили особенности цивилизационной идентичности. В первую очередь следует отметить уникальную ресурсную базу России, которой принадлежит львиная доля всех стратегических ресурсов планеты, а также её пространственные и географические характеристики, начиная с бассейнового принципа организации пространства, диктующего масштабы «государственного тела», и особое геостратегическое положение между Западом и Востоком. Россия была и остаётся самым крупным государством планеты, причем большую часть державы составляют её северные территории, что отразилось на менталитете, образе жизни и национальном характере многих народов России, предопределив их способность выживать в самых суровых условиях, их высокий уровень доверия, межэтнической и цивилизационной солидарности.

6. Уникальность цивилизационного пути России и, соответственно, главная особенность русской, или российской, цивилизационной идентичности заключается в её универсальности, или «вселенскости», а также в неограниченном потенциале развития. На эту особенность нашей идентичности обращали внимание многие отечественные и зарубежные ученые и мыслители, предлагая самые различные объяснения данного феномена. Если следовать цивилизационной теории Н.Я. Данилевского, который видел будущее в едином развитии славянского культурно-исторического типа, наиболее полно выраженного в русском народе, специфика этого типа заключается в том, что он «будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом». Все другие локальные

цивилизации (культурно-исторические типы) относятся, по его мнению, к одноосновным, двухосновным и трёхосновным, то есть развивают по преимуществу какую-либо одну сторону народной деятельности или в сочетании с одной или двумя другими сторонами, «которые обнимали бы собой все разнообразные обнаружения исторической жизни, обозначаемые словами «культура» и «цивилизация»¹⁵. По его мнению, культурно-исторический тип России «в исторической перспективе в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, — сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма не полном соединении»¹⁶.

7. Подлинная личностная, гражданская и цивилизационная идентичность проявляется в час испытаний, в эпохи глубокого кризиса. В тот момент, когда приходится делать выбор между ценностями и приносить в жертву всё, что, казалось бы, составляет неотъемлемую часть жизни: комфорт и благополучие, выгоду и

¹⁵ Согласно классификации Данилевского, этих сторон или «категорий деления», насчитывается не более и не менее четырёх, а именно: «1) Деятельность религиозная, объемлющая собой отношения человека к Богу, — понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной, то есть, выражаясь более общими терминами: народное мировоззрение не как теоретическое, более или менее гадательное знание, во всяком случае, доступное только немногим, — а как твёрдая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека. 2) Деятельность культурная, в тесном значении этого слова, объемлющая отношения человека к внешнему миру, во-первых, теоретическое, научное, во-вторых, эстетическое, художественное и, в-третьих, техническое, промышленное. 3) Деятельность политическая, объемлющая собой отношения людей между собой как членов одного народного целого и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам. Наконец, 4) Деятельность общественно-экономическая, объемлющая собой отношения людей между собой не непосредственно как нравственных и политических личностей, а посредственно — применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания, и обработки их». Культурно-исторический тип России, по убеждению Данилевского, «в исторической перспективе в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, — сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неполном соединении» (*Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 568).

¹⁶ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 613.

престиж, а иногда и саму жизнь — во имя более высоких целей. И никто заранее не может сказать, каким будет этот выбор. То, что западная постхристианская цивилизация, отождествляющая себя с общечеловеческой, погружается в хаос и разложение, уже давно является едва ли не основной темой научно-цивилизационного, публицистического и политического дискурса. Точкой отсчёта стала Первая мировая война, которая привела к крушению основных империй, разрушила сакральные смыслы власти и превратила политические идеологии в реальные конкурирующие проекты конструирования «нового мира», «нового человека» и «новой цивилизационной идентичности», не имеющей преемственной связи с «проклятым прошлым». Сегодня, через столетие после революции, по-прежнему актуально звучит диагноз, поставленный С.Н. Булгаковым: «Поэтому так странно двойится наше историческое восприятие: для западников война эта есть крушение европеизма, катастрофа цивилизации, угашение светочей, для славянофилов же в ней таится, быть может, начало духовного возрождения Европы, освобождение из оков, обличение лжи. Роли переменялись: те, кто отрицали западничество и ощущали себя славянофилами, теперь гораздо более чувствуют себя европейцами относительно освобождающейся от бремени мещанства Европы, чем те, кто считали себя западниками и ныне стоят недоуменно пред фактом крушения их кумира»¹⁷.

8. Цивилизационная идентичность многогранна и требует самопознания, но любой узкодисциплинарный подход позволяет раскрыть лишь один её аспект, открыть взору одно из возможных цивилизационных измерений и в любом случае будет недостаточен. В мире науки, так же как в искусстве, ценятся и мастерство владения пером или инструментом (методологическим инструментарием), и уникальность авторского стиля, а также «эффект полифонии», который достигается только в «оркестре» — в рамках междисциплинарных программ, где особую роль играет «режиссёр» (руководители программы). Для того чтобы получить этот эффект полифонического, или объёмного, видения цивилиза-

¹⁷ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М., 2009. С. 413.

ции с учётом её русской идентичности, используются различные модели координации и синхронизации работы исследовательских групп над основными измерениями программы, каждое из которых дополняет общую картину. Среди основных измерений цивилизационной идентичности следует выделить философско-методологическое и богословское, конфессиональное и этнокультурное, историческое и культурологическое, социологическое и лингвистическое (в том числе лингвострановедческое), художественное и эстетическое, территориально-средовое и ресурсное, экологическое, социально-экономическое и технологическое, а также геополитическое и военно-политическое.

9. Наша цивилизационная идентичность определяется, прежде всего, личностным измерением цивилизации. Личностное измерение — это творцы: светочи духовности и великие правители — «наместники Бога на земле», герои и властители дум, то есть вся славная галерея великих русских писателей, поэтов и художников, учёных и мыслителей. Этим людям мы обязаны нашей способностью творить и мыслить на русском языке, который вошёл в узкий круг мировых языков, вобравших в себя всё богатство мировой цивилизации и многообразие культур, сохранив свою глубину и открытость для постоянного обновления. Их именами называют переломные моменты и даже эпохи отечественной и мировой истории, а также новые идеи, изменяющие со временем самосознание и самоидентификацию многих поколений и наполняющие незаёмным смыслом все сферы социальной и политической жизни. С именами людей, как бы «персонифицирующих русский цивилизационный тип», остальной мир впитывал в себя непохожий духовный опыт России. Это позволило А. Тойнби, полагавшему, что творческое меньшинство находит ответ на вызовы окружения, в результате чего и происходит рост цивилизации, назвать русским вкладом в становление современной западной цивилизации творчество русских писателей, выделяя особо наследие Достоевского и Толстого. Каждое имя в этой галерее имён — не только великороссов, но и всех, кто стал лицом русского многонационального мира, будучи телесно и духовно связанными с другими национальными культурами, — является мощным, поскольку именно личностное измерение цивилизации

наполняет её образ живыми и неповторимыми чертами, позволяя преодолеть схематизм восприятия.

10. Русская цивилизационная идентичность — это, прежде всего, творчество народа, которое не знает ни временных, ни сословных, ни профессиональных границ. Как бы ни был велик личный вклад А.С. Пушкина в развитие литературного русского языка, в формировании его литературного дара бесспорна и роль няни великого поэта.

Вывод из сказанного может быть лишь один: наследники великой цивилизации должны быть её достойны, чтобы вступить в права наследования.

ГЛАВА 1

Цивилизационное наследие, наследники и право наследования

«Обычно, когда говорят о том или ином мировом регионе в парадигме «плюрализма цивилизаций», подразумевают нечто статическое, некий устойчивый сплав истории и географии, ценностей и уклада, в которых воплощён передаваемый из поколения в поколение кристаллизованный опыт. В случае нашей православной цивилизации более уместна метафора локатора, настроенного на то, чтобы улавливать зазоры, с одной стороны, между нормативным священным текстом и повседневными общественными практиками, с другой — между универсалиями вселенского высшего, «передового» опыта и местническими уклонами».

А.С. Панарин. Православная цивилизация в глобальном мире

1.1. Цивилизационное наследие России: устоявшиеся представления и новые концепции

Понятие о цивилизации, как уже отмечалось, прочно вошло в лексикон образованных европейцев в эпоху Просвещения, что во многом объясняет неустранимую многозначность, заложенную во все ключевые понятия цивилизационной теории. Прежде всего, речь идёт о гордыне человеческого разума и о шорах европоцентризма, которые не позволяли прежде и не позволяют сейчас увидеть и признать мирозидательный потенциал живого этнокультурного многообразия, скрытого в каждой «клеточке» современного *цивилизованного мира*. В результате и глобальный мир (*мир*), выстроенный по западным лекалам, до сих пор не знает подлинного межцивилизационного согласия и устойчивого мира (*мира*). Ему

знакомо лишь временное перемирие на фоне постоянных конфликтов и локальных войн различного генезиса, чаще всего связанных с переделом планетарных ресурсов, которые неизбежно приобретают характер межцивилизационных и межрелигиозных войн и прикрываются лозунгами защиты цивилизации от варварства. Это «заряжает» понятие о цивилизации взаимоисключающими, «полярными» смыслами. Ситуация лишь усугубляется вследствие популяризации среди образованных слоёв населения ряда признанных в научном сообществе, но конкурирующих научных школ, которые, в свою очередь, тесно связаны с политическими идеологиями.

На этом фоне не удивительно, что термин «цивилизационное наследие» ещё только входит в наш язык и, как это ни парадоксально, не получил должного признания. Первые научные исследования, специально посвящённые этой тематике, появились и во всё в начале XXI века, в том числе и в отечественной литературе¹⁸. Такая удивительная «задержка» в теоретическом осмыслении этого удивительного феномена — цивилизации как национального и мирового наследия — объясняется множеством объективных и субъективных причин, некоторые из которых следует выделить особо.

Во-первых, это интегрирующее понятие, которое должно опираться на обширный пласт достоверных и систематизированных фактов, а также на методологию, подтвердившую свою эффективность в междисциплинарных исследованиях. Оно вбирает в себя все, что связано с бесконечно длинной историей становления и смены множества цивилизационных миров, включая сюда «канувшие в Лету» и существующие ныне локальные цивилизации, которые, в свою очередь, претерпели глубокие изменения в эпоху глобализации, став взаимозависимыми и накопив опыт тесного взаимодействия — как конструктивного, так и деструктивного. Именно этот опыт и составляет фундамент общечеловеческого цивилизационного наследия и служит заделом на будущее. А это

¹⁸ См: *Расторгуев В.Н.* Цивилизационное наследие славянского мира. М.: ГАСК, 2009; *Расторгуев В.Н.* Русский народ и мировое цивилизационное наследие // Проблемы культурного и природного синтеза. М.: ИИЯ, 2009.

будущее должно быть не только у наследников, но и у самого наследия.

Во-вторых, даже эта простая и, казалось бы, понятная каждому человеку мысль — о многообразии взаимодействующих цивилизаций как о фундаменте общечеловеческого наследия — нуждается сегодня не только в общественном признании и особой системе обоснований, но и в своеобразной реабилитации. Дело в том, что она противоречит более чем спорному, но явно превалирующему и устоявшемуся в массовом сознании представлению о развитии некоей *общечеловеческой цивилизации*, которая должна быть освобождена от всех препятствий на пути, ведущему к прогрессу через полную унификацию. И такая «параллельная цивилизация», которую некоторые западные политологи и прогносты иногда называют «*цивилизацией № 1*», — вовсе не миф. Она реально формируется на наших глазах, и её можно было бы отнести по ряду признаков к особой разновидности коммерческих и идеологических субкультур, если бы не масштабы и последствия её распространения в условиях глобализации и тот факт, что она легко вбирает в себя все субкультуры, включая сюда и альтернативные. Не принимает она одного — уникальности традиционных культур, своеобразия цивилизационных миров и права народов на идентичность.

Она выглядит со стороны как *цивилизация успеха*, поскольку измеряется исключительно постоянно обновляемыми научно-техническими достижениями, превращая узко понятый прогресс (прогресс как однонаправленное поступательное движение) в самоцель, а также эффективными практиками управления, которые также признаются универсальными и навязываются всем государствам и народам. По мнению бесчисленных адептов так понятой общечеловеческой цивилизации, во имя прогресса не только допустимо, но и должно пожертвовать всеми традициями и наследием многих поколений, в том числе и теми отличительными особенностями, которые выделяют локальные цивилизации и служат основой для поддержания их преемственности и самовоспроизводства. Речь идет, прежде всего, о доминирующих культуuroобразующих конфессиях (основные мировые цивилизации определяются именно

по этому принципу), оказавших глубокое и масштабное воздействие на историческую консолидацию и солидаризацию различных этнических групп и многочисленных народов вокруг единых «центров притяжения» (государств и государствообразующих народов) в интересах совместного выживания на общих территориях. При этом уникальные территориальные, природные факторы (географические, климатические, ресурсные и прочие) представляются столь же существенными в процессе возникновения, становления и сохранения самобытных цивилизаций, сколь и факторы культурные и языковые.

По этой причине узко понятое, «прогрессистское» понимание общечеловеческой цивилизации, которое базируется на сугубо утилитарной и прагматичной трактовке прогресса, ставит под вопрос отношение к основе основ общечеловеческого цивилизационного наследия — к многообразию существующих локальных цивилизаций. В результате рост темпов в сфере производства и потребления оборачивается резким и лавинообразным сокращением биологического многообразия и не менее катастрофическим уничтожением этнокультурного и языкового многообразия планеты. Не видеть глубинную связь этих процессов невозможно, но это требует анализа на стыке естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. По самым «оптимистическим» прогнозам нам грозит в течение ближайших десятилетий не только существенное обеднение экосистем, но и сокращение количества языков и наречий более чем наполовину. А по пессимистическим прогнозам, нас ожидают необратимые катастрофы, связанные с «обрушением» экосистем, и сужение языкового наследия на 90 и более процентов. Временные горизонты текущей политики (от выборов до выборов, от одной выборной или иной политической кампании до другой) не позволяют ввести в число приоритетов эту связь, так же, как и узкодисциплинарная специализация ведущих аналитиков и экспертов...

К этому следует добавить, что само понятие «природное и культурное наследие», объединяющее две стороны нераздельного целого, было окончательно введено в язык мировой политики и категориальный аппарат науки только в 70–80-х годах XX века.

Причём это тот редкий случай, когда откровенная политизация цивилизационной тематики, вызванная усилением межцивилизационных противоречий и конфликтов в современном мире, сыграла вполне конструктивную роль в пробуждении интереса, в том числе и со стороны мирового научного сообщества, к защите наследия, которое впервые было осознано как органический синтез природного и культурного достояния.

В-третьих, исследования цивилизационного наследия, а также усилия по его сбережению и приумножению требуют соответствующей институционализации, то есть организационного и правового оформления, а также ресурсного обеспечения и, разумеется, политической воли. Это требование характерно для всех типов наследия и всех форм наследования, поскольку составляет условие *легитимации наследия*. Во всём мире эта работа только ещё начинается. Первыми шагами в этом направлении следует признать создание соответствующих национальных и наднациональных структур, прежде всего, в рамках ООН и ЮНЕСКО, а также разработку модельных законов об охране цивилизационного наследия в межпарламентских структурах и соответствующую работу по совершенствованию действующего законодательства на национальном и субнациональном уровне.

В России осмысление этой наиважнейшей проблемы впервые началось в начале 1990-х годов с образования своеобразного «политико-научного тандема». Его научной составляющей стал Научный совет при Президиуме РАН по изучению и защите природного и культурного наследия, созданный в тот же период по инициативе и под руководством академика Е.П. Чельшева. А политической составляющей «политико-научного тандема» была Экспертная группа Комиссии по природному и культурному наследию Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР, работавшая с 1991 года над основами законодательства о защите природного и культурного наследия. Позднее, в 1993–1996 гг., эту эстафету принял Экспертный совет по устойчивому развитию Совета Федерации первого созыва, где был разработан проект Социально-экологической доктрины России, включавший в себя базовое положение нашей разработки — территориальный подход к

защите цивилизационного наследия России. Только в 2000 году была разработана и в 2003 году принята Экологическая доктрина Российской Федерации, в идейный фундамент которой были положены принципы системной защиты природного и культурного наследия. Проект доктрины был инициирован Общенациональным экологическим форумом при личной поддержке Президента России В.В. Путина (председатель форума — академик В.А. Черешнев). В настоящее время ведётся работа над проектом Социальной доктрины Российской Федерации, построенной на том же концептуальном основании.

Эти и другие организации с момента своего основания работали синхронно, поскольку многие из участников соединяли деятельность в экспертных советах и в Научном совете при Президиуме РАН. В этот же период был основан Российский институт культурного и природного наследия, которому было присвоено имя Д.С. Лихачева (позднее с ним слился Институт культуры), а также Всемирный Русской Народный Собор (ВРНС) под председательством Святейшего Патриарха Кирилла. ВРНС объединил интересы государственных, научных и религиозных организаций, деятельность которых направлена на изучение, охрану и развитие цивилизационного наследия России. Координация научных программ и экспертной работы в этой области была возложена на Экспертный центр ВРНС.

В-четвёртых, если столь трудно даже приблизиться к пониманию того, чем является общечеловеческое цивилизационное наследие, то ещё труднее дается изучение и легитимация, охрана и сбережение наследия самих локальных цивилизаций, а следовательно, и наследия народов и государств, временные границы существования которых не совпадают с временными горизонтами цивилизационных миров. К этому следует добавить и те проблемы, с которыми связано осмысление своих прав и обязанностей наследниками, поскольку речь идет о формировании их цивилизационной идентичности и, что особенно сложно, об их самоидентификации. Причём всё, что составляет цивилизационное наследие, относится не только к природному и культурному наследию, но и к преемственности социальных институтов. Здесь затрагива-

ется проблема обоснования и легитимности институтов государственной власти, в функциональные цели которых входит поддержание исторической преемственности.

Еще Гегель в «Философии права», рассуждая о преемственности власти, писал, что «право рождения и наследования составляют основание легитимности, как основание не только некоторого положительного права, но также и в идее». «То обстоятельство, что... благодаря естественному порядку преемства, предупреждаются махинации клики при освобождении трона, есть одна сторона, которая справедливо давно выдвигалась как довод в пользу его наследственности». С другой стороны, не следует забывать о таком критерии, как благо государства или народа, но из такого определения можно сделать взаимоисключающие выводы. Это свидетельствует, по Гегелю, о том, что в данном случае требуется не правовой, а философский подход, ибо при решении проблемы о наследовании неприемлем «всякий иной, кроме спекулятивного, способ рассмотрения бесконечной, в себе самой основанной идеи»¹⁹.

Важно учитывать и то обстоятельство, что на всех этапах становления наиболее ценные цивилизационные достижения и приобретения (природные и культурные, а также системы властных институтов) были обязаны своим появлением межцивилизационным контактам, взаимному влиянию, в том числе конфликтам и конкуренции между отдельными государствами и между цивилизациями. Для того чтобы объективно и по достоинству оценить наследие каждой из них, необходима презумпция равноценности локальных цивилизаций. А именно эта презумпция и отсутствует как на уровне научного познания, так и на уровне политики (сама категория цивилизации в большинстве западных теорий является «парной» и предполагает образ антицивилизации, то есть коллективного варвара, роль которого призваны исполнять «незападные» и, следовательно, «нецивилизированные» народы и страны). В сфере геополитики это противопоставление служит основанием для деления мира на «своих» и «чужих» с дифференциацией государств

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 310.

на страны-лидеры, страны-вассалы и страны-изгои. Эта «иерархия» официально закреплена на уровне ряда «глобализаторских» стратегий, тяготеющих к «доктрине однополярности», как на политическом новоязе называют сверхконцентрацию мировой власти в руках «старшего брата».

В-пятых, важнейшим препятствием на пути к изучению и защите цивилизационного наследия следует признать, как это ни покажется странным, характерную для нашего времени сугубо положительную коннотацию самого термина «наследие». Оно связывается сегодня и в сознании специалистов, и в массовом сознании с сугубо позитивными ценностями, накопленными историей, а также с бесспорными достижениями, которые пополняют эту «копилку ценностей». Но так было далеко не всегда. Позитивное отношение к наследию пришло на смену его утилитарно-нейтральному пониманию (в соответствии с которым ценность признается только за тем, что имеет существенную материальную стоимость или что можно приспособить к нынешним нуждам) либо на смену воинственно негативному отношению. Такое отношение граничит с полным отрицанием и отречением от собственной истории и коллективной памяти и заключается в известной формуле «наследие проклятого прошлого» и не менее известном лозунге «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...».

Что же плохого в том, что отношение переменялось со знака минус на знак плюс? Ничего, кроме новых шор, которые мешают увидеть и общечеловеческое цивилизационное наследие, и наследие мировых цивилизаций в полном объёме, без аберрации зрения. Дело в том, что наследие содержит в себе одновременно и реальные достижения предков, утрата которых означала бы потерю базовых смысловых ориентиров, и ту цену, которую придётся заплатить за эти достижения потенциальным наследникам. Оно включает в себя наряду с бесценным опытом побед и поражений опыт укоренившихся заблуждений и узость восприятия мира, которая является платой за уникальность и национальную специфику. Наследие современной техногенной цивилизации — это и катастрофы глобального масштаба различного генезиса, которые уже произошли, в том числе и те, об отдалённых последствиях ко-

торых мы ещё ничего не знаем. Это и грядущие катастрофы, на которые мы сами обрекаем наших наследников, лишая их лучших ресурсов развития и саморазвития — как природных, так и духовных. Другими словами — наследие многомерно, оно требует не только защиты для себя, но и защиты от себя...

* * *

Для большинства наследников российской цивилизации само понятие о цивилизации ограничивается, как правило, самыми общими представлениями об уровне культурного развития и о степени освоения достижений современной эпохи. Эта ограниченность вполне объяснима: традиционные формы наследования, то есть накопления и передачи опыта от поколения к поколению, давно вытеснены из народной жизни универсальной и во многом обезличенно-обезличивающей образовательной системой. В школьных и вузовских программах и стандартах почти полностью отсутствует сколько-нибудь систематизированное знание о многообразии цивилизаций, и даже о собственной цивилизационной идентичности, о наследии и праве на наследование. Эффект усиливается из-за постоянного прессинга массовой культуры и коммерческих субкультур, характерного для массмедиа и интернет-реальности, то есть для «цивилизации № 1».

Надо отметить, что в России возникает и усиливается понимание значимости этой проблемы, которое явно не соответствует уровню общественного интереса к самой теме цивилизационного наследия и степени научной разработанности этой темы (первые отечественные исследования появились в середине и в конце 90-х годов прошлого века). Об этом свидетельствует, в частности, и перечень поручений Президента (Пр-2440, п.7)²⁰, в котором Министерству образования и науки совместно с Министерством культуры РФ поручено представить предложения о дополнении федеральных государственных стандартов общего образования разделом «Цивилизационное наследие России».

Природа невосприимчивости к цивилизационной проблематике в целом и проблеме цивилизационного наследия объясняется двояко.

²⁰ См.: www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56263.

С одной стороны, кардинально изменилась вся информационная среда, из которой люди черпают свои представления об окружающем мире. Она стала *злободневной*, сузив временные горизонты человека, погружённого в информационный поток, до текущих событий, до современности в режиме онлайн. За границами восприятия остаются те временные горизонты, в которых живут историческая память поколений и сами цивилизации. А эти временные горизонты — столетия и тысячелетия, вечность и метаисторическое измерение истории. С другой стороны, происходят глубинные изменения в жизни самих мировых цивилизаций, всё с большим трудом воспроизводящих свою специфику в эпоху глобализации, принудительной ломки культурных границ и традиционных укладов. Но в России эти процессы были осложнены столетием насильственного выкорчёвывания истории. А в наше время — инертностью государственной образовательной и информационной политики, так и не сумевшей окончательно избавиться от столетнего господства воинствующего антиклерикализма.

Предвзятое и настороженное отношение к возрождению религиозной жизни мешает признать, что цивилизационное наследие, ядром которого является, как известно, религиозная идентичность, имеет какую-то иную ценность, кроме «музейной». Декларируемый отказ от богоборческой идеологии, который должен был возродить интерес к цивилизационным основам государственного строительства, совпал с распадом единого государства, со сменой всех институтов власти и форм собственности, с возникновением новых границ, разделивших народы страны. Кстати, сам отказ от всех идеологий, как впрочем, и их запрет, всегда остаётся чистой декларацией, поскольку любая политическая идеология по своей сути не совместима с религиозным мировоззрением, а призывы к деидеологизации служат всего лишь прикрытием «победившей идеологии». Впрочем, и эта условная «победа» может быть одержана только формально и локально, в условиях жёстко тоталитарного режима.

Все это лишь усугубило «подозрительное» отношение к собственному цивилизационному наследию — и имперскому, и советскому (с позорным ярлыком «совковое») — как «наследию прокля-

того прошлого». Однако дефицит знаний не мешает людям ощущать свою причастность к той реальной цивилизационной общности, которая в течение столетий объединяет многие поколения.

В чем заключается жизненная сила этой общности? Миллионы разделённых людей и целые народы, которые разошлись по новым государственным образованиям, объединены тысячелетней общей историей, бесценным опытом сосуществования и взаимного культурного обогащения, схожим пониманием базовых ценностей и почитанием святынь. Не меньшую роль играет, как уже говорилось, и язык, на котором осуществляется общение между представителями разных этнических групп, каждая из которых внесла свою лепту в великую русскую культуру и в сам русский язык.

1.2. Можно ли устранить многозначность?

Для того чтобы расширить наши представления о цивилизационном наследии и устранить искусственную терминологическую путаницу, зададим себе ряд вопросов, которые позволят и узким специалистам, профессионально занятым исследованиями и популяризацией различных пластов цивилизационного наследия, его защитой и развитием, и самим наследникам найти общие подходы к этой непростой теме.

Первый вопрос: можно ли в принципе добиться согласия между учёными, изучающими феномен цивилизации и цивилизационного наследия в рамках различных отраслей знания, если даже в границах каждой из научных дисциплин существуют конкурирующие школы, взаимоисключающие подходы и бесчисленное множество непохожих друг на друга авторских концепций?

Второй вопрос: какой должна быть система высшего образования и, прежде всего, в сфере подготовки и переподготовки специалистов гуманитарного профиля, чтобы они были знакомы хотя бы с основными конкурирующими научными школами и цивилиза-

ционными теориями, прочно вошедшими в научный оборот, и можно ли в научном сообществе устранить плюрализм мнений при отсутствии «третейского судьи»?

Третий вопрос: как добиться необходимого единообразия в процессе всеобщего школьного образования, целью которого уже на начальных ступенях должна стать максимально широкая популяризация базовых знаний об истории человеческой цивилизации и о том многообразии мировых цивилизаций, которые существуют в настоящее время, не забывая, разумеется, о собственной цивилизационной идентичности? Каким образом можно решить эту задачу, не искажая и не профанируя научные знания в процессе их адаптации?

Четвёртый вопрос: как нам следует относиться к политизации цивилизационной тематики и к тому факту, что она в последние годы не только входит в язык политики, но и врывается в самую мировую политику на фоне острейших межцивилизационных конфликтов, которые ставят под вопрос сохранение общечеловеческой цивилизации?

Пятый вопрос: возможна ли разработка и введение общего *тезауруса законодателя*, который позволил бы сблизить научные представления о цивилизационном развитии с понятийным аппаратом современной публичной политики, что позволит добиться синхронизации усилий государства, религиозных организаций и гражданского общества в великом деле сбережения и обогащения цивилизационного наследия России?

Для ответа постараемся предельно сжато сформулировать одну из главных причин, порождающих большинство споров, многие из которых заводят спорщиков в тупик только потому, что они говорят на разных языках, не подозревая об этом. В результате происходит не столько обычная подмена понятий, сколько подмена «этажей мышления».

О каких языках идет речь и какие «этажи» имеются в виду? В первую очередь, следует упомянуть о языке науки, а точнее — о языках многих отдельных наук, объектом которых является цивилизация. Их список становится всё длиннее, а границы между ними всё более заметными, хотя наиболее интересные исследова-

тельские направления развиваются на «пограничье» и «ничейной территории», что не отменяет ужесточения «демаркационных линий» и усиления стандартизации наук, в предметную область которых входит цивилизационная проблематика. Среди них философские, политологические и теологические дисциплины, обширное семейство наук исторического цикла — от археологии до этнологии и этнографии, — а также целые специализированные области культурологии и лингвистики.

Каждая из этих наук рассматривает цивилизацию под своим углом зрения, поскольку имеет собственный категориальный аппарат и особые методы — свой «этаж смыслов», на который могут подняться (уровень обобщений) или опуститься (уровень «углубления в предмет») только узкие специалисты. Именно по этой причине о всяком узком специалисте говорят со времён Козьмы Пруtkова, что он «подобен флюсу», ибо знания его односторонни, а потому и закрыты для большинства смежных специалистов, что ограничивает и его собственный исследовательский горизонт. И чем уже (глубже) специализация, тем труднее учёным, занимающимся одним предметом, даётся общение между собой — даже если они находятся на одном общем «этаже науки». Поэтому возникает потребность в «указателях» и «толмачах», которые профессионально заняты «переводом» базовых терминов с языка одной науки на язык другой. Кроме того, нужен и свой перевод для тех, кто приобщается к наукам — начиная со школьной скамьи и кончая высшими ступенями профессионального образования.

В процессе такого «перевода» научных понятий, в том числе и понятия о цивилизации, на общедоступный язык учебной литературы происходит фантастическое, но не заметное со стороны обеднение основных смыслов. Поэтому приходится искать «усреднённые» варианты интерпретации и толкования, считаясь с нормами обыденного языка и возрастной психологией восприятия, логикой преподавания и уровнем подготовленности аудитории. При этом в процессе популяризации изменяется вся система обоснований. Если в живом процессе научного поиска решающую роль играли, например, обоснования, позволяющие «подогнать» идею автора к требованиям дисциплины — принятым научным сообществом

стандартам и парадигмам, то на этапе адаптации теории в ходе обучения на первое место выходят обоснования *ad hoc* (к случаю), облегчающие запоминание и усвоение, то есть доминируют мнемонические техники.

Не менее значим и тот факт, что в разных языках до сих пор существуют некоторые различия в понимании цивилизации, которые были более чем существенными ещё столетие назад. Само это слово, как уже отмечалось, введено в активный язык науки и в лексику образованных классов по мере распространения идей Просвещения (во Франции, Великобритании и Германии почти одновременно, а в России несколько позже) и разными путями — путём заимствований из одного языка в другой, из одной научной школы в другую. Отсюда неизбежно возникающие разночтения, наслоения смыслов. Конечно, эти семантические различия частично стираются со временем в силу повсеместного повышения общеобразовательного ценза (во всём мире образовательные стандарты постоянно сближаются), но «память национальных языков» сохраняет предшествующий опыт. Перипетиям и особенностям «освоения» европейскими языками слова «цивилизация» посвящена обширная литература, восходящая к сравнительным исследованиям Э. Бенвениста²¹.

К этому следует добавить, что совершенно по-особому тема цивилизационного развития преломляется в языке политики и речи миллионов людей, подверженных политической индоктринации. В этом случае происходит скрытое от постороннего взгляда превращение общеизвестных понятий в идеологемы — особые императивные формы коллективного мышления, своеобразные алгоритмы мышления и поведения, подчиняющие сознание человека той или другой политической идеологии. Кстати, сами авторы научных цивилизационных теорий всё в большей мере заинтересованы не только в их продвижении в своей профессиональной среде, но и в популяризации среди широкого читателей и сознательно используют обоснования *ad hoc*. Ярким примером являются рабо-

²¹ Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

ты С. Хантингтона, которые посвящены природе межцивилизационных разломов и конфликтов в современном мире и прямо рассчитаны на политическую индоктринацию массовой аудитории.

Таким образом, в большинстве случаев авторские концепты, введённые в научный оборот, даже в научном сообществе часто отождествляются с так называемыми «общенаучными понятиями» или обыденными представлениями, а также с лексикой из «политического новояза». Соответственно, термины, закреплённые в законотворческой практике, подменяются скрытыми наукообразными идеологемами или откровенными эвфемизмами, хотя воспринимаются как научные понятия. Да и все другие значения и смыслы, приоткрывающиеся только в речевой практике, тут же перемишляются до стадии полной неузнаваемости. Это легко обнаруживается даже в тех случаях, когда мы анализируем тексты какого-либо автора, пишущего о цивилизации.

Своеобразное понимание этой проблемы, которое позволило совершенно по-новому увидеть многие ее аспекты, предложил Дж. Оруэлл. В 1949 году вышел в свет его роман-антиутопия «1984», в котором в гротескной форме демонстрируется, до чего может довести доминирование политического языка (новояза) над языком науки и современным литературным языком (староязом). Окончательное вытеснение «традиционных языков» новоязом, по прогнозу Оруэлла, завершится к 2050 году. Как бы фантастично ни выглядели эти прогнозы, в них, несомненно, проглядывают реальные процессы, протекающие во всех языках мира. Что же будет означать такая «победа» для человека и общества? По определению Оруэлла, в этом случае произойдет необратимое изменение сознания, когда сама *мысль станет немислимой*. Отличие новояза от всех других языков в том, что его словарь не увеличивается, а сокращается: чем меньше выбор слов, тем меньше искушение задуматься. А если полностью запретить их многозначность, сведя все богатство смыслов к одному, закреплённому в соответствующем словаре (для этого лучше подходят заимствования), то на заключительной стадии «членораздельная речь будет рождаться непосредственно в гортани, без участия высших нервных центров».

Задумаемся, разве сейчас не происходит на каждом шагу такая подмена слов и понятий? Разве не наполняется наша речь новоизобретёнными словами и понятиями, несовместимыми со здравым смыслом? К примеру, только в последние годы в язык СМИ вошли такие выражения, как «гуманитарная миссия» (применительно к бомбардировке Белграда авиацией США и стран НАТО) и «принуждение к миру» (вторжение в Ирак и Ливию), когда правильнее было бы говорить о преступлениях против человечности. А чего стоит именованье террористов, повинных в геноциде целых народностей, повстанцами. И все эти aberrации массового сознания осуществляются не кровавым палачом Пол Потом, уничтожившим не только интеллигенцию, но и большую часть населения Камбоджи, а государствами, называющими себя цивилизованными. Своих жертв они называют варварами...

* * *

Но вернёмся к поиску метода, который позволит каждому из нас пробиться через барьеры между языком политики, языками наук и языком повседневного общения, который впитывает в себя порой самые несовместимые смыслы. Существует ли способ соединить несоединимое хотя бы в устоявшихся представлениях о цивилизации и цивилизациях, если за каждым упоминанием стоит та или иная концептуальная схема, а за ней — либо давно сложившаяся научная школа, опирающаяся на армию адептов, либо языковые нормы (узус), либо идеологемы новояза, вошедшие в сознание и подсознание нескольких поколений?

Думается, для начала следует задаться вопросом: насколько это наслоение смыслов — *многомыслие* — вредит человеку и насколько оно полезно? Что это — болезнь, которую надо лечить насаждением *единомыслия*, или норма? Всё зависит от целей языковой и культурной политики. Если мы готовим миллионы людей, которых А.С. Панарин с мягкой иронией называл «людьми заёмного текста», то такое многомыслие опасно и разрушительно. Оно мешает отличать «правильные ответы» от заведомо «неправильных» даже в тех случаях, когда «правила» устанавливаются произвольно и применительно к конъюнктуре. Заметим, что на

прививку и развитие такой способности были направлены едва ли не все образовательные реформы последнего времени в «цивилизованном мире» и, увы, в России.

Надо ли говорить, что подлинными мотивами, которыми руководствовались реформаторы, была цивилизационная унификация (а также языковая и идеологическая)? Если же наша цель — пробуждение и стимулирование навыков самостоятельного критического и ассоциативного мышления, то работа с «перегруженными понятиями» и словами, которые не сводятся к терминам, — это подарок судьбы, стимул для рождения новых идей, отражающих реально происходящие в мире события. Как подметил когда-то М. Хайдеггер, человек нуждается в том, чтобы вернуть слову смысл, а «это может означать только одно: определить смысл слова заново... Мы говорим намеренно <слова>, а не <термины>, чтобы подчеркнуть, что сутью и жизнью языка всегда правит историческое событие»²².

Эта способность «вычитывать смыслы», воспринимать и точно фиксировать контекстуально возникающие значения, а также узнавать (атрибутировать) авторские концепты особо должна цениться в исследовательской и педагогической работе. Это умение требует в качестве главной предпосылки *уважения к концептуальному разнообразию*, которое останется неустранимым во все времена (кроме тех, когда в науке не допускается разномыслие и «отсебятина»), что, конечно, не исключает поиск инвариантных, непреходящих смыслов, которые необходимы в любой коммуникации среди «разнообразованных» людей. Не менее важная предпосылка — признание того факта, что даже самые образованные люди с трудом замечают границы, отделяющие язык науки (языки различных научных дисциплин) от языка массового образования, а то и другое — от языка публичной политики и обычной повседневной речевой практики, где происходит «смешение языков» и царствует «детерминализация».

В научном дискурсе узкие профессионалы располагают уникальной возможностью использовать концепты особого рода. Когда мы говорим о концептах, то имеем в виду особый класс поня-

²² Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 210, 243.

тий, как бы несущих на себе особый знак или «пробу», наподобие той, которую мы видим, например, на золотых и серебряных изделиях или слитках. Этот символ, который сразу прочитывается знающим человеком, — не что иное, как свидетельство о принадлежности концепта ко вполне определённой авторской концепции, конкретной теории или научной школе. Аналогия подобных концептов с дорогими изделиями становится более приемлемой, если вспомнить и о «руке мастера», а также об известности его имени среди ценителей. Точно так же, как «мировое хождение» имеют далеко не все «клейма», так и научные имена, авторские теории и национальные школы имеют различный «вес» в научном сообществе, что во многом зависит от политики страны, которая желает защитить своё «пространство смыслов».

По этой причине в большинстве случаев специалисту, говорящему о цивилизации, достаточно упомянуть, какую определённую теорию он имеет в виду применительно к тому или иному конкретному случаю (будь то концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, позиция О. Шпенглера или взгляды кого-то из его интерпретаторов), чтобы устранить основную часть возможных «разночтений». Знания такого рода не требуют от их носителей безусловного признания, что существенно снижает риск подмены понятий. В результате если дискуссия и возникает, то сразу же приобретает конструктивный и деловой характер.

Однако ситуация резко меняется, когда речь заходит о процессе распространения и популяризации научных знаний, а тем более о различных уровнях, моделях и этапах образования, где с необходимостью происходит адаптация знаний и унификация концептов, а следовательно, и возникает искушение подмены понятий. Если, к примеру, в научной работе ссылка на обезличенную словарную статью нежелательна, то в образовательном процессе и в рамках просветительской деятельности или «самопросвета» именно словари и (в лучшем случае) хрестоматии становятся основным источником пополнения знаний. Даже в сфере профессионального образования в обороте находятся преимущественно так называемые общенаучные понятия, которые, с одной стороны, выполняют множество необходимых функций, обеспечивающих коммуника-

цию, но, с другой стороны, подменяют концепты, искажая до неузнаваемости исходные смыслы.

Даже новейшие энциклопедические словари ограничиваются набором крайне упрощённых схем, в соответствии с которыми под цивилизацией понимается, к примеру, «следующая за варварством ступень культуры, постепенно приучающая человека к плановым, упорядоченным совместным действиям с себе подобными, что создаёт важнейшую предпосылку культуры». И эта цитата — далеко не худший типовой образец производства «общенаучных понятий» из узко понятых педагогических соображений («чтобы было просто и понятно»). По сути, если продолжить образный ряд, который мы открыли сравнением концептов с золотыми изделиями, «словарные знания» и общенаучные понятия, эксплуатируемые в системе образования и просвещения, можно уподобить бумажным деньгам, которые в большинстве случаев делают возможными общение и «обмен знаний». Риски, связанные с использованием такого рода «заменителей концептов», снижаются при условии, что существует «золотое обеспечение», а «пользователи знаний» помнят или догадываются о его существовании, хотя ни разу и не бывали в «хранилище подлинных ценностей».

Совершенно иная картина возникает в том случае, когда в спор по цивилизационной проблематике включаются публичные политики, что сегодня и происходит. Их определения, оценки и подходы иногда становятся общеизвестными и более того — оказывают несомненное влияние и на узус, и даже на язык тех научных дисциплин, которые слишком близко находятся от «политической кухни» и «фабрик мысли». Если продолжить сравнение с денежной системой, то здесь можно говорить о ценных бумагах, курс которых напрямую зависит от стабильности того или иного режима, уровня взаимопонимания между основными акторами политики, а также от сиюминутной политической конъюнктуры и «спекуляций на рынке ценных бумаг».

Качественно иные требования мы предъявляем к «тезаурусу законодателя» и «языку регламентации», на котором составляются подзаконные акты, инструкции и широкий круг документов, регламентирующих механизмы управления в любой сфере деятель-

ности, в том числе и в сфере отраслевой политики. В нашем случае речь идет, прежде всего, о концептах государственной культурной политики, где формируется система общих установок, рассчитанных на широкую аудиторию и общедоступных для понимания. При этом адресаты, к которым обращены подобные документы, идущие обычно в связке с законодательными актами (федеральными и региональными), — это и специалисты различного профиля, работающие в органах исполнительной власти, и чиновники разного уровня, в компетенцию которых входит всё то, что они относят к культурной сфере. По этой причине подобные документы не допускают и не должны допускать вольных интерпретаций. Здесь вообще нет места теоретическим изыскам, а тем более неустоявшимся гипотезам, даже самым продуктивным, и конкурирующим идеям, составляющим самую ценную часть научного знания. Здесь, как правило, нет даже отсылок на фундаментальные работы и упоминания научных школ.

Этими же соображениями обусловлены и жанровые стилистические особенности «языка регламентации», который перенасыщен канцеляризмами и оборотами, неприемлемыми для языка науки (тоже, кстати, далёкого от живого разговорного языка), но привычными для массового восприятия и, что особенно важно, для слуха исполнителей всех уровней. Категориальный аппарат отраслевой политики (в том числе и культурной политики) в идеале должен быть не культурологической энциклопедией, и даже не «школьным словарем», а тем более не языком научных статей и монографий, а руководством к действию для «аппаратчиков». В их задачи входит «кураторство» отдельных направлений культурной жизни страны и регионов, а также отдельных проектов, если эти направления и проекты находятся в поле зрения государства и пользуются поддержкой соответствующих госструктур.

При этом нас часто раздражает откровенная «ненаучность» регламентирующих документов, включая сюда политические хартии, концепции, доктрины и отраслевые стратегии. И напрасно: причина некоторой «узколобости» таких текстов заключается во все не в том, что в их разработке не принимают участие учёные, как это может показаться с первого взгляда. В действительности

именно учёные, причём узкие и вполне достойные специалисты, почти всегда («Основы культурной политики» — не исключение) выступали и выступают в роли главных «затравщиков», а также ведущих экспертов при подготовке концепций документов такого рода, активно участвуют в написании рабочих вариантов. Другие учёные выступают в роли наиболее строгих и принципиальных экспертов, оппонентов и критиков. Именно они лидируют и в процессе обсуждения, и в ходе популяризации итогового документа.

Другой вопрос: кто их слушает? Даже те немногие специалисты, которые непосредственно участвуют в инициации разработки и в процессе подготовки текста той или иной отраслевой политической доктрины, стратегии или концепции, далеко не всегда могут узнать свои же предложения в том варианте, который появляется в итоге совместной работы учёных и чиновников. Многим ведущим экспертам и аналитикам не раз приходилось испытывать это ошеломляющее ощущение: вроде бы стоит гордиться, что именно ты инициировал и даже писал базовый текст того или иного закона, проекта программы или доктрины. Но ты никому не скажешь об этом, поскольку стыдно признаться. Этот стыд возникает сразу после того, как твой текст пройдёт все стадии согласования и утряски в аппаратах профильных министерств и ведомств. После этой процедуры собственное детище уже не узнать, поскольку его «дополнили» новыми установками, а вычистили из него именно то, что представляло хоть какую-то ценность в научном плане или несло в себе элемент новизны, но дополнили набором новых качеств — однозначностью, ярко выраженной нормативностью и конвенциональностью...

То, что мы не знаем конкретных имён и списка авторов, не меняет сути дела, но заставляет задуматься над тем, в чём причина такой анонимности. Думается, она заключена не только в несоответствии замысла и конечного продукта, а тем более — не в скромности или природной застенчивости авторов и явно не в боязни критики. Причина — в специфике и статусе той политической аналитики, которая непосредственно включена в политическую деятельность, где она занимает весьма скромное место и выполняет сугубо служебную функцию, явно не центральную.

Учёные — это всего лишь приглашённые консультанты, которые приходят и уходят, как, впрочем, и госсоветники и прочие политические чиновники, координирующие работу над проектом: они тоже «приходят и уходят». Они связаны с данным проектом чисто ситуативно, по поручению, а потому и не афишируют свою роль. Таким образом, большая часть доктринальных документов остаётся безликой или обезличенной. Исключения бывают, но это большая редкость, что особенно заметно в нашей отечественной традиции.

Однако именно благодаря этой анонимности, непривычной для научной общественности, где ценится именно авторство, сразу обнаруживается главный парадокс: почти любое из требований, предъявляемых к научным работам, оказывается чужеродным при оценке политического документа. Сказанное вдвойне верно применительно к документу, претендующему на статус «основ политики» в той или иной ее отрасли. А такая отрасль, как культурная политика, или, точнее, политика в области культуры, — не исключение, а подтверждение правила.

Для этой работы малоприменимы такие критерии качества, как, к примеру, наличие новизны и оценка личного вклада, даже сама идея авторства в этом случае чаще всего теряет смысл, не говоря уже о наличии признаков открытия или о запрете всех форм скрытого заимствования, без указания источников и авторства используемых идей. Отсюда и совершенно особые, а иногда и взаимоисключающие требования к анализу текста и его критике — как со стороны научного сообщества, так и со стороны политически активных граждан.

Эти обстоятельства редко учитывают как политики, в том числе и те, кто инициировал разработку, к примеру, «Основ государственной культурной политики», так и специалисты, участвующие в качестве экспертов в научном и аналитическом обеспечении принимаемых решений. Редко учитывают их и сами деятели культуры, больше других заинтересованные в том, чтобы документ, регламентирующий отношения в сфере культурной политики, не остался пустой декларацией и не включал в себя деструктивные установки. А такой риск чрезвычайно велик, о чем свидетельству-

ет вся история отечественной, да и зарубежной государственной политики в области культуры: вмешательство политики в культуру всегда чревато большими издержками и рисками.

Самое общее представление о цивилизации, которое можно рассматривать как инвариантную схему, заключается в том, что под цивилизацией понимается наиболее устойчивая форма человеческого сообщества, которая объединяет этнические группы, народы и нации, а в ряде случаев и государства. Объединяет на основе особенностей, позволяющих сохранять социокультурные отличия и преемственность многих поколений. Среди качеств, воспроизводящих самобытность и уникальность, обычно указывают общую религиозную и языковую принадлежность. В этом случае речь идет о так называемых локальных цивилизациях, в том числе и государствах-цивилизациях, — как существующих ныне, так и исчезнувших, оставшихся в истории общечеловеческой цивилизации. Россия относится к числу немногих государств-цивилизаций (в одном ряду с Индией и Китаем), что предопределено её географическим положением и историческим развитием, масштабами и богатством природных ресурсов, этническим и конфессиональным многообразием, уникальным опытом межэтнического взаимообогащения, который и служит гарантом сохранения целостности России как уникального культурно-природного синтеза.

Существует огромное количество теоретических версий, по-разному оценивающих общее число «живых» и «мёртвых» цивилизаций. Причем каждая из них, как правило, заслуживает уважения, так как в основу предлагаемых классификаций закладываются различные критерии, а точнее, группы критериев, что в итоге только углубляет наше представление о сложной природе цивилизаций. При решении различных задач возникает закономерная потребность в различных измерениях объекта. К примеру, А. Тойнби в процессе становления своей концепции цивилизаций начал с выделения сотни цивилизаций, а по ходу исследования, уточнения и добавления критериев сократил число самостоятельных цивилизаций до 21, а на заключительной стадии — до 13. Такое различие лишь усугубляется или, точнее, расширяется в последние

годы, когда классификация цивилизаций стала востребована геополитикой. Согласно классификации С. Хантингтона — автора, который больше других способствовал политизации этой темы, — следует выделять среди «живых» цивилизаций Западную, Исламскую, Индуистскую, Синскую, Японскую, Латиноамериканскую, Православную, Буддистскую, Африканскую.

Эта версия встречается, как, впрочем, и любая другая, массу возражений, что лишь поддерживает дискуссию и конструктивный поиск новых подходов. К примеру, В.А. Лепехин дополняет перечень критериев. Кроме обширной территории и комплиментарности проживающих на ней этносов, которые связывает осознание своей общецивилизационной идентичности, закреплённой и оформлённой соответствующими правовыми нормами и административно-политическими (государственными и иными) институтами, общих систем ценностей и экономических укладов, он включает наличие некоего «мирового проекта», стратегии развития. «Последний признак предполагает значимое участие данного цивилизационного образования в мировых делах в качестве реальной «геополитической субъектности».

На этом основании число цивилизаций сокращается, по мнению автора, до пяти: североамериканская, западноевропейская, китайско-конфуцианская, индуистская и российская, поскольку «Исламский мир, Латинская Америка и Африка не обладают необходимой для наличия общего мирового проекта целостностью, а потому объективно не могут и в ближайшие годы, похоже, не смогут стать гомогенными, а значит — влиятельными цивилизационными общностями. В том же исламском мире слишком сильны противоречия по самым разным — этническим, экономическим и даже религиозным — основаниям. А относимую иногда к ведущим трансрегиональным цивилизациям Японию, обладающую третьей в мире экономикой, нельзя отнести к числу основных не только по причине малой территории этой страны, но также по причине её незначительной роли в мировой геополитике. В отношении западноевропейской и североамериканской цивилизаций нередко можно услышать мнение, что в настоящее время правильнее говорить уже о единой «западной цивилизации». Подобная

точка зрения не лишена оснований, однако в связи с тем, что в 2017 году в западном мире произошёл раскол на сторонников и противников американской версии глобализации (следствием чего стали победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, Brexit в Великобритании и некоторые другие события), в отношениях США и стран Западной Европы появилась линия на обособление и размежевание. Так что пока следует говорить всё же о двух разных цивилизационных образованиях: Северной Америке, с одной стороны, и Западной Европе — с другой²³.

1.3. Методологические подходы к теме и типология цивилизаций

Инициатором разработки междисциплинарной исследовательской программы «Цивилизационное наследие России», призванной связать различные научные проекты между собой и согласовать их с проектами в сфере стратегического государственного планирования, как уже отмечалось, был Научный совет при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Программа строится на основе оригинальной методологии, позволяющей объединить усилия широкого круга ученых самых различных областей социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, специалистов в сфере стратегического планирования и прогнозирования, что требует особого внимания к категориальному аппарату и методологическим аспектам междисциплинарных исследований.

Оригинальность и новизна исследовательской программы заключаются, прежде всего, в общих методологических принципах, разделяемых участниками отдельных проектов. По этой причине

²³ См.: *Лепехин В.А.* Обоснование актуальности антропологического похода в исследовании русско-российской цивилизации. // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2014. № 12. С. 278.

так важно выявить исходные принципы и установки, которые могут изменяться и дополняться по мере осуществления как программы в целом, так и каждого из её направлений.

Первая установка заключается в том, что «методологический ключ» к пониманию механизмов возникновения, становления и взаимодействия мировых цивилизаций — *приоритетное изучение процессов природного и культурного синтеза* (в его онтологическом понимании). Этот синтез по-разному проявляет себя в контексте мировой и национальной истории с учётом многих факторов и, в первую очередь, территориально-региональных отличий (климатических, географических и ресурсных, социально-экономических и конфессионально-этнокультурных), специфических механизмов накопления и сохранения природного и культурного наследия великих и малочисленных народов. Среди факторов такого рода следует выделить также внутривосточные и геополитические реалии, способные кардинально изменить ход истории в том или ином регионе планеты, особенности национальных укладов и влияние на них господствующего технологического уклада, характер социальной структуры общества и динамику её эволюции, баланс интересов различных социальных групп и стратегические цели долгосрочного развития. Всё это во многом предопределяет выбор цивилизационного пути, жизнеспособность и конкурентоспособность культурно-исторических типов.

При этом природный и культурный синтез придаёт самобытность каждому культурно-историческому типу, что в полной мере касается России и подтверждается самой историей становления её государственности. «Русь, — по определению Святейшего Патриарха всея Руси Кирилла, — это не «где», а, в первую очередь, «что». Русь — это система ценностей, это цивилизационное понятие. Конечно, это цивилизационное понятие, которое имеет свое географическое измерение. Когда мы говорим «Святая Русь», мы имеем в виду совершенно конкретную идею: идею доминанты духовного над материальным, идею доминанты высокого нравственного идеала. Собственно говоря, в этой традиции и был воспитан народ на том огромном евразийском пространстве, которое сегодня географически составляет юрисдикцию Русской православной

церкви. Русь — это, в конечном итоге, отличие добра от зла в соответствии с этой огромной духовной традицией, это система ценностей»²⁴. Изучение сущности и механизмов природного и культурного синтеза открывает многие закономерности межцивилизационных контактов, а также характер противоречий и конфликтов, неизбежно возникающих в процессе вынужденной унификации национальных культур и размывания цивилизационных отличий под натиском геопроектного политического мышления и, что намного важнее, вполне объективных глобальных трендов, стимулирующих конкуренцию проектов глобального переустройства.

Среди основных трендов — мощная тенденция «десуверенизации», под действие которой попадают не только страны-аутсайдеры и «страны-изгои», но и ведущие европейские государства (примером служит становление «пирамидальных политических надстроек» Евросоюза) с перспективой частичного или полного упразднения института национального гражданства и появления «планетарной федерации», населённой «гражданами мира». Все эти выражения — эвфемизмы стратегий строительства так называемого «однополярного мира», несовместимых с сохранением полицивилизационного мироустройства.

В этой связи стоит напомнить суждение И. Канта об угрозе мирового единодержавия. По его мнению, «могила всеобщего единодержавия (или же союза народов для того, чтобы деспотия не прекращалась ни в одном государстве)» является *неисцелимым злом*, более опасным, чем война²⁵. Столь суровый приговор мировому единодержавию Кант обосновал в работе с говорящим названием «Об изначально злом в человеческой природе». С этой же тенденцией связано и ожидаемое значительное увеличение численности «потребителей первого уровня» (расширение «золотого миллиарда») в течение одного-двух десятилетий. Подобная тенденция многократно увеличит степень антропо- и техногенной нагрузки не только на отдельные биосистемы, но и на планетарную социо-

²⁴ Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес» // Телеканал «Россия» // www.patriarchia.ru/db/text/950675.html.

²⁵ Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 37.

природную систему в целом, подрывая тем самым природные гарантии существования не только мировых цивилизаций, но человека как вида. В качестве контрмеры (своего рода «анти-тренда») этому разрушающему природу и культуры процессу рассматривают обычно набирающую силу «экологическую модернизацию и реконструкцию». При этом забывают уточнить, что экологическая модернизация — это оборотная сторона указанного «цивилизационного проекта», а сама экологизация всех областей политики и сфер жизнедеятельности также является фактором тотальной унификации укладов жизни (основы основ цивилизационной преемственности) и усиления глобального контроля.

К сожалению, в современной науке о цивилизации, а точнее, в комплексе специализированных дисциплин, которые относят к особой области знаний, связанных предметной областью и называемых «цивилизациологией», доминируют «линейные» и «прогрессистские» схемы. На это обстоятельство обратил внимание Ф. Фернандес-Арместо в книге «Цивилизации», полностью посвященной природным факторам становления самобытных цивилизаций (эти факторы он называет «вязким окружением» в генезисе цивилизаций). Это обстоятельство крайне затрудняет понимание феномена природного и культурного синтеза, в результате чего «человеческая» история (история цивилизационного развития), которую, по мнению Фернандеса-Арместо, правильнее было бы поднять до уровня «исторической экологии»²⁶, сводится к набору заведомо тупиковых концептуальных схем. Их набор сравнительно невелик — от различных вариаций на тему географического детерминизма (теоретические построения самого Фернандеса-Арместо иногда воспроизводят эти схемы) до узкодисциплинарных подходов, сложившихся в рамках отдельных областей общественных наук или всего гуманитарного цикла.

В последнем случае достижение общего языка сводится, по словам основателя интерпретативной антропологии К. Гирца, к «простой координации терминов или, что ещё хуже, к искусственному созданию новых терминов», а иногда к «навязыванию едино-

²⁶ Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М.: АСТ Москва, 2008. С. 29.

го набора категорий всей сфере исследований», хотя сам объект исследования требует «интеграции теорий и концепций разного рода». С таким выводом вполне можно согласиться, поскольку в процессе сопоставительного анализа культур и цивилизаций, действительно, «следует искать систематические взаимоотношения между разными явлениями, а не сущностные подобия явлений одного и того же порядка». Для достижения этой цели придётся «заменить «стратиграфическую» концепцию связей между разными сторонами человеческого существования синтетической, т.е. такой, в которой биологический, психологический, социологический и культурный факторы могли бы рассматриваться как переменные в рамках единой системы анализа»²⁷.

Выявлению причин доминирования заведомо односторонних исследовательских стратегий, характерных даже для авторов, с именами которых связаны самые влиятельные научные теории и основные конкурирующие школы, составляющие основу современной цивилизациологии, следовало бы посвятить специальный аналитический обзор. При этом, несомненно, акцент придётся сделать на факторах экстранаучного характера, например, на идеологической ангажированности учёных, особенностях политики в области планирования и финансирования научных программ и проектов, методах выборочной институционализации дисциплин, специфике научной инфраструктуры и пр. Соответственно, и при изучении феномена российской цивилизации в течение длительного времени не уделялось должного внимания исследованию географических, природных, климатических факторов её зарождения и существования.

Но для того чтобы установка на приоритетное изучение природного и культурного синтеза превратилась из пожелания в исследовательский императив, потребуются годы. Дело в том, что для достижения этой цели необходимо переосмысление многих устоявшихся парадигм и, главное, организация масштабных междисциплинарных научных проектов с участием многих ведущих

²⁷ Гирц К. Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 55.

центров и ученых, способных органично соединять профессионализм с методологическим плюрализмом. Плюрализм в методологии — качество, не имеющее ничего общего с методологическим анархизмом и всеядностью, оно предполагает, напротив, сочетание методологий в тех случаях, когда осуществляется «междисциплинарная стыковка» или поиск точек соприкосновения обособленных школ и концепций. К сожалению, сколько-нибудь значительного опыта реализации подобных установок применительно к цивилизационной проблематике ещё не накоплено.

Труднее всего «стыковка дисциплин» дается «цивилизационщикам-естествоиспытателям» при освоении ими гуманитарного поля. При этом следует особо отметить, что труды основателя наиболее продуктивных подходов при изучении цивилизаций Н.Я. Данилевского были и остаются уникальным образцом и примером органичного «внутреннего» синтеза естественных и гуманитарных знаний. Осуществляемая нами программа может рассматриваться как один из первых проектов такого рода.

Вторая установка — не только априори уважительное отношение к многообразию продуктивных теорий в области «цивилизациологии», зачастую исключаящих друг друга и претендующих на «единственно верное» толкование феномена цивилизации, но и понимание природы «нетолерантности» отдельных конкурирующих школ. Взаимная нетерпимость свойственна науке и объясняется множеством факторов, в том числе и экстранаучного характера — от несовместимости базовых парадигм до религиозных ориентаций, от политических предубеждений до борьбы за первенство или авторство, за «часы» или гранты. Даже упомянутый ранее Фернандес-Арместо, обобщая наиболее значимые идеи, не избежал «синдрома избранности». Обосновывая собственное кредо, он подразделяет теории предшественников на заведомо ложные и ценные, т.е. соответствующие или созвучные его позиции. Для того чтобы преодолеть подобную зависимость от собственной концепции, требуется не только дать обзор конкурирующих концептуальных схем, но и предложить их классификацию, позволяющую увидеть потенциал соединения и комбинации различных схем в рамках авторской теории. Эта работа осуществляется в

рамках тематического блока программы «Философско-методологическое и богословское измерение цивилизации».

К тому же понятие «цивилизация» служит не только понятием, за которым стоят различные теоретические позиции, но и универсальной «биркой», принятой в мировом научном сообществе и применяемой для обозначения феномена надэтнического, наднационального и метаисторического единства. При этом не суть важно, как определяется и трактуется это единство. Важен сам узус, неписанный договор.

* * *

Представления о сущности цивилизации и, соответственно, о цивилизационной принадлежности как об особой форме индивидуальной и коллективной самоидентификации восходят к двум элементарным концептуальным схемам, давно доказавшим свою продуктивность и эвристический потенциал.

Первая схема предполагает признание в качестве универсальной модели для человечества какой-то одной из существующих версий эволюционно-поступательного движения и социального развития (линейной, фазовой, формационной, волновой, спиральной и т.п.) или их сочетаний. Бросается в глаза, что большая часть теорий, выросших из этой схемы, строится на метафорах. Это, с одной стороны, делает теории более доступными для понимания, усвоения и распространения в качестве учений и доктрин (здесь помогают особые мнемонические и эвристические эффекты метафорического мышления), но, с другой стороны, затрудняет их непротиворечивое сочетание: мешает не столько научная логика, сколько образный ряд. По этой причине трудно «скрестить» даже тесно взаимосвязанные теории. Плохо сочетаются, например, волновые концепции смены цивилизаций (наиболее известна тоффлеровская модель трех цивилизационных волн) и «стадиально-организменные» теории. И это понятно: произвольное и некритическое соединение образов «волны» и «возраста» явно противоестественно, хотя оно нередко встречается в одних и тех же научных текстах. Для того чтобы снять затруднения такого рода, приходится или не замечать противоречий, или адаптировать авторские концепции, заменяя

несовместимые метафоры на нейтральные построения. Но, несмотря на все трудности методологического характера, возникающие в этом процессе, сегодня всё большее распространение получают именно попытки синтеза различных цивилизационных теорий.

В основе всех этих теоретических версий, относящихся к первой концептуальной схеме, лежит, как правило, *идея прогресса* — цивилизационного, социального, научно-технического, политического. Впрочем, со времён Ш. Фурье, Ф. Ницше и З. Фрейда эта схема соотносится и с идеей социального и культурного *регресса*, деструкции. По словам О. Тоффлера, наша цивилизация, по мере своего «восхождения», всё в большей степени отлучает человека от духовной, идеальной стороны бытия, лишает его шанса проникнуть в «великую неизвестность — мир духа». Однако во всех своих модификациях (прогрессистской, антипрогрессистской и «объективистской», размывающей границы между прогрессом и регрессом) данная концептуальная схема широко используется политиками и представителями научного сообщества, вовлечёнными в процесс стратегического планирования и прогнозирования. При этом наиболее продуктивными с прогностической точки зрения в настоящее время следует признать её технократические варианты, начиная с теории длинных волн Н.Д. Кондратьева и концепции инновационных волн И. Шумпетера. Особого внимания в этом контексте заслуживает оригинальная теория смены технологических укладов, предложенная С.Ю. Глазьевым, поскольку она предполагает учёт не только природно-экономического и человеческого потенциала России, но и её конфессионально-цивилизационной, исторической и социокультурной специфики.

Вторая схема базируется на констатации неоспоримого (да никем и не оспариваемого) факта *цивилизационной многомерности человечества* и, соответственно, *цивилизационной многомирности*, допускающей сосуществование в рамках одного времени не только различных национальных культур, но и несовместимых временных пластов, исторических эпох. Эта традиционалистская версия, утверждающая (в идеале) самоценность феномена этнокультурного и цивилизационного многообразия, восходит к историческим воззрениям Н.Я. Данилевского.

Очевидно, что две базовые концептуальные схемы («прогрессистско-эволюционная» и «многоцивилизационная») могут быть в рамках конкретных теоретических построений как противопоставлены, так и совмещены, «скрещены». Более того, они часто рассматриваются как взаимодополняющие. Эта традиция, к слову, также идет от Данилевского, который, обосновывая право культурно-исторических типов на самостоятельное развитие, особо выделял наличие общих тенденций и этапов в их становлении с учётом доминирующих функций, отличающих основные цивилизации, а также факторы, влияющие на их взаимодействие, конкуренцию и возникновение неизбежных межцивилизационных конфликтов в историческом развитии.

Исключительный интерес представляет в этой связи предложенная в книге Данилевского «Россия и Европа» классификация общих разрядов культурной деятельности («не могущих уже быть подведённым один под другой, которые мы должны, следовательно, признать за высшие категории деления»). Она включает в себя четыре основных разряда. Это, во-первых, деятельность религиозная, объемлющая собою отношения человека к Богу. Именно здесь и кроется основа цивилизационного пути, поскольку только твёрдая вера составляет «живую основу всей нравственной деятельности человека». Во-вторых, выделяется деятельность культурная, в тесном значении этого слова, объемлющая отношения человека к внешнему миру. Здесь имеется в виду и теоретическое, научное знание, и эстетическое, художественное начало, и техническая деятельность, промышленная, связанная «с добыванием и обработкой предметов внешнего мира применительно к нуждам человека и сообразно с пониманием как этих нужд, так и внешнего мира, достигнутым путем теоретическим». В-третьих, особо выделяется деятельность политическая, «объемлющая собою отношения людей между собою как членов одного народного целого, и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам». И в-четвёртых, описывается деятельность общественно-экономическая, «объемлющая собою отношения людей между собою не непосредственно как нравственных и политических личностей, а посредственно — применительно к условиям

пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добычания и обработки их».

На основании данной классификации Данилевский выстраивает и классификацию самих локальных цивилизаций или, точнее, культурно-исторических типов — по принципу доминирования тех или иных особенностей в каждом из них. При этом Данилевский полагал, что именно у славянской цивилизации есть шанс органично соединить в себе все эти виды деятельности. Столь оптимистический проект вызвал, как известно, критику со стороны К. Леонтьева, почитателя и последователя Данилевского. Слабые стороны версии Данилевского, по мнению К. Леонтьева, проявляются во внутренних противоречиях самого проекта, в котором не учитываются в должной степени препятствия на пути к его осуществлению (конфессиональная неоднородность и отсутствие у многих славянских народов опыта самостоятельной государственности), а также в политических и культурных рисках, связанных с процессом его осуществления: захотят ли и смогут ли славяне сойти с прозападного цивилизационного пути? При этом Леонтьев не сомневался в перспективах развития русской цивилизации, поскольку она представляет собой не проект, а данность.

На вопрос о том, насколько жизнеспособен и конкурентоспособен «славянский проект» Данилевского, нельзя дать однозначный ответ и сегодня, поскольку всё зависит от многих факторов. Среди них — достижения и риски, возникающие в ходе реализации интеграционных программ Европейского союза, важным этнокультурным сегментом которого стали восточнославянские народы, а также способность Европы устоять под натиском дехристианизации и разрушения собственной цивилизационной основы, динамика развития отношений с Россией и «политический вес» нашей страны в новом миропорядке. Современная наука демонстрирует почти все мыслимые конструкты, которые могли бы появиться в результате такого разделения или совмещения основных концептуальных схем. Причем почти каждая из конкурирующих научных концепций имеет право на существование, так как позволяет зафиксировать различные аспекты цивилизационного развития, которые ускользают, когда мы пытаемся заложить заведомо непро-

тиворечивый теоретический фундамент — аксиоматику внутренне совершенной теории цивилизации.

Но вряд ли такая «совершенная» теория цивилизации, которая претендует на то, чтобы стать образом-образцом идеальной цивилизации-проекта, сможет просуществовать дольше своих создателей. Да и сам факт ее доминирования возможен только в том случае, если адепты теории будут обладать в течение какого-то времени монополией на истину. А монополия на истину устанавливается как в результате экстранаучных влияний, например, целенаправленного использования методов государственного или корпоративного регулирования в сфере научной политики, так и под воздействием внутринаучных факторов — будь то господство научных парадигм, доминирование определённых школ, национальные особенности формирования институтов академической демократии или искусственные междисциплинарные барьеры. Относительная успешность или неконкурентоспособность тех или иных теорий, объясняющих феномен цивилизации, зависит не только от их истинности, а тем более не от их научной, эвристической ценности, которая, кстати, не всегда ведёт к полноте истины. Как говорил Н. Бердяев в работе «Творчество и объективация, опыт эсхатологической метафизики», истина вообще «не полезна в этом мире, ибо не оказывает услуг», а принятие до конца евангельской истины привело бы, по его мнению, к разрушению государств и цивилизаций, организованных по закону этого мира, противоположного евангельской Истине.

Конкурентоспособность и востребованность той или иной теории цивилизации в современной науке и культурной политике во многом определяется оригинальностью постановки проблемы, ценностными ориентациями и вкусами, господствующими в научном сообществе, а также политической конъюнктурой, которая иногда явно, но чаще всего совершенно незаметно корректирует и авторское видение темы, и ценностные предпочтения. Политическая конъюнктура, скрытая в недрах недоступной для анализа мотивации, достаточно легко обнаруживает себя при использовании схем в научном и политическом дискурсах. Вполне отчётливо эта тенденция обнаруживается, к примеру, в тех новообразованных

странах на постсоветском пространстве, где власть демонстрирует заинтересованность в «канализации национализма»²⁸ и переосмыслении истории вплоть до ее фальсификации, чтобы обосновать свою принадлежность не к российской, а к западной цивилизации (иллюстрация — большое количество исследований об «атлантической идентичности» малороссов).

Первая схема (прогрессистская) в её классическом варианте наиболее распространена в западной политической науке, поскольку облегчает политикам научную и культурную легитимацию *особых* прав «развитых» народов и государств, присваивающих себе титулы «прогрессивных» и «цивилизованных», по отношению к заведомо урезанным правам и суверенитетам «неразвитых» племён и регионов. Последние определяются как «развивающиеся» или проще — «варварские». Как известно, понятие о цивилизации в этом значении было введено в языковое обращение в основном благодаря политической востребованности. Впрочем, «смысловая ниша» для свободного распространения этого неологизма в европейских языках, по мнению Ю.С. Степанова, была предопределена принципиальной возможностью появления антонима «варварству»²⁹.

В вопросе о природе цивилизаций никого не смущает нарушение исторической логики и просто логики. Для такого вывода достаточно вспомнить, к кому относилось понятие «варвары» во времена античного мира и каким образом потомки варваров в эпоху политического становления третьего сословия «переадресовали» это определение на всех, кто отличается от них, т.е. от «цивилизованных наций». В этом отношении интересна позиция Н. Элиаса, который именно при изучении интересов третьего сословия обнаружил не только общие корни, но и различия во французской и германской трактовках цивилизации и культуры. Своеобразный «от-

²⁸ Термин «канализация национализма» был предложен американскими политологами в середине прошлого века для обозначения технологий, позволяющих использовать национализм в качестве инструмента разрушения государств, представляющих угрозу, и экспорта демократий.

²⁹ Степанов Ю.С. Слова правда и цивилизация в русском языке // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1972. Вып. 2. С. 167.

голосок» этой скрытой семантической инверсии легко найти в трудах основоположников глобального коммунистического проекта, которые сами были носителями такого же понимания сути цивилизации: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации... Так же, как деревню она поставила в зависимость от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных, Восток — от Запада»³⁰.

Применительно к эпохе глобализации, которая несёт в себе смертельную угрозу для большей части «неконкурентоспособных» языков, культур и народов, можно сказать, что не существует большего варварства, чем цивилизаторство в этой его западной (более чем варварской!) версии. В наступившем столетии, т.е. при жизни двух поколений, по прогнозам оптимистов, уйдут в небытие 60% языков и, следовательно, народов мира, а по прогнозам пессимистов — не менее 90%... Нетрудно увидеть прямую корреляцию между лавинообразным исчезновением этнокультурного многообразия и столь же динамичным разрушением уникального регионального биоразнообразия. Труднее понять другое: почему эта связь до сих пор не воспринимается как глобальная проблема даже теми, кто ставит во главу угла в сфере геополитики экологическую угрозу? Думается, что ответом на этот вопрос может служить позиция Данилевского: ответ скрыт всё в той же идее абсолютизации моноцивилизационной идеологии — если высшая (западная) цивилизация реально существует, то зачем поддерживать на плаву все остальные, заведомо «неконкурентоспособные» культурные миры?

Альтернативу этой действительно варварской идеологии и процессу целенаправленного разрушения культур несёт в себе вторая концептуальная схема. Она представляется слишком очевидной, чтобы её отрицать, хотя при её последовательном развертывании полностью исключается сама лжедихотомия «цивилизованные

³⁰ Коммунистический манифест // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат. Т. 4. С. 428.

народы — варвары». Как уже говорилось, признание цивилизационной многоликости не исключает самой идеи прогресса, но оно полностью лишает её ореола самоценности, заставляя задумываться о подлинной цене прогресса — культурной, этической, экологической. По этой причине признание факта исторически сложившегося (Богом данного) многообразия культурно-исторических типов, цивилизационных миров в политическом отношении служит важным теоретическим и культурным аргументом в пользу традиционализма в политике, науке, культуре и образовании.

Главная трудность заключается в том, что цивилизация — «понятие с размытыми краями», которое трудно заменить другими понятиями, иногда более точными, именно потому, что его продуктивность и эвристическая ценность напрямую связаны с многозначностью. А его точное (сиюминутное) значение обычно устанавливается исключительно в контексте устной или письменной речи, когда можно судить об уровне общей эрудированности говорящего или собеседников, об их методологических предпочтениях и политических установках, а также о степени погружённости в философскую, историческую, богословскую или политологическую проблематику, и, что особенно важно, о мотивации. Последнее требование — ключевое, поскольку понятие «цивилизация» позволяет одновременно манипулировать многими смыслами, свободно комбинируя и «накладывая» их по своему усмотрению, что открывает неограниченные возможности для аргументации.

Почти все цивилизационные концепции, в том числе и теории, признающие множество цивилизационных миров (культурно-исторических типов), построены на разных, а иногда и на взаимоисключающих принципах. К примеру, говоря о какой-то конкретной цивилизации, допустим, о восточно-христианской и российской (русской), можно одновременно иметь в виду множество смыслов или их сочетаний. Это позволяет: а) полностью отождествить две этих цивилизации (самая распространённая и, думается, вполне обоснованная трактовка, базирующаяся на принципе признания исключительной роли православия как основной культурообразующей конфессии) или отказать им в праве на существование (радикальные цивилизаторские версии, основанные на

религиозной или культурной нетерпимости); б) развести эти понятия в рамках специально созданной общей типологии (к примеру, по принципу наличия или отсутствия доминирующего конфессионального признака); в) обосновать правомерность лишь одного названия и подхода и т.п.

При этом под цивилизацией понимают всё, что угодно. Выделим только некоторые из наиболее распространенных «смысловых узлов» и подходов к осмыслению феномена цивилизации, получивших распространение в научной и просветительской литературе, оставляя вне рассмотрения самые расхожие позиции (например, трактовку цивилизации как совокупности накопленных и усвоенных ценностей):

– цивилизация — это особый тип или путь культурно-исторического развития, поступательного и/или регрессивного, который проходят все или немногие, избранные народы (к этой версии относятся и многие «линейные» теории, и классические философско-политологические и историософские теории множественных или конкурирующих цивилизаций);

– цивилизация — это только высший этап, историческая ступень или веха на условно намеченной линии развития государственного строительства или политического восхождения определённого культурно-исторического типа, что должно свидетельствовать о зрелости и завершенности некоей политической системы, модели (такая интерпретация широко используется в целях культурной легитимации политических режимов или позиционирования их основателей, лидеров и адептов);

– цивилизация — это образчик и свидетельство высшего избранничества какого-либо отдельного народа или группы народов и государств, их высокого служения (мессианские версии, многие из которых призваны легитимировать изоляционизм или, напротив, цивилизаторскую экспансию);

– цивилизация — это форма самопозиционирования национальных элит, цель которого — мировое признание за какой-то нацией набора качеств, свидетельствующих о ее *цивизованности* и, соответственно, о приобщённости доморощенной культуры к «высшей» *культуре цивилизаторов*, цивилизации-образцу

(евроцентризм и «европейничество», прочие глобалистские варианты «культурного прозелитизма»);

– цивилизация — это всего лишь консолидирующая и мобилизационная доктрина, позволяющая подавить внутренние распри в обществе и организовать противостояние реальной или вымышленной внешней угрозе, исходящей от потенциального исторического врага — *чуждого* цивилизационного мира (если врага не существует, его надо создать, чтобы потом бороться с ним в соответствии с известной китайской стратегией).

Третья установка, отличающая наш проект, — стремление дать объёмный образ уникальной цивилизации России как особого объекта исследования, не разрушая его целостности и органичности. Любой узкодисциплинарный подход позволяет раскрыть лишь какой-то аспект темы, открыть взору какое-то одно из возможных цивилизационных измерений и в любом случае будет недостаточен. Но только так воспринимают мир профессионалы. Чтобы представить себе суть проблемы, можно воспользоваться понятиями, заимствованными из сферы музыкального искусства. Любой инструмент обладает своим неповторимым звучанием, но его возможности открываются только мастеру: и на простой гармошке талантливый музыкант передаст множество оттенков мелодии, дав ей неповторимое авторское прочтение, а бездарный органист, используя сотни регистров, способен загубить, «погасить» любой шедевр. В мире науки также ценятся и мастерство владения инструментом (инструментарием), и уникальность авторского стиля, а также — «эффект полифонии», который достигается только в «оркестре» — в рамках междисциплинарных программ, где особую роль играет «режиссёр» (руководители программы).

Для того чтобы получить этот эффект полифонии или «объёмного видения» цивилизации с учётом ее русской или российской специфики, используется особая модель координации и синхронизации работы исследовательских групп над основными разделами программы. Одним из этапов такой координации можно считать выделение основных блоков (тематических измерений), позволяющее объединить «родственные» специализации. Назовем 10 основных

измерений, по которым проводятся и планируются исследования в рамках программы:

1. Философско-методологическое и богословское;
2. Этнокультурное и культурологическое;
3. Историческое и историко-географическое;
4. Социологическое и лингвистическое (в т.ч. лингвострановедческое);
5. Художественное и эстетическое;
6. Территориально-средовое и ресурсное;
7. Социально-экологическое;
8. Социально-экономическое и технологическое;
9. Проектно-политическое и геополитическое;
10. Военно-стратегическое.

В представленной схеме (предельно огрублённой) не выделены внутренние связи между блоками, а также не упомянут ряд других измерений, которые являются сквозными, *трандисциплинарными* при исследовании всего корпуса проблем, затронутых в программе. Примером может служить *прогностическое измерение*, связанное с практической ориентацией всего проекта на выработку рекомендаций, включая сюда рекомендации для законотворческой деятельности. Даже исторические и тем более богословские курсы приобретают особый смысл, когда мы видим прошлое через призму будущего, ибо, как сказал Августин Блаженный, «признавать, что Бог существует, и в то же время отрицать в Нём предвидение будущего, — чистейшее безумие» («О Граде Божиим», гл. IX).

Матрица исследовательской программы

Методологическая особенность схемы заключается в том, что при построении матрицы каждое из «горизонтальных» измерений (желательный вариант и рекомендация к участникам проекта) может быть рассмотрено и как «вертикальный срез», позволяющий не только выйти на более высокий уровень координации подпроектов, но и полнее определить круг малоизученных проблем на стыке дисциплин. Вряд ли требуется доказывать, к примеру, что

выделение территориально-средового измерения позволяет обнаружить новые смыслы не только в работе над разделом, посвященным социально-экономическому измерению цивилизации, но и в работе над этнокультурной и культурологической тематикой. Точно так же военно-стратегическое измерение является, по сути, «сквозным». По этой причине наше исследование российской цивилизации должно по возможности вестись на широком междисциплинарном поле.

* * *

Следует обратить внимание ещё на два обстоятельства, без которых не понять, каким образом удаётся критикам цивилизационного подхода соединить несоединимое — русскую (или российскую) цивилизацию и идеологию как геополитический проект, поставить между ними знак равенства. А подобные заявления делаются постоянно и напористо.

Обстоятельство первое: применительно к нашим дням правильнее было бы говорить об отличиях между возрождающейся русской цивилизацией (а это очевидный и обнадеживающий факт, в котором легко убедиться — для этого достаточно войти в любой храм!) и западно-постхристианской цивилизацией. Объяснение этих различий требует отказаться от некоторых стереотипов и, прежде всего, от представления о якобы неизменной европейской идентичности. Она, несомненно, претерпела столь глубинные деформации, что можно говорить о целенаправленной и необратимой переидентификации.

Обстоятельство второе: строго линейное цивилизационное развитие если и существует, то только в воображении теоретиков. Поэтому следует время от времени вспоминать о реальной и противоречивой истории России. Применительно к имперской истории много и справедливо говорилось как об общих чертах, так и о глубоких отличиях восточно-христианской цивилизации, идущей от Византии, от западно-христианской. История — не ровная и полноводная река. Иногда она «пересыхает», что кардинально меняет все сферы жизни, в том числе и соотношение радикальных идеологий и традиций. С одной стороны, временные горизонты

европейского и российского цивилизационных миров (столетия и тысячелетия) никаким образом не соответствуют жизненным циклам сменявших друг друга политических доктрин и идеологий, которые существуют, в принципе, совсем не долго, хотя у обывателя и может возникнуть иллюзия их «вечности». Эта иллюзия возникает из-за того, что изменчивые доктрины сохраняют имена старых теорий, давших начало какому-то «великому учению», хотя преемственность в партийных идеологиях давно утрачена. Остался только «бренд».

Но и недооценивать роль идеологий в процессе цивилизационного развития также нельзя. Чтобы в этом убедиться, достаточно напомнить о богоборческой эре в развитии России. Тогда само представление о цивилизации сместилось в плоскость узкого проектного мышления, а на смену традиционной жизни пришла совершенно новая, новоизобретенная цивилизация-проект. У этой проектной цивилизации, а по сути, чистой идеологии, вообще не было истории, которую она определила как «наследие проклятого прошлого». Перед ней стояла другая задача — рытье бездонного «котлована» под величественное здание Общечеловеческого Будущего, сконструированного отцами мировой революции. В этом смысле идеология и «цивилизация», действительно, составляли некоторое время особый сплав, который, как показала жизнь, был всего-навсего утопией, как и любая другая попытка заменить многоцивилизационный мир на унифицированный проект.

Именно богоборческая идеология выжигала собственно цивилизационную основу российского общества — религиозную идентичность народа. Саму эту идентичность, как известно, принесли в жертву идолу — политическому учению, в котором обосновывался Великий проект построения бесклассового и бессловного общества, свободного от любой эксплуатации, но лишённого ради этой свободы права на частную собственность и права на свободу вероисповедания.

1.4. Личностное измерение цивилизации и «незаёмные смыслы»: школа А.С. Панарина и международные Панаринские чтения

Жизнь человека скоротечна по сравнению с жизнью больших социальных общностей — основных социальных групп, классов и сословий. Несопоставима она и с «жизненными циклами» больших и малочисленных этнических образований, народностей и народов, государств и устойчивых межгосударственных союзов. Еще труднее сравнить «миг между прошлым и будущим», отведенный нам, с ощущением вечности, которое возникает, когда мы говорим о мировых религиях и цивилизациях, имеющих по сравнению даже с самыми устойчивыми общностями по сути «надвременной» статус. Но сколь бы незначительными ни казались отдельная человеческая жизнь и личность конкретного человека на фоне временных горизонтов «величественных социумов», существующих многие столетия и даже тысячелетия, они вполне соизмеримы. На это обратил внимание Святейший Патриарх Кирилл, говоря о том, что сама русская цивилизация — «это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности. <...> И мы знаем, что очень многие не связывают себя ни с русской традицией, ни с духовностью, ни с культурой, а живут иными взглядами, убеждениями и теряют связь со своей собственной цивилизацией»³¹.

Как бы парадоксально это ни звучало, горизонты личности и цивилизации могут быть сопоставимы и по значимости, и по своим историческим последствиям. А последствия эти могут быть как созидательными (вспомним бесконечные споры о роли личности в истории или плоско-меркантильные расчёты окупаемости вложений в «человеческий потенциал»), так и разрушительными. В последнем случае принято говорить о пресловутом «человеческом факторе» как об исключительном факторе риска и самом слабом звене в социоприродной или технологической системе.

³¹ Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир — особая цивилизация, которую необходимо сберечь // www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html.

Личность отдельного человека, наделённого собственной волей, порою способна непредсказуемо изменить всю историческую траекторию развития социумов, их лицо и самообраз, саму их сущность, ибо, по словам Апостола Павла, *«мы соработники у Бога»* (I Кор. 3, 9).

Собственное личностное измерение имеет каждая локальная цивилизация, и его следует учитывать наряду с множеством других измерений, которые открываются человеческому сознанию, по отдельности, в зависимости от того, какими научными методами вы пользуетесь. Среди этих измерений — историческое и теолого-философское, экономическое и военное, природное и этнокультурное (одно из условий цивилизационного развития — культурный и природный синтез, а также сами народы, укоренённые на своей земле). При этом неповторимое личностное измерение играет ключевую роль в становлении каждой цивилизации и в межцивилизационных контактах, в которых оттачивается её уникальность и восприимчивость к инородному, превращающая саму локальную самобытность в сердцевину общемирового цивилизационного наследия. Русская цивилизация — не исключение.

Личностное измерение — это тема, занимающая особое место в научной программе «Цивилизационный путь России», инициированной Научным советом при президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия и Экспертным центром ВРНС. В этой программе, как уже говорилось, участвуют ведущие российские и зарубежные учёные, научные и образовательные центры — светские и церковные. В программе учитывается, что в XX веке личностное измерение цивилизации и солидарность мыслящих людей («генераторов смыслов»), обеспечивающая востребованность, преемственность и популяризацию идей и учений, приобрели совершенно новый размах и совершенно неожиданные последствия для судеб цивилизаций, в том числе и последствия, сопряжённые с риском утраты цивилизационной идентичности. Одно из них — появление бесчисленных «бездымных фабрик мыслей», которые поставили на поток и коммерческую основу то, что всегда было уделом отдельных творцов — «производство смыслов», конструирование «событийных рядов» и «раскрутку мировых

имён» (авторских концепций и научных школ) во всех сферах интеллектуальной деятельности. Со временем, особенно после окончания Второй мировой войны и строительства «биполярной системы», эти «бездымные фабрики», которые, по словам П. Диксона, одного из первых авторов, попытавшихся осмыслить этот феномен, «как бы просят забыть о своем существовании, когда вы проходите мимо них»³², будучи по преимуществу американским изобретением, стали основным инструментом идеологической индоктринации.

Они же стали и важнейшими центрами государственного стратегического планирования со «встроенным» в политические проекты сценарным прогнозированием во многих европейских странах, которые попали в зависимость одновременно от двух полюсов силы. В результате перед ними объективно возникла потребность проложить свой политический курс «между Сциллой русской военной диктатуры и Харибдой американской финансовой диктатуры»³³. Эта сверхзадача для европейцев была чётко сформулирована еще в 1920-е годы графом Р. Куденхове-Калерги — создателем Панъевропейского союза, что и предопределило возникновение скрытой «американофобии» и явной, но «мягкой» русофобии (Россия нужна как жупел для консолидации перед лицом «вечной угрозы с Востока»). Созданная им организация стала, по сути, крупнейшей фабрикой мысли на европейском континенте. Именно в её недрах родилась идея Европейского союза, которая вначале воспринималась всеми только как чистая утопия, но через годы приобрела контуры реального геополитического проекта, реализованного наяву уже после смерти «генерального конструктора ЕС»³⁴.

В процессе становления «фабричного интеллектуального производства» началась ожесточенная, но скрытая конкуренция на «рынке смыслов и имён» между ведущими европейскими странами. Каждая из них претендовала если не на лидерство, то на некоторую автономию от безальтернативного диктата США, который

³² Этими словами открывается его книга *Think tanks* (New York: Atheneum, 1971), переизданная на русском языке в издательстве «Прогресс» в 1976 году.

³³ *Куденхове-Калерги Р.Н.* Пан-Европа / Перевод с немецкого. М.: Вита Планетар, 2006. С. 13.

³⁴ Автор этого текста дважды был приглашённым докладчиком на заседания Панъевропейского союза.

распространялся на все стороны жизни европейской цивилизации, и полноценное представительство в семье «властителей дум» человечества, которым предстояло стать абсолютными авторитетами для всех народов планеты. Результат известен: во всём мире любому образованному человеку известны имена не только выдающихся американских философов и политологов, но и немецких, французских, итальянских мыслителей. Все теории и научные школы, связанные с этими именами, вошли в государственные стандарты соответствующих вузовских программ по философским, политическим и социальным наукам в большинстве стран, включая сюда и Российскую Федерацию.

Но среди них в послевоенные годы нельзя найти только имен современных российских авторов, за исключением тех, в «раскрутке» которых принимали самое непосредственное участие западные «фабрики мысли». Это, по преимуществу, заметные фигуры в среде русской политической эмиграции разных «волн», которые вели принципиальную борьбу с советским режимом, и поэтому их книги издавались и популяризировались как на Западе, так и в самой постсоветской России, а также несколько авторов, которых поддерживали властные структуры России в период демонтажа Советского Союза. Столь мизерное присутствие «русского духа» было и остается и нерепрезентативным, и идеологически пристрастным, и, если называть вещи своими именами, носило в ряде случаев ярко выраженный русофобский характер, что иногда болезненно воспринималось как самими «избранниками», так и некоторыми западными интеллектуалами.

Именно это обстоятельство, кстати, заставило Ж.-П. Сартра отказаться от присуждённой ему Нобелевской премии, которая, по его мнению, «на деле представляет собой награду, предназначенную для писателей Запада или «мятежников» с Востока. <...> Вызывает сожаление тот факт, что Нобелевская премия была присуждена Пастернаку, а не Шолохову и что единственным советским произведением, получившим премию, была книга, изданная за границей и запрещённая в родной стране»³⁵.

³⁵ Цит. по: Почему я отказался от премии // За рубежом, 1964. № 45.

Впрочем, причина явно недостаточной и однобокой представленности русской цивилизации, а точнее, её «личностного измерения» (за исключением, конечно, влияния «вождей-мыслителей» и «глашатаев пролетарской культуры») на мировой арене в последнем столетии прошедшего тысячелетия и в начале нового лежит глубже. Её невозможно объяснить только лишь «заговором молчания», ссылкой на пассивность государственной власти в России или признанием ведущей роли западных «фабрик мысли», осуществлявших «идеологическую селекцию». Она заключается, прежде всего, в специфике того цивилизационного пути, по которому шла сама Россия в XX веке и который был связан с доминирующей и деструктивной установкой на отречение от собственной цивилизационной идентичности.

По сути, то, что называют *советской цивилизацией*, представляло собой эпоху реализации воистину величайшего геополитического проекта построения новой общечеловеческой цивилизации, где России отводилась роль зачинщика и первопроходца, готового пожертвовать всеми своими ресурсами, всем многовековым конфессионально-цивилизационным наследием, укладом жизни многих поколений, да и самой жизнью миллионов граждан во имя грандиозной «*осуществимой утопии*». Фундаментальные цели и общий замысел этого цивилизационного проекта неоднократно и кардинально изменялись, как и судьба самой России. Об этом, в частности, писал И. Валлерстайн, который так же, к слову, как и Куденхове-Калерги, указывал на главную причину такой нестабильности, используя метафору «Сциллы и Харибды: выбор мог быть сделан лишь между немедленным пересмотром целей и неизбежным поражением в будущем»³⁶.

Кардинальные изменения в самой логике великого проекта при всей своей очевидности никогда не признавались властью, а потому в СССР возникла собственная «фабрика мыслей», а точнее, централизованный аппарат по производству смыслов социалистического строительства. В этой перевёрнутой логике роль творцов, генераторов идей исполняли «проводники» — функционеры идеоло-

³⁶ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. С. 42.

гической машины, а самим «генераторам» — учёным-обществоведам — отводилась функция «проводников передовой идеологии», то есть «линии партии».

На смену советской системе с её общественными дисциплинами, не имеющими аналогов в общепринятой модели институционализации общественных и политических наук, пришла эпоха, которую трудно определить иначе, как эпоху безвременья. Доминирующей тенденцией была поэтапная деконструкция всех основ социалистического общества и механическое калькирование западного опыта функционирования институтов власти с отрицанием всего собственного цивилизационного наследия — как имперского, так и советского. Следствием такого подхода стало простое заимствование западных философских и политологических школ всё с теми же «раскрученными именами» немногих *российских мыслителей*, прошедших через соответствующую идеологическую селекцию. При этом традиционные выражения «русские мыслители» и «русская интеллигенция», которые использовались даже при советской власти для обозначения имперского наследия, были признаны по негласному соглашению недостаточно политкорректными...

* * *

Становление оригинальных национальных научных школ — философских и особенно политологических — требует длительного времени, конкуренции и деятельной поддержки со стороны государственной власти, а точнее, отечественных «фабрик мысли». Ни одного из этих условий в нашей стране сегодня, к сожалению, нет, как нет и понимания тех цивилизационных рисков³⁷, с которыми сопряжено тотальное господство «заёмных смыслов» в сфере публичной и непубличной политики. Поэтому рассчитывать на то, что ситуацию можно будет «переломить» одним политическим решением, не приходится.

³⁷ О подходах к пониманию природы цивилизационных рисков см.: *Черешнев В.А., Расторгуев В.Н.* Цивилизационные, политические и экологические риски нашего времени // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачёвские научные чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб.: СПбГУП, 2013.

К счастью, земля российская талантами не обделена, и даже в ситуации безвременья появлялись высокопрофессиональные теоретики и оригинальные мыслители, которые чувствовали и осознавали свою личную сопричастность великой русской цивилизации и писали об этом, не боясь встать в один ряд с «вечными диссидентами». Среди таких имён можно назвать и ведущих академиков (к примеру, Д.С. Лихачева, Н.Н. Моисеева, Е.П. Чельшева и многих других), и отдельных мыслителей, которым удалось создать целостные и вполне конкурентоспособные цивилизационные теории. В этом списке особое место занимает научное наследие Александра Сергеевича Панарина — выдающегося философа и политического аналитика, основателя нового направления политической философии и первой в России кафедры теоретической политологии, открытой на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. После отделения факультета политологии, произошедшего после кончины Панарина, его кафедра была объединена с кафедрой политических учений и названа кафедрой философии политики и права.

Для всего теоретического наследия Панарина характерен чётко прописанный цивилизационный подход, учитывающий историческую, культурную и конфессиональную специфику России, что было особенно ценно в период становления отечественной политологии и выбора курса нашей страны. Спектр его интересов был чрезвычайно широк: от философии истории и культурологии до методологии глобального прогнозирования и выявления факторов перерождения национальных элит. Столь же обширен и выбор жанров, в которых он работал: от многолетнего мониторинга текущих публикаций западных авторов в реферативных изданиях ИНИОН (основное его занятие в период жёсткой государственной цензуры) до актуальной и жёсткой политической аналитики и объёмных монографических трудов в эпоху демократизации режима. Занимался он и активной экспертной деятельностью, связанной, прежде всего, с продвижением евразийского проекта.

Многие его работы, принадлежащие к разным жанрам, носят острый полемический характер. Такое соединение академического стиля и яркой публицистики отличает даже написанные им авторские учебники. Все свои учебные пособия он сам называл экспе-

риментальными. Во введении к учебнику «Глобальное политическое прогнозирование» он объяснял эту особенность тем, что «ни отечественная, ни мировая наука пока что не представили скольнибудь разработанной теории глобального политического прогнозирования. Обычно учебная литература следует за фундаментальными разработками и фиксирует уже апробированное, устоявшееся знание. В данном случае мы имеем дело с другой ситуацией. Теоретические разработки и учебно-методические задачи автору пришлось решать практически одновременно»³⁸. Отметим также, что круг интересов Панарина постоянно расширялся, как и выбор методов анализа, что позволяет говорить об эволюции его взглядов, отражающей всё большую свободу в выборе тем, среди которых не было закрытых и табуированных.

Этой особенностью, а также полной свободой от идеологической зафрахтованности научное творчество Панарина разительно отличалось на общем фоне, который определял состояние общественной мысли в «постсоветской» России. И «западников», и традиционных доктринеров Панарин называл «людьми заёмного текста», что вызывало, да и сейчас вызывает неоднозначное отношение к его наследию в научном сообществе. По его мнению, все вторичные модернизации стран не-Запада, как и самосознание и деятельность направляющих эти модернизации элит, «организовывали догматики текста — люди, в большинстве своем воспитанные в определенной национальной среде, вскормленные её пейзажем и культурой, слушающие голоса страдающих и надеющихся соотечественников. И тем не менее практически неизменно в деятельности этих людей воспроизводится один загадочный парадокс: они с неистовой, фанатичной последовательностью следуют заимствованным на стороне «великим учениям» — текстам, столь же упрямо отрицая права окружающей социальной действительности прямо, помимо текста заявить о себе или хотя бы добиться коррекции текста в соответствии с местной спецификой»³⁹.

³⁸ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. Учебник для студентов вузов. М.: Алгоритм, 2002. С. 16.

³⁹ Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 89.

Этот тип индоктринации, в основе которого лежит обмен действительности на текст и, соответственно, скрытая зависимость от «чужих смыслов», по его мнению, характерен для интеллигенции, что негативно отражается на становлении науки и принятии политических решений, а также на гражданской и цивилизационной самоидентификации российского общества. Причина такого положения, как уже говорилось, заключается в том, что отечественная политология находится на ранней стадии институционализации дисциплин, когда ещё не сложились, да и не могли сложиться сильные научные школы и сколько-нибудь самобытные, введенные в научный оборот конкурентоспособные концепции, способные оказать влияние на политику страны.

Переход от открытого доктринёрства с характерным для него обезличиванием знания (знакомая старшему поколению учёных-гуманитариев борьба с «отсебятиной») к идейному плюрализму, где ценится «авторское клеймо» на любой новой теории или на введённом в научный оборот концепте, призванном обновить смысловую палитру политики, не мог быть простым. Любое подражание и самоизоляция означают, по словам Панарина, признание собственного бессилия и того позорного факта, что «подлинными мы никогда не были». А это не так, поскольку, по его глубокому убеждению, именно в России больше всего подлинного и непреходящего — доброго и сострадательного. Для православной цивилизации оказался открытым «путь в будущее, моделью которого является не конфликт, а концерт цивилизаций», а «русская духовная традиция — традиция сострадательности — на самом деле препятствует угрозе геноцида, нависшей над этим морем новой нищеты и неприкаянности»⁴⁰.

Если говорить о его академической карьере, то она сложилась крайне противоречиво. Ему довелось перенести многолетние преследования, которые начались с исключения из комсомола и отчисления из МГУ на третьем году обучения, и взлеты — руководство сектором, лабораторией, Центром социально-философских исследований Института философии РАН, возможность основать

⁴⁰ Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 145.

кафедру в ведущем университете России. Его кандидатская диссертация была посвящена анализу социальной доктрины Жана Фурастье, а в своей докторской диссертации «Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма» Панарин очертил общие контуры главной научной программы, которой отдал все последние годы. В течение многих лет его философское служение, как говорила на первых Панаринских чтениях профессор МГИМО Н.Н. Зарубина — его вдова и близкий друг, не было воспринято и востребовано ни обществом, ни интеллектуальным сообществом. Но оно обрело подлинный размах в последние 20 лет его жизни: «20 лет молчания и 20 лет творческой самореализации».

Только за эти годы он издал около 30 книг — монографий и учебников, которые меньше всего походили на школярские штудии, и огромное количество статей. О статусе ученого часто судят по индексу цитируемости его трудов. А.С. Панарин — один из наиболее цитируемых авторов среди отечественных философов и политологов нашего времени.

Повышенный интерес к научному наследию Панарина во многом объясняется сменой ценностных ориентиров в сфере внутренней и внешней политики России, в определении которых все в большей степени учитывается особая цивилизационная миссия России. В частности, в Концепции внешней политики Российской Федерации среди приоритетных задач названы предотвращение межцивилизационных разломов и формирование партнёрства между культурами, религиями и цивилизациями, чему служит взаимодействие государства с Русской православной церковью и другими основными религиозными объединениями страны. На эту тенденцию и на необходимость глубокого и всестороннего изучения философского наследия Панарина указал Святейший Патриарх Кирилл в своей речи на присуждении ему степени *honoris causa* Московского государственного университета (28 сентября 2012 г.). При этом Предстоятель, обращаясь к научному сообществу, сослался на книгу Панарина «Православная цивилизация в глобальном мире»: «Как писал наш современник, а для многих из вас и коллега — замечательный философ, политолог и публицист Александр Сергеевич Панарин, — идентичность русских людей

скреплял православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении вере»⁴¹.

Не менее значимой для понимания масштабов его наследия является и последняя монография «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Само это соединение понятий — стратегия и нестабильность — кажется противоестественным, но именно оно отражает реальное положение дел в мировой политике. Панарин подчёркивает тот факт, что мы сталкиваемся в наше время не только с ситуацией нестабильности, но с ее производством, целью которого является сохранение и углубление социального неравенства в глобальном масштабе. Книга открывается словами: «Памяти отца, Панарина Сергея Алексеевича, солдата Великой Отечественной войны, посвящаю». Но адресат этой книги, ставшей политическим завещанием Александра Сергеевича, — не столько его современники, сколько те наследники нашей цивилизации, которым еще суждено появиться на свет, чтобы проводить XXI век и встретить новый. По словам Панарина, «мы, таким образом, становимся свидетелями и соучастниками драмы, последствия которой определяют судьбу всех поколений XXI века». Выбор адресата Панарин объясняет предельно просто и честно: «Это последнее поколение, сегодня отделенное от нас целым столетием, является, может быть, нашим главным собеседником: именно оно подивится нашей свободе — ведь оно, а не мы, станет пленником наших решений — и нашей слепоте. В этом отношении оно будет походить на нас, переживших трагедии XX века. Разве мы не дивимся слепоте тех, кто развязал хаос Первой мировой войны, перечеркнувшей лучшие ожидания поколения, встретившего зарю XX века? Разве мы не хотели бы получить ту свободу, которую ещё имели они до принятия рокового решения, — свободу иначе-возможного? Мы стали заложниками их авантюры, сделавшей трагический ход событий необратимым»⁴².

⁴¹ Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени honoris causa Московского государственного университета // Официальный сайт Московского Патриархата // www.patriarchia.ru/db/print/2496952.html.

⁴² *Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 579.*

Книга-завещание написана, как определил её особенности сам автор, не как очередной «исторический проект» из жанра утопической инженерии и не как антиутопия (такие «остужающие» тексты создаются, по мысли Панарина, не столько под влиянием чувства заботы, сколько из чувства раздражительности, вызванной идеологической назойливостью апологетов-оптимистов). Жанр книги он определяет как опыт политической аналитики, которая «строит возможные сценарии событий, исходя из сложившихся тенденций развития, с одной стороны, и оценки тех или иных влиятельных субъектов социального действия, с другой»⁴³.

Панарина отличал ярко выраженный прогностический дар (многие его прогнозы сбылись) и особый интерес к методам прогнозтики, которые он исследовал также через призму цивилизационного подхода. В центре его интересов были проблемы глобального политического прогнозирования и сама логика становления системы глобализующегося мира, которая по-разному отражается на судьбах народов и государств, что чревато запредельными рисками и социальными потрясениями. Главный источник рисков — тот факт, что страны вошли в эту систему неодинаково подготовленными, значительно отличающимися по своему экономическому, военно-стратегическому и информационному потенциалу. Закономерным результатом различий в стартовых возможностях стала архаизация отношений между акторами мировой политики и тотальное господство социал-дарвинистской модели передела ресурсов в пользу наиболее приспособленных и за счёт менее приспособленных. «В данном случае речь идёт, — по мнению Панарина, — не столько о конфликте цивилизаций, сколько о конфликте модерна, монополизированного Западом, с культурным и цивилизованным наследием всего человечества, с историей вообще»⁴⁴.

Это отчасти объясняет выборочное отношение к глобализационной тематике — очевидный интерес мировой политической и финансовой элиты, а соответственно, и ведущих мозговых центров к

⁴³ *Панарин А.С.* Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 577.

⁴⁴ *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. Учебник для студентов вузов. М.: Алгоритм, 2002. С. 21.

поиску эффективных моделей управления процессами глобализации и откровенное нежелание увидеть и просчитать долговременные последствия этого процесса. Панарин задаётся вопросом — является ли прогноз о качественно ином будущем очередной утопией или жизненной необходимостью? Характерно, что в поисках ответа он близко подходит к позиции Н.Н. Моисеева, на работы которого ссылается, рассуждая о методологии политического прогнозирования. Моисеев, как и Панарин, был сторонником теории локальных цивилизаций и таким же мастером парадоксов, о чём будет сказано позже. Обращение к трудам Моисеева было закономерным, поскольку в его исследованиях также доминировало проектное мышление, а новые идеи почти всегда вырастали, как и у Панарина, до масштабов большой стратегии, зачастую глобальной, с характерными для синтеза стратегий междисциплинарными проникновениями и философскими обобщениями. По мнению Моисеева, любое творчество начинается с утопий.

Позиция Панарина и здесь полностью согласуется со взглядами Моисеева, поскольку обвинение в утопизме — не что иное, по словам Панарина, как «новейшая цензура модерна на долгосрочное историческое воображение, заклеимённое как утопический радикализм», что дает возможность представить прогнозирование качественно иного будущего в качестве жанра, далекого от науки. По сути, подчёркивает Панарин, речь идет о дискредитации цивилизационных ценностей и норм незападного типа, а это не что иное, как торжество варварства: «Дискредитация суперэтнических синтезов (применительно к Западу считающихся синонимом цивилизованности, а к Востоку — олицетворением русского империализма), завершившаяся первым катастрофическим успехом — развалом СССР, привела не к цивилизованности, а к самым неожиданным и грубым рецидивам племенного сознания, ксенофобии, варваризации и примитивизации общественных отношений»⁴⁵.

В то же время англо-американская программа «технологизации» и прагматизации культуры на самом деле не только противостоит политическому планированию, обвиняя его в утопизме (та-

⁴⁵ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. Учебник для студентов вузов. М.: Алгоритм, 2002. С. 222.

ким образом ею определяются надежды угнетенных), но и закрывает перспективу качественно иного будущего, подменяя геополитической «real policy» высокие утопии Просвещения, которые знаменовали собой прорыв человечества в иное историческое измерение.

Именно в этом плане — как якобы заведомо утопичную борьбу с очевидной социальной несправедливостью — Панарин понимал и известную формулу, определяющую политику как искусство возможного, рассматривая возможность не как вседозволенность. В сотворённом мире вседозволенность сужает спектр возможного, лишает человека рассудка, народы — энергии жить и выстоять, а саму жизнь — высшего смысла. Подлинное имя вседозволенности, которую демонстрируют и страны-гегемоны, и социальные группы, сконцентрировавшие в своих руках власть, — хаос: «Сначала хаос выступает под знаком либеральной вседозволенности — потакания Эдиповой «безотцовщине», не выносящей «репрессии норм». А затем, на стадии, когда он принимает форму «терроризма» и стихийного «экспорта уголовщины», которую цивилизованное общество не в состоянии терпеть, он становится поводом для «гуманитарных вмешательств» мирового жандарма»⁴⁶.

* * *

В лекции, прочитанной Панариным при вручении ему премии Солженицына, говорилось, что, может быть, сам русский народ и является в мире той загадочной исторической инстанцией, которая остановит глобальное крушение: «Может быть, русскому народу дано защищать те ценности, которые заведомо нерентабельны и потому преследуются рыночниками. И, может быть, когда-нибудь история воздаст ему за это»⁴⁷.

Наследие Панарина изучается и обобщается с участием многих ведущих и молодых учёных, которые относят себя к панаринской школе или поддерживают её. В настоящее время одной из основных площадок для обмена новыми идеями и проектами по цивили-

⁴⁶ Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 691.

⁴⁷ Панарин А.С. Я — на стороне народа // Газета «День Литературы». 2002. № 69,

лизационной проблематике стали Панаринские чтения — ежегодный международный форум, посвященный памяти философа. Чтения включают в себя иногда по две-три большие конференции, в том числе с международным участием. I чтения состоялись в 2003 году, через небольшое время после кончины Панарина. Готовя первые Панаринские чтения, организованные по инициативе ректора ГАСК И.К. Кучмаевой, мы избрали одну из самых важных для А.С. Панарина тему «*Культурное наследие как основа национальной идентичности*». II Панаринские чтения «*Российское образование и образ России*» были организованы в 2004 году в Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына (Александр Исаевич принял участие в подготовке форума, войдя в состав оргкомитета). III Панаринские чтения «*Наследие Александра Панарина*» 2005 года состоялись в Оружейной палате Московского Кремля. IV чтения прошли в 2006 году и были посвящены механизмам цивилизационного наследования: «*Культура наследования: природа дарения в глобализирующемся мире*».

К V чтениям 2007 года, посвященным *взаимодействию духовной и политической власти*, проявил интерес председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Кирилл, в настоящее время Святейший Патриарх Московский и всея Руси, благословивший их проведение и вошедший в состав Оргкомитета. Тематика VI Панаринских чтений 2008 года — «*Цивилизация и цивилизаторы: прошлое, настоящее, будущее*». VII Панаринские чтения 2009 года открылись пленарным заседанием «*Россия и Русский мир: социальные перспективы в условиях модернизации*». В рамках каждого форума с момента его организации работала молодёжная конференция или специальная секция. К примеру, молодёжным прологом к VIII чтениям 2010 года стала Международная научно-практическая конференция «*Молодежь — Культура — Политика: историческая память и цивилизационный выбор*», давшая возможность многим молодым исследователям представить результаты своей работы на широкое обсуждение. В 2011 году состоялись IX Панаринские чтения «*Диалектика «вызова-ответа» в прогнозировании социального и культурного развития России*».

X юбилейные Панаринские чтения 2012 года «*Миссия России в современном мире*», проходившие в МГУ, подвели 20-летний итог работы научных и образовательных центров, которые были созданы при участии Панарина. Среди них Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, Государственная академия славянской культуры (ГАСК), а также Российский НИИ культурного и природного наследия имени академика Д.С. Лихачёва. В работе форума участвовали ученые, представляющие целый спектр научных дисциплин: философы и культурологи, политологи и социологи, филологи и экономисты, а также деятели культуры, церкви и политики, что еще раз подтверждает многоплановый характер научного наследия Панарина. К сожалению, даже беглая аннотация всех заявленных докладов и сообщений потребовала бы написания обширного текста, но не смогла бы передать творческую атмосферу, которая отличала этот форум. Поэтому ограничимся упоминанием нескольких постановочных тем. Большая часть докладов была посвящена различным аспектам цивилизационной преемственности и культурной идентичности России в ситуации поиска альтернативы глобализационному единообразию, а также поиску стратегий, в том числе и образовательных, способных консолидировать российское общество и преодолеть последствия социального разлома.

Тематика XI чтений 2013 года — «*Умная политика и цивилизационные вызовы*» — была продолжена на двенадцатых чтениях 2014 года: «*Цивилизационный контекст и экспертное обеспечение государственной политики России*». XIII Панаринские чтения 2015 года проходили с широким международным участием и были посвящены 75-летию со дня рождения Панарина, их тема — «*Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития*». Торжественное открытие Панаринских чтений состоялось в рамках XIX Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС) «*Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси*».

XIV чтения проходили в 2016 году, в преддверии 100-летия Октябрьской революции, их тема — «*Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор*». В 2017 году на традиционных площадках МГУ имени В.В. Ломоносова,

Государственной думы и Института наследия состоялись XV Панаринские чтения на тему «*Выбор национальной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России*», на которых было заслушано свыше 100 докладов.

Организаторами чтений в последние годы являются кафедра философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Институт наследия) и Научный совет при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, одним из создателей которого был Панарин. В подготовке и проведении чтений традиционно участвуют Министерство культуры РФ, экспертные советы и комитеты Государственной думы, Экспертный центр Всемирного Русского Народного Собора, Институт политических исследований (Белград), Российско-французский центр по развитию связей в области науки, образования и культуры, ряд других российских и зарубежных научных и экспертных центров. Благодаря поддержке Российско-французского центра по развитию связей в области науки, образования и культуры, в течение ряда лет известные учёные и политики из Сорбонны и других ведущих образовательных и научных центров Франции являются постоянными докладчиками на чтениях и частыми гостями кафедры философии политики и права. Среди наиболее активных участников чтений — профессор Иван Бло, ряд книг которого посвящены российско-французским отношениям и переведены на русский язык. За эти годы по итогам чтений издана целая библиотека коллективных монографий и сборников научных конференций.

Новую жизнь в организацию Панаринских чтений вдохнула недавняя инициатива Экспертного центра ВРНС и Самарской епархии. 28 мая 2018 года состоялся первый культурно-исторический научный форум в формате веб-конференции «Панаринские чтения», посвящённый памяти А.С. Панарина и приуроченный к 25-летию организации Всемирного Русского Народного Собора. Организаторами конференции выступили Экспертный центр ВРНС и Самарское региональное отделение ВРНС при поддержке Правительства Самарской области. В подготовке форума участвовали

представители оргкомитета Международных Панаринских чтений, ежегодно проводимых философским факультетом МГУ. Тема веб-конференции — «Роль и место российской цивилизации в многополярном мире». Митрополит Самарский и Тольяттинский Сергей в своем обращении к участникам чтений подчеркнул значение трудов Панарина в развитии русской мысли. По словам архипастыря, идеи Панарина уже почти два десятилетия глубоко изучаются в регионе, велик интерес к ним и в светских, и в духовных учебных заведениях. «Еще в 2000-х годах Панарин предвидел, что будет сейчас, и в своих больших значимых трудах как раз описал то, что мы сегодня слышим и видим на экранах ТВ и слышим на радио. И поэтому важно, чтобы этот человек и его труды были раскрыты для широкой аудитории»⁴⁸.

В процессе подготовки чтений их оргкомитет по традиции работает в тесном контакте с экспертным сообществом Федерального Собрания, в том числе с рядом профильных комитетов Государственной Думы ФС РФ. Это свидетельствует о том, что в обществе просыпается интерес к собственным мыслителям, способным вернуть смысл делам и решениям, а не к одной лишь заёмной мудрости и не к тем моделям социально-политического устройства, которые сложились в странах, называющих себя цивилизованными, но убивающих сердце своей цивилизации — веру отцов и самобытность культуры.

1.5. Цивилизация: история концепта

Концепт «цивилизация» относится к числу наиболее востребованных в современных политических и политико-философских дискуссиях. Правомерность отнесения этого слова к разряду концептов обусловлена его теоретической нагруженностью. В любой историософии, которая вводит его в свой понятийный аппарат, оно неизбежно оказывается — если использовать архитектурный термин — одним из

⁴⁸ Информацию о веб-конференции «Панаринские чтения», посвященной 25-летию ВРНС, см.: www.patriarchia.ru/db/text/5212669.html.

несущих элементов, фокусирующих специфику базовой концепции и определяющих важнейшие векторы теоретических и прикладных экспликаций. В то же время нельзя быть уверенным в корректности данного статуса, не сделав ряд оговорок.

Прежде всего, приходится признать, что «концепт не концептуализирован» — он не имеет конвенциональной дефиниции, а также критериев демаркации с другими терминами. При этом многозначность понятия «цивилизация» связана не только с богатством смысла, исторически в него привнесённого, но и с отсутствием фиксированного содержания, которое было бы способно чётко позиционировать его в научном и политическом дискурсе. В лучшем случае, можно говорить о том, что единство содержания сохраняется в рамках определенной историософской парадигмы.

Необходимо учитывать и то, что исторически сложилось несколько традиций использования понятия «цивилизация», и они иногда противостоят друг другу, а иногда пересекаются, создавая гибридные варианты трактовки. Известно, что в научный язык слово «цивилизация» вошло, как уже говорилось, примерно в середине XVIII в. К этому времени его исходное значение (передача дел в сферу компетенции гражданского права) было безвозвратно утрачено, хотя процессуальный характер ещё сохранялся. «Цивилизацией» называлось определённое действие, а именно, развитие, направленное на «улучшение нравов». Речь шла о распространении на всё общество манер, которые были свойственны элитарным кругам и потому расценивались как «высшие». В дальнейшем в содержание понятия были включены такие признаки, как «разумность» и «справедливость». Так, «цивилизация правителя» означала привитие ему привычки избегать излишней жестокости и опираться в своих решениях на разум и «природу вещей».

Лишь после переосмысления понятия «цивилизация» в учении физиократов оно стало употребляться не только для обозначения процесса, но и для характеристики его результата — сначала совокупности нравов, а потом и определённого состояния, типа или этапа в развитии общества⁴⁹. На протяжении XIX–XX вв., по мере

⁴⁹ Такому пониманию способствовали труды французских историков и философов Николя Антуана Буланже, Поля Анри Гольбаха, Виктора Рикети де Мирабо, а

формирования различных теоретико-методологических подходов к структурированию социального пространства и осмыслению социальной динамики, трактовки цивилизации множилось и трансформировались. В результате на сегодняшний день в дискурсе присутствует столь значительное число версий, что работа по их выявлению, осмыслению и классификации может составить предмет отдельной отрасли знания.

Специфика политико-философской рецепции цивилизационной проблематики связана с определённым ракурсом анализа, выдвигающим на первый план вопросы организации политического сообщества и способов координации действий множества акторов с несовпадающими или даже несовместимыми интересами. В данном случае «цивилизация» сопрягается со стержневыми концептами, конституирующими сферу политического, — такими, как «власть», «легитимность», «государство», «конфликт» «согласие», «политическая культура», «политический выбор», «национальный интерес», «суверенитет» и проч. Поскольку в содержательном плане базовый консенсус не достигнут, попытки упорядочить политико-цивилизационный дискурс не прекращаются. Их цель — выявить фундаментальные инварианты, объединить их в идеальный тип и на этой основе добиться придания «цивилизации» статуса устойчивого научного термина. Или, как выразился один из ведущих представителей цивилизационного анализа Йохан Арнасон, «основная цель заключается в синтезировании комплементарных или конвергентных совокупностей идей для конструирования идеального типа цивилизационных паттернов»⁵⁰.

Среди способов концептуализации понятия «цивилизация» можно выделить два наиболее распространённых — через сопоставление и путем «аналитической ревизии». О них и пойдет речь ниже.

также работа шотландца Адама Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» (1776), в которой оно впервые использовалось как название одного из этапов развития человечества.

⁵⁰ Арнасон Й. Определение цивилизаций: предварительная модель // Неприкосновенный запас. 2014. № 6 (98). С. 36.

Концептуализация через сопоставление

Данный путь решения проблемы популярен в силу того, что «цивилизация» относится к числу понятий такой степени общности, что давать ему дефиницию через род и видовое отличие весьма затруднительно. Поэтому специфика определяемого концепта выявляется через сравнение с другим понятием. Позицию соотносимого с «цивилизацией» понятия обычно занимает либо «варварство», либо «культура».

«Варварство» служит антитезой «цивилизации» прежде всего в традиции трёхчленной периодизации истории человечества, заложенной трудами Адама Фергюсона, Льюиса Моргана и Фридриха Энгельса⁵¹. В ней «цивилизация» рассматривается как высшая ступень развития, которую человеческий род достигает, миновав последовательно стадии «дикости» и «варварства». Цивилизационный этап является поворотным в развитии человеческого рода. Именно на нём, собственно, и начинается история, поскольку возникают частная собственность, моногамная семья и — что наиболее важно в контексте поставленной проблемы — государство. Таким образом, цивилизация оказывается временем рождения и становления политики или, по крайней мере, институционализации политической общности.

Вопрос о том, можно ли считать какие-либо формы социально-регулирующего в первобытном обществе политической властью, в современной науке остается дискуссионным. Однако, при всем различии позиций, «цивилизация» и «варварство» противопоставляются как качественно различные стадии истории человечества, а их отношение носит антагонистический характер. Наступление цивилизации кладёт конец варварству, а если допускается обратный процесс (к примеру, в парадигме исторического циклизма), то возвращение варварства означает гибель цивилизации.

⁵¹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества = An Essay on the History of Civil Society. М., 2000; Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 21.

Подобная трактовка связана с моноцивилизационной парадигмой, которая исходит не из множественности цивилизаций, а из одной цивилизации, понимаемой как качественное состояние общества на определенной стадии исторического процесса. Отдельно следует подчеркнуть, что выделение нескольких «цивилизаций» (к примеру, «аграрная цивилизация» — «индустриальная цивилизация» — «постиндустриальная цивилизация») не меняет сути дела. Такой подход остается в рамках моноцивилизационной парадигмы потому, что эти «цивилизации» понимаются не как автономные, специфичные социальные образования, а как стадии в единой последовательной трансформации общества. Таким образом, существенным в понимании цивилизации оказывается не специфика, а типологическое сходство различных обществ. «Понятие цивилизации, — писал Норберт Элиас, — подчёркивает общее для всех людей, либо то, что должно стать таковым по мнению употребляющего это понятие»⁵².

Общей, прежде всего, должна быть судьба человечества. Это — аксиома, лежащая в основе идеи всемирной истории. Актуализированная в различных версиях прогрессизма, она утверждает универсальность вектора развития: хотя эволюция различных обществ может идти неравномерно, рано или поздно все они приходят к той стадии, которая носит название цивилизации. При этом параметры «цивилизованности» одинаковы для всех, и именно это позволяет судить о том, что данная стадия достигнута. Соответственно, нормы «цивилизованности» претендуют на всеобщую значимость, устанавливают единую для всех систему ценностей.

Не удивительно, что в современных версиях этой парадигмы часто речь идет о «глобальной», «планетарной», «общечеловеческой» цивилизации, объединяющей все страны и народы, а позицию её оппонента занимает синоним «варварства» — «нецивилизованность» или «недостаточная цивилизованность».

Подобный подход к концептуализации «цивилизации» оказывается предельно политизированным и широко применяется не только в политико-философском, но и в политическом дискурсе. Главная борьба разгорается вокруг вопроса о том, какие именно

⁵² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб., 2001. Т. 1. С. 61.

ценности конституируют «цивилизованность», как и вокруг основной легитимации ответа на данный вопрос.

Многие исследователи указывают на то, что в современной моноцивилизационной парадигме смысловое наполнение базового концепта определяется спецификой исторического развития стран Запада в эпоху капитализма. Как отмечал Н. Элиас, «если посмотреть, какова общая функция данного понятия, во имя чего все эти манеры и достижения людей обозначаются как "цивилизованные", то сразу обнаружится нечто чрезвычайно простое: это понятие выражает самосознание Запада... С его помощью пытаются охарактеризовать нечто важное для западного общества, то, чем оно гордится: состояние *его* техники, принятые в нём манеры, развитие *его* научного познания, *его* мировоззрение и многое другое»⁵³.

На этом основании покоится теория модернизации, разделяющая сообщества на «развитые» и «недоразвитые» и предписывающая последним копировать экономические, социальные и политические институты государств, ушедших вперёд по пути прогресса. В силу этого понятие «цивилизация» уже начиная с конца XVIII в. оказывается тесно связанным с определённым политическим курсом, «оно используется для оправдания национальной экспансии и колониальных устремлений», при этом «процесс цивилизации в пределах собственного общества считается завершённым. Народы ощущают себя обладателями уже «готовой» цивилизации, несущими её другим... Теперь *сознание цивилизованности*, сознание превосходства собственного поведения и таких его субстанциализаций, как наука, техника или искусство, начинает распространяться на целые нации Запада»⁵⁴. Хорошей иллюстрацией этому могут служить слова Франсуа Гизо: «Европейская цивилизация уже вошла, если так можно сказать, в вечную истину, в план Провидения: она прогрессирует в соответствии с промыслом Божьим. Это и есть рациональное объяснение её превосходства»⁵⁵.

⁵³ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб., 2001. Т. 1. С. 59.

⁵⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб., 2001. Т. 1. С. 106–107.

⁵⁵ Цит. по: Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология. 2009. № 3. С. 32.

Претензия на доминирование одной из ценностных систем и делегитимация любых отступлений от нее неизбежно связаны с игнорированием специфики исторических традиций и культур различных сообществ, сведением многообразия социальных форм к единой модели. Всё это вытесняет «нецивилизованные» сообщества на периферию «планетарной цивилизации» и практически не оставляет им шансов на иной жизненный выбор. По отношению к ним возможна лишь позиция «прогрессора» — цивилизаторская миссия, содержание которой заключается в расширении сферы влияния базовых регуляторов на ещё не охваченные ими социальные единицы. Именно поэтому всё чаще в адрес моноцивилизационной парадигмы выдвигается вопрос о «допустимости внутри современной ойкумены и таких динамик, которые, не растворяясь в самодвижении выстроенной Западом «планетарной цивилизации», могли бы — именно в силу сочетания эффектов гетерогенности и глобального резонанса — породить в истории XXI века не просто непредсказуемые сейчас ситуации, а целые — геополитические и хронополитические — «плато непредсказуемости»⁵⁶.

Однако моноцивилизационная парадигма не исчерпывается прогрессистским подходом. Значительный сегмент в ней занимают учения, сопоставляющие «цивилизации» не с «варварством», а с «культурой». В нём, в свою очередь, можно выделить три основные версии.

Согласно первой, данные понятия обозначают принципиально различные, а иногда и несовместимые реалии. К примеру, «культура» противопоставляется «цивилизации» как креативное репликативному (О. Шпенглер) или специфичное универсальному (Н. Элиас). У Н.А. Бердяева антитеза предстает в более развернутом виде — в нее включена оппозиция сакрального и мирского, аристократичного и демократичного, индивидуального и коллективного: «Культура имеет религиозные корни... Культура — символична по своей природе... Цивилизация всегда имеет вид *parvenu*... Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура есть явление

⁵⁶ *Цымбурский В.* Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // *Pro et Contra*. Т. 5. № 3. Лето 2000. С. 174.

глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся»⁵⁷.

Две других версии рассматривают «культуру» и «цивилизацию» как часть и целое и различаются тем, какое именно понятие признают более широким. Так, технократическая традиция считает «цивилизацию» составляющей «культуры». Подобную позицию занимает, например, Дж.К. Гэлбрейт, называющий цивилизацией материально-техническую часть культуры. Иллюстрацией противоположного подхода может служить концепция Л.Н. Гумилёва, считающего культурой совокупность позитивных элементов цивилизации. В «цивилизационном анализе» прослеживается та же логика — культура есть фундамент цивилизации. Его представители (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, Б. Нельсон и др.) утверждают, что «культурные ориентации» (или даже «культурные онтологии») порождают специфические «смысловые универсумы» и продуцируют их институциональное воплощение в «цивилизационных комплексах»⁵⁸.

Для политико-философского дискурса важно, что в данном случае концепт «цивилизация» связывается с отрицательными коннотациями. В этом случае с «культурой» соотносится самобытность духовных основ, а с «цивилизацией» — общие формы социального взаимодействия. Данная антитеза, усматривающая в сфере культуры глубинное, уникальное и добродетельное и оставляющая «в ведении» цивилизации поверхностное, однообразное и учтливое, представлена многими громкими именами, среди которых нельзя не упомянуть И. Канта и Ж.-Ж. Руссо⁵⁹.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. С. 271.

⁵⁸ См.: Арнасон Й. Определение цивилизаций: предварительная модель // Неприкосновенный запас. 2014. № 6 (98); Эйзенштадт Ш. Цивилизационные измерения социальных изменений. Структура и история // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997; Nelson B. Civilizational Complexes and Intercivilizational Encounters // Sociological Analysis. 1973. № 34 (2). Важнейшим источником формирования «цивилизационного анализа» была теория М. Вебера, в которой ярко выражена установка на различение базовых культурных ориентаций при сравнении цивилизаций (см.: Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии // Вебер М. Избранное. Образ Общества. М., 1994).

⁵⁹ Так, по убеждению Канта, «идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в

Особо следует подчеркнуть, что хронологический аспект здесь не всегда важен: цивилизация может как сосуществовать с культурой, так и следовать за ней. К примеру, И.А. Ильин пишет о параллелизме цивилизационного и культурного измерения и асинхронности развития данных состояний у одного и того же народа⁶⁰, в то время как по версии О. Шпенглера цивилизационная стадия занимает строго определённое место на временной шкале — она завершает жизненный цикл социального организма, приходя на смену этапу «высокой культуры»⁶¹. Но и в том, и в другом случае концепт «цивилизация» несёт значительную политическую нагрузку. Так, в учении Ильина оценка конкретного сообщества в логике данного противоположения служит ориентиром при определении политических приоритетов. А в учении Шпенглера «цивилизация» используется для разграничения структурированного и аморфного состояний общества, для противопоставления мощного государства, использующего всю полноту власти для консолидации народа, с одной стороны, и набора политически бессильных институтов управления, зависимых от конъюнктуры рынка, с другой. На этой антитезе основана модель политической легитимации, отрицающая принципы индивидуальной свободы, плюрализма ценностей и нейтральности государства и позитивно маркирующая курс на укрепление центральной власти, повышение национального самосознания, лишение индивидуальной воли ценностной автономии и подчинение её общественному интересу⁶².

любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию» (*Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Кант И.* Сочинения: В 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 23).

⁶⁰ «Народ может иметь древнюю и утончённую духовную культуру, но в сфере внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, техника и т.п.) являть картину отсталости и первобытности. И обратное явление: народ может находиться на высоте технического прогресса и внешней цивилизованности, а в сфере духовной культуры (нравственности, науки, искусства, политики) переживать эпоху упадка» (*Ильин И.А.* Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 томах. М., 1993. Т. I. С. 300).

⁶¹ См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.

⁶² См.: *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002.

Концептуализация путем аналитической ревизии

Суть концептуализации путем аналитической ревизии заключается в выделении базовых элементов, составляющих цивилизацию, и установлении связей между ними. При таком подходе обычно главным вопросом является определение сущностно важного элемента.

Безусловно, результаты подобной «каталогизации» и расстановка акцентов зависят от позиции исследователя, и поэтому неудивительны расхождения в суждениях о «ядре» цивилизации. Варианты различны: эту позицию могут занимать, к примеру, ареал обитания, форма собственности, производства и обмена, уровень развития техники, особенности социальной стратификации, специфика ценностных ориентаций.

Хотя данный способ содержательного наполнения понятия «цивилизация» возможен и в рамках моноцивилизационной парадигмы, всё же преобладает он именно в теориях множественности цивилизаций, выделяющих несколько целостных социальных образований, локализованных во времени и пространстве. В этом случае «цивилизация» чаще является синонимом «культуры» и понимается как *общество во всей совокупности экономической, политической, социальной и духовной организации, определяемой единством ценностных оснований.*

Для всех теорий мультицивилизационной парадигмы качественная специфика каждого культурно-исторического организма принципиально значима, и потому её конститутивным элементом выступает демаркация.

И в том случае, когда «ядро» строится по транстерриториальному — конфессиональному или этноконфессиональному — основанию («исламская», «православная», «индуистская», «славянская», «китайская», «арабская» и пр.), и когда доминируют пространственно-временные критерии («западная», «северная», «степная», «морская», «континентальная» и пр.), границы цивилизации определяются ценностно-символическим единством. Правда, в первом случае пространственный и временной аспекты не столь значимы: не так уж важно, на какой именно территории проживают представители «исламской» или «китайской» цивилизации, главное, что

они сохраняют религиозную и/или этническую идентичность, не ассимилируясь ни в каком ином культурном контексте⁶³. Однако во всех случаях цивилизационная идентичность принадлежит к базовым ценностям, и потому её сохранение служит мощнейшим основанием легитимации в реальной политике. Именно «цивилизация» задаёт эталон «правильности» политики: любые политические шаги подлежат проверке на соответствие цивилизационным основам. Исторические факты и современные события, помещённые в цивилизационный контекст, приобретают статус ценностного ориентира, а их интерпретация служит информационным фундаментом как политической идентификации, так и легитимации (или делегитимации) политических решений. Политический курс одобряется в том и только в том случае, когда он способствует соблюдению, подтверждению и укреплению демаркационных линий. Разрушение и даже размывание этих границ маркируется как покушение на бытие цивилизации и подлежит осуждению.

В рамках мультицивилизационной парадигмы в качестве носителя системообразующих свойств и принципов выступает институционализированная политическая общность — государство (или совокупность государств, причисляемых к данной цивилизации). Именно данная политическая институция призвана объединить общество на цивилизационной основе и обеспечить защиту её ядра как от внутренней эрозии, так и от внешних угроз.

Соответственно, в данной версии цивилизации выступают ещё и в качестве главных акторов мировой политики. Их взаимодействие описывается двумя сценариями — «диалог цивилизаций» и «столкновение цивилизаций». Сценарий «диалога» наиболее активно разрабатывала концепция мультикультурализма, настаивавшая на превращении политического сообщества в метацивилизационную среду, сочетающую ценностный плюрализм и правовой универсализм. Условиями возможности данного решения являются наличие базово-

⁶³ Ср.: «Живая вера в устоявшиеся ценности, постоянно признаваемые как подлинные, постоянно поддерживаемые и утверждаемые, — таков глубинный механизм цивилизации, проходящий через все её изменения» (*Калло Э.* Культурное наследие как основа цивилизации // *Ерасов Б.С.* Сравнительное изучение цивилизаций. М., 2000. С. 83).

го ценностного консенсуса, готовность признать приоритет общих норм по отношению к цивилизационным, а также ценностная нейтральность государства. Как известно, на сегодняшний день не удалось обеспечить корректное и устойчивое соблюдение ни одного из этих условий. Возникли проблемы, заставившие говорить о нерелевантности самой идеи ценностного плюрализма и вновь предельно актуализировать тему оснований и принципов междивизиационного диалога. Как определить предел, до которого цивилизация может подчиняться внешним регуляторам в ущерб своим собственным интересам, сохраняя статус политической целостности?

Что же касается «столкновения», в основу сценария положен принцип борьбы за выживание. Наиболее жёсткий сценарий описан С. Хантингтоном, а в качестве самого «щадящего» исхода противостояния могут рассматриваться варианты теории Realpolitik, согласно которой мир находится в состоянии неустойчивого равновесия, а позиция конкретных «игроков» определяется динамическим балансом сил, способным измениться в любой момент при утрате или приобретении какой-либо стороной некоего ресурса влияния. В данном случае наиболее остро стоит вопрос о пределах противостояния: где находится «точка невозврата», за которой защита своих ценностей выливается в автаркию или широкомасштабную войну?

Для историософии, построенной на идее множественности цивилизаций, эти вопросы остаются болезненными, хотя их нерешённость не мешает использовать «цивилизацию» при легитимации оборонительных и наступательных стратегий в реальной политике.

1.6. Генезис и типология отечественной цивилизации

Основополагающее значение древнерусского периода

При интерпретации цивилизационного процесса используются различные теоретические методы. Наиболее простой состоит в выделении некоего доминирующего фактора развития — матери-

ального, духовного, природного, социального, антропологического и иного, что является удобным инструментарием для одного интерпретатора, но вызывает возражения других. Более сложным является метод создания динамической модели бытия, с помощью которой осуществляется попытка вскрыть развитие сущего через установление динамического противоречия двух противоположных сил. Кроме монистического и дуалистического подходов существует триадический, когда основным принципом объяснения становится выделение троичности — трёх субъектов процесса, трёх стадий развития, трёх возможностей выбора, трёх действующих сил и тому подобное.

В действительности число выделяемых факторов развития не может быть ограниченным. Оно ограничено лишь нашими интеллектуальными возможностями. Поэтому многофакторное, полифакторное, n -факторное (или по-иному обозначаемое) бытие для адекватного отображения в нашем сознании наталкивает на создание всё более сложных теоретических моделей, не ограничиваясь привычно используемыми, которые стали стереотипами мышления, накладываемыми на ускользающее от упрощённой интерпретации бытие, в том числе эволюцию цивилизации.

Нечто похожее мы имеем и при выделении векторов развития. Смысл исторического процесса нередко сводится к действию либо одного вектора (прогресс, регресс, стагнация), либо к борьбе двух (прогрессивного и реакционного, либерального и консервативного, западного и славянофильского). Зачастую сложную геополитическую ситуацию пытаются объяснить, используя оппозиции Запад — Восток, Север — Юг, цивилизованные — нецивилизованные страны. Подобные упрощённые схемы чреватые не только теоретическими, но и практическими ошибками, которые приводят к негативным последствиям, к межнациональным, межконфессиональным, межцивилизационным конфликтам.

Ниже на примере складывания отечественной цивилизации со времен Средневековья как части восточнохристианской, а также при этом как части европейской, евразийской, мировой, предпринимается попытка показать многофакторность и многовекторность развития древнерусской культуры и древнерусского социу-

ма, сложившихся в особых геополитических, природных, исторических условиях и являющихся фундаментом, исходной базой, материковым основанием нашего развития уже более тысячи лет.

Древняя Русь никогда не была замкнутым, изолированным ареалом в рамках мировой цивилизации, она была тесно связана с ней, о чем свидетельствует весь комплекс сохранившихся памятников материальной и духовной культуры⁶⁴. Однако направленность связей с иными народами, прямое и обратное влияние, степень его интенсивности, уровень интеграционных процессов были различными и в разные периоды имели свою специфику⁶⁵.

Древнерусская народность и её культура были изначально, еще в дохристианский период, неоднородны. Существовал не единый славянский монолит, а сложный союз включённых в орбиту жизнедеятельности восточного славянства, при его доминирующей роли, тюркских, угро-финских, балтских и иных племен⁶⁶. Эта исходная позиция, которая позднее всё более обогащалась традициями постепенно входивших в состав Киевской, а затем Московской Руси новых народов, стала одним из существенных факторов самого бытия отечественной цивилизации. Генетическая память и природные задатки многих этносов слились, соединились, сплелись, а затем и проявились в творческом русском гении.

После христианизации Русь выходит на качественно новый, более высокий уровень⁶⁷. Под влиянием кирилло-мефодиевской традиции складывается развитая метасистема духовной культуры, охватившая южных и восточных славян и близкие им народы на основе одной православной религии, одной христианизированной книжности, одного церковнославянского языка в рамках той общности, которая атрибутируется И. Дуйчевым и Р. Пиккио как *Slavia*

⁶⁴ Удалъцова З.В., Шапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. М., 1980.

⁶⁵ Шмурло Е.Ф. Восток и Запад в русской истории. Юрьев, 1895; Феодальная Россия во всемирноисторическом процессе / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1972; Византия и Русь / Сост. Т.Б. Князевская. М., 1989; Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

⁶⁶ Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

⁶⁷ Введение христианства на Руси / Отв. ред. А.Д. Сухов. М., 1987; *Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus (988–1237)*. München, 1982.

orthodoxa в отличие от *Slavia romana* (принявших католицизм части южных и всех западных славян)⁶⁸. При этом следует учитывать зоны смешанного взаимодействия православия и католицизма на территории Балкан, Западной Украины и Белоруссии, а также такой феномен, как униатскую церковь.

Регион *Slavia orthodoxa* находился под сильной духовной эманацией Византии, которая являлась главной хранительницей античного наследия и своеобразным мостом между культурами Запада и Востока⁶⁹. Константинополь с храмом Святой Софии был не только политическим и сакральным центром Восточной Римской империи, но и обширным процветающим космополитическим городом, одной из мировых столиц. Обращение Руси к сказочному Царьграду приводило её к контактам с развитой восточносредиземноморской ойкуменой, важнейшим очагом мировой цивилизации.

Русь, Россия, так же как и Византия, была ареалом евразийским (недаром её гербом стал заимствованный у династии Палеологов двуглавый орел, вззирающий на Запад, и на Восток), однако, в отличие от Византии, стоявшей «на перекрестке» двух миров (С.С. Аверинцев), Киевская и особенно Московская Русь находилась несколько в стороне от основного потока взаимовлияний Европы и Азии⁷⁰. Периферийное местоположение Северо-Восточной Руси приводило к тому, что волны культурного воздействия развитых цивилизаций Востока и Запада доходили до неё позднее и в ослабленном виде, а местные интерпретации нередко имели оттенок провинциальности. Такова, например, эволюция в России стиля барокко, который в Европе имел контрреформационную направленность, у нас же он выполнил функцию не дошедшего до Руси Ренессанса⁷¹.

Геополитический фактор, имеющий объективные пространственно-временные параметры, по-разному воздействовал на различные земли и княжества Древней Руси. Галицкая Русь и Вольнь

⁶⁸ *Studia slavica mediaevalia et humanistica* Riccardo Picchio dicurata / M.Colucci e.a. Roma, 1986. Vol. I-II.

⁶⁹ *Obolensky D. Byzantium and Slavs: Collected Studies*. London, 1971.

⁷⁰ *Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. М., 1988. № 7,9.*

⁷¹ *Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. С. 165–214.*

подверглись европеизации ещё в допетровский период, в том числе путем принятия унии с католицизмом. Новгород и Псков, связанные через Прибалтику с Ганзейским союзом, испытали влияние Северной Европы и возникшего позднее протестантизма. Территории Украины и Белоруссии, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, подверглись колонизации, латинизации и в меньшей степени претерпели татаро-монгольское воздействие, чем земли Московской Руси.

Удалённые в северо-восточный угол Европейского континента окраинные земли Руси сберегли наибольшее количество элементов древнерусского наследия⁷². Достаточно вспомнить сохранившиеся в Поморье былины Киевского цикла. Степень консервации фрагментов традиционной культуры увеличивается по мере удаления сохранивших их регионов от пульсирующих центров. В этом есть и положительный момент. Например, бежавшие в окраинные места Московской Руси старообрядцы сберегли немало ценных памятников и живых традиций допетровской культуры вплоть до нашего времени, в частности, рукописную книжную традицию.

После падения Византийской империи и покорения турками Балкан главным светочем, сохранившим для славянства былую притягательность великой греческой цивилизации, остаётся Афон — духовный центр восточного православия, монашества, аскетической философии исихазма. Однако объективный ход истории и насущные проблемы дальнейшего развития заставляют Русь всё более обращаться к Западу⁷³. Несмотря на острую полемику с католицизмом, протестантизмом, политическую борьбу с Литвой, Польшей, Швецией, идёт процесс неуклонного сближения и всё более активного усвоения достижений ушедшей вперед в своем развитии Европы.

Особенно показателен в этом плане XVII век, когда по образцу Ягеллонского университета в Кракове создаются Киево-Могилянская и московская Славяно-греко-латинская академии; когда в Москве разрастается обширная Немецкая слобода, существуют

⁷² Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

⁷³ Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. (Из истории международных культурных связей России). Л., 1980.

кварталы, населённые армянами, грузинами, татарами, живёт много греков, южных славян, и она, оставаясь средоточием отечественной культуры, приобретает черты пёстрого, многонационального, многоязычного стольного града, став одним из крупнейших городов Европы.

Большой поклонник польской и европейской культуры царь Алексей Михайлович (1629–1676) делает главным придворным идеологом белоруса Симеона Полоцкого, вождя партии латинистов, тайного униата, члена Базилианского ордена, противника грекофилов и старообрядцев. Реформы сына царя — будущего императора Петра Великого — стали логическим продолжением этой политики, а не резкой сменой курса, как иногда полагают⁷⁴. Петр I акцентировал и интенсифицировал элементы прозападной политики своего отца, сделав упор не на постепенное, эволюционное усвоение достижений европейской цивилизации, как его предшественник, но на резкую, революционную ломку сложившихся традиций политической, общественной и культурной жизни России и насильственную перестройку её по западному образцу.

Подобная «вестернизация» политики дала эффект прежде всего в строительстве государства, армии, развитии науки и производства, однако дорогой ценой раскола общества на европеизированную дворянскую элиту и оставшуюся в рамках традиционного жизненного уклада основную массу населения страны. Наступил период отрицания древнерусского наследия, нигилистического отношения к его творениям, массового искажения и даже уничтожения памятников средневековой культуры Руси. Лишь после патриотического подъема во время Отечественной войны 1812 года началось сознательное обращение к древнерусским истокам, их изучение, реставрация и имитация в виде неорусского стиля конца XIX — начала XX в.

При анализе сходства и различия культур разных народов необходимо учитывать конфессиональный фактор. Например, догмат о *filioque* католической Церкви имеет персоналистский подтекст, и он способствовал возникновению на Западе развитого субъекти-

⁷⁴ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

вистского самосознания с приматом активно мыслящего, независимого индивида. Монофизитская интерпретация восточнохристианских Церквей выступает с противоположной тенденцией, более близкой к восточному абсолютистскому типу мышления.

Православная позиция является промежуточной. С западной ее сближает признание двуединой природы Христа, что формировало более сбалансированное соотношение объективного и субъективного факторов в сознании. В то же время восточная патристика, восточное монашество через византийское посредничество принесли на Русь сильную тягу к философии интуитивистского, иррационального, мистического характера, которая отличается большей созерцательностью и меньшей прагматической активностью, нежели западная⁷⁵.

К этому следует добавить, что основополагающее типологическое влияние имела апостольская миссия Кирилла и Мефодия, положивших начало переводу «Книги книг» — Библии — на старославянский язык⁷⁶. В отличие от рафинированно выделившейся западной схоластики, языком которой была книжная латынь, древнерусская мудрость выражала себя посредством возвышенного и вместе с тем понятного народу старославянского языка⁷⁷. Распространение во всём контексте культуры тяготения к живому образному слову, когда философские идеи воплощаются не в виде понятийно-логических конструкций, но путём художественно-пластических образов и символов, составляет доминирующую тенденцию отечественного любомудрия, развившуюся под благотворным воздействием Софии Премудрости Божией от Илариона Киевского до Владимира Соловьёва⁷⁸.

⁷⁵ Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника / Пер. и комм. Г.М. Прохорова. СПб., 2002.

⁷⁶ Георгиев Е. Кирил и Методий — истината за съдателите на българската и славянска писменост. София, 1969.

⁷⁷ Schutz J. Konstantins Philosophie und seine Bestallungsurkunde als Philosoph // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1985. Bd. 31. S. 89–98.

⁷⁸ Флоренский П. Столп и утверждение Истины. М., 1914; Fedotov G.P. Treasure of Russian Spirituality. London, 1950; Брюсова В.Г. София Новгородская. Памятник искусства и истории. М., 2001; Крылов Д.А. Евхаристическая чаша. Софийные начала. М., 2006.

Указанные особенности можно рассматривать как достоинства, ибо они придавали высокую идейную значимость всей культуре, прежде всего литературе и искусству. Они же сыграли тормозящую роль в конституировании философии как особого рода профессиональной деятельности, которая на Западе оформилась ещё со времён средневековых университетов и выразилась в отточенной методологии дискурсивного мышления, сложившейся в условиях многовековых схоластических штудий⁷⁹.

Выше говорилось больше о влиянии Запада на Русь, но нельзя игнорировать и восточное воздействие. Ближний Восток, прежде всего Палестина, Закавказье, Средняя Азия, издавна притягивали Русь⁸⁰. Монгольское нашествие имело не только негативные последствия — после него расширились контакты Руси с народами, вошедшими в орбиту монгольских завоеваний. А борьба с восточным нашествием после свержения ига перешла в экспансию на Восток, вплоть до Тихого океана. Российская государственность вобрала в себя не только черты нового «Третьего Рима», но и стала, по мнению евразийцев (Г. Вернадский и др.), наследницей великой империи монголов⁸¹.

Сходство Российской империи с восточными деспотиями усматривают некоторые исследователи Запада. В частности, М. Червинский писал об Иване Грозном как о деспоте, соединившем в себе черты византийского басилевса и свирепого азиатского хана⁸². Зримым символом российской государственности является знаменитая «шапка Мономаха», связанная с легендой о передаче царских регалий от византийского императора великому киевскому князю Владимиру Мономаху. В действительности она представляет собой золотой, филигранный, в виде тибетейки головной убор среднеазиатского изготовления XIV в., опушенный собольим

⁷⁹ *Pieper J.* Scholastik: Gestalten und Probleme der mittelalterlichen Philosophie. 2. Aufl. Munchen, 1986.

⁸⁰ *Stavrou Th.G., Weisense P.R.* Russian Travellers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus (Ohio), 1986; *Evdokimov M.* Pelegrins russes et vagabonds mystiques. Paris, 1987; *Житнёв С.Ю.* История православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007.

⁸¹ *Halperin Ch.J.* Russian and Steppe: Georg Vemadsky and Eurasianism // Forschung zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1985. Bd. 36. S. 55–104.

⁸² The Structure of Russian History / Ed. by M.Chemiavsky. N.Y., 1970. P. 74.

сибирским мехом с припаянным наверху крестом работы московских мастеров. Ареал восточных обществ, оказавших влияние на Русь, прослеживается вплоть до Индии⁸³.

Следует сказать и о том, что все явления познаются во взаимном сравнении. Русская культура, сложившаяся в Средние века, не является исключением. Таков и её центр — Москва. Приезжающему с Востока путешественнику она представляется вполне европейским городом, а туристу с Запада бросаются в глаза некоторые её азиатские черты, начиная с пестроты церкви Василия Блаженного и кончая не европейской организацией многих элементов жизненного уклада. Белокаменные московские храмы менее похожи на стрельчатую готику тёмного Кёльнского собора, в мощном порыве устремлённого в небо, чем на созерцательную задумчивость ослепительного Тадж Махала⁸⁴.

Наиболее же ярким памятником русского Средневековья является Кремль⁸⁵, причудливо соединивший самобытную древнерусскую планировку с доминантой колокольни Ивана Великого, воздвигнутые итальянскими зодчими соборы и стены, поставленные английским мастером часы Спасской башни с азиатской пышностью столицы «Третьего Рима», стоящей между Западом и Востоком в своей евразийской многоликости⁸⁶. Открытость Европе и Азии, но в то же время настороженность по отношению к ним и естественное стремление не растворить себя ни в Западе, ни в Востоке составляют суть исторической позиции России в системе мировой цивилизации.

Южный цивилизационный вектор

Историю Руси и России, особенно эволюцию отечественной культуры, часто оценивают путём соотнесения с ходом развития западной цивилизации. Если к этому добавить тяготение интерпре-

⁸³ Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI–XV в.). М., 1988.

⁸⁴ Иконников А.В. Каменная летопись Москвы. М., 1978.

⁸⁵ Тихомиров И.Я., Иванов В.Н. Московский Кремль. История архитектуры. М., 1967.

⁸⁶ Philipp W. Russia Position in Medieval Europe // Russia. Essays in History and Literature / Ed. by L.H. Legter. Leiden, 1972. P. 18–38.

таторов, в частности, евразийцев, к Востоку, то возникает общеизвестная схема Запад-Россия-Восток, где отдельным частям обозначенной триады придаётся определённое акцентированное значение. Однако эта прогегелевская схема носит характер, упрощающий ход реальных событий, ибо в неё не вписываются многие факты отечественной истории. Так, становление древнерусской государственности связано с северным варяжским фактором, а генезис отечественной культуры происходил при активном участии южного цивилизационного воздействия.

Вместо шаблонной стереотипной схемы Запад-Россия-Восток требуется создание более сложной теоретической модели многофакторного и многовекторного взаимодействия Руси-России с окружающим миром как в прошлом, так и в настоящем времени. В этом плане важно учесть многовековое воздействие южного цивилизационного вектора на восточное славянство, Древнюю Русь и Россию. Оно началось в незапамятные времена и осуществлялось в значительной степени через древнегреческие города-государства Причерноморья. После крещения Руси началось интенсивное проникновение византийской христианской культуры, которая оказала важнейшее формообразующее и сущностное влияние на древнерусское общество.

Особую роль в этом процессе играла Таврида, ныне называемая тюркским наименованием Крым. Этот стратегически важный полуостров стал связующим звеном, плацдармом, мостом между восточносредиземноморской ойкуменой, где издавна существовали древнейшие развитые цивилизации, взаимодействовавшие друг с другом, и восточноевропейским лесостепным пространством, населённым племенами с архаическим уровнем развития.

Для греков, римлян, византийцев этот край был пограничной зоной их миров, северо-восточным углом античной цивилизации, местом ссылки и столкновения с варварами, своего рода «эллино-римской Колымой», где на тяжёлых работах в каменоломнях надрывались каторжники и гонимые первые христиане, среди которых мы вспоминаем прежде всего мученика Климента, папу Римского.

Но «пределом вѣдомых стран», по словам Максимилиана Волошина, воспевшего Тавриду как выжженную солнцем Кимме-

рию, эта земля была для южных народов. Для северных восточнославянских и иных племён, для Древней Руси, для Российской империи, да и для нас сейчас Таврида была и остаётся окном в средиземноморские цивилизации, местом встречи с великой эллинской культурой, началом приобщения к вечным ценностям православия, ибо здесь протекала одна из миссий святых равноапостольных просветителей Кирилла и Мефодия, именно здесь принимал святое крещение великий киевский князь Владимир.

После османского завоевания Византии и Балкан к середине XV века было почти полностью пресечено доминирующее благотворное воздействие южного цивилизационного вектора, хотя эпизодические путешествия и паломничества на Афон, Святую Землю и другие места, подвластные Порте, продолжали осуществляться. Московская Русь вынуждена была развернуться лицом к латинскому Западу. Началось возрастание, а затем и доминирование латинского западного цивилизационного вектора в нашей истории, продолжающееся до сего дня.

Однако южное направление всегда было и будет притягательным для России. После успешных войн и овладения землями Северного Причерноморья в XVIII веке, своего рода «православной Реконкисты», сходной с освобождением Испании от мавританского владычества, начинается не только экономическое и политическое, но и культурное, духовное, цивилизационное освоение Новороссии с изучением, возрождением и культивированием очагов греко-римской и особенно византийской культуры. Максимилиан Волошин это прекрасно понимал и видел особую роль Киммерии и Тавриды для отечественной истории и культуры как связующего моста между народами Восточной Европы и Средиземноморья. Он сам был не только порождением и отражением этого края, но и его воссоздателем.

Изучая памятники прошлого, поднимая пласты ушедших времен, он создал в Коктебеле своего рода «историко-культурно-природный оазис», называемый ныне заповедником. В свой дом он приглашал друзей со всего света небескорыстно. Ему не нужна была материальная выгода, ему нужна была духовная польза, сотворчество на благо Коктебеля, культивирование этого уникально-

го уголка Тавриды, создание, если угодно, своеобразного «мифа о Коктебеле». Здесь произошла удивительная по своей значимости и последствиям встреча творчески одарённого человека и древней земли, готовой открыть свои тайны для благого дела. Коктебель стал не только одним из самых интересных очагов отечественной и европейской культуры (так полагал, в частности, Андрей Белый), но и возрождённым уголком средиземноморской цивилизации. В этом сокрыта одна из причин его притягательности.

Для северянина приезд к теплому морю, погружение в морскую стихию, эстетическое ею любование, мысленное продолжение взгляда в далекие южные страны есть один из способов общения к великим приморским цивилизациям, а не просто расслабляющий отдых курортного типа. Волошин великолепно осознавал это возвратное стремление к югу своих северных соотечественников, поскольку «Сотни лет мы шли навстречу выюгам/ С юга вдаль — на северо-восток».

В написанном в 1920 году стихотворении «Северо-восток» поэт создает впечатляющий образ «выстуженного северо-востока», где свирепствует «ветер обнажённых плоскогорий, ветер тундр, полей и поморий», где суровая природа сформировала суровые условия социального бытия. Жестокая природа, жестокая история, жестокие нравы — без этого нельзя понять Россию и её судьбу. Не рассудочно, но всем пылом своей страдающей души Волошин как поэт, историк и мыслитель рисует ужасающую в своей неприкрытой сути многовековую поступь череды поколений, стоически выносящих «быль царей и явь большевиков».

Волошин в историософском размышлении о судьбах России приближается к пониманию максимализма и гипертрофированной веры в великие идеи нашего народа, столь удивляющие рациональный и прагматичный западный ум. Без максимального напряжения сил, без полной веры в благополучный исход, без стойкого противостояния жестоким стихиям и бесконечного терпения не смогли бы выжить ни Россия, ни её народ, ни тем более невозможно было создать великое государство и великую культуру.

Свитое им тёплое гнездо на благодатном берегу Тавриды отогревало иззябшие и уставшие души его сородичей, неутомимо

сражавшихся на продуваемых всеми ветрами просторах холодного Русского Севера. И, отогревшись, они, по словам другого поэта, снова бросались в «вечный бой», где «покой нам только снится». Переживавший крушение империи, кровавую вакханалию гражданской войны, гибель и страдание миллионов людей, Волошин не потерял веры в Божественный промысел:

Нам ли весить замысел Господний?
Всё поймём, всё вынесем любя, —
Жгучий ветер полярной преисподней,
Божий бич, приветствую тебя!⁸⁷

Многое можно вспомнить, находясь в Крыму: и ладьи киевских дружин, направлявшихся к Константинополю, и запорожских казаков, освобождавших своих соотечественников с невольничьих рынков Кафы, и героев русско-турецких войн, и наших прославленных адмиралов, и легендарный Севастополь, и просветителя края святого Иннокентия (Борисова), и святыни православной цивилизации, которые манили наших предков переплыть синее море, как влекли они равноапостольную княгиню Ольгу к сказочному Царьграду. Мы не должны забывать об истоках нашей культуры, о том, где они находились, о том, откуда к нам прибывали утончённые дары цивилизаций восточносредиземноморской ойкумены.

Споры о судьбах России

Славянофильство, почвенничество и в немалой степени западничество связаны с кирилло-мефодиевской гуманитарной традицией, установившейся на Руси после Крещения. Смысл её состоит в неразрывном единстве филологии, философии и богословия, когда процесс вдохновенного творчества включает в себя вербальное искусство как умение владеть словом, высокий уровень необыденного мышления, пытавшегося постигнуть основы бытия, и

⁸⁷ *Волошин Максимilian. Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 132–133.*

устремлённость к высшим сакральным ценностям. Этот высокий гуманитарный синтез был заимствован из Византии эпохи её расцвета и связан с древней эллинской культурой единства слова и мысли, восхождения к идеальному, что особенно характерно для платонизма, оказавшего в его христианизированной версии наибольшее влияние на развитие отечественной философии и культуры.

Прекрасным памятником указанной гуманитарной традиции в начальный период явилось «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона, созданное в середине XI века и представляющее подлинный шедевр религиозного пафоса, историософской мысли и вербального творчества в их гармоничном синтезе. Эту традицию, ставшую основополагающей для отечественной духовной культуры, развивали и пронесли сквозь века Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Иосиф Волоцкий, Максим Грек, Симеон Полоцкий, Григорий Сковорода, Михаил Ломоносов и многие другие представители словесного искусства и науки, осмыслявшие в своем творчестве религиозные и философские идеи.

В XIX веке два гения — писатель Фёдор Достоевский и философ Владимир Соловьёв — подтвердили и развили на новом этапе великую гуманитарную традицию единства религиозного, философского и литературного творчества. Её ярким выразителем был А.С. Хомяков, причастен к ней И.В. Киреевский. Не только славянофилы, но также их оппоненты, в частности, П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, высказывали глубокие мысли философско-религиозного характера и проявили при этом несомненный литературный талант. Памятуя об указанной важнейшей традиции отечественной духовной культуры, обратимся к анализу славянофильского учения в его сравнении с западничеством.

Славянофилы, особенно первая их волна, оказали неизгладимое, пробуждающее, вдохновляющее воздействие на жизнь российского общества в эпоху полицейского царствования Николая I, когда всё более сгущались тучи накануне Крымской войны, потрясшей страну и доказавшей необходимость назревших перемен.

Если «Философические письма» Чаадаева раздались, по памятному выражению, подобно выстрелу в ночи и взбудоражили

общественное мнение, прозвучав пощёчиной казенно-оптимистической идеологии, то славянофилы попытались выдвинуть позитивную программу развития страны путём обращения к забытым старорусским первоисточкам. После очистительной грозы 1812 г. Россия жаждала подобного обращения. Более чем столетний период ученичества, погони за Западом, во многом полезный, но по ряду критериев спорный, заканчивался.

«Время подражания... проходит! — воскликнул Алексей Степанович Хомяков. — Мы не можем удовлетвориться тем, чем недавно восхищались. Мы понимаем, что формы, принятые извне, не могут служить выражением нашего духа, и что всякая духовная личность народа может выразиться только в формах, созданных ею самой»⁸⁸.

Так писал вождь славянофилов на листах «Письма в Петербург по поводу железной дороги», опубликованного во 2-й книге «Москвитянина» за 1845 г. Это удивительное сочинение эпистолярного жанра весьма характерно как для русской манеры философствования в целом, так и для творчества Хомякова и его единомышленников в отдельности. Отгалкиваясь от вопроса «любезного друга» по поводу значения железных дорог, открывающих новую эру в развитии России, он переходит к глубоким историософским и культурологическим размышлениям касательно европейской цивилизации, геополитического значения Москвы как «естественного центра» страны, российской словесности, «художества звука» и «художества слова», примата существования перед осмыслением сущности («Жизнь всегда предшествует логическому сознанию и всегда остается шире его»)⁸⁹ и других вопросов.

Это блестящее эссе, в котором сочетается широта кругозора и умение видеть бытие в его целостности согласно духу «религиозной философской культуры» (Г. Флоровский)⁹⁰, когда мысль воспаряет от созерцания единичного факта действительности к панорамному её изображению, причём в великолепной, пластичной, эстетической форме, представляет вдохновенный синтез литера-

⁸⁸ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 3. С. 117.

⁸⁹ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 3. С. 117.

⁹⁰ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983. С. 253.

турно-философского творчества, характерный для славянофилов как выразителей устойчивой традиции отечественного стиля мышления, заложенного ещё во времена Древней Руси под влиянием кирилло-мефодиевского наследия⁹¹.

Уже тогда сложился преобладающий тип русского мыслителя как проповедника, просветителя, подвижника, исповедника и нередко мученика жизнестроительной философии, а не кабинетного ученого, высокоумного схоласта, рассуждающего об отвлеченных категориях гносеологии, логики и онтологии, достойного уважения как честный труженик науки, но не умеющего воспламенить живым глаголом.

Касаясь недавних событий периода наполеоновских войн, обнаживших не только взаимосвязь, но и обусловленное несовпадением целей глобальное противостояние России и Европы, Хомяков писал в рецензии на оперу Глинки (которого он считал сильнейшим выразителем национального самосознания в музыке, «художестве звука») «Жизнь за царя»: «Прошли века, государство Русское окрепло, но новое нашествие с Запада требует нового сопротивления. Это нашествие не меча и силы, но учения и мысли. И против этих нашествий бессильна всякая вещественная оборона, и сильно одно только — глубокое душевное убеждение»⁹². Россия должна не только мечом, политическими, дипломатическими, но и духовными силами отстаивать свою самобытность и свои законные интересы, продолжая при этом взаимоприемлемое сотрудничество с Западом, который уважает сильного соперника и подминает слабого.

Не будем касаться воззрений Хомякова и Киреевского и их единомышленников, они достаточно хорошо известны и, что вполне естественно, вызывают у различных кругов разное к ним отношение. Но позволительно поставить вопрос — были ли идеи славянофилов необъективными, тенденциозными, крайними? Да, при всех оговорках, безусловно, были, и иными быть не могли. Ибо

⁹¹ *Gromov M.N. Medieval Russian Philosophy as a Cultural-Historical Phenomenon: A Typological Delineation // Synthesis philosophica. Zagreb, 1990. Vol. Fasch. 1. P. 65–83.*

⁹² *Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 3. С. 99.*

славянофилы представляли собой таран, ударную силу, которая стремилась поколебать сложившийся порядок вещей, разнести окаменевшие стереотипы, пробиться к живительным родникам первородной жизни: прорубить, перефразируя известное выражение, окно обратно в полузабытую Древнюю Русь, однако не путём социальных катаклизмов, но путём очищения основ общественно-го бытия, пробуждения творческого потенциала народа, создания такой системы организации социума, которая не подавляла бы, подобно николаевскому режиму, напоминающему прусскую казарму, но раскрывала возможности граждан. Заметим, кстати, что славянофилам приходилось вести идейную борьбу с европоцентризмом по двум направлениям: во-первых, против либерального и радикального западничества, оппозиционного правительству; во-вторых, против вестернизированного правящего режима, весьма подозрительно относившегося к «московской партии» и всячески ретировавшего её.

Славянофилы были тенденциозны, этого нельзя отрицать, но настолько, насколько тенденциозны любые первопроходцы, основатели новых учений, несущие в себе энергию прорыва. Взгляд же спокойный, рассудительный, беспристрастный характерен для стороннего наблюдателя, независимого эксперта, не вовлечённого в события исследователя. Он тоже полезен и необходим, но творчески бесплоден, хотя функционально оправдан, заполняя свою нишу в общей интеллектуальной ситуации.

Тенденциозность славянофильства нельзя рассматривать вне конкретного исторического контекста. Ей противостояла не менее активная тенденциозность западничества. И только вместе взятые, они помогают понять смысл полемики. Противостоя как оппоненты, нередко довольно резко и остро, они вместе с тем взаимно дополняли друг друга, образуя то динамическое противоречие, которое служит двигателем, мотором, мощной силой для активизации социальных и идейных процессов, которое пульсирует в мировой и отечественной истории, отражается в мышлении, наталкивает на поиски «целостного метода», к коему стремились славянофилы, в частности, И. Киреевский, полагавший, что оба «элемента», славянофильский и западнический, «должны получить направление,

чтобы действовать благотельно»⁹³. Оба миропонимания России, интерпретации её истории и высказывания проектов будущего развития должны работать на благо страны и населяющих ее народов.

Взаимная борьба, если для неё созданы равноправные условия, если нет стремления уничтожить противостоящую партию, если она ведётся честно, аргументированно, с апелляцией ко всему обществу, — такая борьба способствует преодолению застоя, пробуждению и самореализации творческих сил, динамичному развитию социума, его постоянному прогрессу.

Другое дело, что в России, по ряду причин, не сложилось до сего дня подобной сбалансированной и справедливой для всех представителей разнообразного политического и идейного спектра атмосферы взаимоуважительного диалога. При этих обстоятельствах возникает деструктивная конфронтация, изнутри разрушающая страну. Энергия внутреннего противоречия тратится не на позитивное её использование в интересах общества в целом, а на эгоистическое, временное, мнимое торжество одной из сторон, стремящейся подавить другую.

Хомяков, при всей пылкой любви к Отчизне и отсутствии слепого восторга перед Западом, не мог не отметить разумной организации английского общества, где издавна существует эмпирически найденное и легитимно закреплённое равновесие между консерватизмом, сохраняющим здоровые традиции устойчивого существования нации, и либерализмом, делающим ставку на стимулирование индивидуального начала. И тот успех, которого достиг Альбион не только на Британских островах, но и по всему миру к середине XIX в., во многом объясняется удачно созданной моделью организации собственного социума⁹⁴. Вместе с тем Хомяков прекрасно понимал, что нельзя механически переносить британский опыт на российскую почву.

⁹³ Мюллер Э. Киреевский и немецкая философия // Россия и Германия: Опыт философского диалога. М., 1993. С. 141–143. См. так же: Müller E. Russischer Geist in europäischer Krise / Ivan Kirееvskij (1806–1856). Köln; Graz, 1966. Цитата из сочинения И.В. Киреевского «В ответ А.С. Хомякову» приводится по изданию: Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. М., 1992. С. 66.

⁹⁴ Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 42.

Не случайно в совершенно иной сфере, при освещении истории православия, Алексей Степанович делает упор на его соборности, которая органично сочетает единство Церкви как мистической организации во главе с Христом и уважение индивидуальной религиозной свободы каждого верующего человека⁹⁵. При этом он упрекал (насколько продуманно и доказательно — особый вопрос) католицизм в доминировании внешнего принудительного сплочения, а полемизировавший с ним протестантизм — в увлечении индивидуалистическим началом, могущим привести к гиперкритицизму, десакрализации как общества, так и отдельно взятого индивида.

В отличие от эпигонов, упрощавших ситуацию, и едких обличителей, намеренно утрировавших её, Хомяков, Киреевский, Самарин и другие вожди славянофильства чувствовали глубинный смысл сокрытого противоречия отечественной истории. Они нащупали болевую точку, затронули одну из самых существенных и всегда злободневных для России проблем, прослеживаемую в русле более чем тысячелетней её эволюции сквозь стадии языческой и христианской Руси, допетровской и послепетровской Руси, советского и постсоветского общества.

Речь идет о соотношении местного, укоренённого, автохтонного и привносимого, внешнего, заимствованного факторов во всех сферах жизни, в общественном и личностном сознании. В этом смысле славянофильство, на всех его этапах, было не первой и не последней попыткой осмысления и решения фундаментальной для России проблемы, хотя и одной из самых искренних, во многом жертвенной и подвижнической. Как писал А.И.Кошелев, касаясь бескорыстного служения избранному идеалу, присущего Хомякову: «Жизнь этого человека была постоянным подвигом на благо ближнего, подвигом, который достойно оценится разве потомством»⁹⁶.

⁹⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 219; Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 170–188; Благова Т.И. Алексей Степанович Хомяков и Иван Васильевич Киреевский. Жизнь и философское мировоззрение. М., 1994. С. 81–91.

⁹⁶ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. 8. С. 126.

Герцен верно уловил то подспудное течение, идейным выразителем которого стало славянофильство. Называя его «славянизмом» или «русицизмом», в присущей ему несколько экзальтированной и цветистой манере наш западник писал, что «не как теория, не как учение, а как оскорблённое народное чувство, как тёмное воспоминание и верный инстинкт, как противодействие исключительно иностранному влиянию» славянофильство существовало «со времени обривания первой бороды Петром I» как «противодействие петербургскому терроризму образования», т.е. насильственной вестернизации общества, в том числе в интеллектуальной, образовательной сфере. Герцен вспоминает и казнённых стрельцов, и замученного царём единокровного сына Алексея, и ненависть к иноземцам при Бироне, и старообрядцев, и даже русских солдат 1812 г., требовавших замены Барклая-де-Толли Кутузовым⁹⁷. Не случайно, например, появление в политической лексике декабристов, даже у таких западнофильствующих мыслителей, каким был протестант Пестель, терминов «Русская Правда», «вече», «дума», есть ни что иное, как их стремление пробудить доимперские элементы национального менталитета⁹⁸.

Можно согласиться с современным исследователем Н.И. Цимбаевым, рассмотревшим полисемантизм термина «славянофильство» и связанного с ним целого букета наименований, что данное определение как обобщающее понятие «служит для обозначения самых разных явлений русской политической и общественной жизни в хронологическом интервале от IX до XX вв.⁹⁹ И, заметим, не является вполне адекватным, уместнее был бы термин «русифильство».

Действительно, если внимательно проследить всю нашу историю от начала до сего дня, то бросаются в глаза противостояние славянского и варяжского элементов во времена образования раннесредневекового государства; антикатолическая, а затем и антипротестантская полемика древнерусских авторов; негодование по

⁹⁷ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. IX. С. 135–136.

⁹⁸ Сухов А.Д. Хомяков, философ славянофильства. М., 1993. С. 32–34.

⁹⁹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 53–54.

адресу западника XVI века — бежавшего в Литву князя Курбского; споры грекофилов и латинофилов в XVII в.; стычки противников и сторонников петровских реформ; взаимные уколы последователей Шишкова и Карамзина — это всё до Хомякова и Киреевского. На многое можно указать и после них: на возникновение неорусского стиля, патриотические подъемы во времена I и II Мировых войн, борьбу русофилов с космополитами, плеяду деревенщиков, кумира последних лет — Солженицына, на нынешнюю вражду двух станов, условно называемых «патриотами» и «демократами».

Кроме констатации данной цепи фактов, для кого-то очевидных, для кого-то искусственно выделяемых (в зависимости от выбранной системы отсчета), важнейшими являются вопросы: 1) как объяснить подобную ситуацию? и 2) какую позицию при этом выбрать?

Что касается первого вопроса, то исчерпывающего объяснения, всех удовлетворяющего, быть не может, однако уместно принять указанное выше фундаментальное противоречие развития российского общества как реально существующее, имманентное по своей сути, актуализирующееся или притухающее в разные периоды. Это, если угодно, тайна нашего бытия, вывернуть наизнанку которую и представить на лицезрение заинтересованной публике невозможно. Это такая же невыразимая вербальными и иными средствами тайна, как жизнь, человек, мир, душа, вселенная, Бог. Разумеется, можно и должно эмпирически изучать данную проблему, позитивистски и мистически ее истолковывать, давать философский и культурологический анализ, издавать источники и добросовестно их комментировать, однако мы не должны забывать о всей малости, поверхностности, субъективизме наших усилий перед лицом великой, неизъяснимой, бездонной загадки бытия России в одном из важнейших её противоречий. Лишь с позиции вечности, которая нам недоступна, можно приблизиться к постижению подобных вещей.

Если коснуться второго вопроса, то здесь возможные варианты более заземлены. Но избави Бог поддаться соблазну принятия абсолютной правоты одной из сторон. Это самый простой, но и самый губительный путь. Нельзя считать полезной только центробежную или центростремительную силу, нужными только традиции или новации, ценным только укоренённое или заимствованное.

Необходим оправданный для сохранения и развития сложной развивающейся системы, каковой являются и общество в целом, и культура, и цивилизация, и отдельный индивид, оптимальный баланс составляющих её сил и тенденций. Любой крен в ту или иную сторону работает на дисбаланс, деформацию и, в конечном счете, на разрушение системы. Для выправления же накапливающейся односторонности развития, как это не раз бывало в отечественной истории, приходится принимать чрезвычайные усилия, ведущие к крену в иную, противоположную сторону. Создание динамичной и устойчивой при этом модели организации социума — наиважнейшая задача, быть может, даже сверхзадача нашего общества, от успешного решения которой зависит будущее России.

Славянофилы были правы в своих воззрениях не абсолютно, но настолько, насколько это требовалось для выправления искривлённого пути развития в русле жёсткой вестернизации страны после петровского переворота. Если бы они сами стали правящей партией и попытались реализовать сполна свою программу, то все не исключено, что мы бы имели крен в иную сторону. Другой крайностью, которая также не может быть однозначно оцениваемой, была во времена Александра III и политика культурной русификации с характерным для неё эклектическим стилем «а-ля рюсс», распространенным на рубеже веков и поощряемым сверху. Киреевский при всей критике петровских нововведений не мог не признать их необходимости. Другой вопрос — цена реформ, необходимость их корректировки, учёт не только имперских целей государства, но и человеческих интересов россиян, бережное отношение к традициям, необходимость соотносить внешние амбиции с внутренними возможностями страны.

Полезно вспомнить эпоху крещения Руси, когда на смену традиционному, укоренённому, привычно родному языческому отношению к миру пришла новая, неведомая ранее вселенская вера, принесённая иноземцами греками. Это был ещё более радикальный переворот в душах людей, но Русь его пережила и возвысилась над своим прошлым. Она выработала новое самосознание, в котором христианский универсализм сочетался со стойким патриотизмом, великолепным выражением коего является «Слово о Законе и Бла-

годати» митрополита Илариона¹⁰⁰, одно из лучших произведений не только отечественной, но и европейской богословско-философской мысли раннего Средневековья¹⁰¹, упомянутое выше.

Сложность проблемы заключается ещё в том, что кроме объективного, суммирующего подхода, немногими носителями которого являются либо внешние наблюдатели, либо стремящиеся к полноте охвата внутренние участники указанной диспозиции, большинство индивидуумов склонны становиться на точку зрения одной из сторон. Они не в силах удерживать в себе раздирающее изнутри противоречие и переходят в один из станов. Подобная позиция вполне уместна, если её носители понимают себя как часть целого, как выразителей одной тенденции, не абсолютизируя её, не считая единственно верной, не претендуя на роль обладателей истины и не зачисляя своих оппонентов в апологеты лжи.

Это звучит особенно актуально в раздираемой изнутри современной России и перед лицом активного воздействия внешних, не только дружественных нам сил. Разрушающего и обособляющего «философского кичения», говоря словами древнерусских авторов, у нас предостаточно, «смиреномудрия» же, умиряющего и созидającego, явно не достает. Недостаёт нам и сокрушения гордыни, когда подавляется в душах людей буйство языческой неводержанности, о чём писали многие отечественные мыслители, в частности, митрополит Никифор великому киевскому князю Мономаху¹⁰².

Присущее славянофилам христианское смирение не умаляло в них духа борьбы за свои идеалы. Они стремились вернуть российское общество не на уровень Древней Руси, а к целостному, нерасколотовому состоянию, в котором оно пребывало до XVII столетия. Три великих раскола потрясли Россию: церковный при Патриархе Никоне, разделивший единое в своем исповедании веры население на сторонников официального православия и ревнителей древнего благочестия; гражданский при Петре Великом, когда от

¹⁰⁰ Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 10–22; Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

¹⁰¹ Müller L. Die Werke des Metropoliten Ilarion // Forum slavicum. Bd. 37. 1971.

¹⁰² Русские достопамятности. М., 1815. Ч. 1. С. 59–75; Шевырёв С. История русской словесности. СПб., 1887. Ч. 2. С. 111–115.

основной массы народа отделилась европеизированная элита, а позднее возникла оторванная от народных корней интеллигенция; тотальный после 1917 г., связанный с полным разрушением традиционного общества, составляющих его сословий, всего уклада жизни, веры не только русского, но и всех народов России.

Из этих великих расколов славянофилы наиболее болезненно переживали второй, касались первого и опасались третьего, который вызревал в XIX в. среди нигилистических, радикальных, экстремистских кругов. Нынешняя Россия испытывает страдания от всех постигших её потрясений. И для заживления ран, воссоздания единства общества весьма актуальным представляется обращение к наследию славянофилов, их полемике с западниками и осознание противоречивого единства «друзей-врагов», которые были двумя ипостасями одного живого организма, их общей Отчизны, но, подобно двуликую Янусу, смотрели в разные стороны.

Не следует опасаться якобы присущего славянофилам изоляционизма. Их деятельность совпадала с общим национальным пробуждением народов Европы, в том числе славянских. Их романтический порыв был связан с европейским романтизмом, предвосхитившим «культур-критику» XX в. (С. Аверинцев), они не мыслили Россию вне «цивилизованных стран», но выступали за более глубокое осознание её своеобразия, использование творческого потенциала, не игнорирование, а достойное проявление присущей ей, как и всем иным странам, самобытности. Думается, что и тесно связанное со славянофильством почвенничество уместно интерпретировать в том же аспекте, не изолируя и не противопоставляя искусственно иным течениям мысли.

Главные тенденции развития отечественной цивилизации в Новое и Новейшее время

Как было показано выше, основой, фундаментом, материковым основанием отечественной цивилизации является древнерусская культура, складывавшаяся в первые века нашей государственности и этногенеза нации. Древняя Русь, по образному выражению

Д.С. Лихачёва, является «нашей античностью», началом всех начал, основополагающей стадией цивилизационного развития¹⁰³.

После петровских реформ начинается, по мнению ряда исследователей, период модернизации России, приведший к современному её состоянию. Этот (теперь уже более чем трёхвековой) период разбивается в свою очередь на несколько подпериодов. Самый продолжительный длился до Октябрьского переворота, он включает ряд стадий. Следующим является советский, насчитывающий несколько десятилетий. Последним по времени выступает постсоветский, самый короткий и переживаемый ныне.

В петровскую эпоху наступает ускоренная вестернизация всех сторон жизни российского общества и происходит своеобразное отрицание древнерусской стадии развития. Центр тяжести государственных усилий переносится на создание тесных и интенсивных связей с Европой ради превращения России в одну из ведущих европейских держав, что не могло не сказаться на развитии отечественной культуры, которая становится более сложной по своей структуре¹⁰⁴.

Прежде всего, она может быть разделена на светскую культуру, ускоренно развивавшуюся и занимавшую всё большую часть общего культурного пространства, и духовную, доля которой постепенно уменьшалась. Процесс секуляризации и обмирщения культуры шёл по возрастающей более полутора веков, однако на рубеже XIX–XX столетий возникает такой феномен, как религиозно-философский ренессанс, прерванный революцией¹⁰⁵.

В советский богоборческий период религиозная составляющая культуры была сведена до минимума, а под духовной стала пониматься вся нематериальная культура, что усложнило демаркацию двух терминов (духовное и религиозное), споры о содержании которых продолжаются до сего дня. Вместо традиционной религии (точнее сказать, совокупности традиционных религий, существовавших в многонациональной Российской империи) устанавливается марксистская квазирелигия, главным пафосом которой явля-

¹⁰³ Лихачёв Д.С. Раздумья о России. СПб., 2006.

¹⁰⁴ Лапто-Данилевский А.С. История русской мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.

¹⁰⁵ Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. С. 711–745.

ется реализация утопического проекта, создание некоего подобия царства Божия на земле, но без Бога¹⁰⁶.

Не маленькая секта, а великая страна с великой культурой была насильственно вовлечена в строительство великой утопии, общие контуры и конечные цели которой, впрочем, постоянно изменялись и корректировались политическим руководством. Не удивительно, что всё это закончилось глубоким мировоззренческим кризисом, деградацией народного сознания и быстрой сдачей коммунистических идеалов прогнившей партийной верхушкой во время начавшейся перестройки, или, как остроумно высказался один из диссидентских философов, «катастрофки» (А.А. Зиновьев)¹⁰⁷.

По мере краха марксистской квазирелигии начинает возрождаться подлинная вера. Восстановление влияния традиционных религий в постсоветский период является одним из важных факторов развития современного российского общества. Следует вместе с тем заметить, что несколько поколений советских людей, выросших в безрелигиозной среде, находятся в растерянности по поводу неожиданного открывшихся возможностей увлечения любой верой, лишь бы это не был материализм, усиленно насаждавшийся как единственно верная мировоззренческая установка. Отсюда проистекает увлечённость в разные, в том числе деструктивные, секты. Отсюда же проистекает обилие целителей, астрологов и прорицателей.

Завершая данный сюжет, необходимо сказать, что выравнивание соотношения религиозных и безрелигиозных элементов в структуре современного российского общества будет происходить трудно и в продолжение длительного периода. Одномоментного «второго Крещения Руси», вопреки некоторым прогнозам, не произошло, но следует признать, что религиозные идеалы и ценности находят всё большее признание в обществе. Общепринято (хороший пример этого даёт президент страны), что исповедовать свою веру следует скромно, не навязывая её другим, уважая верования иных народов России, и не только России.

Таким образом, мы видим на примере анализа сакрального фактора, как причудливо переплетаются и оказывают влияние на

¹⁰⁶ Русская православная церковь. Очерки истории 1917–1988 гг. М., 1988.

¹⁰⁷ *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. М., 2002.

современную ситуацию и древнерусские традиции, и сложная эволюция религиозного сознания в новое и новейшее время, и вызовы современного дня с обилием вариантов выбора, ответственностью и расплатой за этот выбор.

Показательно, что возводимые в начале XXI века храмы в своих росписях подражают не церковному модерну начала прошлого века, не тяжеловесной академической живописи XIX столетия, не куртуазной XVIII века и даже не пестроватой XVII столетия, но высоким образцам древнерусского искусства эпохи Андрея Рублёва и Дионисия. Высокое русское Средневековье XIV–XVI веков является примером для нынешнего сакрального зодчества и церковного искусства, что лишний раз говорит о непреходящем значении культуры Древней Руси¹⁰⁸.

Вместе с тем до нас дошли из прошлого застарелые проблемы церковного раскола, старого сектантства, внешнего обрядоверия, конфессиональной нетерпимости, поверхностного восприятия духовных ценностей, воинствующего теизма и атеизма. Лишь вскрывая историю, генезис, причины возникновения подобных проблем, мы можем не только их лучше осмыслить, но и успешнее разрешать, хотя необходимо признать, что полное их решение невозможно. Отсюда проистекает проблема соблюдения внешней толерантности без изменения внутренних принципов.

Вспоминая петровскую эпоху, с которой началась модернизация России, важно отметить несколько обстоятельств. Первое из них состоит в том, что уже в переходном XVII столетии, когда вместо традиционного средневекового общества в России стало исподволь складываться общество новоевропейского типа, началась медленная, постепенная европеизация страны. Она происходила в области культуры в рамках общеевропейского стиля барокко через польское, украинское, белорусское посредничество по славянскому католическому образцу¹⁰⁹. Петровская же вестернизация происходила по протестантскому, немецкому (немцами на

¹⁰⁸ Прохоров Г.М. Древняя Русь как историко-культурный феномен // Культура Руси-России. Тверь, 2004. С. 19–24.

¹⁰⁹ Громов М.Н. Культура России // История культур славянских народов: В 3 т. М., 2003. Т. 1. От барокко к модерну. С. 114–124.

Руси называли европейцев неславян, т.е. шведов, датчан, голландцев, англичан, германцев, в том числе тех, кто населял Немецкую слободу в Москве), совершенно чуждому образцу, что вызвало значительное ей сопротивление¹¹⁰.

Не случайно Н.А. Бердяев называл Петра Великого «первым русским большевиком» за его методы руководства страной¹¹¹. Здесь встаёт вопрос о темпах развития, о цикличности процессов, о различном соотношении старого и нового, традиционного и инновационного. В петровскую эпоху, как и после разрухи и смуты прошлого века, вызванных революцией и гражданской войной, остро стоял вопрос о форсированном развитии экономики, что повлияло и на политику, и на культуру. Последняя вынуждена была следовать в фарватере ускоренного решения стратегических задач превращения России в достойного оппонента западноевропейских держав, что не могло не сказаться на её специфике и положении.

Всё развитие науки, образования, культуры как в петровское, так и в сталинское время было подчинено интересам строительства мощной, прежде всего в военно-техническом отношении, державы. Приоритет естественных наук, финансирование стратегических исследований, гигантские усилия по созданию военно-промышленного потенциала, активная, а порою агрессивная внешняя политика — всё это хорошо просматривается в столь разделённые и одновременно столь похожие эпохи. Апогеем данного типа развития стал период превращения СССР в сверхдержаву уже в послесталинский период, который резко контрастировал с внутренним состоянием страны и её населения и который подорвал плановую экономику социалистического типа.

За периодами сверхусилий следуют периоды спада, стагнации, а порою и глубокого системного кризиса, который в XX веке дважды переживала Россия. Нельзя долго держать в напряжении ни целые народы, ни отдельного индивида. Нынешняя индифферентность, безыдейность, политическая апатия населения есть закономерный результат интенсивной физической и идейной эксплуатации народа в предыдущий период. Нечто подобное мы можем

¹¹⁰ Живов В. Из церковной истории времён Петра Великого. М., 2004.

¹¹¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

наблюдать в области культуры. Вместо произведений живописи, кинематографа, литературы так называемого «большого стиля», с их гипертрофированной идейностью и пренебрежением к реальному живому человеку, ставшими весьма модными на рынке западного искусства, потоком хлынули поделки явно потребительского толка, рассчитанные на самые безыдейные, а порою и низкопробные вкусы. Возник своеобразный новый нэп в культуре, напоминающий ранний нэп двадцатых годов прошлого века, но действующий с гораздо большим размахом и большей долей цинизма, имеющий колоссальную финансовую подпитку заинтересованных коммерческих кругов¹¹².

Однако, по закону цикличности, подобный период безудержной безыдейности должен уступить место новой стадии развития гражданского самосознания, защиты нравственных ценностей, возвращения к классическим образцам культуры. Об этом, в частности, свидетельствует нарастающая полемика в данной сфере и здоровое желание общества оградить себя от саморазрушения. Нечто похожее мы видим на Западе, где за периодом «сексуальной революции», презрения гражданских норм, молодёжного нигилизма пришёл период возвращения к традиционным семейным, нравственным, устойчивым идеалам и ценностям. В Советской России послереволюционная бытовая распушенность также сменилась утверждением привычных ценностей, но в новой социалистической упаковке. А пресловутый моральный кодекс строителей коммунизма был марксистской перелицовкой общечеловеческих религиозных норм существования личности в обществе.

Обращение к петровской эпохе было и будет постоянной интенцией отечественного самосознания, равно как обращение к временам Древней Руси. Данная эпоха всегда будет являться классическим примером модернизации прозападного типа, а древнерусская — апеллирования к сохранению коренных устоев. И то и другое необходимо, о чём свидетельствует нескончаемый спор прежних и нынешних западников и славянофилов, где нет одной правой и другой неправой стороны, но есть разная акцентировка

¹¹² Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М., 2000.

сложного процесса цивилизационного развития России, не сводимого к однозначной и одномерной его трактовке¹¹³.

Если обратиться к событиям, развернувшимся в постсоветской России, то нельзя не отметить, что нынешняя эпоха может быть охарактеризована как неопетровская по ряду причин. Личность великого реформатора сейчас пользуется высоким почётом, в том числе на государственном уровне. Иногда новый культ Петра Великого принимает гротескные формы. Это позволительно сказать о скульптуре сидящего в кресле императора в виде бритоголового монстра с бесчеловечным взглядом и скрюченными руками работы Михаила Шемякина, совершенно неуместно помещённой рядом с Петропавловским собором в сердце Санкт-Петербурга, недалеко от могилы великого реформатора.

Удивительна позиция наших властей. То они нетерпимо преследуют диссидентствующих деятелей искусства, объявляя их творчество упадком, разложением, извращением. То они готовы предоставить им любое место и объявить национальным шедевром их любые творения. Ещё более вопиющий факт петромании произошёл в столице, где власти позволили воздвигнуть на стрелке реки Москвы и водоотводного канала огромную статую Петра с замысловатыми деталями, имеющими неясную семантическую содержательность. Высотой почти с Ивана Великого (вместе с мачтой корабля, на котором, как Гулливер, стоит молодой государь), она стала одной из диссонирующих доминант исторического центра, видимой во многих ракурсах с самых неожиданных сторон.

Представьте, что творилось бы в Санкт-Петербурге, если бы там на стрелке Васильевского острова меж ростральных колонн поставили огромную статую Ивана Грозного в память о Ливонской войне за выход к Балтике? К счастью, Северная Пальмира сохранила свой прекрасный облик имперской столицы России, центра её государственности и культуры XVIII–XIX веков, где чёткая геометрическая планировка улиц и площадей удачно сочетается с неповторимым своеобразием набережных Невы и много-

¹¹³ *Блехер Л.И., Любарский Г.Ю.* Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. М., 2003.

численных рукавов устья реки¹¹⁴. Северная столица не избежала разрушений, особенно сакральных памятников архитектуры, в советский период, однако в целом сохранила свой неповторимый вид, хотя были проекты высотной застройки Невского проспекта и других центральных магистралей города.

Ныне Санкт-Петербург, детище Петра Великого, снова в фаворе. Туда планируется переместить некоторые федеральные учреждения, передать городу ряд столичных функций. В качестве морской, точнее сказать, приморской резиденции президента России отреставрирован Константиновский дворец в Стрельне. Приведены в порядок наиболее ценные в историко-культурном отношении ансамбли, хотя в изрядно запущенной бывшей столице Российской империи имеется ещё много нерешённых проблем. К тому же ей угрожает новая опасность. И в Санкт-Петербурге, одном из красивейших городов планеты, который внесён в списки ЮНЕСКО в качестве объекта мирового культурного наследия, и в Москве происходит физическое и визуальное разрушение сложившегося городского ландшафта. К примеру, мы видим, как вызывающе сверкающие здания банков, отелей, офисов, торговых центров вырастают едва ли не рядом с Кремлём, силуэт которого едва угадывается в панораме современной столицы при виде с Воробьёвых гор. В своё время петровский перенос столицы России в Санкт-Петербург сохранил древнюю Москву вплоть до начала её беспощадной реконструкции в советский период. Подобно этому переносу столицы из Санкт-Петербурга в Москву в 1919 году спас Северную Пальмиру от тотальной перестройки. Сейчас обеим столицам угрожает изменение их облика, причем в Москве процесс реально зашёл уже достаточно далеко, а в Петербурге только начинается.

В подтверждение тезиса о «неопетровской эпохе» сегодняшнего дня укажем лишь на один пример символического и, если угодно, мистического характера. Мало кто в современном обществе знает, что наш государственный праздник День России, приходящийся на 12 июня, совпадает с днём рождения Петра Великого.

¹¹⁴ Wes M.A. *Classic in Russia 1700–1855. Between Two Bronze Horsemen*. Leiden, 1992.

Это делалось не специально, но вышло провиденциально. Специально же в своё время был выстроен грандиозный Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге, посвящение которого не самому известному святому мало кто может объяснить даже в Питере. Дело в том, что память этого святого также приходится на день рождения Петра Великого, что, несомненно, знали строители собора и граждане дореволюционной России, но что забыли их потомки с исторической памятью, сознательно укороченной теми, кто хотел выстроить удобную им идеологизированную модель минувшего.

Для преодоления тенденциозных интерпретаций прошлого и настоящего необходимо привлечение подлинных источников, в качестве которых выступают произведения искусства и творения культуры, как вербальные, так и невербальные. Среди последних особенно следует выделить архитектуру, ибо она оказывает наибольшее воздействие на сознание людей и является наиболее объективным свидетельством, которое невозможно игнорировать. Если письменные источники можно упрятать в архивы, произведения живописи — в запасники музеев, музыкальные сочинения не исполнять, то творения архитектуры, как прекрасные, так и безобразные, как гениальные, так и бездарные, невозможно убрать с улиц, площадей, набережных наших городов, хотя при желании можно исказить их облик или даже уничтожить, чем активно занимались в советское время, расчищая городские пространства и головы людей от наследия проклятого прошлого. Обратимся же к этому ценнейшему источнику, который может поведать нам много интересного о нашей истории, культуре и о нас самих.

Архитектура нашего времени отражает общее кризисное состояние урбанизированной цивилизации, тесно связанное со всеобщим экологическим кризисом. Бездуховность, безликость, дегуманизация современной архитектуры, утрата национальных особенностей, органичной связи с природой, оказывающие постоянное стрессовое, антиэстетическое воздействие на человека, вызывают серьёзное беспокойство и желание разобраться в архитектуре как таковой.

О близости архитектуры и философии свидетельствует смена стилей. Стиль выступает как всеобщая форма организации всех ви-

дов творческой деятельности, скрепляя их в гармоничное целое. Дом, одежда, язык, мышление людей подстраиваются под одно «звучание стилевого камертона», но, разумеется, в различной степени¹¹⁵. Наиболее зримо эволюция стилей проступает в архитектуре¹¹⁶.

Видные теоретики архитектуры выявляют общезначимое, философское её содержание. По мнению Эрнесто Роджерса, «архитектура есть закрепление времени — эпохи в пространстве», она «преобразует преходящее в вечное»¹¹⁷. «Визуальный язык» архитектуры, считает Вальтер Гропиус, позволяет создавать ей наиболее впечатляющие образы эпохи¹¹⁸. «Высшим продуктом человеческого духа» именуется произведения зодчества Ф.Л. Райт: «В них живут его сокровенные мысли, здесь его философия, истинная или ложная»¹¹⁹.

Организуя пространство средствами архитектуры, человек не только создает утилитарную среду обитания, он воплощает своё видение мира, свои представления о красоте, свою мечту о гармоничном бытии. Это особенно глубоко осознаётся в развитых цивилизациях. Как модель космоса понималось жилище человека в традиционной индийской архитектуре¹²⁰. Столь же философична и китайская архитектура. Строившийся под знаком «Ян» дом воспринимался как мироорганизующий символ, в расширительном смысле понимавшийся как улица, селение, город, страна, вся Поднебесная империя; ему противостоит существующее под знаком «Инь» неорганизованное пространство¹²¹. У древних славян также имелась своя укоренившаяся символическая семантика дома, стен, очага, ложа, открытых в мир дверей и окон, глубоко спрятанная до сих пор в нашем подсознании¹²².

¹¹⁵ Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. Некоторые гносеологические и социологические аспекты проблемы. М., 1984. С. 106–114.

¹¹⁶ Behne A. Die Stile Europas. Von den Griechen bis zum Ausgang des Barocks. Berlin, 1959.

¹¹⁷ Мастера архитектуры об архитектуре. Зарубежная архитектура. Конец XIX–XX век. М., 1972. С. 456.

¹¹⁸ Гропиус В. Границы архитектуры. М., 1971. С. 111–112.

¹¹⁹ Райт Ф.Л. Будущее архитектуры. М., 1960. С. 52.

¹²⁰ Вистара. Архитектура Индии. Каталог выставки / Под ред. Кармена Кагала. Бомбей, 1987. С. 8.

¹²¹ Завадская Е.В. Художественный образ утопической мысли // Китайские социальные утопии. М., 1987. С. 163.

¹²² Байбури А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983.

Возникая в рамках разных стилей, разведённые во времени и неожиданно вместе сосуществующие в пространстве, творения архитектуры различных эпох представляют уникальные свидетельства мировосприятия и мирознания сменяющих друга человеческих поколений.

«Статичное, гармонично-пластическое пространство Древней Греции, мистериальное, вертикально-иерархическое пространство средних веков, геометрически-оптическое пространство Ренессанса, театральное-драматическое пространство барокко, рационализированное, динамическое пространство современной архитектуры»¹²³ явственно отражают «эстетические формации» (А. Флакер), которые, подобно общественно-экономическим формациям, выступают ступенями общего развития человечества.

Архитектура выступает в роли «каменной летописи» не только в исторической ретроспективе. Она впечатляющим образом отражает напряжённые ритмы современной эпохи. Так, одним из наиболее адекватных свидетельств является эволюция советской архитектуры за всё время её существования. Это ценнейший источник по всей истории СССР.

Первым советским стилем стал конструктивизм, отражавший дух решительных преобразований во всех сферах жизни. Неосуществлённый проект памятника III Интернационалу, созданный В. Татлиным в 1918 г. как своеобразная «фантазия индустриального типа»; комплекс зданий Госпрома на площади Дзержинского в Харькове; построенное по проекту лидера конструктивизма Ле Корбюзье здание Центросоюза на улице Кирова в Москве — наиболее яркие образцы данного стиля, своего рода «неопозитивизма в архитектуре». Апофеоз индустриальных силуэтов, «романтическое истолкование техники в качестве общего символа, связанного с пролетариатом»¹²⁴, культ геометрических форм перекликаются с конструктивистской эстетикой театра В. Мейерхольда и кинематографа С. Эйзенштейна¹²⁵. Утверждая новые принципы

¹²³ Мурина Е.Б. Проблемы синтеза пространственных искусств. М., 1982. С. 89–90.

¹²⁴ Теоретические основы советской архитектуры. М., 1985. С. 19.

¹²⁵ Раннопорт А. Наследие архитектурной мысли // Архитектура СССР. 1987. № 5. С. 90–92.

отношения к миру, созвучные XX веку, конструктивизм вместе с тем игнорировал исторические ценности, национальные и природные особенности страны.

С середины 1930-х гг. конструктивизм, носивший космополитический характер «архитектурного эсперанто» и смыкавшийся с пролеткультом, сменяется противоположным ему стилем. Отражением эпохи победившего социализма стал новый, не имеющий устойчивого названия, стиль триумфального характера, который можно условно назвать «советским ампиром». Назывался он иногда и «московским Ренессансом», а в наиболее безвкусовых образцах — «кондитерским стилем»¹²⁶.

В середине XX в. произошло удивительное, но обусловленное политическими и идеологическими факторами явление. В попытках найти народные формы искусства и архитектуры зодчие обратились к историческому прошлому. Это благое намерение в условиях культурной изоляции трансформировалось преимущественно в воскрешение принципов эстетики русского классицизма с привлечением эклектично присовокуплённых элементов национального искусства. В этот период возводятся здания министерств, партийных центров, институтов, домов культуры, разительно напоминающие своим обликом казенные учреждения дореволюционной России, а в национальных республиках — причудливо изукрашенные резиденции прежних среднеазиатских и кавказских правителей.

Апофеозом же помпезного величия стал грандиозный комплекс ВСХВ, каким он сложился к середине 50-х годов. Как с гордостью писал один из авторов: «Отличный ансамбль ВСХВ говорит о великой дружбе социалистических наций и о сельскохозяйственном расцвете»¹²⁷. В связи с этим следует заметить, что архитектура отражает общественное бытие многозначно, многоаспектно, противоречиво. Имеет здесь место и деформация, то, что Гегель называет «кажимостью», или превратным явлением, затемняющим сущность.

История, в том числе современная, нередко порождает совершенно непредсказуемые явления, которые вследствие своей уни-

¹²⁶ Гольц Г.П. Об идейности в архитектуре // Мастера советской архитектуры об архитектуре. Вопросы теории архитектуры. Киев, 1953. С. 32–37.

¹²⁷ Сарабьянов В.Н. Архитектура и общественное сознание. М., 1952. С. 42.

кальности становятся символами эпохи. Таковы высотные здания Москвы, возводившиеся по постановлению Совмина СССР 1947 г. в связи с широко отмечавшимся 800-летием столицы. Их семантика весьма многозначна. В ней отразились и взлет самосознания великого народа, победившего в тяжелейшей из войн, и противостояние кичливой Америке с её небоскрёбами в годы «холодной войны», и стремление создать новые силуэты в панораме огромного города, перекликающиеся своей многоярусностью, индивидуальным обликом, стройным завершением с башнями Кремля, которому была возвращена роль центра столицы, в то время как идея Дворца Советов в качестве «нового композиционного и структурального центра себя исчерпала»¹²⁸.

Однако при ближайшем рассмотрении в «советских небоскрёбах» просматриваются и негативные черты: помпезность, эклектическое убранство; собственно функциональная сторона подавлена тяжестью форм, массивностью всей структуры, насильственным подчинением идеологической «сверхзадаче» естественных законов архитектурного творчества, а порою и невысоким качеством строительства, вызванным спешкой возведения престижных зданий, которые спустя полвека требуют капитального ремонта.

После постановления 1955 г. «Об устранении излишеств в архитектуре и строительстве» вновь происходит резкая смена стиля. Новые веяния в зодчестве, сочетавшие элементы утилитаризма, прагматизма и некогда отброшенного конструктивизма, отразили новую ситуацию конца 1950 — начала 1960-х годов. Развёртывание массового жилищного строительства породило примерно на двадцатилетний период своеобразный «апофеоз Черёмушек» по всей стране.

Эпоха НТР стала постепенно изменять облик городов, вместе с ней возник ряд проблем. Одной из важнейших стало сохранение культурного наследия. Интенсивно разрушавшиеся исторические города зывали о помощи. Началась борьба не только за бережное сохранение, реставрацию, но даже за восстановление утраченных некогда архитектурных творений и регенерацию исторических за-

¹²⁸ Астафьева-Длугач М., Волчок Ю. Роль проекта в развитии общественного сознания // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 2. С. 20–22.

поведных зон. Таковы проекты восстановления Успенского собора в Киево-Печерской лавре (успешно осуществлённого в конце XX века) и возрождения Подола. В Москве восстановлена и поставлена на новом месте Триумфальная арка, сооруженная О. Бове в честь победы 1812 г., широко обсуждается вопрос о возрождении Сухаревой башни и ряда других памятников. Вновь украшают вход на Красную площадь Воскресенские ворота с Иверской часовней.

Таким образом, можно сказать, что архитектура представляет ценнейший исторический источник, несущий в себе социальную, эстетическую, мировоззренческую информацию, выраженную в пластической форме. Она оказывает сильнейшее художественно-эмоциональное воздействие на людей, формирует их видение мира, имеет собственную самоценность, не сводимую к иным формам творчества: «В образах архитектуры мир предстаёт как вселенная, в которой каждая деталь составляет органическую часть целого. Это чувство архитектурности целого невозможно выразить числом, словом или рисунком»¹²⁹.

Следует выделить семь особенностей архитектуры, имеющих общекультурное цивилизационное значение.

1. Постоянный характер воздействия как следствие того, что жить вне организованной средствами архитектуры среды невозможно так же, как жить вне цивилизации. Даже удаляясь от непосредственного контакта с архитектурой, человек несет в себе её образы.

2. Объективность информации, заключённой в творениях архитектуры. В ней «проявляются чистые, не фальсифицированные тенденции времени»¹³⁰ с учётом того, что сам процесс отражения эпохи носит сложный, неоднозначный характер.

3. Синтез искусств, возникающий на основе архитектурного творчества. В этом отношении архитектура по своей интегрирующей функции близка философии, скрепляющей все формы познания мира.

4. Инерционность, ибо архитектурные идеи требуют времени, средств, материалов, порою довольно значительных, для своего во-

¹²⁹ Архитектура и эмоциональный мир человека. М., 2004. С. 27.

¹³⁰ Гидион З. Пространство, время, архитектура. М., 1973. С. 39.

площениа. В этом плане литература, особенно публицистика или поэзия, может гораздо быстрее реагировать на меняющуюся ситуацию.

5. Коллективность творчества, поскольку в реализации архитектурного замысла участвуют большие группы людей различных профессий, начиная от землекопа и кончая кровельщиком. Порою наиболее значительные шедевры сооружаются несколькими поколениями людей и являются уникальным итогом их совместного труда. Это прекрасно передал Виктор Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери». Знаменитый Кёльнский собор св. Петра строился с XIII по XIX в.

6. Опосредованность выражения архитектурных образов в различном материале. Хотя зодчие и предусматривают, как правило, использование конкретного материала и определенной технологии, но в действительности его фактура, качество, пластические возможности всегда варьируются. Это позволяет, в частности, восстанавливать утраченные части памятника согласно первоначальному замыслу, а в отдельных случаях, если речь идёт о сооружении исключительной ценности, допускает возможность регенерации. При этом новая постройка должна смотреться не как искусная подделка, макет в натуральную величину или реставрационная фантазия, а как ясно усматриваемое, тактичное воспроизведение оригинала с максимально возможным использованием документальных данных и сохранившихся фрагментов.

7. Практический характер архитектуры, творения которой всегда служат определённым функциональным целям, даже если отличаются подчеркнутым эстетическим видом или воздвигнуты в рамках самых отвлечённых формалистических направлений. В этом плане архитектура неотделима от строительства, составляя вместе с ним единый процесс создания необходимой для человека цивилизационной среды обитания.

Основатель советской школы практической реставрации П.Д. Барановский считал, что памятники архитектуры как источник не уступают по своей значимости произведениям письменного искусства, а по силе своего воздействия превосходят их.

В самом деле, немногие люди знакомы с посланиями старца Филофея, где обосновывается концепция «Москва — Третий

Рим», в то время как величественная панорама сердца российской государственности — Московского Кремля — имеет мощный державный вид, понятный всем людям планеты, говорящим на разных языках. Такой облик Кремля создавался целенаправленно, он нес в себе вселенскую идею о том, что средоточие великого государства является «своего рода Капитолием «Третьего и последнего Рима»¹³¹. Эта идея пронесена в ансамбле Кремля сквозь века вплоть до нашего времени.

Следует заметить, что ценность имеет не только первоначальный вид, к воссозданию которого тяготеют некоторые сторонники «эстетической» или «романтической» реставрации, но вся эволюция архитектурной идеи, ибо «самый полный, всесторонний объём информации, который мы получаем от памятника, сохраняет и передаёт нам не только первооснова, но и весь комплекс видоизменений, сопровождающих жизнь памятника во времени»¹³².

Ценность источника сохраняют также утраченные в материальном виде, но живущие в сознании людей творения архитектуры, равно как и вся исторически складывавшаяся среда обитания, а также неосуществлённые проекты, вся сложная и противоречивая борьба идей в архитектурной мысли.

Показательна в этом плане история строительства, разрушения и восстановления храма Христа Спасителя в Москве на Волхонке, а также история неосуществлённого проекта Дворца советов на том же месте. Храм Христа Спасителя был задуман как мемориал и памятник в честь победоносной войны 1812 года. После рассмотрения нескольких вариантов был принят и высочайше утверждён проект архитектора Константина Тона, автора Большого Кремлёвского дворца, здания Оружейной палаты, Николаевского и Московского вокзалов и многих других сооружений. Храм строился долго, был полностью закончен и освящён в 1883 году. По симметричному четырёхфасадному плану он напоминает Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге, по белокаменному убранству и

¹³¹ Кудрявцев М.П. Историческая Москва — памятник древнерусского градостроительного искусства // Памятники Отечества. 1980. № 2. С. 106.

¹³² Гессен А.Э. Жизнь архитектуры (вопросы научной реставрации) // Восстановление памятников культуры; (Проблемы реставрации). М., 1981. С. 75.

золотым куполам — соборы Московского Кремля. В нём пластическими средствами выражена идея неизбежного могущества России, божественного над нею покровительства и официальной концепции единства самодержавия, православия, народности, т.е. храм имел не только важное историческое, культурное, мемориальное, но и концептуальное значение¹³³.

Это понимали и те, кто принял решение о его разрушении и строительстве на том же месте гигантского здания Дворца советов, имевшего не только функциональное, но и, несомненно, идеологическое значение. Оно должно было стать главным культовым сооружением марксистской квазирелигии неоязыческого толка. Столпообразная композиция с огромной статуей Ленина наверху напоминала то ли Вавилонскую башню, то ли древние языческие капища, то ли парадные колонны в честь римских императоров. Дворец советов должен был стать важнейшей доминантой новой социалистической столицы, к нему было задумано провести широкие проспекты вместо старых московских улиц, его силуэт выше Эйфелевой башни должен был стать главным в панораме Москвы.

Но этой архитектурной утопии, отражавшей утопию социальную, не суждено было осуществиться. Начавшееся строительство было прервано Великой Отечественной войной, вызвавшей массовый патриотический подъём, изменение общественного настроения и пересмотр некоторых аспектов советской идеологии. Любопытна дальнейшая эволюция данного проекта. Сначала хотели возвести помпезное здание уже на Воробьёвых горах, где ранее предполагалось строительство храма Христа Спасителя по проекту архитектора Витберга. Дело же закончилось тем, что во времена Хрущёва выстроили стеклянную коробку Дворца съездов в Кремле, снеся ряд ценных в историческом и культурном отношении памятников. Тогда же в духе хрущёвского утилитаризма огромный котлован непостроенного Дворца советов на Волхонке приспособили под самый большой в Европе открытый бассейн.

¹³³ Нащокина М. Храм Христа Спасителя // Москва: Архитектурный путеводитель. М., 1997. С. 484–487.

Дальнейшая история хорошо известна. Возникло общественное движение за восстановление храма, развернулась полемика сторонников и противников, храм в конце концов восстановили на новом цокольном основании. Его воссоздание, равно как возвращение в качестве государственных символов двуглавого державного орла под тремя коронами и трёхцветного стяга стали семантически значимыми деяниями новой постсоветской России. Они продемонстрировали завершение коммунистического эксперимента и возвращение страны на естественный исторический путь развития. Они же показали, что помимо архитектурной реставрации в России началась Большая реставрация идей, институций, сословий, составлявших основу дореволюционной России¹³⁴. Наряду с идеей модернизации идея реставрации составляет важнейшую парадигму дальнейшего развития страны, государства, культуры, в целом российской цивилизации в начале XXI века.

То, что происходило в XX веке с отечественной архитектурой, можно наблюдать и на примере литературы, театра, кинематографа, изобразительного искусства. Сейчас, в условиях глобализации, время приносит новые испытания и новые вызовы.

* * *

Завершить этот раздел хотелось бы словами А.С. Панарина: «Нельзя предлагать Истории игру «с нулевой суммой»: пытаться остановить её в целях собственной стабилизации. Запад до сих пор почти всегда поступал иначе: вместо того, чтобы ожидать сокрушительной критики извне, он брал критическую инициативу на себя, смело противопоставляя собственному настоящему качественно новое будущее. Эта способность к формационной инициативе способствовала тому, что исторический процесс до сих пор шёл не в форме смены цивилизаций, а в форме смены формаций в рамках одной и той же западной цивилизации. Если такая способность на этот раз в самом деле изменила Западу, это будет означать, что формационная инициатива перешла к другим культурам и цивилизациям»¹³⁵.

¹³⁴ Громов М.Н. Архитектурные символы России // Новый мир. 1995. № 9. С. 143–149.

¹³⁵ Философия истории: Учеб. пособие / Под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гарда-рики, 1999.

1.7. Мир цивилизаций и война идеологий

Где проходит грань между цивилизационной самоидентификацией и идеологической индоктринацией?

Цивилизационная идентичность, как и механизмы цивилизационной самоидентификации, отличаются постоянством и остаются в своей основе неизменными в течение веков, связывая воедино многие поколения и являясь залогом преемственности. Совершенно иное дело — идеологическая самоидентификация и методы политической индоктринации, которые, по аналогии с компьютерными программами, нуждаются в постоянной «перезагрузке» и обновлении. Идеология — одно из наиболее политизированных, а следовательно, и предельно конъюнктурных и многозначных понятий, которое чаще всего употребляют применительно к политическим учениям и доктринам, претендующим на роль абсолютного, единственно верного (с точки зрения адептов данной идеологии) и полностью систематизированного знания о законах или тенденциях, целях и этапах социально-экономического и политического развития. Особенность таких учений и доктрин — установка на подчинение массового сознания единым представлениям о природе общественных отношений и о должном политическом поведении, что превращает сами доктрины в объект поклонения, в своеобразную «гражданскую религию». Такая трактовка идеологий заметно вытесняет из языка другие значения этого слова, которые ещё не утратили своей эвристической ценности.

Кроме того, именно расширенное толкование позволяет выявить инвариантные смысловые характеристики, важные и для объяснения феномена политической идеологии. Именно здесь кроется причина взаимного притяжения этих исторически сложившихся форм самоидентификации. Это наиболее зримо проявляется в стремлении идеологизировать всю сферу межцивилизационных отношений, превращая любые противоречия в принципиально неразрешимые конфликты и придавая идейный характер даже тем войнам, в основе которых явно лежат сугубо политические и экономические интересы

господствующих элит, борьба за передел ресурсов и территорий, прикрытая идеологическим противостоянием.

Дело в том, что в любом контексте и в любом значении под идеологией понимают, как правило, *особый тип проектного мышления с явно выраженной императивной функцией* — установкой на долженствование. В силу этой особенности идеология, с одной стороны, стремится использовать цивилизационный потенциал общества, паразитируя на «внутренней пассионарности, способности и жизнь свою отдать, но не ради очередных политических программ или экономических проектов»¹³⁶, а с другой стороны, способна подавлять, парализовать саму эту пассионарность, превращаясь в метод, названный «промыванием мозгов». Определить, где проходит граница между раскрытием творческого потенциала и его подавлением, крайне трудно ещё и по той причине, что способность к самостоятельному мышлению и творческому самораскрытию предполагает длительную и глубокую социализацию, то есть процесс социальной, политической и культурной адаптации или ассимиляции. Когда мы говорим о результатах этого процесса, то фиксируем внимание не на количественных характеристиках, а на качественном уровне, например, на степени «врастания» объекта социализации в конкретный социум («высокая» или «низкая» социализация).

Во всех этих случаях имеется в виду либо восхождение на новую ступень индивидуального или коллективного развития (социализация как подъём по ступеням развития человека или социума), либо включение «объекта социализации» в иную, например, в более узкую, элитарную и престижную, или, напротив, в более широкую социальную группу. Иногда речь идёт и о большем — о становлении или изменении «духа народа», о вступлении общества в новую «эру», «эпоху», этап цивилизационного развития, что и позволило, к примеру, Э. Гуссерлю рассматривать идеологию как духовную составляющую любой исторической эпохи.

Но за такое «восхождение», открывающее новые горизонты и возможности, приходится расплачиваться. Не меньшую цену платят

¹³⁶ Интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла // Телеканал «Россия». 31.01.2010 // www.patriarchia.ru/db/text/1058439.

и за «вхождение» — включение в новую возрастную, профессиональную или социальную группу. Имеется в виду и право пользоваться социальными лифтами, что обеспечивает «прохождение» в более высокую социальную страту, и изменение имущественного или образовательного ценза («билет в лифт»), и смена гражданской принадлежности или языковой общности, и «погружение» в какую-то из субкультур. В качестве «платы за входной билет» может быть культурная унификация, добровольный отказ от традиционной идентичности, самостоятельности, суверенности, уникальности. По этой причине современный человек не только приобретает массу преимуществ по сравнению с ушедшими поколениями и даже далёкими предками, но и теряет целый набор жизненно важных способностей, начиная с критичности мышления. Обретённая не критичность выполняет роль анальгетика, позволяет не замечать потерь. То же самое происходит и с независимыми государствами, которые, вступая, к примеру, в межгосударственные союзы, расплачиваются за это частью своего суверенитета (перераспределением базовых компетенций), что иногда граничит с его полной утратой и попранием базовых гражданских прав...

Говоря о феномене «промывания мозгов», следует заметить, что только у «современного человека», по мнению Э. Фромма, этим методом можно вызвать, к примеру, «оборонительную агрессию»: «Чтобы внушить человеку, что ему грозит опасность... нужно, чтобы социальная система обеспечивала почву для промывания мозгов. Например, трудно себе представить, что такого рода внушение имело бы успех у племени мбуту. Это африканские охотники-пигмеи, которые благополучно живут в своих лесах и не подчиняются никакому постоянному авторитету. В этом обществе никто не имеет столько власти, чтобы заставить кого-либо поверить в невероятное... По сути дела, сила внушения, которой обладает правящая группа, определяет и власть этой группы над остальным населением, или, уж как минимум, она должна уметь пользоваться изощёрнённой идеологической системой, которая снижает критичность и независимость мышления»¹³⁷.

¹³⁷ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С.178.

В самом широком плане под идеологией понимается не что иное, как система идей, формирующая замысел какого-либо проекта — технического или научного, художественного или социального, политического или геополитического. При этом идеология позволяет сконструировать более-менее чёткий образ конечного (желаемого) результата и сформировать представление об этапах достижения к поставленной цели. Специально этой теме (с учётом специфики научного и технического творчества, исторического контекста и эволюции феномена политической идеологии) посвящена известная книга Ю. Хабермаса «Техника и наука как «идеология». Следует обратить внимание на кавычки, выделяющие слово «идеология», благодаря чему внимание фиксируется на том, что мы имеем дело с неоднозначной интерпретацией этого явления. Уже на этапе общей постановки проблемы и на всём протяжении анализа Хабермас, как и большинство авторов, пишущих о технике или науке как об идеологии, ссылается на позицию Г. Маркузе («Kultur und Gesellschaft»), который вполне аргументированно обосновывает базовый тезис: «Понятие технического разума, возможно, само является идеологией. Не только применение этого разума, но уже сама техника представляет собой господство (над природой и человеком) — господство методическое, научное, рассчитанное и расчётливое. Определённые цели и интересы этого господства отнюдь не навязываются технике лишь задним числом и извне. Они содержатся уже в самой конструкции технического аппарата. Соответственно, техника — это исторически-общественный проект. В ней спроектировано то, что общество и господствующие в нём интересы замышляют сделать с людьми и вещами. Подобная цель господства «материальна» и в связи с этим принадлежит самой форме технического разума»¹³⁸.

Разумеется, аналогичные выводы можно сделать и применительно к художественному творчеству, в первую очередь — к литературе, поскольку именно в литературном творчестве «пребывает философия» и формируются идеи, составляющие основу так называемого «рецептурного мышления». Как тонко пометил А.С. Панарин,

¹³⁸ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 52.

«модерн выступил как машина утилизации природы, культуры и самого человека и поставил задачу перевода наличной информации из дескриптивного (описательного) состояния в прескриптивное (технологически рецептурное). Те информационные слои культуры, которые не поддавались процедурам такого перевода, третировались как «пережиток», создающий «информационный шум». Критерии, по которым осуществлялись указанные процедуры, сформировала позитивистская методология. Это «чувственная» (эмпирическая) верифицируемость, экспериментальная подтверждаемость и операциональность (переводимость на язык исчислений)». При этом Панарин делает чрезвычайно важный вывод: «Предварительно надо отметить, что ни моральные заповеди, ни озарения великой культурной классики этим критериям заведомо не удовлетворяли. (В самом деле: что стало бы с моралью, если бы её максимы подвергались критерию эмпирической подтверждаемости или практической отдачи!)»¹³⁹

Среди множества современных работ, посвящённых роли идеологии в художественном творчестве и литературе, можно выделить культурологические исследования М. Кундера¹⁴⁰. Он предлагает наиболее простое и чёткое обоснование этой проблемы, называя идеологией сквозной замысел, мотив, обычно скрытый в подтексте произведения. По этой причине любой повествовательный текст, по его мнению, пронизан идеологией, под которой следует понимать не только «ангажированность», зависимость от какой-то идеологемы, «программность» или «идейность» (в интерпретации П. Бурже), но и заложенную в художественный текст «определённую мораль и определённую технику».

Отличие политической идеологии от таких трактовок, делающих акцент на личностном начале творческого процесса, заключается, на первый взгляд, в том, что её обычно воспринимают как «творчество масс», поскольку она действительно вовлекает в процесс изменения социального мира (коллективное социальное творчество — как созидательное, так и разрушительное) миллионы и даже миллиарды людей. Вместе с тем подобная трактовка ни

¹³⁹ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С.191.

¹⁴⁰ Kundera M. Le rire de Dieu // Le Nouvel Observateur. 1985. № 1070. P. 112.

в коей мере не исключает индивидуального начала. Дело в том, что любая политическая идеология, даже эгалитарная, «элитарна» по своему генезису (только элиты сохраняют контроль над производством и распространением знаний, массмедиа и технологиями индоктринации). Впрочем, политические идеологии не только не скрывают, но напротив, всячески демонстрируют свою элитарную (теоретическую) основу — те или иные всемирно известные научные школы и учения, созданные выдающимися мыслителями.

При этом всякий «изм», который ежеминутно встречается в языке науки или политики, подсказывает нам, что речь идёт в данном случае не об уникальном и сугубо личностном восприятии мира, а по преимуществу о так называемом *надличностном пространстве*. Но граница, проходящая между личностным и надличностным, в данном случае более чем условна. В обычной речевой практике, политическом дискурсе и даже в языке науки на каждом шагу происходит подмена понятий и установок. Именно здесь и скрыта причина многих бессодержательных споров о природе консерватизма, либерализма и прочих идей, имеющих «неустойчивый статус». Всякий раз надо задаваться вопросом, что перед нами: то ли это отдельные концептуальные схемы, имеющие хождение в науке, то ли сложившиеся теории, ставшие учениями, то ли частные убеждения, связанные с зависимостью от научных школ? К примеру, консерватизмом можно назвать явления совершенно разного рода — от типа психической конституции¹⁴¹ до глобальных проектов, которые превращают миллионы самостоятельно мыслящих людей в обезличенные массы, объединённые и, соответственно, разделённые не столько подлинными интересами, сколько «большими идеями».

Эти идеи кардинально отличаются от научных уже по той причине, что легко изменяют основу основ мировосприятия и моделей поведения человека — его уникальную иерархию ценностей. Иерархия — ключевое понятие, позволяющее выявить подмену,

¹⁴¹ Достаточно вспомнить в этой связи «Общую психопатологию» К. Ясперса с выделением консерватизма как одного из полярных типов конституции или теорию его предшественника К. Конрада, обосновавшего концепцию «темперамента развития», который бывает либо консервативным, сохраняющим, либо пропульсивным, продвигающим.

поскольку в данном случае главное — не набор значимых ценностей, а их положение в иерархии. Само наличие тех или иных ценностных ориентиров и предпочтений (набор) может оставаться неизменным, что и плодит заблуждения. Но подробнее об этом будет сказано ниже.

В зависимости именно от этого выбора полностью изменяется и сам «контур жизненных интересов» и смыслов, наполняющих жизнь. Этот вывод можно сделать применительно к отдельным людям и большим социальным группам, классам и нациям, хотя само разделение свободно проходит как через сознание отдельного человека, так и через любую группу, в том числе профессиональную или возрастную. Разделение-единение такого рода бывает на порядок сильнее даже классовых антагонизмов, хотя часто апеллирует именно к ним, и этнокультурных отличий, из-за которых зачастую возникает, а также конфессиональной принадлежности, которая играет едва ли не основную роль в возникновении и сохранении или в «распылении» той самой иерархии ценностей.

В надличностном пространстве производятся и пребывают как научные теории, становящиеся предметом доктринального изучения и образовательных практик («школьные учения»), так и политические доктрины, в том числе идеологии («великие учения»). Эти «великие учения» (носителями которых становятся, иногда против собственной воли, сами идеологи и «яйцеголовые», участвующие в их производстве, распространении и «упаковке», а также, и это главное, миллионы людей, далёких от производства и «внедрения» политических идеологий в массовое сознание) по многим принципиальным позициям отличны от теорий. Трудность заключается в том, что по форме подачи и, в частности, по своему понятийному аппарату, а точнее, по терминологии (за каждым термином может стоять множество различных понятий, в том числе и несовместимых), политические доктрины и идеологии могут почти не отличаться от своих «теоретических двойников».

К надличностному пространству можно отнести с определёнными оговорками богословские школы и доктрины, а также иные духовные феномены, которые, по определению К. Манхейма, «обладают структурой и надличностным измерением». Все эти уров-

ни надличностного или внеличного (определение А. Маслоу) познания мира «обнаруживают свою генетическую связь с определённым пространством опыта», но лишь постольку, поскольку познание осуществляется на определённом уровне «установленных в определённой системе понятий»¹⁴².

И либерализм во всех его разновидностях, и консерватизм во всех его формах, и любой иной «изм» можно и нужно, разумеется, рассматривать через призму этой методологической установки, фиксирующей наше внимание на различных уровнях надличностного познания, не смешивая их между собой и с личностным восприятием. Это представляется необходимым, прежде всего, потому, что слишком велика пропасть между такими феноменами, как научные теории, авторов которых относят к «лагерю либералов» или к «лагерю консерваторов» (иногда не считаясь с тем, как авторы идентифицируют собственные концепции) и, к примеру, самими политическими доктринами. Многие из таких доктрин на самом деле давно потеряли хоть какую-то связь с научным мышлением и рассчитаны исключительно на массовую индоктринацию. Если мы не замечаем этой пропасти, то только потому, что ставимся жертвами такой индоктринации. Возможно, слово «жертва» слишком сильно окрашено в стилистическом плане, но в данном случае его употребление уместно, так как человек, утративший способность критически относиться к концептуальной схеме — пусть даже самой продуктивной и многое объясняющей, но заимствованной из «учений», — становится зависимым от «программы», а точнее, скрытого императива, заложенного, казалось бы, в совершенно нейтральную схему.

Остановимся подробнее на том, почему идеологии часто сохраняют имена научных теорий, к которым они восходят, хотя ни одна из теорий в сфере политических наук, в том числе и те, на которых паразитируют идеологии, не только не претендует, но и не может претендовать на статус вероучения. В лучшем случае подобная теория может рассчитывать на признание в рамках научного сообщества с поправкой на то, что это признание не исклю-

¹⁴² Манхейм К. Избранное: Социология культуры М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 71, 446.

чает ни альтернативных подходов, ни конкуренции теорий и школ. И когда мы говорим о «великих учениях» в области науки, то имеем в виду всего-навсего два обстоятельства. Во-первых, отдельные научные концепции и теории приобретают особый статус по той причине, что оказали заметное влияние (созидательное или деструктивное) на становление научной картины мира, на эволюцию взглядов или на социальную и политическую жизнь. Во-вторых, особое положение отдельных теорий отражает объективную потребность в унификации базовых знаний и в разработке образовательных стандартов на всех стадиях обучения, что предполагает целенаправленный выбор немногих адаптированных теорий, дающих общее представление об основных дисциплинах, научных направлениях и доминирующих парадигмах.

В отличие от научных теорий и даже принятых в научном сообществе учений, политические идеологии в основном апеллируют не к уму и не к знаниям профессионалов, а к чувствам массы, причём самым сильным и возвышенным. Либерализм — к чувству личного достоинства тех, кому улыбнулась удача (поэтому, как подметил К. Вебер, именно для либералов столь привлекателен протестантизм, трактующий успех как награду свыше); социализм — к неистребимому инстинкту справедливости; национал-социализм — к оскорблённому чувству национального достоинства. Но высокие чувства — это только внешняя оболочка. Невелика была бы цена любой политической идеологии, если бы она, апеллируя к высокому, не паразитировала на низменном. Либерализм — на гордыне и патологической жадности, социализм — на зависти, а национал-социализм — на больном и извращённом сознании, способном превратить человека и целый народ в убийцу и маньяка.

Доминирование этой тенденции («на понижение») связано с существенным изменением функций «великих учений» — политических идеологий и доктрин, которые уже в начале XX века перестали быть уделом узкого круга политиков и дипломатов. Политические учения перестают быть инструментом в руках специалистов и, овладевая массовым сознанием, подменяют собой религиозные доктрины (преимущественно христианские) и религиозную регламентацию поведения человека и общества, вытесняя на пери-

ферию основные традиционные формы самоидентификации — конфессиональной, гражданской, этнокультурной. Именно поэтому важнейшие центры распространения христианской цивилизации, прежде всего, Европа и Россия, не только стали основным театром и полигоном «идейных войн» — гражданских и мировых (самых разрушительных и бесчеловечных за всю историю становления цивилизаций), но и превращены в антиподов. Механизм реализации такой самоистребительной стратегии — навязанная политическим элитам конкуренция взаимоисключающих геополитических проектов, предполагающих полную перестройку всех межкультурных связей, социальных и экономических отношений.

Возникает закономерный вопрос: насколько жизнеспособны политические идеологии и есть ли необходимость их совершенствовать или видоизменять, изобретать новые и новые доктрины, претендующие на эту роль? Как отметил Святейший Патриарх Кирилл, выступая 6 декабря 2010 года на встрече в Краснодаре, «иногда говорят, что страна не может жить без идеологии, что непременно нужна идеология. Я задал себе вопрос: так ли это? И подумал — это неправда. Идеология живет в течение трёх, максимум четырёх поколений людей. Ни одна идеология, которая существовала в мире, не выдерживала больше этого срока»¹⁴³.

И это действительно так: распространение идеологий (индоктринация) порождает иллюзии, в том числе иллюзию обладания вечной истиной или знанием неких неизменных и объективных законов развития. На основании такого «открытия» одни строят этические теории, призванные обосновать «общечеловеческие ценности», которые приходят якобы на смену религиозным доктринам, разделяющим мир на «верных» и неверных». Другие используют «сходство» для сколачивания политических коалиций «единомышленников» (примером служат широко распространенные в мире идейные течения «христиан-марксистов»). Многие говорят о том, что ценности разных культур и эпох если и не совпадают, то имеют несомненное сходство, ссылаясь, например, на

¹⁴³ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном приеме губернатора Краснодарского края в честь Его Святейшества // www.patriarchia.ru/db/text/1337100.html.

мнимое совпадение «кодекса строителя коммунизма» с христианскими заповедями.

Что стоит за такой позицией и есть ли в ней хотя бы малая доля правды? Для того чтобы ответить на этот вопрос, можно воспользоваться образом перевёрнутой пирамиды (пирамиды ценностей), которая состоит почти из такого же набора элементов, что и пирамида-эталон. Разница лишь в том, что высшая точка перевёрнутой пирамиды — преходящие интересы или откровенный культ мамы, а её основанием стала бывшая вершина — признание воли Божией и поклонение Творцу. Причем эта «бывшая вершина» стёрта таким образом, чтобы сохранить хоть какую-нибудь устойчивость. Бог поругаем не бывает, но те, кто допускает разрушение иерархии, не могут рассчитывать на спасение. К слову, так называемая концепция устойчивого развития, которая рассматривается едва ли не как основная политическая формула мировой интеграции и более того — как спасительная доктрина для человечества, является ничем иным, как попыткой создать систему подпорок для перевёрнутой пирамиды. Такие попытки могут лишь задержать крушение: зачем надо было бы искать устойчивости там, где она есть? Естественно, что человеческий мир, в котором нет места ни для высших ценностей, ни для учителей, которые их приносят в мир, обречён: «Истинно говорю вам: ограднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу» (Мф. 10: 11).

Что же касается мнимого совпадения «кодекса» и заповедей, всего грандиозного советского опыта по построению спасительного града на земле, но без Божия участия, то причина относительно продолжительного существования подобной идеологии не должна вызывать сомнений. Чтобы пояснить эту мысль, лучше всего продолжить цитату, которую мы привели выше, взятую из выступления Предстоятеля. По словам Его Святейшества, «самая сильная идеология была в нашей стране. Почему она была сильной? Почему она выжила три поколения, а другая идеология в Германии — только одно? Потому что идеология, которая существовала в нашей стране, эксплуатировала христианскую идею. Люди оставались верующими... не потому что они посещали храмы — они не могли их посещать, в духовном смысле они были загнаны в

подполье. Но они сохраняли систему ценностей, сформированную в Православии... Что такого было в атеистической идеологии, что могло бы заставить человека идти навстречу пулям или отдать свою жизнь на прокладке железной дороги? Да ничего, потому что атеистическая идеология не верит в будущую жизнь, а значит, всякий призыв отдать свою жизнь бессмыслен, потому что жизнь одна. И каждый может ответить — да пойдите прочь с вашей идеологией, я один раз живу, я хочу любить, иметь семью, я хочу иметь дом, комфорт. Как вы можете вдохновить человека на то, чтобы встать и идти в атаку, если за гробом нет ничего? А ведь люди шли. И не только потому, что стояли заградотряды за спиной, но шли и по совести. В людях генетически работала христианская нравственная идея. А идеологии не живут. Нам не нужно больше никакой идеологии. У нашего народа есть сильная, ясная христианская система ценностей»¹⁴⁴.

Как видим, жизнеспособность даже самой влиятельной из идеологий зависит от того, насколько долго она сможет паразитировать на традиции и духовно-нравственной культуре, неотрывно связанной с религиозным самосознанием народа и воспитанной во многих поколениях. Сегодня на смену идеологиям, ослабленным или уже канувшим в Лету, приходят новые доктрины, обосновывающие историческую неизбежность глобализации и характерной для неё культурной унификации — якобы закономерной тенденции, не имеющей альтернатив. На основании этой идеологии происходит явное, а чаще неявное вытеснение традиционных укладов жизни новыми алгоритмами поведения, замещение национальных культур универсальными субкультурами, не признающими ни государственных границ, ни конфессиональных ограничений, но хорошо адаптированными к различным формам коммерциализации всех областей человеческой жизнедеятельности, в том числе и политической. Отсюда — срастание профессиональной политики, которую можно рассматривать как самостоятельную субкультуру, с коммерческими субкультурами.

¹⁴⁴ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном приеме губернатора Краснодарского края в честь Его Святейшества // www.patriarchia.ru/db/text/1337100.html.

Остро критическое отношение к идеологиям необходимо, в первую очередь, представителям научного и экспертного сообщества, предметом деятельности которых являются «великие учения». На них лежит особая ответственность за то, будет ли у человека шанс защитить свое сознание от тотальной индоктринации. При этом следует признать очевидное: у каждой из конкурирующих идеологий будут и взлеты, и падения, и множественные переорождения при сохранении старых имен (имена дорого стоят, будучи, по сути, политическими брендами), и, конечно, миллионы новых последователей. Почему невозможно освободиться от идеологий? Ответ прост: их время продлится до тех пор, пока существуют социальное неравенство и антагонизм, пока функционируют демократические институты, пока сохраняется реальная или иллюзорная возможность выбора альтернативных вариантов развития.

Без *партийных идеологий* не обойтись еще и по той причине, что только конкурирующие партии защищают интересы отдельных социальных групп и сословий, что только в этой борьбе достигается если и не согласие, то хоть какое-то взаимопонимание, похожее, правда, на торжище. На этом торжище каждый из его участников способен уступить немного противнику, пусть даже только для того, чтобы выжить самому. И даже те, кто не переносит идеологий, профанирующих знание, принимают их как меньшее зло, поскольку других вариантов реализации своих политических прав гражданам никто не оставил. Так что идеологии, похожие, переживут ныне существующие государства, в том числе те, которые погибнут в результате войны идеологий или реальной войны, спровоцированной столкновениями на идеологическом фронте.

Сегодня мы наблюдаем возрождение «запрещённых идеологий», в том числе самых радикальных и бесчеловечных. Реанимация радикализма во многом предрешена чередой грубых политических ошибок, которые, как известно, хуже преступлений. Среди них — судьбоносные и уже необратимые решения европейских стран, призванные расширить пространство для глобальных экспериментов, для чего, видимо, и потребовалось в масштабах «за-

падного мира» разом сокрушить базовые устои традиционного общества — семейные и этнокультурные связи, права христиан и даже биологические ролевые функции. И это происходит в условиях беспрецедентного в истории «нового переселения народов», в принципе не способных не только ассимилироваться, но и адаптироваться, приняв нормы «формальной толерантности», к которым уже приучено коренное население в результате «промывки мозгов». По сути, происходящие на наших глазах цивилизационные преобразования до такой степени радикальны, что на их фоне самые масштабные идеологические утопии насильственного преобразования человечества перестают восприниматься как абсолютное зло.

Более того, как отмечают В.В. Миронов и Д.В.Г. Миронова, «“формальная” толерантность есть не что иное, как “цивилизованная” форма безразличия к Другому, а это неизбежно влечёт за собой принижение ценности личности. Абсолютизированная, доведённая до абсурда толерантность, порождая безразличие, укрепляет сознание вседозволенности и потворствует проявлениям ничем не сдерживаемой воли. Забывается кантовская максима “Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого”. Приходится констатировать, что выработанная изначально как призыв к признанию другого, идеология мультикультурализма превращается, по сути, в свою противоположность... В результате в настоящий момент под лозунгом диалога культур зачастую происходит его деформация — диалог подменяется стандартизацией, а это ведёт к разрушению семиосферы и погружению всех культур в пространство глобальной коммуникации. Здесь лишь внешне расширяется масштаб диалогового пространства, так как значительно упрощается характер коммуникации, в основе которой законы и стандарты, далеко отстоящие от сущности и традиций уже сложившихся культур»¹⁴⁵.

Именно здесь, кстати, скрыта причина несовместимости всех существующих конкурирующих идеологий с духом консерватизма как особого типа мировоззрения (в этом случае следует отличать

¹⁴⁵ *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 26.

консерватизм как эволюционирующую сеть старых и новых политических идеологий, взрывающих традиции, от консерватизма, понимаемого как традиционализм). Фундамент подлинного (неизменного) консерватизма — уважительное и бережное отношение к *живым традициям* и, прежде всего, к религиозным, а следовательно, и к традиционной цивилизационной идентичности. Ещё одна причина несовместимости заключается в том, что жизненные циклы политических идеологий, постоянно мутирующих с учетом политической конъюнктуры, совершенно не сопоставимы с временными горизонтами мировых локальных цивилизаций, измеряемыми столетиями и тысячелетиями.

Источник риска, исходящего от идеологий, — тот неоспоримый факт, что каждое из «великих учений» в области политики требует от своих адептов всей полноты веры, хотя на поверку оказывается набором идейных шаблонов или идеологом, способных повлиять на выбор решений, но не имеющих ничего общего с серьёзными теориями. По сути, распространение идеологий — это целенаправленное покушение на религиозную веру, и более того — попытка захватить ту самую нишу в сознании человека и общества, которую занимает религия. Причём эта агрессия осуществляется под псевдонаучным прикрытием, а иногда и с демонстрацией нейтрального или даже уважительного отношения к тому или иному вероучению, поскольку идеологии борются за признание со стороны как можно большего числа своих потенциальных сторонников.

Таким образом, даже враждующие идеологии, как это ни покажется странным, стоят по одну сторону баррикад. Они солидарны в главном — в своём стремлении любой ценой, даже ценой собственной гибели, убить традиционализм. В этом смысле они скорее союзники, члены одного «закрытого клуба» или «ордена»: проигравший идеологический проект если и гибнет, то не зря, ибо он зачищает дорогу другому проекту-победителю, не оставляя шансов главным противникам: традициям, сакральной власти, которую невозможно приватизировать. Более того, если мировое общество устаёт от какого-то монопроекта, то сразу из небытия, как по мановению волшебной палочки, возникают якобы навсегда

забытые идеологии. Устанут толпы от вакханалии смешения народов, и вернуться из небытия самые чудовищные формы расизма. Уже возвращаются. Не случайно в либеральной Европе так терпимо относятся к проявлениям нацизма в новообразованных постсоветских странах.

*«Споры идеологии»: война идей
или столкновение цивилизаций?*

Сразу следует отметить, что в названии рубрики нет никакой опечатки: не о спорах вокруг политической идеологии идет речь, а о спорах иного рода, которые можно уподобить спорам грибов, посредством которых те размножаются. Что посеешь, то и пожнешь, если, конечно, есть необходимые условия для размножения. Споры идеологий почти не доступны зрению, но это живые и весьма активные клетки, в которых идеология скрыта, спрятана. Благодаря этому механизму самовоспроизведения она и получает вторую жизнь каждый раз, когда её споры попадают на благодатную почву. Причём произрастают идеологии, в том числе самые радикальные, вплоть до откровенно нацистских, иногда там, где мы меньше всего готовы с ними встретиться. Они зачастую поражают сознание людей, считающих себя совершенно аполитичными и независимыми уже в силу своего образовательного ценза и самодостаточности. По этой причине многие интеллектуалы искренне полагают, что они-то совершенно свободны от любой идеологической зависимости.

Но мир так устроен, что споры радикальных, то есть наиболее активных и агрессивных идеологий с заложенным в них генотипом оседают именно на почве, пропитанной гордыней самодостаточности. Сегодня все знакомы, наверное, со статистикой, отслеживающей ручьи и реки, которые питают радикальные группировки, в том числе и самые бесчеловечные, типа ИГИЛ. Факты подтверждают, что в реки эти вливаются не только и не столько «тёмные» потоки, состоящие из деклассированных элементов и людей, желающих отомстить миру за свою нищету и попрание человеческого досто-

инства. Основная масса, как ни странно, — это вполне «просвещённая» и сытая публика. Почему такое происходит? Чтобы объяснить этот факт, можно воспользоваться метафорой: грязь к грязи если и пристаёт, то не так сильно, как к рафинированным защитникам личной свободы от контроля и любых внешних влияний — от той же «общей морали» или «поповских нравоучений», как называют атеисты проповедь Христова учения.

Свобода такого типа на то и дана, чтобы её адепты могли вести себя так, как им заблагорассудится, и, соответственно, поступать, не считаясь с приличиями и исключительно по личному волеизъявлению. Такие процессы «внутреннего перерождения», а точнее — расчеловечивания, происходят, увы, во многих «омутах интеллектуального застоя». Правильно говорит пословица: не буди лихо, пока оно тихо. Именно в тихом омуте просыпается иногда такое лихо, которое на порядок радикальнее любого публичного, известного каждому зла. К сказанному следует добавить одно немаловажное наблюдение: подобные противоположности часто находят друг друга, сходятся, хотя сами носители недуга и не догадываются о причинах взаимного тяготения... Идеологии вроде бы у них разные, и даже противоположно направленные (одни, например, ориентированы на культ «Эго», другие — на культ «Послушного стада»), но их роднит общая радикальная установка, а потому их сцепка неизбежна.

Такая сцепка во все времена возникала и в России. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить реакцию многих «просвещённых и посвящённых» на бесчисленные беды и катастрофы, которые обрушивались на Россию. На все социальные потрясения, военные потери или акты террора они отвечали не состраданием и не желанием объединиться с народом в одно целое, а непонятным и болезненным всплеском презрительной радости, почти эйфорией. И так идет издавна — от восторженных поздравительных телеграмм японскому императору в дни тяжёлых поражений в русско-японской войне 1904–1905 годов до ельцинских времен и далее. Разве не они именовали на ведущих медиаканалах повстанцами банды террористов, орудовавших в нашей стране? Разве не они легко и с лёгкостью находят оправдание организованным убийствам

женщин, детей и стариков на Донбассе, демонстрируя нацистам в Киеве свою полную поддержку и называя фашистами тех, кто сражается с нацизмом? Разве не они предлагают нам, наконец, именовать эту свою особую систему взглядов и не вполне адекватную реакцию на боль, которую испытывают другие граждане собственной страны, не идеологией, а деидеологизацией и даже борьбой с идеологией?

После череды риторических вопросов можно задать ещё один вопрос — далеко не риторический: как связаны цивилизации с радикальными идеологиями, да и существует ли такая связь в принципе? Повод для размышлений на эту тему возникает постоянно, как только разгораются споры вокруг государственной культурной и образовательной политики России. Градус противостояния здесь временами зашкаливает, что объяснимо: от того, какой будет эта политика в России, зависит то, какой будет Россия, да и будет ли она вообще. Но самые ожесточенные дискуссии по этому поводу вспыхнули сравнительно недавно, а по сути, на следующий же день после первых заявлений о разработке проекта «Основ государственной культурной политики».

Причина столь быстрой реакции — заявка на цивилизационный подход при выработке культурной политики России. Мощную волну протеста вызвало, к примеру, всего лишь беглое упоминание о том, что традиционализм — условие культурной, цивилизационной и гражданской идентичности, а к России следует относиться как к особой цивилизацией и даже стране-цивилизацией, которая отлична от прочих стран и цивилизаций, в том числе и от западной. Собственно, фиксация внимания на этом последнем отличии и всполошила радикальных либералов и «западников», которые традиционно прилепляются к власти: политической, идейной, медийной, любой, — ибо, как известно, абсолютное доминирование радикальных либералов (рыночных фундаменталистов) во власти — это одно из главных «завоеваний» западной цивилизации. Если российская власть вдруг повернётся лицом к идее цивилизационной самобытности России, то что тогда останется от этого «завоевания»?

Новую, куда более яростную вспышку негодования и бурный поток филиппик в адрес традиционализма вызвал проект «Страте-

гии государственной культурной политики РФ», поскольку и здесь легко прочитывается установка на защиту цивилизационной идентичности. Критики требуют вовсе не улучшения текста, а отказа от самой попытки такую стратегию предложить. Как видите, есть повод задуматься: почему у определённых групп экспертов сразу же возникает столь ожесточенное неприятие любого упоминания о приоритете защиты культурных традиций и об особом цивилизационном пути России?

Не будем называть имён наиболее активных критиков — и не потому, что они никому не известны. Напротив — почти все они уважаемые люди, добившиеся известности вполне заслуженно. Среди них немало раскрученных медийных персон. Причина анонимности совсем в другом: их личности не играют в этом случае, как ни парадоксально это звучит, ни малейшей роли. Дело в том, что все их доводы абсолютно, дословно совпадают, как будто вещают не интеллектуалы, у каждого из которых должно быть свое особое видение происходящего, а один и тот же человек. К тому же их обвинения совершенно не связаны с анализом текста документа.

Приведу только основные «кричалки» (иначе назвать аргументацию подобного типа сложно), предложенные в качестве основных доводов против Стратегии. Первое обвинение: «документ чисто идеологический»(?), другое: «это излишнее вторжение в мировоззренческую сферу», третье взывает к правосудию: «проект не соответствует Конституции», четвёртое: «это не должен быть идеологический документ», пятое: «неправилен сам ценностно-нормативный подход». Но другие критики выступают ещё круче и прямолинейней: «традиционные ценности — это неофашизм», «мы не должны закрываться от современности традиционализмом». И далее в том же духе. Почему они так мыслят — столь непохожие, но столь похоже? Нет ответа.

Впрочем, ответ есть, и дан он был, к примеру, А.С. Панариным, который писал: «То, в чем нам по-настоящему отказывают сегодня, — это наличие особой цивилизационной идентичности. Нашу специфику пытаются подать в сугубо отрицательных терминах — как традиционализм, отсталость, нецивилизированность. И это несмотря на то, что общественная наука давно уже не отожд-

дествляет цивилизованность с одним только Западом, признавая множество сосуществующих цивилизаций на земле. Сегодня мало-мальски образованные люди не скажут, что Китай и Индия — это варварские страны, на том основании, что они отличаются от Запада... Отсюда — концепция глобального «открытого общества» и «открытой экономики», где национальные государственные границы объявляются устаревшими, а сама попытка защищать местные экономики от международного хищничества оценивается как проявление агрессивного национализма и традиционализма, которые должны немедленно пресекаться и наказываться... Самое знаменательное состоит в том, что современный авангард не стесняется оторвать свободу от равенства, от морали и справедливости и провозглашать право современной элитарной личности на свободу в противовес всему тому, что к ней прежде «некритически» примешивалось. Равенство, мораль, справедливость ныне отмечены знаком традиционализма и ассоциируются со стереотипами инертного массового сознания, которому, по всей видимости, так и не суждено стать по-настоящему современным».

Именно по этой причине, по мнению Панарина, господствующим языком на деле становится английский: «Это язык референтной группы — господ однополярного мира, в число которой представители нашей элиты хотели бы попасть. На этом языке говорят эксперты, втайне готовящие стратегические «реформаторские» решения, в первую очередь экономические. Английский стал знаком тех, кто принят и признан, посвящён и включён в списки кандидатов, кому доступна дефицитная информация. Напротив, национальный язык стал знаком изгойства, знаком тех, кто находится на подозрении в традиционализме, патриотизме, национализме и прочих «смертных грехах»¹⁴⁶.

Политическую идеологию следует отличать от идеологии государственной, то есть от стратегии. Какой должна быть идеология России, да и должна ли у неё вообще быть идеология? Именно эту премудрость и не усвоили те, кто писал текст Конституции, заложив в её основу принцип деидеологизации. В глубине души авто-

¹⁴⁶ Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 42, 62, 68.

ры текста осознавали, вероятно, что Россия слишком велика для мелких интересов и мелочных людей. Возможно, они, будучи по большей части людьми образованными, понимали и то, что их полными антиподами являются не русские консерваторы (здесь ничего пояснять не надо), а идеологи канувшего в Лету классического русского либерализма, представленного в свое время крупными мыслителями и патриотами. Его не чурались и просвещённые монархи, поскольку он в целом не был враждебен интересам России. Тем же, кто сегодня называет себя российскими либералами, нравится, скорее всего, само это слово (согласимся, «либерал» звучит лучше, чем казнокрад) и приобщение к вполне уважаемой западной идеологии. Они, доморожденные либералы новейшей популяции, не без основания боятся русских — и людей, и идей, и северных русских пространств, в которых даже европеоидный либерализм русских самодержцев не приживался. Основания для фобий у либеральной элиты такого разлива весомы: основную часть русских действительно не перекуёшь, не научишь воровать, не пересажаешь, наконец.

Но никакая писаная политическая конституция со всеми своими запретами, а тем более заведомо безыдейная, не в состоянии изменить подлинную, неписаную конституцию — дух русского народа. О человеке, физически сильном от природы и не подверженном заразе, говорят, что у него крепкая конституция, имея в виду явно не набор высоких слов, запечатлённых на бумаге. Так же, впрочем, судят и о худом, слабом: не в коня, мол, корм, такая уж у него конституция. Конституция русского народа в этом смысле — на зависть другим народам, о чём говорит история. Поэтому, как ни прикладывай последнюю политическую конституцию к нашему народу, это дела не изменит. Конституция, даже беспамятная, не способна освободить наших граждан от исторической памяти и неистребимого коллективизма (духа соборности), т.к. для этого потребуется не одна образовательная реформа и не два десятилетия нефтяной иглы, а как минимум столетие тотального разложения.

Там, где конституции успешно функционируют в течение очень долгого времени (столетиями), людям действительно не приходит-

ся каждый раз думать. За них «думают» производные от конституции социальные институты, предлагающие отлаженный алгоритм решения задач любого класса — и для отдельных граждан, и для социальных групп на все случаи жизни. Эту способность институтов исправно *«работать на людей и за людей»* и называют обычно политической и правовой культурой. При наличии такой культуры изменяется сама природа политической идеологии: она перестает быть только текстом, поскольку идеи, ее составляющие, уже «материализовались», т.е. превратились в действующие социальные институты. Этот процесс и называют объективацией, или, точнее, созданием институциональных фактов. Таким образом, западные конституции более или менее успешно *работают, функционируют* на институциональном уровне и только поэтому почитаются народом даже в том случае, если они глубоко связаны с «иллюзорным сознанием» политических идеологий и, следовательно, настроены на защиту интересов меньшинства, контролирующего власть.

В современной России, в которой безоглядно демонтировали все советские институты, в том числе и те, которым доверяли несколько поколений *советских людей* (а это все старшие поколения, отстоявшие страну и спасшие мир от политической чумы), подобных традиций уже нет. Их вытравили в процессе демонтажа социалистического государства.

В заключение короткий вывод из сказанного. Жить без политических идеологий — такая же утопия, как биологическая жизнь без болезней и смерти. Идеологии поражают слабых и немощных: те институты власти и государства, которые страдают самой опасной формой иммунного дефицита — неверием, потерей религиозного самосознания. Некоторые умирают сразу, иные долго сопротивляются недугу, но есть и такие, кто приспособливается. Они-то выживают, но разносят заразу. Отношение к идеологиям должно быть соответственное: они не должны заменять и подменять жизнь, с ними просто надо считаться, при возможности — от них надо лечить и лечиться. Не смиряться, а именно считаться и лечиться, ибо они — не что иное, как наказание людям за несовершенство политического устройства мира.

1.8. Роковые события и феномен исторического синхронизма в становлении цивилизации

Перст Божий и метаистория

Роковые события, среди которых наиболее значимыми были великие природные и социальные потрясения, а чаще всего войны между народами, — традиционный предмет повышенного интереса со стороны историков, философов и политологов, да и всех, кто пытается самостоятельно осмыслить прошлое и заглянуть за горизонт *своего* времени. Роковые события — это не просто события в череде других, а поворотные пункты в истории мировых цивилизаций. Они явным, хотя и непостижимым образом изменяют судьбы государств и гражданских наций, этническое самосознание и коллективную память поколений. При этом именно внешние войны, как правило, становятся теми историческими вехами, которыми гражданские нации отмечают этапы своего становления или крушения, взлёта или падения. Причина очевидна: о внутренних, братоубийственных конфликтах, не ставших летальными, грядущие поколения стараются, если возможно, забыть. А если время не стирает память о прежних потрясениях такого рода, то и в этом случае люди не хотят до бесконечности «посыпать солью» долго не заживающие раны.

Потомки враждовавших отцов давно живут в *собственном* мире — неразделённом Отечестве, а политические интриги или идеологии, породившие когда-то внутринациональную вражду, будучи по своей природе не вечными, чрезвычайно изменчивыми и конъюнктурными, не способны до бесконечности питать рознь потомков. Новые поколения принимают «внутрисемейные» войны как данность, как социальную болезнь, требующую излечения. Внешние войны, в отличие от прошедших гражданских войн и самых разрушительных природных катастроф (ответом на них может быть лишь смирение перед судьбой, «волей рока» или гневом Божиим) формируют в сознании миллионов не смирение, а чувство солидарности перед символом общей угрозы — устрашающим образом вполне реального врага. И только такой образ, как

показывает жизнь, способен в течение многих десятилетий и даже столетий консолидировать самые разные этнические пласты и возрастные группы, классы и сословия, оживляя и восстанавливая межпоколенческую связь, коллективную память народов.

Этот вывод столь же применим для анализа современности, как и для понимания древней истории. К примеру, отправная точка в рассуждениях С. Хантингтона о причинах неизбежного столкновения цивилизаций наших дней — признание консолидирующей функции образа врага, цементирующего социум. Хантингтон открывает свою книгу «Столкновение цивилизаций» ссылкой на роман М. Дибдина “Мёртвая лагуна”, повторяя и полностью разделяя старую формулу, вложенную в уста одного из героев романа: «Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся. Это старые истины, которые мы с болью заново открываем после более чем столетия сентиментального лицемерия. Те, кто отрицает эти истины, отрицает свою семью, свое наследие, свое право по рождению, самое себя! И таких людей нельзя с лёгкостью простить». По мнению Хантингтона, «прискорбную правдивость этих старых истин не может отрицать ни учёный, ни политик. Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль “линий разлома” между основными мировыми цивилизациями»¹⁴⁷.

Коллективная память, вошедшая в сознание и подсознание людей после кровопролитных войн, обладает особой прочностью. Она — сплав, с одной стороны, самых низменных чувств и фобий, в том числе жажды кровной мести и концентрированной ненависти к обезличенным людям — живым и мёртвым, вся вина которых в том, что они по крови принадлежат к стану врага, а с другой стороны, самых высоких проявлений человеческой природы. Война — школа бесчеловечности и ожесточения, но и жертвенности, героизма, взаимной поддержки, где наряду с ненавистью рождается способность прощать поверженного противника. Истории народов, *написанные* не только чернилами, но и кровью до роковых событий и после них — разные истории.

¹⁴⁷ Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow, 2003. P. 14–15.

Если войны и кончаются миром, то в любом случае это будет уже другой мир, с новым прошлым, ибо войны, а не летописцы и не учёные-историки, каждый раз заново переписывают историю своих народов и государств. Летописцы и историки, политики и политиканы, журналисты и медиатехнологи, подлинные пророки и мелкие фальсификаторы лишь тогда «творят историю», когда их слово «узнается» коллективным сознанием, уже изменённым войной. При этом неизбежно корректируется представление об исторической истине. Иногда после «тектонических событийных сдвигов» кардинально изменяется временной горизонт и вся историческая перспектива, а, следовательно, и представление о масштабах явлений и событий. То, что казалось несущественным и почти незаметным, на фоне грандиозных поражений или побед выдвигается на первый план, а воистину великие свершения теряются, воспринимаются как «фоновые картинки» или даже как позорные страницы национальной истории.

Такие «абerrации исторического зрения» могут закрепляться в новых поколениях в течение сравнительно короткого времени. Причём временной горизонт подобной коррекции коллективного сознания (то, что Ж. Делез и Ф. Гваттари называют «длинной памятью» расы или цивилизации, социума или семьи) постоянно сокращается в «обществе тотального замещения». Именно так можно определить общество, в котором нормой становится постоянное замещение межличностных коммуникаций манипуляционными технологиями, которые, с одной стороны, опосредуются массмедиа, что облегчает процесс унификации постоянно обновляемого набора «потребительских» стереотипов массового сознания, а с другой стороны, разрушают единое культурное пространство, поскольку под постоянным прессингом событий размываются прямые межпоколенческие преемственные связи.

В результате национальная идентичность, к примеру, вытесняется либо психологией, характерной для «плавленного этнического котла», либо, по точному определению Н.С. Трубецкого, ложным национализмом («Об истинном и ложном национализме»). А это превращение, в свою очередь, провоцирует дальнейшие и всё более масштабные эксперименты по «конструированию» и «переконструи-

рованию» геополитического и цивилизационного пространства. Об эффективности подобных экспериментов свидетельствуют бесчисленные примеры нашего времени — и трагические уроки распада Югославии в центре Европы на фоне общеевропейской интеграции, и противоестественное разделение русского народа и ряда других этнических образований в процессе демонтажа СССР.

При этом правильнее было бы говорить не только об «изменённом сознании» или фальсификации истории, но и о явлениях иного порядка — о фальсификации самого общества. К такому парадоксальному на первый взгляд выводу приходит, в частности, Г. Дебор в известной книге «Общество спектакля», где он объясняет возникновение этого феномена выходом социума «за пределы простого естественного цикла для того, чтобы стать ориентированной событийностью, последовательностью властных образований». При этом Дебор сравнивает общество спектакля с перманентной опиумной войной, акцентируя внимание на роли войн или «ложных примирений» в разрушении старых и возникновении новых коллективных иллюзий: «Теперь, когда Великий Раскол классовой власти завершился полным примирением, нужно сказать, что упорядоченная практика интегрированной театрализации сегодня “изменила мир экономически”, в то время как он сам “полицейски изменил восприятие”... Только потому, что подобное слияние произошло в экономико-политической реальности всего мира, мир, наконец, смог формально провозгласить себя единым. Но также и потому, что общая ситуация, в которой повсеместно возникало такое разделение власти, оказалась столь серьёзной, миру необходимо было объединиться как можно скорее, чтобы единым блоком участвовать в одной и той же, основанной на консенсусе, организации мирового рынка, зрелищно *фальсифицированной* и обеспеченной. Но поэтому он, в конечном счете, так и не сможет объединиться». В результате, по мнению Дебора, мы можем лишь наблюдать, «как разрастается фальсификация, доходя до тривиальнейших вещей, словно липкий туман, сгустившийся над повседневностью»¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Debord G. Society of the Spectacle. M., 1999. P. 2, 6.

Кроме того, как подметил Блондель, не следует забывать о существовании в процессе познания разных «аналитических плоскостей», связанных как с признанием либо непризнанием объективных закономерностей развития, так и с альтернативными подходами к пониманию роли личности в истории. В этом случае «обвинение в “фальсификации” истории» (не случайно само слово “фальсификация” Блондель берет в кавычки) следует понимать как строительство «непреодолимой преграды на пути любого вывода о значимости лидеров»¹⁴⁹.

События, относимые к роковым, приковывают внимание и требуют объяснения, которое, как подменил И. Кант, только тогда приближает нас к истине, когда мы допускаем в сознание идею провидения, высшей силы, когда за преходящим и случайным удаётся увидеть неслучайное, непреходящее, инвариантное. В современной философии для обозначения этой «над-исторической» плоскости используется понятие «метаистория». А.С. Панарин в одной из своих последних лекций, прочитанных в Государственной академии славянской культуры, дал очень глубокое определение сути метаисторического измерения истории. По его словам, «если в логике пространства закономерно побеждают физически сильнеешие, то в логике метаисторического времени, открытой мировыми религиями, торжествуют униженные. Реальная политическая история прокладывается между этими полюсами»¹⁵⁰.

Разумеется, отсылки на провидение чаще всего свидетельствуют всего лишь о нашей неспособности проникнуть в суть происходящего или о желании найти козла отпущения на случай неудач, как подметил Марк Твен в свойственной ему манере (его формула стала широко известным афоризмом). Подобные трактовки, «снижающие» статус проблемы роковых событий, возможно, вполне допустимы для сугубо профанной (чаще всего профанированной) публичной деятельности, в том числе и политической. Примером может служить предвыборная агитация, в рамках которой двоемыслие с характерной этого способа мировосприятия подменой

¹⁴⁹ *Blondel J. Political Leadership: Political Leadership: Towards a General Analysis.* Moscow, 1992. P. 24–25.

¹⁵⁰ *Panarin A.S. Political situation in Russia: Looking to the Future.* М., 2003. P. 15.

понятий — вполне эффективный, а потому и допустимый способ аргументации. Однако сознательное «занижение» темы непригодно для научного исследования, поскольку не только «опускает» тему, обесценивая ее, но и закрывает наиболее перспективные пути анализа. К роковым событиям следует относиться с учётом их «веса» в коллективной памяти и, соответственно, с должным уважением, даже если они и воспринимаются обезличенно — не как судьба предков, современников и потомков, а всего лишь как предметная область...

Кантовская позиция может быть положена в основу анализа синхронизма роковых событий, поскольку в ней достаточно четко определяется перспективный путь к корректной постановке проблемы, которая может стать предметом общего философского, гуманитарного, естественнонаучного и богословского осмысления только через допущение феномена предопределения (без этого «фермента» теория роковых событий «рассыпается» уже на зачаточных стадиях). Кроме того, как будет показано ниже, она вполне согласуется с наиболее ценными в эвристическом плане и конкурентоспособными концепциями синхронизма, предложенными рядом выдающихся мыслителей и, что особенно важно, включёнными в научный оборот. По мнению Канта, в самом «механизме природы, к которой принадлежит человек (как чувственное существо), обнаруживается лежащая уже в основе ее существования форма, которую мы можем понять не иначе, как приписывая ей цель Творца мира, предопределяющего её».

Предопределение Творца, по Канту, и следует понимать как Божественное провидение, а поскольку оно положено в начало мира, то и называть его должно основывающим. «Поскольку же оно в развитии природы поддерживает её механизм по общим законам целесообразности, мы называем его распоряжающим провидением (*providentia gubernatrix*). Развивая эту мысль применительно к «отдельным событиям как божественным целям», Кант подчеркивает, что в этом случае правильнее было бы говорить не о провидении, а о Персте Божьем: «Желание познать его, как таковой (так как он, действительно, указывает на чудо, хотя события так не называются), есть безрассудная дерзость человека, потому что заключать от отдельных событий к особому принципу действующей причины

(заключать, что это событие есть цель, а не только естественно-механическое побочное следствие из другой, нам совершенно неизвестной цели) нелепо и основано на самомнении, как бы благочестиво и смиренно ни звучали речи об этом»¹⁵¹.

Тайна исторического синхронизма

В рамках заявленной темы выделяются три вопроса. Первый: в чём заключена идея исторического синхронизма и как она связана с нашими представлениями о логике исторического развития и возможностях политического планирования? Второй: как можно интерпретировать сам феномен, который называют роковыми событиями, с которыми приходится считаться тем, кто планирует политическую жизнь? И третий: о чём говорит «парад роковых событий» второго десятилетия второго тысячелетия, когда сама история наших народов даёт своеобразный открытый урок каждому из нас?

Синхронизация роковых событий или исторический синхронизм — явление, достойное назваться «планированием свыше», поскольку здесь мы приближаемся к феномену, который по мнению многих выдающихся мыслителей, пытавшихся его объяснить, свидетельствует о предопределённости в человеческой истории и тщетности попыток преувеличить роль политического планирования и программирования. Прошло около 170 лет со дня первого издания книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», где было предложено одно из наиболее продуктивных объяснений исторического синхронизма в развитии различных локальных цивилизаций (культурно-исторических типов). Эта идея позднее нашла своеобразное отражение во многих теориях, в том числе и в концепции осевого времени К. Ясперса.

По мнению Данилевского, наиболее ярким проявлением синхронизма были «открытие книгопечатания, взятие Константинополя турками и открытие Америки, почти одновременно случившиеся». Эта синхронизация, по мнению Данилевского, в несчётное число раз усилила влияние каждого из указанных событий «на развитие просвещения, на расширение деятельности европейских

¹⁵¹ Kant I. Works in six volumes. M., 1966. Vol. 6. P. 279–280.

народов», положив начало новому повороту в жизни Европы. Но Данилевский задаёт вопрос, не имеющий ответа: если следствию синхронизма событий можно найти удовлетворительное объяснение, то «чем объяснить их современность, которая, собственно, и составляет главное условие их образовательной силы?». Причины синхронистической связи столь разнородных событий, заключает Данилевский, «нельзя, конечно, надеяться отыскать ближе, чем в самом том плане миродержавного Промысла, по которому развивается историческая жизнь человечества»¹⁵².

В Божием Промысле видел суть синхронизации событий и русский мыслитель В.С. Соловьев, хотя его система доказательств была совершенно иной. Такое отношение, впрочем, было свойственно не только русской религиозной мысли. Даже К.Г. Юнг склонялся к тому, чтобы признать за феноменом синхронизма событий *знамение* — особую связь, не имеющую причинно-следственного характера. По его мнению, эффект синхронистичности изменяет общую картину мира, делая её объёмной благодаря совмещению психического и физического измерений, пространства и времени. Оригинальные идеи в этой сфере развиваются и в наше время. В частности, тема параллелизма исторических событий получила развития в работах А.Б. Рудакова, в которых автор, отталкиваясь от идей Данилевского, приходит к выводу о наличии особого автономного исторического времени для каждой локальной цивилизации¹⁵³.

Исторический синхронизм и сегодня остаётся столь же загадочным, как и столетия назад, и столь же притягательным для любителей мистического истолкования удивительных совпадений, как, к примеру, «парад планет», уже ставший грандиозным информационным шоу под кодовым названием «2012-й год — конец света».

Синхронизация событий — область, где труднее всего отличить образ и реальность, слово и дело, культуру и политику, открытие и технологию, точки бифуркации и предопределённость. К тому же

¹⁵² Danilevsky N. Russia and Europe. M., 1995. P. 262–263.

¹⁵³ См.: Рудаков А.Б. Наследие Константина. М., 2007; Рудаков А.Б. Цивилизационные циклы: периодизации истории для стран христианского Востока // Российская государственность и Русская Православная Церковь: эволюция институтов светской и духовной власти. Ярославль, 2018.

эта область непрозрачна, «загрязнена», например, грязными технологиями, принудительной политической индоктринацией, информационными войнами. Поэтому механизмы синхронизации событий и эффект «повторной» синхронизации могут представлять интерес не только в рамках теоретического исследования, например, с позиций методологии исторической науки или политической лингвистики, но и с позиций политической прогностики и стратегического планирования.

Не останавливаясь на сопоставлении различных толкований синхронизации роковых событий, т.к. это потребовало бы обширного экскурса, обратим особое внимание на той «второй жизни», которую они обретают через годы и даже столетия, будучи встроены волею случая в новые «событийные ряды», связывающие эпохи и приоткрывающие скрытые прежде тенденции. Эта задача становится не слишком трудной именно в наши дни. Дело в том, что во втором десятилетии второго тысячелетия мы вступили в период, когда нас ожидает не менее величественное и поучительное зрелище, чем «парад планет». Речь идет о «параде роковых событий мировой истории». Его трудно не заметить, но ещё труднее объяснить. Речь в данном случае идет о «наложении во времени» информационных «двойников» событий разных эпох. Под «двойниками» понимаются юбилейные даты, ставшие вехами в отечественной и мировой истории.

Их совпадение, скорее всего, носит случайный характер, как и совпадения самих роковых событий, но и здесь за случайностью иногда обнаруживается внутренняя логика исторического процесса, которая описывается либо как цикличность или фатальность, либо как линейное поступательное развитие или линейная деградация социума. Поэтому к синхронизму великих дат не следует относиться только как к следам или отголоскам поворотных моментов истории (точек бифуркации). Значимые даты сами являются информационными событиями первой величины, а их «парад» оказывает ощутимое воздействие на жизнь миллионов людей.

Вопрос о природе роковых событий наиболее труден с методологической точки зрения, хотя и сформулирован предельно просто. Трудность заключается в том, что национальная история становится

умопостигаемой, как убедительно доказал А. Тойнби, только в том случае, когда наиболее важные события рассматриваются в более широкой перспективе — в контексте мировой истории. А столь широкий горизонт обнажает массу противоречий, которые трудно заметить на «национальном поле», что, в свою очередь, стимулирует новый виток дискуссии. Выделим только семь оснований, порождающих споры (действительных оснований намного больше).

Во-первых, роковыми или судьбоносными событиями называют изменения в жизни общества, которые порождают цепь дальнейших исторических событий. К слову, по мнению многих культурологов и историков, в том числе самого Тойнби, исторические и цивилизационные пути Британии и России (это сопоставление особо ценно с учетом исторических противоречий между нашими странами) сближает тот факт, что они начинаются с важнейшего из всех событий прошлого и будущего — с крещения наших народов. Впрочем, в большинстве случаев каузальные связи такого рода могут оставаться неявными или непознанными, а иногда вполне доступными для изучения, но табуированными. Иногда их не видят, ибо не хотят видеть. Примером может служить хотя бы уже упомянутое крещение народов Британии и России, значимость которого исследователям зачастую приходится принижать в эпоху мультикультурализма в угоду принципу политкорректности, как и значимость исторической миссии христианских народов. Не всякую правду, если верить английской поговорке, следует произносить вслух (*All truths are not to be told*), а экстранаучные факторы, как видим, способны существенно повлиять на поиск научной истины.

Во-вторых, под роковыми событиями чаще всего понимают не сами события, а концептуальные схемы и теории, призванные их объяснить даже в том случае, когда те в принципе не поддаются объяснению (этому мешает тонкая грань между случайностью и закономерностью, фатальностью и промыслом Божиим). Однако итогом наукообразного образования и подготовленного этим образованием восприятия мира стала доминирующая установка на поиск объяснения и обоснования как способов «снять» проблему, т.е. избавиться от нее. Но даже в случае, когда причинно-следственные связи между событиями открываются сознанию отдельных людей, достоверные

знания о «событийных рядах» редко становятся общим достоянием. Это происходит из-за высокой конкуренции в сфере интеллектуального производства и потребления или из-за того, что даже продуктивные идеи и теории быстро стираются из коллективной памяти.

Немногие теории становятся учениями или доктринами, а те, которым это удаётся, растрачивают свой эвристический потенциал по мере распространения и популяризации, когда они овладевают умами миллионов. Профанация — цена адаптации знаний, рассчитанных на профанов (о профанах говорится в самом уважительном понимании этого определения, поскольку его с полным правом можно приложить к любому человеку и, прежде всего, к узкому специалисту, не способному выйти за границы своей «делянки»). Это касается теорий, ставших обязательными для штудирования и запоминания: образовательные схемы и тесты учат, оглушая, но оглушая, научают. Но в ещё большей степени это характеризует политические идеи, «поднимающиеся» до уровня политических идеологий. На этой «высокой ступеньке» убогая прагматическая дихотомия: «эффективно или неэффективно» полностью вытесняет из сознания человека (политического человека) дилеммы истинности или ложности, добра или зла, над которыми ломали головы мыслители всех времен и народов.

Поэтому даже «умная политика», т.е. политика, научно обоснованная на уровне подготовки решений, воспринимается интеллектуалами как «недалёкая». Такой вывод усугубляется и узостью её временных горизонтов (временной горизонт локальных цивилизаций — вечность, а так называемых «демократических циклов» с подгонкой программ от выборов до выборов — не более 5–7 лет), а также характерным для политической деятельности неизбежным дефицитом информации и компетентности при принятии стратегических решений. Фактором риска является и сама технология принятия политических доктрин, принципиально отличающаяся от признания и распространения научных учений. Собственно, по этим причинам политические решения так часто оборачиваются роковыми событиями.

В-третьих, реальные роковые события, иногда поддающиеся концептуальной исторической реконструкции, чаще всего до не-

узнаваемости видоизменяются в результате использования этого метода. Сам метод исторической реконструкции не только составляет основу исторической науки, но и способен повлиять на ход национальной и мировой истории. Благодаря реконструкции «привнесённая» человеком логика не столько дополняет «логику исторического развития», сколько вытесняет её. Таким образом, исторический рассказ, а не история воспринимается как данность, как вызов времени, требующий ответа. Именно так происходит подмена вызова и ответа, информационного события и бытия.

В-четвёртых, трудность состоит не только в том, что произвольную концептуальную реконструкцию роковых событий трудно, а иногда невозможно отличить, «отслоить» от достоверного знания — от исторического факта. Ссылки на факты мало что меняют, поскольку под историческим фактом, как известно, понимают как сам «фрагмент реальности», который в данном случае почти не отличим от артефакта (ибо субъекты истории — люди и народы), так и знание об этой реальности, если оно признаётся достаточно достоверным.

В-пятых, анализ роковых событий сводится по преимуществу к изучению текстов. И действительно, если роковыми событиями именуют не только и не столько реальные судьбоносные изменения, сколько знания о них, то возникает искушение упростить проблему. А самый короткий, хотя и не самый простой путь — перевести ее в плоскость изучения тех текстов, письменных (по преимуществу) и устных, которые составляют своеобразную «книгу идентичности», стоящую на обязательной виртуальной «книжной полке» в доме у каждой нации или государства. В этой книге результаты реконструкции соединены с фактами общим «сюжетом» и логикой, принесёнными в историю как творцами исторических событий — вождями и героями, так и творцами исторических опусов, текстов (историками).

В-шестых, роковые события — не только коллективная память поколений, но и своеобразная «интеллектуальная коллективная собственность наций». На её страже стоит общественное мнение, национальное самосознание, т.е. людской суд, который далёк от унифицированного представления об истинности и справедливо-

сти. По этой причине существует столько же самостоятельных «изданий» и вариантов «книги идентичности», сколько существует в мире языков и культур. Чтобы пояснить эту мысль, достаточно сослаться на одно из самых известных высказываний Бернарда Шоу: «Англия и Америка — две страны, разделённые одним языком». Такое разделение «удваивает», а точнее, «умножает» одну и ту же общую историю, если под ней понимать реальный ход столь же реальных событий. Кроме того, язык воссозданной истории, как и речь человека, куда чаще служит проводником идей, идеологий и групповых интересов, чем носителем истины. «Мысль изречённая есть ложь», как говорил русский поэт и дипломат Тютчев. Ему же принадлежат известные в России строки о двух роковых силах. В этих словах заключена мысль, которая дополняет наше представление о роковых событиях:

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

В-седьмых, следует выделить класс *искусственно созданных* роковых событий, которые с полным основанием можно назвать не только артефактами, но и продуктами информационных технологий, а также, если учесть их регулятивные и манипулятивные функции, виртуальными событиями-технологиями. Среди роковых событий такого типа особого внимания заслуживают «информационные взрывы» и «волны», способные откорректировать, переписать, «смыть» или полностью подменить «книгу самоидентификации», то есть качественно изменить идентичность людей и народов, подогнав её под требования той или иной идеологии. Как гласит английская пословица, ложь порождает ложь (*A lie be gets a lie*).

Предложенная классификация толкований роковых событий не исчерпывает всех вариантов, в том числе и наиболее важных аспектов проблемы влияния роковых событий на выбор будущего. К примеру, к искусственно созданным, то есть рукотворным роковым событиям можно с полным правом отнести и значительную часть так

называемых глобальных проблем, временами больше похожих на информационные волны и события-технологии, чем на реальные угрозы. Вместе с тем глобальные проблемы, а точнее, их «информационные клоны» на наших глазах изменяют общечеловеческую историю, требуя не только координации усилий со стороны всех стран — участников мирового процесса, но и организации единого центра управления, без которого координация неосуществима.

При этом глобальные проблемы всё чаще определяют не иначе, как объективные вызовы времени. Тем самым ответственность за антропо- и техногенные катастрофы переносится с политики и политиков на обезличенное время, хотя именно человеческая деятельность — главная фабрика по производству проблем, в том числе глобальных, требующих единого центра по координации усилий для их решения. Так одним выстрелом, как говорят в России, убивают двух зайцев (английский аналог: “to kill two birds with one stone”). С одной стороны, виновником назначают ни в чём не повинное время, а с другой стороны, легитимируется тенденция по сверхконцентрации власти.

По этой причине искусственное подогревание страхов перед глобальными вызовами провоцирует, по удачному определению Ж. Бодрийяра, реальное возникновение новой цепи роковых событий. Лучшее всего об этом свидетельствует, по его мнению, великий сценарий ядерной угрозы и театральные переговоры по этому поводу, поскольку фантазии о смерти «притягивают роковые события»¹⁵⁴.

Парад событий

После проведённой методологической пропедевтики можно перейти к заключительному вопросу — о параде великих дат и о том уроке, который человек может почерпнуть, пытаясь осмыслить это удивительное явление. Сегодня достаточно легко предсказать, о чём будут говорить все СМИ и соответственно, о чём будут думать люди — от лидеров стран до рядовых обывателей — в следующем году, через год и через десятилетие. Причём предсказать характер и

¹⁵⁴ Baudrillard J. America. St. Petersburg, 2000. P. 112.

направленность дискурсов можно с точностью до месяца, до дня, ибо время циклично и само постоянно напоминает нам о роковых событиях прошлого. А СМИ привязаны к этим событиям, особенно к юбилейным датам, как привязаны животные к зонам кормления. Им всегда не хватает естественного корма, а юбилейные информационные события — надёжный и качественный фураж.

Поэтому иногда юбилейные даты великих событий кажутся столь же весомыми, как и сами оригиналы. Но это не только кажимость. Даты не только овладевают вниманием масс, но и подчиняют себе волю лидеров ведущих стран мира, а это, в свою очередь, заставляет все крупные политические тела, а также их бесчисленные спутники (от публичных политиков и дипломатов среднего масштаба до рядовых политтехнологов) изменять «орбиты» своего движения в политическом пространстве. Таким образом, отражения событий правильнее было бы оценивать как их исторические продолжение, способное влиять не только на характер политического дискурса, но в ряде случаев и на выбор политического курса.

Всё это чрезвычайно важно учитывать в ходе политического планирования и стратегического прогнозирования. Совпадение великих дат влечёт за собой последствия, иногда не менее важные, чем совпадение реальных исторических событий. Парад событий как бы «нанализывает» эпохи, срывает с событий покров привычности (хабитуализации) и тем самым приоткрывает логику истории.

Многие роковые события со страшной очевидностью повторяются из века в век, и каждый раз люди не воспринимают уроков, которые преподносит история. А уроки эти оплачиваются такой кровью и такими потерями, что, кажется, надо быть полностью лишёнными души и памяти, чтобы не заметить этой исторической связи. Этнокультурная память народа и его национальная самоидентификация во многом сопряжены, как уже говорилось, с памятью о войнах: великих победах и страшных поражениях. О каких событиях, а точнее, *событийных рядах* идет речь?

Остановимся только на нескольких событийных рядах, непосредственно связанных с отношениями между Россией и Европой. Увы, по значимости, как уже говорилось в самом начале доклада, выделяются по преимуществу истории войн, побед и поражений...

Самое прискорбное заключается в том, что воевали между собой христианские, а иногда и православные, славянские страны.

В недавние годы мы отмечали множество дат, связанных с этими событиями. И **первый по значимости событийный ряд — 2010–2015 годы**. *2010 год — 65-летие победы над фашистской Германией, а 2011 — 70-летие со дня начала Великой Отечественной войны*. Эта война по праву называется в России Отечественной, т.к. она стала едва ли не главным основанием гражданской самоидентификации народов России, переживших до этого эпоху тотальной политической индоктринации, одной из целей которой было стирание многовековой коллективной памяти. И каждый день до 9 мая 2015 года включительно нам вспоминалась хроника той войны, которая почти у каждой семьи в России отняла либо кормильца, либо других близких родственников, а также хронику освободительной европейской миссии России, где каждый день — воистину на вес золота. Россия ценою невиданных жертв позволила восстановить суверенитеты тех европейских народов и государств, которые сегодня сообща создают единую Европу. Если сторонники теории нарративации утверждают, что и в этом случае перед нами не столько реальная история, сколько рассказ, то это не изменяет общей оценки. Пусть это рассказ среди рассказов, но, безусловно, самый правдивый и самый поучительный в моральном плане из всех рассказов о мировых войнах. Самый поучительный, прежде всего, для России и для Европы, ибо он не столько повествование о прошлом, сколько предупреждение.

На каких идеологических основах, на каких духовных принципах строится Европейский дом? Это очень важно понять, поскольку никому не известны конечные цели строительства этого огромного квазигосударства, а если называть вещи своими именами — сверхдержавы нового типа и даже новой империи — пока недостаточно устойчивой, но интенсивно срастающейся. Неизвестны цели строительства и самим европейцам, если, конечно, не сводить смысл объединения к созданию более комфортных условий для бизнеса и получения преимуществ в конкурентной борьбе на мировых рынках.

К сказанному можно добавить то, что для граждан России **2010 год — это еще и 90-летие со дня завершения горячей фазы Гражданской войны**, разделившей народ, как тогда казалось,

навсегда. Гражданская война расколола даже самую Русскую православную церковь. На этом фоне особым историческим смыслом наполняется события последнего времени и, прежде всего, воссоединение Русской православной церкви. Духовное воссоединение православной России — дополнительное свидетельство правоты вывода о том, что отгремевшие гражданские войны отцов воспринимаются их потомками как застарелая болезнь, требующая лечения.

Вслед за этим всем нам пришлось детально вспоминать о событиях иной давней войны, ибо **второй событийный ряд — 2012–2014 годы — двухсотлетие со дня «Нашествия двенадцати языков»**, как раньше называли великую освободительную миссию России в начале XIX века, Отечественную войну 1812 года. Тогда точно так же русские войска платили своей кровью за освобождение европейских государств. Думается, это урок с повторением (две Отечественные войны со столетним разрывом). Суть урока проста, но принимается с трудом: общими врагами и России, и Европы были силы, стремившиеся столкнуть Европу и Россию, как бы эти силы себя не позиционировали тогда и ныне. Напомню слова Наполеона, который он произнёс в беседе с одним из наших дипломатов уже после начала боевых действий: «...теперь, когда вся Европа идёт вслед за мной, как вы сможете мне сопротивляться?»

Мы очень часто забываем, что почти вся Европа тогда легла под идею или, как мы сказали бы теперь, под идеологию некоего европейского политического объединения, первая попытка создания которого и была предпринята Наполеоном. В силу многих обстоятельств и, прежде всего, политических интриг, нежелания учиться на собственных ошибках этот союз стал антироссийским и до сих пор сохраняет в себе эту губительную для самой Европы направленность. Уже при Наполеоне (во многом, кстати, против его воли) и после его падения Европа превратилась в анти-Россию, а Россия в глазах европейцев — в анти-Европу.

Были ли тогда у европейцев, в том числе французов и русских, другие пути и возможности выстроить мирные или хотя бы взаимопользные отношения между нашими цивилизациями? Возможно, что и были, хотя, как известно, у истории нет сослагательного наклонения. Впрочем, именно это наклонение и свойственно ис-

тории: многие упущенные когда-то исторические возможности как бы консервируются, сохраняются во времени. Главное — не наступать на те же грабли и вовремя, когда наступит схожая ситуация, выбрать разумную стратегию, выгодную России. Именно об этом писал Н.Я. Данилевский в книге с говорящим названием «Горе победителям». Он утверждал, что наша славная в военном, но не в политическом смысле борьба против Наполеона не принесла нам особой пользы, т.к. мы не приобрели ни одного истинного друга и союзника. По его мнению, мы заплатили своей кровью за европейские, но не за российские интересы. Чем не урок?

Третий событийный ряд — 2012–2013 годы — столетие балканских войн, их хроника. История вновь и вновь давала нам уроки, свидетельствующие о пагубности межцивилизационных войн и об особых рисках, связанных с противостоянием между православными государствами. Как известно, Первая Балканская война — война коалиции (Балканского союза) Сербии, Болгарии, Черногории и Греции против Турции. Эта война стала прелюдией ко Второй Балканской войне — столкновению коалиции и примкнувшим к ней Турции и Румынии уже против Болгарии. Отсюда вытекают тяжелейшие последствия и для Европы и для России, обернувшиеся в итоге глобальной катастрофой — началом Первой мировой войны, которая, как не без основания считают многие мыслители нашего времени, не закончилась и по сей день, усугубив разделение Европы и России. Многие исследователи приходят к выводу, что и Вторая мировая война — продолжение Первой в новом историческом контексте, с новыми геополитическими акторами, но на том же театре боевых действий и с ещё более чудовищными, уже не поддающимися осмыслению невосполнимыми жертвами для европейцев и россиян.

На это наслаивается еще один **событийный ряд — это 2010–2012 годы — период, когда мы отмечали 400-летие спасения России**, ключ к которому — национальное единство, обретённое на краю гибели.

И конечно, **событийный ряд, мимо которого нельзя пройти, — 2013–2017 годы.** Речь идёт о столетии со дня взлёта династии Романовых (в 1913 году с невиданным размахом отмечался 300-летний юбилей Дома Романовых) и о трагическом пути династии

к гибели, которая произошла на фоне мировой катастрофы и крушения основных европейских империй.

Мы не задумываемся, к чему привела Первая мировая война, тем самым не замечаем её неявных причин и механизмов. А среди целей бойни — сознательное уничтожение самих цивилизационных основ «старого мира», превращение Европы и России в расчищенную «стройплощадку», пригодную для реализации геополитических проектов. Именно в это время ушли в небытие прежние гаранты стабильности — великие империи (Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская), а уже на их руинах стали осуществляться самые циничные за всю историю человечества эксперименты над людьми и народами. Говоря о событийных рядах, мы перечислили совсем немного из того, о чём стоило бы помнить. Но сам факт наслоения этих культурных пластов во втором десятилетии XXI века заставляет заново выстроить или существенно откорректировать систему многих ценностей и приоритетов.

Революция как традиция и дух отрицания

Фауст: А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий.

И.В. Гёте

Во всякой социальной революции, в какую бы эпоху она ни произошла, дух отрицания сокрушает устои цивилизации и национальной культуры, вековые традиции народов и основы правового сознания, становясь чужеродной, но неотъемлемой частью наследия — частью, которая не позволяет наследникам воспринимать его во всей полноте. Более того, дух отрицания простирается так далеко, что распространяется и на саму идею революции. Как говорил Робеспьер, все революции требуют одного — честолюбия, и ведут они прямой дорогой к деспотии, но «наша революция предписывает добродетели. Невежество и сила ввергли другие революции в новый деспотизм; наша революция, исходящая из справедливости, может находиться лишь в её лоне»¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Робеспьер, М. Революционная законность и правосудие. Статьи и речи. М., 1959. С. 230.

Одного этого факта достаточно, чтобы усомниться в истинности академических представлений о закономерностях смены эпох и упрощённых трактовок наследия как самоценности, требующей почитания. Кстати, такие трактовки, которые сегодня большинством воспринимаются как аксиомы, не нуждающиеся в обосновании, появились и распространились сравнительно недавно. Вспомним, как ещё на памяти старших поколений в школьных программах вдалбливалась формула «проклятое прошлое» применительно к многовековой истории России, а ещё лет десять назад те же «публичные головы», что ныне повторяют мантры о традиционных ценностях русской цивилизации, на голубом глазу обосновывали необходимость нового летоисчисления нашего государства...

Всё подтверждает вывод о том, что многоликое культурное и природное наследие — это и «заминированное будущее», требующее осторожности от всех, кто к нему прикасается. Но в первую очередь это требование обращено к самим наследникам, ибо наследие включает в себя большую память революций и гражданских войн, порождающую через череду поколений рознь и раздвоение самообраза, провоцирующие идеологические инверсии массового сознания и социальные потрясения. Здесь же скрыты и истоки бесчисленных фобий, изменивших менталитет гражданских наций, отдельных этнических и социальных групп. Всё это делает затруднительным однозначное толкование даже исходных понятий, посредством которых мы определяем сущностные характеристики того наследия, которые оставила нам эпоха величайшего эксперимента, поставленного над народами России и всем человечеством.

Все революции, изменившие ход истории, независимо от того, кем и как они оцениваются, составляют неотъемлемую часть национального или мирового наследия, от которого можно отречься только посредством хорошо известной формулы «проклятое наследие прошлого». Но именно здесь и начинается порочный круг, поскольку сама эта формула — не что иное, как первая заповедь всякой настоящей революции. Провозглашая ее, ты сам поневоле продолжаешь дело революции, сливаешься с ней, встаешь по одну линию фронта. Уже по одной этой причине у революции нет конца, а все «ниспровергатели прошлого» действуют по одной и

той же схеме. Любая свершившаяся социальная революция — не одномоментный акт и не только чей-то неизменный проект, так как в ней участвуют множество акторов с разнонаправленными интересами и, соответственно, со своими проектами, которые постоянно перестраиваются и модифицируются, иногда до неузнаваемости. Революции, будучи плодом определенных политических идей, отдельных стратегических планов и так называемых «великих учений» — конкурирующих проектов глобального переустройства мира, не сводятся ни к идеям, ни к идеологиям. Напротив, революции продуцируют новые идеи, в ряде случаев сохраняя только видимость идеологической идентичности.

Российская революция — не исключение: будучи единожды запущена, она продолжается, воспроизводя себя при смене режимов и господствующих идеологий, повторяя (иногда дословно) свои же лозунги, в том числе при кардинальной смене курса, который на поверку оказывается замкнутым кругом. А в центре этого круга — сам механизм наследования, обеспечивающий преемственность. Главная особенность революции, свершившейся в России во втором десятилетии прошлого века, — её глобальный, вселенский характер, скрытый под покровом «локального эксперимента», осуществленного сначала в отдельно взятой стране, а потом — в отдельно взятом регионе мира, но в действительности не оставляющий вне изменений ни одного звена мировой системы. А её подлинная, функциональная цель — не осуществление какого-то отдельного цивилизационного проекта («перманентная революция» как постоянное движение, «перестройка нации под руководством пролетариата»), а создание условий для постоянного социального конструирования и «переконструирования», для ничем не ограниченной воли «социальных инженеров», то есть условий для воистину перманентной революции ради революции.

Именно поэтому цели революции как проекта постоянно менялись — от планетарной перестройки до реставрации империи. Как заметил И. Валлерстайн в книге «Конец знакомого мира: Социология XXI века», большую роль в таком развитии событий сыграла открытая и непрекращающаяся враждебность всего мира к коммунистическому режиму в России, которая была так же пред-

сказуема, как и внутреннее структурирование советского режима. Менее предсказуемой была геополитика этого режима: «Большевики приняли четыре последовательных геополитических решения, которые оказались поворотными и которые, как мне кажется, определили далеко не единственно возможный путь, которым мог бы пойти советский режим»¹⁵⁶. Говоря о первом геополитическом решении, Валлерстайн имеет в виду поворот от политики разрушения до стратегии восстановления Российской империи, что расценивает как рациональное решение, к которому пришли в обстановке гражданской войны. В результате из трёх великих империй Европы — Австро-Венгерской, Оттоманской и Российской — только последней предстояло выжить, а ленинский режим стал наследником царской империи.

Вторым поворотным пунктом Валлерстайн называет Конгресс народов Востока в Баку, состоявшийся в 1921 году, когда стало очевидным, что революция в Германии вряд ли состоится. В итоге — провозглашение доктрины о построении социализма в одной стране и поворот на Восток, стратегия индустриализации и преодоления экономического отставания от стран центральной зоны. Этот поворот, как подметил Валлерстайн, сделал советский режим гораздо более приемлемым в глазах политических лидеров западных стран по сравнению с его предшествовавшей позицией и заложили основу для возможного геополитического согласия.

А следующий поворотный пункт — возвращение Германии и Советской России на мировую политическую сцену в качестве главных действующих лиц, что содействовало полной интеграции СССР в межгосударственную систему (вступление в Лигу Наций, союз со странами Запада во Второй мировой войне, соучредительство ООН и статус одной из двух мировых сверхдержав).

И наконец, четвертый поворотный пункт — роспуск Коминтерна и отказ от первоначального плана осуществить революции в наиболее «развитых» странах.

¹⁵⁶ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. 19.

Что есть современность?

Если задуматься над смыслами понятий, через которые мы всматриваемся в историю, то взору откроются интереснейшие парадоксы и связи явлений, в том числе и причинно-следственные. И первое, что вызывает сомнение, — наше право судить о революции от имени современности. Зеркало современности не столько отображает мир, сколько искажает его. Начнем с простейшего вопроса о том, существовало ли когда-нибудь в Европе по-настоящему современное общество? Вопрос относится к Европе по той причине, что именно европейская мысль всегда была озабочена стремлением к современности, поскольку до сих пор не утратила уверенности в том, что только здесь, в европейском опыте, можно обрести образцы подлинной современности. Как подметил Б. Виттрок, который искал хотя бы один пример для частичного совпадения представлений о современности, которые свойственны политикам и политологам, с реальностью, таких случаев в истории Европы не удастся обнаружить. И не удастся, если не считать разве что «конституционное чудо», которое произошло после поражения России в войне 1904–1905 гг. против Японии, в самом преддверии Великой революции. Он имел в виду, как это ни парадоксально звучит, «самую современную и демократическую форму представительства», сложившуюся в Финляндии в тот период, когда она оставалась великим герцогством в составе Российской империи. Речь идёт и о полноценном сословном представительстве в традиционной национальной ассамблее, и о воплощении принципа всеобщего избирательного права для мужчин и женщин (в Государственной Думе России предреволюционного времени об этом и не мечтали, что было одним из факторов, вызвавших «женский бунт»), и о представительстве социалистов (40% мест)¹⁵⁷.

Все другие мыслимые представления о современности, через которые мы пытаемся пробиться к пониманию природы русской революции (точнее, к смыслу так и не осуществлённой мировой

¹⁵⁷ *Виттрок Б.* Современность: одна, ни одной или множество? (Европейские истоки и современность как всеобщее состояние) // Полис. Политические исследования. 2002. № 1.

революции) и к оценке итогов её свершений и поражений, ещё более размыты, чем термин «революция», а порою и просто бессодержательны. Под современностью понимают наряду с высшими достижениями прошлого (при этом у каждого свои критерии для селекции «лучшего» и границах прошлого — своего и чужого) радикальные инновации. В число таких инноваций входят и те политические идеи, и те социальные реальные перемены, которые намертво отделяют прошлое от будущего, требуя табуирования базовых смыслов, обеспечивающих преемственность культур и поколений — тех же установочных представлений о ценности институтов семьи, материнства и детства, о гендерных ролях и различиях. Самое примитивное представление о современности как о данности (режим «онлайн-реальности») легко сливается в сознании миллионов и, что особенно поразительно, в мышлении теоретиков и политиков, рассуждающих о современности (!), с их же оценочными суждениями, которым они полностью следуют, но которые каждый раз выпадают из их поля зрения и рефлексии. При этом под современностью подразумевают наряду с деяниями, несущими благо (сугубо позитивная и привычная коннотация), проявления абсолютного зла во всех его разновидностях, включая сюда и современные формы рабства, и хабитуализацию «современного каннибализма». Примеры — та же трансплантология, поставленная на поток и технологически оптимизированная, то есть сращенная с проектами «окупаемости» локальных войн, без которых трудно представить себе современные военные стратегии. Сюда же можно отнести и бесконечно длинный перечень так называемых современных средств массового поражения.

Причём данная серия трактовок современности — только прелюдия к сопоставлению не имеющего счета набора несовместимых, но намертво слитых смыслов уже по той простой причине, что каждый из нас волен выбирать свою современность — будь то чужая культура-образец (иногда не имеющий в реальности ничего общего с иллюзорным образом) или навязанная самоидентичность (здесь доминирует ныне коммерциализованный выбор возрастных и прочих ролевых субкультур). Но самое широкое поле для выбора современности — поиск современников по духу и дару, легко

преодолевающий все временные и пространственные границы эпох и стран. У каждого из нас есть или могут быть свои современники. А право на такой поиск относится к числу естественных и неотъемлемых прав, которые есть и у людей, и у социумов, в том числе и у наций.

Многие новые поколения осмысливают и принимают свою принадлежность к собственному народу, признавая своими вождей и героев, в том числе революционеров, не брезговавших массовым террором, но стоящих в одном ряду с властителями дум и даже святыми мучениками, погибшими в жерновах революций. К примеру, я сам учился, а потом и работал в Тверском университете, который располагался на пресечении четырёх улиц, носивших имена героев революции — бомбистов Желябова и Каляева, а также организаторов массового террора — Володарского и Урицкого. При этом подавляющее большинство не замечает того факта, что отношение к именам, внесенным в «память национальной идентичности», неоднозначно как с позиций самоидентификации, так и с позиций «голой фактологии» или теорий, вольно трактующих факты, находя причинно-следственные связи там, где их нет.

Но вернемся к слову «революция», которое для многих имело в прошлом, имеет ныне и, несомненно, будет иметь в будущем сугубо позитивную и вечно современную коннотацию — неизбежного социального обновления, прорыва в будущее, который неизбежен, ибо за ним стоят объективные законы развития общества. Признать это суждение как бесспорный факт мешает лишь одно обстоятельство: у каждого из носителей знания о законах развития сложились сугубо свои представления о том, в чем они заключаются. Отсюда — непримиримая борьба великих учений, идеологий-проектов. При этом почти каждый из первооткрывателей такого типа уверен, что во имя якобы «законного» обновления и прогресса можно без сожаления пожертвовать миллионами жизней и поставить под вопрос существование целых народов. К примеру, ежегодно в марте французы отмечают как национальный праздник День Парижской коммуны, хотя за всю «посткоммунальную» историю они не приблизились к единству в оценке этих роковых событий. По иронии судьбы в этот же день, 18 марта по новому сти-

лю, но в 1920 году Ленин на II конгрессе Коминтерна пообещал всему миру, что через год, к 50-летию Коммуны, Франция должна стать и станет советской республикой...

Сегодня большинство людей не испытывают ни малейшей эйфории при упоминании о революции. У кого-то этот термин ассоциируется только и исключительно с неограниченным террором, что почти всегда, к слову, подтверждается в реальной истории, или с крушением базовых цивилизационных основ мира и всех социальных устоев, с разгулом черни, истреблением лучших и обнищанием масс. У кого-то открывается и понимание того бесспорного факта, что за великими потрясениями, революциями и их спутниками — массовым террором, геноцидом и гражданскими войнами — стоят, как правило, интересы немногих теневых игроков — лиц и групп, которые ставят на кон жизнь целых народов и цивилизаций: «кому война, кому мать родна»...

В данном случае целесообразно признать правомерность даже взаимоисключающих позиций, поскольку у всего есть цена — и у прогрессивных сдвигов, и у поражений, которые преследуют как жертв, так и победителей. Достаточно перечитать «Горе победителям» Н.Я. Данилевского, чтобы убедиться в правомерности такого словосочетания. В самом слове «революция» вычитывается его исходный, этимологически обусловленный и, пожалуй, главный смысл: революция — это всегда возвращение в развитии, революция. И действительно, всякая революция являет собой не только прорыв к новым горизонтам и масштабам социальных преобразований, которым препятствуют пороки, заложенные в эволюции (особенно в её социал-дарвинистском толковании), но и ещё более масштабную архаизацию общества. Революция — это не что иное, как грандиозный провал в прошлое на витке восхождения — погружение в варварство и даже дикость, если следовать классификации Адама Фергюсона, который отличал цивилизованность от дикости и варварства, связывая дикость с отсутствием собственности, а варварство — с отсутствием законов, способных её защитить. И это, кажется, не совпадения, а закономерность: при ближайшем рассмотрении архаизация и прогресс — две стороны одной медали.

В Русской революции явным и наиболее значимым признаком архаизации было возвращение в язычество в самых различных его формах, что нанесло наиболее сильный, но не смертельный удар по цивилизационной идентичности России, который мы ощущаем и сегодня. Всё дело в том, что революция, раскрывшая свой разрушительный и созидающий потенциал в наиболее радикальной — большевистской версии, пробудила в народе не только низшие, но и высшие качества: за оболочкой государственного атеизма как особо изощрённой разновидности неоязыческих культов пробудилась и надежда на высшую справедливость, на подлинную социальную солидарность. Под коростой жёсткой политической идеологии, претендовавшей на роль универсального и безальтернативного геополитического проекта, ожила глубинная цивилизационная идентичность, благодаря которой Россия и сложилась как великая держава.

А.С. Панарин — едва ли не самый оригинальный из политических мыслителей нашего времени, на которого не действовали чары «великих учений», в своей книге «Православная цивилизация в XXI веке» подметил эту парадоксальную связь разнонаправленных тенденций. По его мнению, именно благодаря социалистической революции Россия столь легко «поверила в человеческое братство, в подлинную солидарность народов, разделённых войной, в способность людей строить праведный порядок». Гибельные последствия сокрушительного военного поражения и экономической разрухи, вызванных революцией и не давших России встать в ряды победителей Первой мировой войны и, соответственно, в ряды имперских распорядителей мира», обернулись возвращением России к её исторической миссии: «Выбыв из «первого мира» колониального Запада, она повернулась к миру колонизованного Востока и остановила, в конечном счете, процесс мировой колонизации. Можно сколько угодно говорить о геополитических играх Сталина, — продолжает свою мысль Панарин, — о советской империи, но факт остается фактом: Россию в этом исходе из первого мира вдохновляла великая христианская идея союза со слабыми и гонимыми против сильных и наглых. Какое бы идеологическое, «научно-коммунистическое» оформление ни претерпела эта идея, именно заложенный в ней православный энерге-

тийный импульс сообщил ей необычайную мощь, убедительность и вдохновенность»¹⁵⁸.

С другой стороны, Панарин хорошо понимал, что и гибель великого социалистического проекта, реализованного в России, обусловлена, прежде всего, политикой государственного обезбоживания, расцерковлением народа: «Нам сегодня интересно не столько то, почему Россия в лице Советского Союза возродилась как сверхдержава, сколько то, почему она снова погибла, лишённая подлинной церкви». Развивая эту мысль, Панарин пишет, что предвидит реакцию читателя на такую позицию: «некоторые, пожалуй, скажут, что автор этих строк — какой-то странный архаист, в лучшем случае — консервативный романтик, надеющийся на возрождение того типа сознания, которое безвозвратно ушло в прошлое». И здесь он задаёт вопрос, в котором и заключен возможный ответ: «Не правильнее было бы ожидать появления какой-то новой светской идеологии, в чём-то наследующей социалистическую и призванной скорректировать нынешние тенденции экономического тоталитаризма, не признающего никаких социально-политических сдержек и противовесов?»¹⁵⁹ Впрочем, не критически принимать этот ответ, по мнению Панарина, не следует, как и не следует механически копировать чужое, поскольку сама технология производства и внедрения любых идеологий — это сугубо западный опыт вытеснения традиционной цивилизационной идентичности.

¹⁵⁸ Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 40.

¹⁵⁹ Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 410.

ГЛАВА 2

Геополитическое измерение цивилизационного развития и стратегический выбор России

«Европ» сегодня много. У одной религиозные ценности, у другой узконациональные, у третьей глобалистские. Нам надо понять, как относиться к каждой из них... Бог сотворил человека свободным. И каждый отдельный человек, и целые народы и группы народов свободны выбирать свой путь — путь культурного творчества, путь развития и, говоря религиозным языком, путь соработничества с Богом. Свобода, дарованная нам Творцом, исключает наличие единственного, безальтернативного пути развития, на котором одни народы преуспевают, а другие отстают. Поэтому правильно было бы говорить не о встречающих путях развития России и Запада и не о догоняющем векторе российского развития, но вслед за великим русским учёным Николаем Данилевским признать факт параллельного пути развития наших обществ. Параллельное в данном случае не означает изолированное. Параллельное не предполагает взаимного исключения. Параллельное настаивает на самобытности и на праве на существование обоих путей развития».

*Святейший Патриарх Кирилл, Доклад на открытии
XX Всемирного Русского Народного Собора*

2.1. Россия как страна-цивилизация

В последние годы в язык политики и в научный лексикон прочно вошел концепт «государство-цивилизация» или «страна-цивилизация», который достаточно точно фиксирует уникальный опыт государственного строительства в России, существенно отличающийся от

европейской модели построения национальных государств, претендующей на универсальность. Эта проблема, тесно связанная с международными отношениями, где всё большую роль играют не идеологические противоречия и компромиссы, а межцивилизационная солидарность и сотрудничество, неоднократно обсуждалась на форумах Всемирного Русского Народного Собора. Открывая Первый Калининградский форум ВРНС, Предстоятель сказал: «Россия — это не просто государство со своими границами, законами и учреждениями. Это — страна-цивилизация, чьи пределы, миссия и смысл бытия определяются духовными ценностями, идеалами, историческими и культурными памятниками, святынями»¹⁶⁰.

Наиболее прозорливые отечественные и европейские мыслители не только отмечали особый характер государственного устройства России, но и недопустимость «присвоения» европейцами таких ценностей и идеалов, как свобода, гражданское общество и демократия, которые являются, якобы, исключительно плодами европейского просвещения и цивилизованности, оставаясь недоступными гражданам России и чуждыми формам её государственности. В трудах В.О. Ключевского (лекции о русском гражданском обществе XI и XII вв.) и Н.М. Карамзина, который в «Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении» задаётся вопросом: «Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством?»

Особый интерес в этой связи представляют рассуждения Г. Гейне из его «Путевых картин» 1829 года: «Всё, что алармисты сочиняли до сих пор об опасности, которой подвергает нас чрезмерная мощь России, — сплошная глупость. <...> Если сравнить в смысле свободы Англию и Россию, то и самый мрачно настроенный человек не усомнится, к какой партии примкнуть. Свобода возникла в Англии на почве исторических обстоятельств, в России же — на основе принципов <...> Россия — демократическое государство, я бы назвал её даже христианским государством, если употреблять

¹⁶⁰ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на I Калининградском форуме Всемирного Русского Народного Собора 14 марта 2015 г. // www.patriarchia.ru/db/text/4013160.

это столь часто извращаемое понятие в его лучшем космополитическом значении: ведь русские уже благодаря размерам своей страны свободны от узкосердечия языческого национализма, они космополиты или по крайней мере на одну шестую космополиты, поскольку Россия занимает почти шестую часть всего населённого мира»¹⁶¹.

Так что же повлияло на формирование этого уникального симбиоза государства и цивилизации, каким и является Россия? Вне всякого сомнения, подобный синтез совершенно различных начал был порожден самой русской историей, соединившей крещение Руси с рождением единого государства, что обусловило характер и гражданской, и цивилизационной идентичности. В русских людях на всех исторических этапах становления державы сохранялся, по меткому определению Ф.М. Достоевского, «инстинкт общечеловечности», что позволяет им «со всеми уживаться и во всё вживаться» вне различия национальности, крови и почвы. Трудно представить, кокой бы была мировая история, если бы не эта цивилизационная особенность России, которая вызывает и уважение, и отторжение у обособленных государств-наций, равно как и у Европейского союза, выстраивающего интеграционную политику, используя устрашающий жупел России как «варварской цивилизации».

Осознаёт ли государственная власть в современной России степень и масштаб рисков, связанных с желанием «устранить русскую цивилизацию» — не только как научный концепт, но и как реальную силу на геополитическом пространстве? Да, такое понимание и определяет сегодня внешнюю и внутреннюю политику России. По словам В.В. Путина, «мы должны беречь уникальный опыт, который передали нам наши предки. Россия веками развивалась как многонациональное государство (изначально так было), государство-цивилизация, скреплённое русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире»¹⁶²

¹⁶¹ Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Л., 1958. Т. 6. С. 224–225.

¹⁶² Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // www.kremlin.ru/events/president/news/17118.

Говоря об истории развития России как страны-цивилизации и, соответственно, её исторической миссии, следует обратиться к концепции Н.Я. Данилевского, которая сводится к формуле: сильное государство — самый надёжный гарант зарождения, становления и сохранения нашей цивилизационной идентичности. Данилевский сравнивал Российское государство с прочной «скорлупой», защищающей ядро — самобытную цивилизацию (или культурно-исторический тип), подчёркивая, что без ядра и скорлупа не нужна. Такой подход заставляет по-новому взглянуть и на научные дискуссии по цивилизационной проблематике, и, что особенно важно, на их политический подтекст, о котором могут не подозревать ученые, стремящиеся любой ценой доказать новизну своей концепции.

Конкуренция идей свойственна научному познанию в большей степени, чем это представляется со стороны. Очень часто желание учёных отвоевать свою нишу в научном сообществе превалирует над должным — стремлением постичь истину, о чём убедительно свидетельствует известная теория пролиферации П. Фейерабенда, давшего убедительное объяснение установки на выдвижение всё новых и новых теорий, несовместимых с господствующими парадигмами и не считающихся с авторитетами. Среди бесчисленных примеров такой внутренней мотивации, на основании которых возникает и установка на ниспровержение авторитетов, можно указать и на теории, отвергающие сам цивилизационный подход в политических науках — или полностью, применительно ко всем научным школам, или выборочно, по отношению к исследованиям русской цивилизации (что бывает значительно чаще).

Казалось бы, какое отношение к политике имеет признание или непризнание России в качестве самобытной цивилизации? Каждый из нас вправе иметь собственное мнение на этот вопрос — вплоть до эпатажного отказа признавать хоть что-то разумное в трудах всех вместе взятых классиков, развивавших теорию локальных цивилизаций (а именно такие заявления делают отдельные наши ученые). Но всё дело в том, что за фактом признания или непризнания в этом случае стоит нечто большее. Это большее — реальный выбор между геополитикой, направленной на сотрудничество Запада с Россией, что предполагает признание её цивили-

зационной самобытности и права на национальный суверенитет, или геополитикой конфронтации, за которой стоит желание *любой ценой* навсегда избавиться от России как конкурента и потенциального противника.

По этой причине западный мир, отождествляющий себя с общечеловеческой цивилизацией, не может смириться с бытием огромной и мощной державы, самим своим существованием демонстрирующий полную утопичность моноцивилизационного развития по единому политическому образцу. Как пишет Данилевский, «общечеловеческая цивилизация, — если только европейская есть действительно единственно возможная цивилизация для всего человечества, — неизмеримо бы выиграла, если бы вместо славянского царства и славянского народа, занимающего теперь Россию, было тут (четыре или три века тому назад) пустопорожнее пространство, по которому изредка бы бродили кое-какие дикари, как в Соединенных Штатах или в Канаде при открытии их европейцами»¹⁶³. К словам Данилевского следовало бы добавить, что и судьба народов России, несомненно, повторила бы судьбу «дикарей», которую уготовили им носители общечеловеческой цивилизации в Северной Америке. Вся история России, которая заплатила невероятно высокую цену за свою и, кстати, европейскую свободу в кровопролитных войнах на уничтожение, развязанных западными соседями, свидетельствует о полной обоснованности этого предположения...

Следуя подобной логике, — продолжает Данилевский, — легко прийти к заключению, что Россия — «не только гигантски лишний, громадный исторический плеоназм, но даже положительное, весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей общечеловеческой, то есть европейской, или германо-романской, цивилизации. Этого взгляда, собственно, и держится Европа относительно России. Этот взгляд, выраженный здесь только в несколько резкой форме, в сущности, очень распространён и между корифеями нашего общественного мнения и их просвещенными последователями. С такой точки зрения ста-

¹⁶³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 80.

новится понятным (и не только понятным, а в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России, — к обособлению (даже насильственному) разных краев, в которых кроме русского существуют какие бы то ни было иногородческие элементы, к покровительству, к усилению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому. Если Русь в смысле самобытного славянского государства есть препятствие делу европеизма и гуманитарности, и если нельзя притом, к сожалению, обратить ее в *tabula rasa* для скорейшего развития на ее месте истинной европейской культуры *pur sang*, то что же остаётся делать, как не ослаблять то народное начало, которое даёт силу и крепость этому общественному и политическому организму? Это жертва на священный алтарь Европы и человечества».

Что же движет людьми, которые придерживаются иных ценностей? Данилевский лучше других, к слову, объяснил, причем предельно популярно, причину, казалось бы, необъяснимой подозрительности, а то и ненависти ко всему русскому, которая так выпукло проявляется в «европеизме» многих наших западников. Некоторые из них совершенно искренне полагают, что попытки ослабить Российское государство и даже разоружить его предпринимаются исключительно в интересах российских граждан. Об этой мотивации важно помнить, чтобы не навешивать на всех без исключения сторонников умаления роли государства в жизни российского общества ярлык «врагов народа» или «пятой колонны», поскольку многие из них бескорыстно верят в свою правоту.

Проиллюстрирую ход мыслей «западников» обширной цитатой Данилевского, в которой важно сохранить каждое слово: «Если в самом деле европеизм заключает в себе всё живое, что только есть в человечестве, столь же всесторонен, как и оно, в сущности, тождествен с ним; если всё, что не подходит под его формулу, — ложь и гниль, предназначенные на ничтожество и погибель, как всё неразумное, то не надобно ли скорей покончить со всем, что держится на иной почве своими корнями? К чему заботиться о скорлупе, не заключающей в себе здорового ядра, — особенно ж к

чему стараться о придании большей и большей твёрдости этой скорлупе? Крепкая внешность сохраняет внутреннее содержание; всякая твердая, плотная, компактная масса труднее подвергается внешнему влиянию, не пропускает животворных лучей света, теплоты и оплодотворяющей влажности. Если внешнее влияние благотворно, то не лучше ли, не сообразнее ли с целью широко открыть ему пути, — расшатать связь, сплавивающую массу, дать простор действовать чуждым, посторонним элементам высшего порядка, вошедшим, по счастью, кое-где в состав этой массы? Не скорее ли проникнется через это и вся масса влиянием этих благодетельных элементов? Не скорее ли, в самом деле, проникнется европеизмом, очеловечится вся Русь, когда её окраины примут европейский склад, благо в них есть уже европейские дрожжи, которые — только не мешайте им — скоро приведут эти окраины в благодетельное брожение. Это брожение не преминет передаться остальной массе и разложить всё, что в ней есть варварского, азиатского, восточного; одно чисто западное останется. Конечно, всё это произойдет в том только случае, когда в народных организмах возможны такие химические замещения, но в такой возможности ведь не сомневается просвещенный политический патриотизм. Зачем же мешать благодетельному химическому процессу? *Corpora non agunt nisi fluida* («Живут только мягкие тела» — *лат.*).» И завершает свою оценку европеизации Руси Данилевский риторическим вопросом: «Если бы, например, политический организм Римской империи сохранил свою крепость, то разве могли бы вошедшие в состав его народы подвергнуться благодетельному влиянию германизма?»¹⁶⁴

И действительно, одних Россия страшила своей мнимой косностью и реальной приверженностью к традиционализму, что вполне объяснимо: ни одна страна-цивилизация «не вписывается» в унифицированные схемы построения нового порядка, а Россия как самая крупная страна в мире, обладающая критической массой стратегических ресурсов, тем более. Других, напротив, Россия всегда — и тоже не без оснований пугала своей непредсказуемостью, скры-

¹⁶⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 66–67.

той динамикой, способностью в одночасье сломать любые традиции и ограничения, перевернуть все представления о возможном и невозможном. Как, скажите, строить новый порядок рядом с такой глыбищей, которая следует своей миссии через столетия?

2.2. Россия и Европа в современном мире: цивилизационное родство или отторжение?

Где кончается Европа или западная цивилизация, претендующая на особую роль в ансамбле современных цивилизаций, если иметь в виду качественные изменения геополитического пространства в послевоенном мире (глубокая инверсия суверенитетов ведущих европейских стран и феномен «однополярности»)? И где начинается Россия, претерпевшая не менее глубокие превращения, затронувшие цивилизационные основы Русского мира? Кто и как способен прочертить границу? Эти вопросы никогда не имели однозначного ответа, который устроил бы всех. Такой вывод вдвойне верен, если вспомнить о старой русской интеллектуальной традиции — о противостоянии западников и славянофилов, космополитов во власти и государственников в оппозиции, а также о самых неожиданных новых разделах и союзах. Достаточно упомянуть хотя бы о «трампофобах» и «трампофилах», идейных еврофанах и евроскептиках в ЕС и РФ... Не будет солидарности по проблеме границ и в будущем, хотя у каждого из нас по отдельности ответ есть, конечно. У кого школьно-ученический, у кого с подтекстом, за которым стоят разнонаправленные научные или политические интересы. А у кого-то — не столько ответ, сколько интуиция или предощущение альтернативных вариантов, за каждым из которых стоят миллионы человеческих судеб — либо спасённых, либо принесённых в жертву великим идеям и политическим доктринам, в том числе и претендующим на роль лоции в конструировании цивилизационного пространства.

Можно ли соединить несовместимое — и школьное знание, и научные изыски, и политическую корысть, и дар прозорливости, если всё это принадлежит разным людям, разным эпохам, разным культурам? Этот вопрос перестает быть риторическим, если вспомнить о недавних событиях, связанных со 100-летним юбилеем революции семнадцатого года. Почти во всех бесчисленных докладах и резолюциях, посвященных этой юбилейной дате, говорилось о необходимости достичь согласия в оценке истории... Но достижима ли такая установка в принципе? Если вглядываться только в прошлое или жить исключительно сегодняшними интересами, то вряд ли: откуда появится согласие там, где его никогда не было и быть не могло?

Но есть одна особая сфера деятельности, где такое согласие не только возможно, но и жизненно необходимо, востребовано в ситуации, когда в поле зрения исторической аналитики попадает будущее. Именно здесь требуется иметь одно на всех, общее и предельно чёткое представление о границах — и о тех европейских и российских границах, которые можно и должно защищать, а при необходимости изменять или даже отменять, и о тех незыблемых, но невидимых границах, за которые нельзя заходить никогда. В первом случае речь идёт о границах военно-политических блоков и экономических союзов, отдельных государств или квазигосударств, во втором — о границах, отделяющих добро и зло, верность и безверие, историческую память от беспамятства. Эти последние границы, за которые нельзя отступать, незыблемы по той причине, что за малейшим изменением стоит измена себе, отечеству и вере, отказ от своего имени и собственной цивилизационной идентичности.

Но что же это за деятельность, в рамках которой мы обязаны отбросить разногласия о границах любого вида и типа, выработать общую позицию? В данном случае, как ни странно, мы имеем в виду политику и геополитику, хотя привыкли повторять, как заклинание, старую и почти стёртую от времени формулу: «политика — грязное дело». Да, в этом суждении есть доля истины, и немалая, кто же спорит: власть, как известно, развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Но дело в том, что именно здесь и только

здесь, в мире реальной политики, могут решаться и решаются важнейшие проблемы, связанные с защитой отечества, с народосбережением и природосбережением, то есть с сохранением Божьего дара — многообразия культур и этносов, природных щедрот, данных для поддержания и продолжения жизни.

А люди, занятые политической деятельностью, сознательно или даже наперекор своим узким целям и интересам, включаются по необходимости в эту сложнейшую работу. Да у них и выбора другого нет, ибо народосбережение и природосбережение — неизменные, непреходящие функциональные цели политики, принципиально отличные от изменчивых личных или групповых целей отдельных политиков и партий, приходящих и уходящих. Откажись правящая элита от этих предначертанных целей ради сиюминутных выгод, и пойдёт на дно государственный корабль, вместе со всеми, кто на нем находится. Палубы, классы и задачи у всех членов команды разные, а устойчивость корабля — дело общее, вопрос жизни и смерти. И многое зависит от правильного курса, от выверенной лоции. Разумеется, речь идёт, прежде всего, о долгосрочном и дальнесрочном политическом и геополитическом планировании, о строительстве государственных институтов, способных устоять при любых испытаниях и потрясениях. Взгляд из будущего, которое может ускользнуть, просочиться сквозь пальцы, если ты не сумеешь или не успеешь заложить в него собственное завтра, открывает подлинные горизонты прошлого и настоящего (настоящего как подлинности и настоящего как иллюзии). Взгляд из будущего требует выискивать в прошлом — приемлемом или враждебном — элементы позитивного наследия, зёрна бесценного опыта.

Таких испытаний будет великое множество — это социальные или природные сдвиги и глобальные вызовы, это новые открытия и изобретения, способные спасти мир от катастроф или разрушить его до основания, в зависимости от того, в чьих руках они окажутся. На рубеже тысячелетий и в первые десятилетия XXI века два мира решают схожие проблемы — и новообразованный союз государств, назвавших себя единым Европейским домом, и Российская Федерация, взявшая на себя львиную часть ответственности за ве-

ликое наследие России исторической, ядро которого — союз народов, имеющих общую историю и судьбу. Сегодня Новая Европа и Россия строят, увы, не общее будущее, а два заведомо несовместимых грандиозных проекта. Что же мешает понять, услышать друг друга? Причин не счесть. Но главную из них точно обозначил Святейший Патриарх в своём недавнем выступлении на открытии XX Всемирного Русского Народного Собора «Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы». По словам Предстоятеля, «дехристианизация Европы и Америки ставит под сомнение общую ценностную основу, имевшую место на протяжении большей части XX века. Это приводит к тотальному непониманию, когда при обсуждении острейших вопросов возникает взаимная глухота»¹⁶⁵.

Что же касается немаловажной, но формальной (договорной) стороны проблемы определения границ Европы и России, то нам придётся принять как данность многомерность этой темы, постоянно помня о том, что подходы к ней требуют не только специальных знаний, которые далеко не всегда могут считаться бесспорными, но и правильной мотивации — желания понять и себя, и другого, ни на миг не забывая о высших и непреходящих ценностях — единственно верных ориентирах, подобных звёздам на ночном безоблачном небе.

Для того чтобы уяснить, где коренятся противоречия и разночтения, приведём простейший пример. Если вопрос о европейских и российских границах задать учителю географии — науки, более чем конкретной и менее других идеологизированной, то сама постановка покажется ему, скорее всего, нелепой уже по той простой причине, что Европа на востоке простирается, как известно, до Уральского хребта. А Россия европейская в этом смысле если с чем-то и граничит, то не с Европой, а с самой Россией, но только азиатской. Почему спрашивать о том, где лежит граница между Европой и Россией, лучше у рядового учителя, а не у какого-нибудь именитого профессора, думаю, понятно каждому. Все предельно просто: маститые профессора — великие путаники, ибо у

¹⁶⁵ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XX Всемирном Русском Народном Соборе // www.patriarchia.ru/db/text/4656175.html.

каждого из них своя школа — либо сугубо личная (это вопрос статусный, а теперь и денежный), либо какая-нибудь из модных научных школ, ломающих устаревшие парадигмы. И школы эти отличаются от обычной, массовой школы тем, что видят в отклонении от общепринятых знаний не признак невежества, а знак высокой учености... Поэтому к учёным географам лучше не обращаться, поскольку вы можете наткнуться на встречный вопрос — о какой Европе речь-то идет — уж не о «азиатском ли мысе»?

Если даже географы не едины в своих оценках, то об историках и философах, культурологах или психологах и говорить не приходится. Здесь почти все версии — взаимоисключающие, а счёта им никто не вел, хотя и дефицита в самых экстравагантных классификационных схемах, призванных хоть немного дисциплинировать своевольный научный поиск, тоже никогда не было.

Одни версии основаны на изобретении всё новых и новых границ по принципу выделения несовместимых или трудно совместимых идейно-политических, этнокультурных, языковых и прочих отличий. Здесь за теориями, как и повсюду, скрыты интересы — либо заказ на обоснование сепаратистских тенденций любого плана, в том числе и решительный отказ от любых поползновений на собственную общеевропейскую идентичность, либо решимость влиться в неё, даже ценой откровенной мимикрии, наперекор истории, самой географии и политической логике. О какой Европе можно говорить, если чуть ли не каждый регион или город Франции, Испании или Британии имеет собственные виды на будущее вне этих государств, особенно в тех случаях, когда является донором? Если же речь идёт о России, то отказ от общероссийской идентичности (русской или российской гражданской нации) получил свое обоснование не только в бесчисленных *теориях ad hoc*, но и в доминирующих политических доктринах, которые после принудительного развала (демонтажа) Союза ССР, превратились в государственные стратегии и покрылись защитными панцирями конституций. Кто решится сегодня, после скандально-непредсказуемого бегства Великобритании из ЕС и изменения политического спектра в большинстве стран-основателей Евродома в пользу евроскептиков, утверждать, что такая же судьба в ближайшее время не постигнет Единую Европу?

Другие версии базируются на идеях целенаправленного «смешения кровей», тотальной дехристианизации и конструировании «открытого общества» без внутренних границ — как государственных, так и культурных, но, разумеется, с общими врагами, в списке которых с давних пор заложена особая ниша для России. За её границами и скрыты якобы основные угрозы цивилизованному, сиречь европейскому или западному, миру. Но и здесь мы сталкиваемся с рядом парадоксов. С одной стороны, для подавляющего большинства гуманитариев — как европейцев, так и иноземцев, воспитанных на европейских ценностях, ещё недавно было самоочевидным существование единого цивилизационного и, соответственно, цивилизаторского европейского пространства, которое противостоит варварству и служит образцом для перевоспитания варваров. С другой стороны, в сознании многих европейцев и, прежде всего, новых властителей дум, всемирная презумпция доверия к западному опыту, как подметил А.С. Панарин, готова «смениться презумпцией недоверия, что находит своё дополнение в реабилитации и легитимации некогда отвергаемых и третируемых форм неевропейского опыта».

И это действительно так, что особенно полно подтверждается в наши дни, когда на волну насилия, идущую от стихийного переселения миллионов беженцев в Европу, западные «кающиеся европейские интеллектуалы» и растерянные политики отвечают только коллективным самоосуждением и публичным покаянием, радикализм которого ведёт их до полнейшего отрицания европейского опыта как такового. «Таким образом, вместо плюрализма, — по словам Панарина, — возникает монизм с обратным знаком. А рядом с этим расцветает крайний релятивизм, пытающийся устранить всякое различие между цивилизованными нормами того или иного типа и отсутствием каких бы то ни было норм. И это касается не только межкультурных и межкультурных сравнений. Начав с отрицания «европоцентричных» норм, кончают отрицанием каких бы то ни было различий между нормальным и девиантным»¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994. С. 18–19.

Следствием такого подхода является вывод о том, что «коллективного варварства вообще не существует или даже никогда и не существовало в мире, как не существует и не существовало различия между развитыми и примитивными культурами: каждая по своему хороша и аутентична. Существует девиантное поведение на индивидуальном уровне; не существует девиантных народов и культур, которые надо цивилизовать»¹⁶⁷. Следующий шаг, как прозорливо подметил Панарин, — признание любых личных проявлений откровенного девиантного поведения (вплоть до педофилии) нормой.

Если позиции европейских интеллектуалов столь радикально расходятся, то установки политиков не столько расходятся, сколько сходятся в точке полнейшей беспринципности. Очень хорошо помню урок, который получил лет 20 назад на одном из заседаний межпарламентских группы в Париже, которое вёл известный в то время французский политик. На мой вопрос, что он вкладывает в понятие Европы, говоря о её противоречиях с Россией, он ответил предельно лаконично: «Европа, да и Россия — понятия сугубо ситуативные». Действительно, для большинства политиков всё зависит от конъюнктуры: сегодня — железный занавес, завтра — разрядка, а далее по кругу... И самое главное: выработка сколько-нибудь взвешенной и конструктивной стратегии междоцивилизационных отношений в принципе невозможна без участия Русской православной церкви и других конфессий, исторически представленных на территории России и Единой Европы (где, кстати, «православный сегмент» играет особую роль после расширения ЕС).

* * *

Возможен ли диалог между западной цивилизацией и Россией как государством-цивилизацией? В возможности такого диалога автор этих строк убедился, поскольку имел возможность детально обсудить этот вопрос в одном из главных мозговых центров Европы, а точнее, в «конструкторских бюро» ЕС, где еще в 20-х годах прошлого века начался длинный путь к строительству Евродома. В тексте

¹⁶⁷ *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994. С. 21.

использованы стенограммы докладов, подготовленных и прочитанных автором несколько лет назад (по специальному приглашению организаторов) на традиционных Чешско-Баварских встречах Панъевропейского союза в честь святого Иоанна Непомуцкого в Праге.

Следует дать небольшую справку: Панъевропейский союз — одна из наиболее влиятельных организаций, основана в 1926 г. на Первом Панъевропейском конгрессе в Вене графом Р. Куденхове-Калерги. В ряды Союза входили не только ведущие политики и финансисты, но и великие властители дум XX века, с именами которых сегодня связывается представление о современной цивилизации — Томас и Генрих Манны, А. Эйнштейн, З. Фрейд и многие другие. Свою работу союз осуществляет в рамках различных европейских политических структур, включая Европарламент. Помимо заседаний ассамблеи Международного панъевропейского союза, конгрессы проводит каждая из национальных организаций. Немецкий Панъевропейский союз ежегодно устраивает, к примеру, «Панъевропейские дни» в одном из крупных городов Германии, австрийский проводит так называемые «Альпийские встречи», а Панъевропейский союз Чехии и Моравии организует заседания культурно-политического конгресса «Дни Яна Непомуцкого» (*Nepomuk-Fest*). Конгресс назван по имени чешского святого, что накладывает отпечаток и на тематику форума, и на отношение к религиозным аспектам становления Европейского союза.

Для автора представление о природе едва ли не тысячелетнего российско-европейского стояния и противостояния, закреплённого в подкорке и даже глубже, открылось неожиданно лет 40 назад. Тогда я, будучи молодым преподавателем, впервые увидел огромную военную карту мира, предназначенную для слушателей академии ПВО, где принимал экзамены. На этой карте Союз ССР выделялся красным цветом, а уже на этом фоне темно-багровыми пятнами и соответствующими символами были выделены зоны размещения «оружия Судного дня», способного поразить любые объекты в любой точке Западной Европы. СССР напоминал собой грозовую тучу, освящённую красным заревом и нависшую над западноевропейскими государствами, которые в своей разрозненности казались бессильными карликами. Каждое из них свободно

умещалось на «ладони» средней русской губернии. Позднее, когда я читал запрещённую в те времена в СССР книгу Н.Я. Данилевского, эта картина всплыла в сознании.

Приведу фрагмент из книги, где он описывает свой диалог с европейцем, произошедший полтора века назад, задолго до появления ядерного оружия: «Взгляните на карту, — говорил мне один иностранец, — разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своею массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?»¹⁶⁸ Именно чувство вполне объяснимого страха, знакомого европейцам и культивируемого в течение долгого времени, служит, с одной стороны, одним из следствий противостояния Европы и России как ее антипода — анти-Европы, а, с другой стороны, если и не причиной, то фактором, постоянно воспроизводящим это противостояние и обеспечивающим его легитимацию.

Роль анти-Европы для европейцев в разные эпохи выполняла не только Россия. Источниками смертельной опасности объявлялись в разные времена и по разным причинам Османская империя, Турция, а иногда и весь исламский мир. Типичные варианты «антипода» на отдельных этапах становления европейского самосознания — Германия и, разумеется, Британская империя, которая вновь удивила мир, выбив из фундамента Евродания один из краеугольных камней, что грозит обвалом всей конструкции. Не случайно фраза, брошенная в полемике Марин Ле Пэн, о том, что «Евросоюз мёртв, но ещё не знает об этом», в одночасье стала афоризмом. Не следует забывать, конечно, и об особой роли США, которые с момента своего возникновения рассматривались и как неизменный образец для подражания, и в то же самое время — как успешный конкурент-антагонист Европы. Эта явная и скрытая конкуренция осложнена тем фактом, что США, будучи своеобразным историческим «модифицированным клоном Европы», превратили идею Единой Европы в «культурно-политический клон» панамериканской идеи, а позднее и саму политическую Объединённую Европу — в кальку американской культуры и американской демократии. Реакция на столь заметную и деструктивную зависимость — отношение к такому «клони-

¹⁶⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 33.

рованию» со стороны европейцев. Не случайно само соединение высоких слов (те же «культура» и «демократия») с прилагательным «американские» в рамках европейского культурного и политического дискурса обычно воспринимается как известное сочетание «свободы» и «любви» — с заметной презрительно-негативной окраской, что свидетельствует не столько об антиамериканизме европейцев, сколько об их способности к критической самооценке.

Зависимость древней Европы от новоявленного «старшего брата», превращающая Единую Европу в анти-Европу, глубоко враждебную европейской традиции, всё чаще становится предметом специальных исследований и в Америке, и в европейских странах. Показательна в этом отношении переведённая на ряд языков совместная американо-итальянская научная работа «Империя» (Хардт М. и Негри А.), основные выводы которой можно свести к двум риторическим вопросам. Первый: «разве американская демократия по сути своей не основывалась на демократии «исхода»? И второй: «разве американская культура не возведена в ранг образца для всего мира?» В результате, как отмечают авторы, всё то, что было характерно для американской культуры, стало теперь олицетворением «западной культуры» в целом: «Так американское искусство превратилось из регионального в мировое, а затем и в общечеловеческое искусство... В этом отношении послевоенная американская культура заняла то же положение, что и американская экономическая и военная мощь: на неё была возложена ответственность за сохранение демократических свобод в «свободном» мире. История перемещения центра художественного производства и, что еще более важно, художественной критики является всего лишь одной из сторон сложной идеологической операции, которая сделала американскую глобальную гегемонию естественным и неизбежным следствием кризиса Европы». Причём, как ни парадоксально это звучит, «даже проявления самого яростного национализма в европейских странах, приведшие к столь ожесточенным конфликтам в первой половине столетия, в конечном итоге сменились соперничеством за то, кому лучше всего удастся выразить крайний американизм»¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 17–18.

При этом антиамериканизм в сознании европейцев хорошо уживается с верностью основным догматам «американской веры» и, прежде всего, веры в то, что мир жёстко разделен на единую западную демократию и страны, в разной степени подверженные заразе тоталитаризма. Как писал А.С. Панарин («Агенты глобализма»), «из подозрения в тоталитарных поползновениях выведена только американская культура». Остальные же чётко подразделяются на непримиримых врагов и идеологических попутчиков. Одни подлежат устранению (великие цивилизации Востока и России), другие — «отбору на возможную пригодность» (это, по мнению Панарина, касается западноевропейской культуры, которая рассматривается не в своём самодостаточном значении, а только как «попутническая» и промежуточная).

Такое деление мира на «оазисы демократии» в «пустыне тоталитаризма» закономерно приводит самих европейцев к тому, что в число «антиевропейцев» они при необходимости всегда могли и могут включить не только отдельные европейские и неевропейские народы, государства и межгосударственные союзы, но, как показывает история, и целые культурные миры. Не являются исключением и народы, без которых трудно представить историческое становление Европы. Вопиющий пример — отношение к славянству, в том числе и к славянским народам, ставшим ныне (ценой недолго хранимого суверенитета) частью условно единого политического тела — Европейского союза. Да, новый союз даёт надежду, пусть даже призрачную, на благополучное сосуществование, но инерция истории сильнее робких надежд. Не лишне в этой связи вспомнить, что апологетами антиславянства были не только нацисты, о чём хорошо известно, но и многие просвещенные европейцы — владельцы умов прошлого века и начала нынешнего, создатели учений, кардинально изменивших мир и заложивших фундамент нынешнего раздела. Не следует забывать: стройплощадка Евродома, объединившая европейцев, разделила славян, в том числе и единоверцев, на «своих» и «чужих» сильнее, чем антихристианские идеологии середины XX века, авторы которых, как известно, не были чужды славянофобии. Не составляли исключения и основоположники «научного коммунизма» — пророки общества без наций и классов,

не скрывавшие своего презрительного отношения к балканским славянам, которые, по их мнению, не заслуживали свободы, поскольку, якобы, ничего не сделали для Европы и её развития¹⁷⁰.

Кто может сегодня, в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова, после тяжёлых потрясений в России и проведения границ, разделивших народы на отдельные племена, после надругательств над христианскими святынями и геноцида славян в Косово, поручиться, что откровенно расистские идеи об этнонациональных селекциях по отношению к Славянскому миру и России никогда не повторятся? Имеет ли мировое сообщество хоть какое-нибудь противоядие от повторения внутриевропейского геноцида по отношению к отдельным этническим группам или семьям народов и от его превращения в повседневный инструмент геополитики? Эти вопросы следует отнести к разряду риторических, если учесть динамику этнокультурных и конфессиональных изменений в новой Европе, явно не готовой к широкому обсуждению, а тем более к разрешению назревающих внутри- и внешнеполитических противоречий, способных обернуться идеологическим и даже военным противостоянием между Россией и странами НАТО.

В бесчисленных *проектах пан-Европы*, о которых следует упомянуть, поскольку они уже два столетия конкурируют за право стать идейным фундаментом Европейского союза, основная установка остается почти неизменной. Эта установка — консолидация перед лицом внешних угроз, реальных или мнимых. Причина очевидна: трудно найти более доходчивое обоснование, чем жупел общего врага. Данилевский в работе с говорящим названием «Горе победителям» пишет, что государства Европы получили понятие о себе как о политическом целом от противопоставления мусульманскому Востоку. «Понятно, что и в настоящее время сознание о политическом целом, именуемом Европою, точно так же является результатом сознания существования чего-то ей политически противоположного, а это противоположное, эта анти-Европа, и есть Россия и представляемый ею Славянский мир»¹⁷¹.

¹⁷⁰ См., напр.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 35. С. 222–223; 228–236.

¹⁷¹ Данилевский Н.Я. Горе победителям. М.: Алик, 1998. С. 230.

Именно в качестве анти-Европы воспринимали Россию со времён Ф. Ницше, который одним из первых высказал идею о необходимости наднационального объединения европейских стран в единый союз. При этом европейцы, по его мнению, должны будут пожертвовать даже своей суверенностью перед лицом мощной России. Если Бруно Бауер полагал, что Гегель был последним мыслителем Европы, который говорил о европейской политике без учёта русской угрозы, то Ницше чётко сформулировал причину этой угрозы. Россия, в отличие от европейских стран (не имеющих полного набора ресурсов, в том числе и временного ресурса для защиты своих интересов под натиском геополитических конкурентов), по его определению, подобна церкви и поэтому может ждать. К тому же в России живет народ, наделённый, по выражению Ницше, великодушием молодости и истинной силой воли, а в психике русских есть некое особое измерение, которое при определённых обстоятельствах может вынудить правителей страны действовать безжалостно. Современный английский политолог К. Коукер в книге «Сумерки Запада» анализирует эту установку Ницше, находя в ней предсказание 1917 года, перевернувшего Россию и превратившего её в источник саморазрушения и постоянного ожидания катастрофы для европейцев¹⁷². Вместе с тем Коукер демонстрирует глубокое понимание исторической миссии России. Он считает, что её сила и слабость — в глубокой поглощённости собой. Основное отличие российского общества от западного Коукер находит в том, что оно по своей природе не универсалистское, а контекстуалистское, поскольку русская мысль интересовалась не столько ситуацией вообще, сколько самопознанием.

Разумеется, если продолжать эту мысль с учётом русской философско-религиозной традиции, то станет очевидным, что за оболочкой «контекстуалистского самопознания» скрывается феномен вселенского сознания, а следовательно, и тот особый универсализм, который не укладывается в прокрустово ложе культурной унификации. При этом следует напомнить, что Бердяев различал два понимания вселенскости с учетом конфессиональных отличий — горизон-

¹⁷² Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 23.

тальное и вертикальное: для первого вселенское единство означает охватывание как можно больших пространств земли и универсальную организацию, а для второго вселенскость есть не что иное, как «измерение глубины». Именно это понимание он относил к православию. Как точно подменил Е.П. Чельшев — выдающийся ученый-индуист, который посвятил многие годы теории и практике межцивилизационных связей, оценивая эту бердяевскую схему, «такое метафоричное толкование существенно упрощает и схематизирует представление о межцивилизационных контактах». Однако, если подойти к проблеме с другой стороны, схема Бердяева «заостряет внимание на ключевом аспекте при осмыслении этой тематики — на особой роли мировых конфессий в процессе становления локальных цивилизаций. При размывании религиозных основ мировосприятия исчезают и высшие смыслы мирового развития, его общечеловеческие (вселенские) горизонты. Единство в многообразии — это формула, почерпнутая, в частности, из древней индуистской культуры, является универсальной»¹⁷³.

Зададим себе три вопроса. Первый — какую роль сыграли такие предсказания и ожидания в истории Европы? Второй — насколько они были оправданы? И третий: насколько они конструктивны в наши дни, когда Европа стала относительно единой (относительно Европы до- и послевоенной), а демократизирующаяся Россия, потерявшая значительную часть исконных территорий, только в наши дни с огромным трудом и риском преодолела инерцию окончательного распада?

На первый вопрос мы уже ответили: народы объединяют общие угрозы, играющие созидательную, консолидирующую роль. Перефразируя Дидро, можно сказать: если бы общих угроз для европейцев не существовало, их надо было бы придумать. Собственно, преимущественно этим и занимались многие политики и интеллектуалы в течение ушедшего столетия.

На второй вопрос — об обоснованности страхов — ответ также лежит на поверхности. Многие из них были вполне адекватны поли-

¹⁷³ Чельшев Е.П. Непреходящее в преходящем: культурное и природное наследие в России, цели стратегического развития // Вестник Экспертного центра ВРНС. № 2. С. 32.

тическим реалиям в течение долгого времени. Европа в Новое время «радикализировалась» ускоренными темпами, а Российская империя действительно пугала тех радикалов либерального и марксистского толка, которые видели в ней главное препятствие на пути к социальному прогрессу. Причем набор моделей и сценариев прогресса был чрезвычайно узок. Если для либералов-радикалов Европа должна была стать анти-Европой, то есть «экспериментальной площадкой», предварительно «зачищенной» от традиционализма, династических институтов передачи власти, а также всех национальных и конфессиональных особенностей, замедлявших час окончательного торжества третьего сословия, то для марксистского проекта этот этап был всего лишь паллиативом. Окончательным решением должна была стать воистину анти-Европа — огромная строительная площадка, открытая на пространстве уходящей в небытие христианской Европы и призванная взорвать основы планетарного социального мироустройства, в том числе частную собственность и социальную иерархию: «кто был ничем, тот станет всем».

Единственной силой, сковывавшей совместные усилия антагонистов-союзников (либералов и коммунистов), оставалась Россия, нелюбовь к которой с их стороны была идеологически оправдана и неизбежна. Здесь, кроются, кстати, и корни трудно объяснимой на первый взгляд русофобии, которая отличает сознание доморощенных российских реформаторов и демократизаторов разных временных и идеологических популяций, в том числе «европоцентристов». Не менее, а может быть, и более зловещим стал образ России для европейцев после падения самодержавия. Тогда Россия отказалась от собственного цивилизационного «я», пройденного исторического пути («проклятое прошлое») и даже своего имени, взяв на себя именно ту роль, которую радикалы прочили обновлённой Европе, если бы она полностью встала на путь «прогресса». Таким образом, Россия была превращена в анти-Европу в полном смысле этого слова — Европу «обезбоженную», технократически отобилизованную и милитаризованную, насквозь индоктринированную и идеологизированную.

В этой ситуации европейцам ничего не оставалось, кроме объяснимого стремления любой ценой объединиться против «красной

России» с учётом той угрозы, которую несёт усиление милитаризирующейся Германии и нового геополитического игрока — США, не желающих упустить свой шанс вырвать преференции за счет распылённого (после Первой мировой войны) европейского потенциала. Поэтому Куденхове-Калерги, самый яркий и последовательный провозвестник евроединства, пишет: «есть только один узкий путь в лучшее будущее между Сциллой русской военной диктатуры и Харибдой американской финансовой диктатуры. Он называется пан-Европа и означает — помочь себе самим, объединив Европу в политико-экономический союз»¹⁷⁴.

Отвечая на третий вопрос, следует произнести сакраментальное: времена меняются вместе с Европой и Россией. Европа всё меньше походит ныне на мозаику изолированных друг от друга миров, но всё больше — на сверхдержаву по своему военному и экономическому потенциалу. А Россия на глазах становится открытым обществом с явно выраженным стремлением восстановить основы христианской культуры и, кстати, тратит на военные расходы значительно меньшие средства, чем Единая Европа, не говоря уже о США. При этом именно Европа под напором США концентрирует стратегические военные объекты на границах России, втягивая её в гонку вооружений и принуждая ставить под прицел земли братских славянских народов, за независимость которых не раз проливали кровь русские солдаты... Можно вспомнить и о том, что кроме придуманных, хотя в ряде случаев и оправданных страхов, существуют и множатся все новые и совершенно реальные угрозы. Среди них ресурсный голод, водный голод¹⁷⁵ и «просто голод» — пищевой, не признающий границ в глобализированном и унифицированном пространстве, а также другие глобальные проблемы, которые не будут ждать, когда мировое сообщество научится устранять причины, порождающие глобальные экономические и политические болезни. Одна из них — лавинообразное исчезновение с карты мира не только большей части языков, культур и малочисленных народностей, но и великих народов,

¹⁷⁴ Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 13.

¹⁷⁵ См.: *Рассторгуев В.Н.* Политическое планирование в условиях «водного голода» // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1.

в том числе европейских. Им также угрожает культурная и конфессиональная ассимиляция в «постглобальном» и «постхристианском» европейском (пост-европейском?) пространстве.

2.3. Парадоксы европейской цивилизационной идентичности

Не существует и не может существовать ни единого для всех и во все времена самообраза Европы, ни единой и завершённой истории европейского развития, ни самой монополии на право обладания «единственно верным» образом и историей. Но сосуществует множество различных, а иногда и конкурирующих представлений, которые легко разделить на два типа. Первый — это *образы европейского прошлого и настоящего*, закреплённые в языках и национальных культурах посредством написанных кем-то историй-рассказов, а вторые — *проекты европейского и, соответственно, мирового будущего*, т.е. его концептуальные прообразы, положенные в основу долгосрочных политических, социально-экономических и культурных стратегий европейского развития.

Трудность заключается не в том, чтобы создать адекватную типологию самообразов Европы. Эта задача представляется вполне выполнимой, хотя и чрезвычайно ответственной в том случае, если классификационная схема войдет в политические доктрины или отразится на определении стратегий (выражение «разделяй и властвуй» относится не только к типу правления, но и к классификациям, которых придерживаются политики). Подлинная проблема скрыта в том, чтобы в процессе политического строительства не забыть о тонкой грани, отделяющей традиционные образы от прообразов-проектов и, соответственно, культурную самоидентификацию народов от политических стратегий (императивов). А проводить это различие необходимо, как минимум, по трем причинам.

Во-первых, традиционные самообразы Европы — это не только часть её многоликого культурного наследия, но и само право народов на сбережение самобытности в унифицированном пространстве глобализирующегося мира. Обеспечение этого права — гарант сохранения цивилизационного и внутрицивилизационного многообразия, т.е. исторически сложившегося этнокультурного многообразия территорий, разрушение которого далеко не случайно почти полностью коррелирует с динамикой исчезновения регионального биологического многообразия — важнейшей основы устойчивого развития.

Во-вторых, именно политические проекты, соединяющие императивные установки и сконструированные самообразы Европы, способны радикально изменить традиционные формы её коллективной самоидентичности, лишив наследников великих культур права на полноценное наследование. А наследие без наследования — это наследники без наследства.

В-третьих, изменение самообраза или «перекодировка» («перезагрузка») Европы — процесс, последствия которого отразятся в лучшую или худшую сторону на всех странах и народах мира, в том числе и на той части планеты, которая обладает ресурсами долгосрочного развития Европы, — на России. Поэтому так важно просчитать не только текущие и ближайшие, но и отдалённые последствия вторжения в механизмы европейской самоидентификации и скрытой переидентификации. К сожалению или к счастью, единственным судьёй, способным дать окончательную оценку степени рисков, возникающих в процессе «культурной перекодировки», служит историческая практика, которая иногда отодвигает приговор за временные горизонты ныне живущих поколений, не снимая, впрочем, ответственности за содеянное с современников.

Немногим людям удалось соединить или, если быть более точным, найти способ соединения вымысла и реальности, искусственно созданного образа Европы и воплощённой политической идеи. Речь вновь идет о графе Куденхове-Калерги, который стал творцом не только одного из самых продуктивных и привлекательных самообразов Европы, но и грандиозного геополитического проекта — реального прообраза её новой истории. Он хорошо

понимал, что различия между вымыслом и реальностью стираются, когда политическая идея материализуется (институционализируется). И чем выше и благороднее идея (сильная, конкурентоспособная и самостоятельная Европа без войн — действительно благородная идея), тем оптимистичнее взгляд в будущее европейских наций. По его убеждению, «нации являются симбиозом, родством между большими личностями и их народами, которые одновременно отцы, сыновья, творцы и плоды их творения», а «народ объединяют общие герои и идеальные образы»¹⁷⁶.

Если взглянуть на историю Европы до её объединения с этой точки зрения, то она предстаёт перед нами как нагромождение, а иногда как искусное сплетение нарративов — историй, случившихся в действительности или вымышленных, добрых или злых, сохранившихся лишь в языковой структуре или написанных под диктовку преходящих политических и коммерческих интересов. По этой причине столь многообразны и непохожи друг на друга самообразы народов, действительно относящихся или причисляющих себя к *европейской семье, которая то сужается, то расширяется*. Не следует забывать и о самообразах отдельных людей, считающих себя по каким-то причинам (этническим или, напротив, идейно-космополитическим) подлинными европейцами, но не имеющих не то что еврогражданства, но и одноразовой шенгенской визы.

Говоря о *сужении или расширении европейской семьи народов*, мы сталкиваемся с первым парадоксом, о существовании которого следует постоянно помнить, строя здание европейского мира и возводя мосты между ним и всеми другими мирами — цивилизационными, конфессиональными, политическими. При этом один из стратегических мостов, без которого у Европейского союза нет гарантированного и безопасного будущего — это культурный мост между ним и Россией, значительная часть населения которой в течение столетий идентифицировало самобытную русскую культуру с европейской культурой. Сохранится ли это родство, если будет изменена преемственная межпоколенческая связь в самом сердце Европы, формирующей новую идентичность? Многое зависит от

¹⁷⁶ Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 88.

того, какие принципы будут положены в основу процесса тотальной европейской интеграции.

Суть самого парадокса заключается в том, что не расширение, а именно *сужение самообраза Европы*, например, до «собственно-европейских» культурно-этнических и языковых или конфессиональных и доктринальных рамок в действительности не сужало, а существенно расширяло пространство Европы, её *культурный проект*. Лучше других эту мысль выразил Куденхове-Калерги: «Поскольку нация представляет собой империю духа, её просторы не имеют границ»¹⁷⁷. Носителями европейского самообраза в этом случае становились не только миллионы людей, живущих в разных уголках мира и являющихся, к примеру, единоверцами европейцев или их «этническими родственниками», но и миллионы людей, впитавших в себя либо просвещенческую культуру, либо набор философских и политических доктрин, овладевших сознанием граждан европейских государств.

Как уже отмечалось, сами русские всегда осознавали Россию как часть Европы и, более того, постоянно расширяли культурное европейское пространство. Об этом не раз говорил Куденхове-Калерги, прозорливо считавший, что эта миссия России только усилится со временем. Причём *европейский генотип русской культуры* проявлялся тем отчётливее, чем выше поднимался средний образовательный ценз населения России. Именно поэтому Россия в массе своей стала страной, настроенной проевропейски, именно в годы советской власти. И это второй парадокс, который следует особо отметить, поскольку глобальное расширение единого европейского и российского информационного и образовательного пространства — это реальность нашего времени. Углублению этой тенденции препятствует теперь не «железный занавес», а жёсткая установка на недопущение русского языка в семью языков Единой Европы. Все знают, как осуществляется «вытравливание» русской речи среди русских, которые после распада СССР стали гражданами новообразованных государств, которые или уже вошли в Евросоюз, или готовятся к такому вхождению.

¹⁷⁷ Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 94.

С другой стороны, *любое территориальное расширение*, постоянно изменяющее сегодня самообраз Единой Европы, в действительности резко сужает ее границы. Сужает до чётко очерченных контуров её нового политического организма, защищающего себя, как и всякий живой организм, от «внешней среды» — политической, этнокультурной, конфессиональной. Соответственно, чем шире будет Европа политическая, тем уже будет Европа культурная. За всё приходится платить, и речь идёт именно о цене вопроса. К примеру, крайне трудно предугадать, как изменится (уже изменяется) самообраз русских и, соответственно, в целом позитивное *восприятие Европы и европейцев* в России на фоне втягивания, к примеру, Украины в военный блок НАТО. Столь активные действия следует оценивать, с одной стороны, с учётом нарастающей конфронтации НАТО с Россией и, с другой стороны, в контексте широкого обсуждения вопроса о перспективах вхождения Украины в Европейский союз. В результате даже неискушённому человеку открывается военно-политический аспект расширения Европы, что изменяет не только её образ в глазах русских и её самообраз, но и влияет на культурную самоидентификацию *русских украинцев* и *русских великороссов*. Этот процесс разрушает заложенное в течение тысячелетней истории российского государства представление о русских не только как о нации граждан России (русские немцы, русские татары...), но и как о государствообразующем народе, суперэтноте. А этот народ состоял, прежде всего, из великороссов, белорусов и украинцев. Взаимное недоверие, насаждаемое сегодня между частями русского народа по схеме «прозападные или промосковские (москальи)» неизбежно надолго или навсегда исказит и представление о своей европейской принадлежности всех россиян. Вопрос состоит в том, насколько это выгодно Единой Европе и России в историческом и геополитическом контексте. Думается, не надо быть искушённым политологом или политиком, чтобы сделать вывод о том, что даже самая либерально и «прозападно» настроенная политическая элита России не в силах будет остановить процесс отчуждения.

Третий парадокс требует специального и деликатного анализа на стыке философии, политологии и богословия, но о его суще-

ствовании полезно упомянуть. Он заключается в том, что Европа и Россия *как бы* идут навстречу друг другу, но эта встреча может стать точкой размежевания, поскольку Россия *возвращается* к национальным традициям великой русской культуры, а следовательно, к собственным и европейским христианским истокам, а пан-Европа стремительно *удаляется* от своих традиционных самообразов и в первую очередь — от христианства. Разумеется, такое «встречное движение» отчасти снимает противоречия, существовавшие между западной и восточной ветвями христианской культуры, но снимает не в философском понимании этого слова, а в «физическом» — подобно бульдозеру, срезающему пласт земли...

К сказанному следует добавить, что сегодня даже убежденные атеисты всё чаще демонстрируют понимание роли культуuroобразующих конфессий в установлении взаимного доверия (или недоверия) между народами и их миротворческой миссии в эпоху межцивилизационных конфликтов, большая часть которых возникает в результате искусственной политизации межконфессиональных отношений¹⁷⁸. В России православие как доминирующая культуuroобразующая конфессия в течение столетий была основным гарантом межэтнического согласия и межконфессионального мира, а в настоящее время и политической стабильности. А тот факт, что Русская православная церковь постоянно и уверенно восстанавливает свои позиции в жизни российского общества, позволяет надеяться, что Россия не превратится в очаг межцивилизационных войн, способных опрокинуть европейский мир, сохранит свою связь с лучшими традициями западно-христианского мира. Об этом говорил 2 октября 2007 года в ходе своего визита в Страсбург Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, выступая на сессии ПАСЕ перед парламентскими делегациями 40 стран, входящих в Совет Европы. По его словам, «именно на основе традиционной нравственности, уважения к социальным моделям и

¹⁷⁸ Подробнее об исторической миссии культуuroобразующих конфессий см.: *Расторгуев В.Н.* Культуuroобразующие конфессии — гарант мира в эпоху межцивилизационных конфликтов // Православная Византия и латинский Запад (к 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами). М.: Паломнический центр Московской патриархии, 2005.

образу жизни друг друга сосуществовали различные религиозные традиции в России, не знавшей религиозных войн».

Указанные тенденции и парадоксы постоянно обнаруживают себя и требуют реакции со стороны европейской политической элиты, поскольку Европа как новообразованный союз независимых государств, пожертвовавших ради взаимовыгодного объединения существенной частью национальных суверенитетов, — это априори тесное пространство. Здесь рамки циркуляра или, к примеру, модельного закона, а тем более очевидной экономической целесообразности становятся намного важнее и значимее, чем рамки традиций, иногда тысячелетних.

По нашему мнению, не единственной, но существенной гарантией устойчивого и безопасного становления Европейского союза может быть тонкий и подконтрольный баланс между политическим образом новой Европы и её традиционными самообразами, которыми следует дорожить. Как европейцам, так и россиянам следует особо беречь и «остаточное» проевропейское самовосприятие русских...

Не менее существенный вывод сводится к тому, что становление *единого европейско-российского пространства* — информационно-образовательного, культурного и, разумеется, экономического — следовало бы начать не только с разрешения энергетических проблем, но и с опережающего согласования ряда позиций, которые не позволят превратить энергетический вопрос в условиях растущего ресурсного дефицита в проблему сугубо политическую. Политизация этой жизненно важной для Европы проблемы делает её заложником политических конфликтных отношений, от кого бы они ни исходили — от основных участников сотрудничества или от третьих сторон.

Назовем три позиции, позволяющие, как нам кажется, обеспечить гарантированное будущее Европы и безопасное развитие России, если она будет укреплять позитивные связи с Евросоюзом.

Позиция первая: чем меньше будет коммуникационных барьеров, тем стабильнее будет и сотрудничество в долговременной перспективе. Поэтому так важен курс на поддержку русского языка как языка Евросоюза и принципиальный отход от любых про-

явлений дискриминационной политики по отношению к русскому языку (Украина, прибалтийские страны). На *европейском русском языке* думают, говорят и творят миллионы *русских и русскоязычных европейцев*, проживающих после распада исторической России на территориях новообразованных государств, которые вошли (или стремятся войти) в Европейский союз. Заметим, что позитивный пример конструктивного отношения к потенциалу русского языка ныне демонстрируют даже страны, никогда не входившие в состав Российского государства, в том числе Израиль, где значительная часть населения воспитана в духе русской культуры и где обсуждается вопрос о придании этому языку статуса второго государственного.

Позиция вторая: энергетические стратегии, как и любые отраслевые стратегические проекты, должны «врасти» в долгосрочные системные стратегии развития и Евросоюза, и России. Только это может быть залогом устойчивых связей, не зависящих от политической конъюнктуры и «третьих лиц». Важнейшее звено таких стратегий, по сути *«рельсы»* сверхдолгосрочного синхронизированного развития — это природосбережение и народосбережение, т.е. *совместная экологическая политика*, направленная на сбережение уникального регионального биоразнообразия, и *совместная социальная политика*, призванная сберечь не только поколения живущих ныне, но и сохранить все европейские и российские народы, исторически представленные на этих территориях. Только в этом — гарант жизни для будущих поколений. Если эти *«рельсы общей российско-европейской стратегии»* будут проложены синхронно и параллельно, то и *«шпалы общей стратегии»* (единая энергетическая политика, финансовая, информационно-образовательная, научная политика и так по всему списку отраслевых политик) нам придется укладывать сообща. А это — работа на вечность!

Позиция третья: начинать эту масштабную работу целесообразнее с совместных пилотных проектов на доктринальном, законодательном и практическом уровнях. Россия уже идёт по этому пути. В частности, при разработке Экологической доктрины РФ мы (автор входил в группу инициаторов и разработчиков доктри-

ны¹⁷⁹) ориентировались на соответствующие доктринальные документы Европейского союза, а ныне, в процессе разработки Социальной доктрины РФ¹⁸⁰, мы в значительной степени ориентируемся на Европейскую социальную хартию. Наиболее значимым практическим проектом, который наша группа осуществляет, является международная программа «Валдай — колодцы мира (защита мировой сети водораздельных гидроузлов)». Суть программы — системный мониторинг уникальных природных регионов планеты, от состояния которых зависит качество питьевой воды.

Для того чтобы предельно сжато охарактеризовать суть проблемы, придётся вновь обратиться к Данилевскому, поскольку он соединял в одном лице и естествоиспытателя, и философа, и политолога. «Надел, доставшийся русскому народу, — пишет Данилевский, — составляет вполне естественную область, — столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, — область, резко означенную со всех сторон (за некоторым исключением западной) морями и горами. Область эта перерезывается на два отдела Уральским хребтом, который, как известно, в своей средней части так полог, что не составляет естественной этнографической перегородки. Западная половина этой области прорезывается расходящимися во все стороны из центра реками: Северною Двиною, Невою — стоком всей озерной системы, Западною Двиною, Днепром, Доном и Волгою. <...> Восточная половина прорезывается параллельным течением Оби, Енисея и Лены, которые также не разделены между собою горными преградами. На всём этом пространстве не было никакого сформированного политического тела, когда русский народ стал постепенно выходить из племенных форм быта и принимать государственный строй»¹⁸¹.

¹⁷⁹ О работе над доктриной см. коллективную монографию: Колодцы мира. Великий водораздел двух тысячелетий и трёх морей (Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам). М.: Финансовый контроль, 2004.

¹⁸⁰ Проект Социальной доктрины Российской Федерации был подготовлен по инициативе Координационного совета по социальной стратегии при Председателе Совета Федерации, прошёл стадию широкого обсуждения с участием государственных органов власти и институтов гражданского общества, но... остался проектом.

¹⁸¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 35.

Не уходя в эту тему, бесконечно важную для российской политики и её геополитической стратегии, следует отметить, что одна из наиболее перспективных федеральных программ, которая предшествовала программе «Колодцы мира» и успешно осуществлялась в 90-х годах прошлого века — это Государственная программа социального и культурного развития Тверской области — территории Великого водораздела Русской равнины. Именно об этой особо ценной природной и историко-культурной территории так точно говорил Данилевский. Подобные проекты — не что иное, как надёжные дороги, ведущие к взаимопониманию всех народов Европы (пан-Европы и России). Хотелось бы также привести слова Куденхове-Калерги о том, что панъевропейское движение должно «по своим целям отвергать войну, поддерживать экономику и цивилизацию; принципиально отвергать наступательные и агрессивные тенденции, в том числе и гегемонию»¹⁸².

Среди вопросов, связанных с оценкой конкурирующих проектов строительства Европейского дома на современном этапе и требующих осмысления с учётом геополитических рисков и национальных интересов России, без которых невозможно осуществить выбор оптимальной модели общеевропейской интеграции, выделим три основных.

Первый вопрос: чем стала идея Соединенных Штатов Европы в эпоху глобализации — объединяющим началом, снижающим риск межгосударственных, межэтнических и межцивилизационных конфликтов, или всего лишь подновлённым механизмом разделения мира на своих и чужих, который порождает новые геополитические риски? Знание созидательного и разрушительного потенциала политических идей — условие для их оптимального использования, поскольку любая из таких идей — не самоцель, а инструмент в руках человека.

Второй вопрос: чем отличается концепция панъевропейского союза графа Рихарда Куденхове-Калерги от множества других научных и политических версий этой продуктивной идеи, которая пережила и, наверное, переживет всех тех, кто рассматривал и до

¹⁸² Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 52.

сих пор рассматривает её как пустую утопию? Каков методологический потенциал этой концепции в наше время — что устарело, а что живо и может плодоносить?

Третий вопрос: что целесообразно и необходимо делать сегодня, чтобы идея европейского единства открывала всё новые перспективы устойчивого развития и для Европы, сделавшей первый шаг к новой идентичности, и для России? Россия, к сожалению, слишком часто (и далеко не всегда обоснованно) рассматривалась в панъевропейских проектах в качестве того потенциального врага, ради которого, собственно, Европе и стоит объединяться. Подлинный потенциал панъевропейской идеи — пока не востребованные в полной мере возможности интеграции и устойчивого развития на евразийском пространстве.

Итак, *первый вопрос в его прагматической версии*: какую конкретную практическую сверхзадачу решает или может решить пан-европеизм в эпоху глобализации? Ведёт ли этот план к консолидации мирового сообщества или к его дезинтеграции, к снижению рисков или их расширенному производству?

Сразу заметим, что этот вопрос волновал уже первых читателей Куденхове-Калерги. Не был исключением и его последователь-антагонист, сторонник концепции континентального блока «Германия — Россия — Япония» Карл Хаусхофер, который, говоря о планетарном будущем пан-идей в целом и о концепции «радующегося миру графа» в частности, отмечал связь этих идей с кантовской идеей вечного мира. При этом он обращал внимание, прежде всего, на альтернативные геополитические сценарии, спрашивая себя: «приведёт ли такое развитие к подлинному миру во всём мире или же снова ввергнет его в борьбу за существование, только уже между более крупными пространствами и с ещё более страшными последствиями для человечества?»¹⁸³

Сопоставляя противоположные версии с учётом уже приобретенного и по преимуществу трагического исторического опыта, приходишь к выводу, что однозначного ответа не существует и сегодня. И это не удивительно, поскольку ответ заключается не

¹⁸³ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 343.

столько в теоретических построениях и основанных на них прогнозах, сколько в направленности политической воли, в тех императивах, которые определяют выбор стратегий. Не меньшую роль играет уровень компетенции и глубинная мотивация людей и политических групп, волею судьбы (а отчасти волею избирателей) принявших ныне на себя ответственность за будущее мироустройство, идущее на смену биполярной системе.

Но как бы высоко ни оценивали мы волевое начало политики, приходится признать и ту внутреннюю логику — разрушительную и/или созидающую, которой обладают и сами идеи. В известном суждении «идеи правят миром» заключена доля истины. Так как же правят или могли бы править миром панъевропейские идеи?

С одной стороны, в эпоху стремительно глобализирующегося мира сомнения в «миротворческой миссии» панидей не только не рассеялись, но и усилились, особенно в последние годы. В пользу этого печального вывода говорит хотя бы тот факт, что начало третьего тысячелетия свидетельствует о неготовности крупных акторов мировой политики (в том числе и стран — членов ЕС) отказаться от силовых методов разрешения конфликтов. Более того: мы наблюдаем своего рода «ренессанс» политики силы и, что особенно опасно, возникновение прецедентов военного передела территорий в самом сердце Европы. Примером служит военное решение югославской проблемы с элементами геноцида, которое надолго подрывало доверие и к международному праву, и к идее формирования единого правового пространства, что обострило рознь между народами и государствами.

К сожалению, в тот момент в Европе не услышанными остались пророческие слова Куденхове-Калерги: «Наличие плохих границ всё-таки лучше, чем любая победоносная война. Необходимо, как это уже произошло в Америке, поставить, наконец, точку в теме изменения европейских границ и перестать пытаться их насильственно передвинуть. Если бы Американские Штаты беспрерывно ссорились друг с другом по поводу справедливости проведения своих границ, там бы не прекращались войны. Они оказались умнее и почти все смирились со своими несправедливыми и противоестественными границами — Европа должна у

них учиться! Существует только один радикальный способ решить европейский вопрос о границах справедливо и надолго. Этот способ называется не перенос границ, а их ликвидация»¹⁸⁴.

С другой стороны, реальный процесс институционализации панъевропейской идеи — само становление Европейского союза — постепенно переводит дискуссию о миротворческом потенциале панидей из сферы политического дискурса и отвлеченной теории в плоскость *конкретного измерения*, доступного для научной аналитики. Это обстоятельство обнадеживает: сама возможность измерения — это возможность контроля за политикой и политиками со стороны гражданского общества, а кроме того, делает политику открытой для научного обоснования интеграционных процессов, а, следовательно, и для более или менее достоверного предвидения и снижения непредвиденных политических рисков. Мерой для такого анализа сегодня могут быть вполне доступные для объективной оценки характеристики состояния глобализирующегося мира — экономические показатели, системные критерии уровня и качества жизни и многое другое. Следует заметить, что Совет Европы уделяет особое внимание именно этому аспекту политического планирования, что также говорит в пользу оптимистического сценария. И вывод, который можно сделать, сводится к тому, что идея единой Европы — обоюдоострое оружие, требующее особой осторожности от оруженосцев.

2.4. Архитектоника Евросоюза и «угроза панславизма»

Особый интерес представляет вопрос об отличительных особенностях проекта Рихарда Куденхове-Калерги. По сути, это вопрос о той уникальной нише, которую отвоевала себе его версия среди многочисленных конкурирующих вариаций идеи единой Европы.

¹⁸⁴ Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 95.

Начнём с констатации факта: отсутствие единой и общепринятой версии панъевропейского союза — это и слабость идеи, и ее сила. Слабость проявляется в том, что многообразие подходов и принципов разделило адептов пан-Европы на федералистов, унионистов и функционалистов, а также сторонников так называемых смешанных моделей. У каждой из этих версий своя история, свои предтечи и противники, а главное — своя система аргументации и особые критерии оценки. Вряд ли кто-нибудь может взять сегодня на себя роль третейского судьи, поскольку в конечном итоге выбор будет сделан не политиками и не «яйцеголовыми», а народами Европы. И здесь слишком велика роль случая, стечения обстоятельств и непредсказуемой мотивации масс, чтобы уповать на выбор единственно правильного, как представляется нам, решения.

Думается, что главная особенность замысла Куденхове-Калерги состояла в том, что ему как никому другому удалось соединить три начала:

– во-первых, мощный императивный импульс панъевропейской идеи — установку на консолидацию сил пред лицом общей угрозы (в тот период угрозы для европейских стран исходили от большевизма, реальной возможности объединения тоталитарных режимов и прозрачной перспективы установления гегемонии США, которая станет политической реальностью в случае новой истребительной войны между европейскими народами);

– во-вторых, очень привлекательную миротворческую установку, которая отличала версию Куденхове-Калерги от большинства так называемых «наполеоновских» проектов;

– и, в-третьих, чётко выраженное проектное начало концепции. Эта особенность в значительной степени была связана с личностными качествами Куденхове-Калерги, соединявшего в себе дар оригинального теоретика, талантливого пропагандиста, искусственного политика, способного соединять публичную деятельность с тщательно скрытой работой по продвижению своего проекта, а также особый дар чувствовать дух и вызовы времени, умонастроение различных слоев общества.

По сути, концепция Куденхове-Калерги — это не только детально проработанный политический проект, адаптированный к

политической конъюнктуре, но и созданная им развитая система управления проектом. А в рамках этой системы была отработана целая сеть подпроектов, в том числе научного и информационного сопровождения. Здесь же — пакет проектов-предложений по введению Конституции Европы, общей валюты и символики (европейский флаг, гимн, День Европы и т.п.).

Анализ сильных и слабых сторон проекта Куденхове-Калерги — задача, сама постановка которой требует учитывать прагматично-проектную специфику его творчества. Но для того, чтобы составить сколько-нибудь полное представление о потенциале панъевропейского проекта Куденхове-Калерги, потребуются огромная работа по реконструкции замысла и методов его реализации, а также политического и геополитического контекста. Мы планируем в этой связи подготовить и осуществить исследовательскую программу, используя огромное количество материалов, хранящихся в московских архивах. Среди исследований, которые дают представление о ценности этих материалов — известная работа Аниты Цигерхофер-Преттенталер (Anita Ziegerhofer-Prettenthaler) «Посланец Европы».

Вопрос о том, *что необходимо делать, чтобы не допустить перерождения проекта и не передать его в руки поджигателей новой мировой войны*, стоило бы переформулировать, сделав акцент на конкретных задачах. Возможная формула звучала бы так: что мы, граждане Европейского союза и граждане России, ответственные за судьбу Европы, обязаны совместно делать после того, что мы уже сотворили с природой, с культурами народов, с судьбами миллионов людей? Как выстроить систему приоритетов?

Совместная работа над панъевропейским проектом — это и есть ключевой политический вопрос наших дней. Россия, определяя сегодня стратегию долгосрочных отношений с Евросоюзом в контексте Евразийского проекта, определяет нечто большее — модель собственного развития на историческую перспективу. Но если мы с уверенностью говорим, что стратегия России в значительной степени будет предопределена выбором европейцев, то не вызывает сомнений и другой факт: стратегия новой Европы обречена превратиться в утопию, если не будет найден общий алгоритм

продвижения к этому проекту подлинно единой Европы и обновлённой России, о котором мечтал Куденхове-Калерги.

Разумеется, мы отдаём себе отчёт в том, что в политтехнологическом отношении эта задача трудно осуществима, хотя Россия и является членом Совета Европы. Отсутствуют традиция сотрудничества и прецеденты, но доминирует традиционно настороженное отношение к партнёрству такого рода, мешают факторы, связанные с особенностью бюрократических механизмов Брюсселя и Москвы, а также, конечно, с внешним влиянием. Всё это усиливает степень геополитического риска. Говорят, что тот, кто не рискует, не пьёт шампанское. Это верно. Но верно и другое: тот, кто понапрасну искушает судьбу, играет с огнём.

Тот факт, что Европа достаточно легко идет на колоссальный риск, конструируя свой самообраз, как и сто лет назад, через образ врага в лице России, объясняется тремя факторами:

– во-первых, генетически заложенным в культурный код и массовое сознание страхом перед огромной империей, которая, по словам Куденхове-Калерги, при любом исходе возродится (этот страх был многократно усилен реальной угрозой мировой революции, исходившей из России, где уничтожение христианской европейской традиции шло куда энергичнее, чем это делали радикальные либералы на Западе);

– во-вторых, прямо противоположной установкой — глубоко спрятанной в подсознании образованного европейца уверенностью в безопасности, которая объясняется просто: Россия была и останется носительницей европейской культуры в её высших и традиционных проявлениях (чем иным можно объяснить открытость русской культуры и ту огромную роль в становлении европейской и мировой культуры, которую сыграли великие русские писатели и музыканты?);

– в-третьих, надеждой на то, что процесс демократического обновления России по западному образцу будет необратим.

Последний тезис, к сожалению, вызывает большое сомнение. Степень принудительной, идущей извне изоляции и реальной военной угрозы, исходящей от «управляемой Европы», способна в короткое время качественно изменить исторический выбор России

и нанести непоправимый удар по безопасности (в первую очередь — энергетической) всего европейского мира. Интересы национальной безопасности России, так же как и интересы ЕС, не могут приноситься в жертву никаким, пусть даже самым высоким идеалам, а реальную политику открытости не следует уподоблять одностороннему движению.

В заключение этой темы хотелось бы сказать, что стратегия, построенная по принципу «Европа — это анти-Россия», наверное, имела право на существование во времена Куденхове-Калерги, поскольку сама Россия долго была анти-Россией. Но эта позиция устарела, а кроме того, является заведомо неудачной стратегией по трём причинам:

- во-первых, это позиция слабых;
- во-вторых, сегодня это тупиковая политическая линия, повторяющая известную китайскую стратегию «создай себе врага, чтобы потом до конца дней бороться с ним». По отношению к России — этот конец может наступить быстрее, чем многим бы хотелось;
- в-третьих, это просто нерасчётливо в экономическом плане и не разумно в плане культурном. В подтверждение этих слов снова сошлёмся на мнение Куденхове-Калерги: «в рамках великой панъ-европейской экономики каждая нация в мирном соревновании со своими соседями завершит создание собственной культуры»¹⁸⁵.

Но как бы мы ни относились к бесчисленным интерпретациям феномена цивилизации и более чем сомнительным «цивилизационным проектам», факт остаётся фактом: за этими размытыми представлениями и конкурирующими теоретическими построениями стоит реальность, которая переживёт все доктрины и идеологии, да и сами политические границы и институты. Время смывает с поверхности Земли великие государства и народы, самоуверенно считавшие саму вечность всего лишь одним из атрибутов земной власти. Время вымывает из памяти и коллективного подсознания следы «великих учений», которым с равным упорством поклонялись миллионы разумных и безумных людей, готовых отдать за них не только свои и чужие жизни, но и будущее собственных народов.

¹⁸⁵ Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 95.

Повышенный интерес к конкурирующим цивилизационным учениям — политическим и научным, а также к самому принципу цивилизационного устройства мира объясняется не столько логикой познания, сколько факторами экстранаучного и экстракультурного порядка — скрытыми политическими и корпоративными целями. В результате одно из самых размытых и до недавнего времени академически нейтральных понятий становится «камнем преткновения и камнем соблазна» в столкновении ведущих игроков на поле геополитики, называющих едва ли не главной глобальной проблемой третьего тысячелетия реальную угрозу перерастания социальных и политических противоречий в межцивилизационные конфликты и религиозные войны.

В действительности первопричиной указанных противоречий и самой попытки обосновать неизбежность межцивилизационных столкновений является неизменная установка «цивилизованного человечества» в лице «успешных» государств на тотальную этнокультурную унификацию и целенаправленное разрушение мировых границ — государственных, цивилизационных, моральных. Такая установка — издержка процесса принудительной консолидации внутренне разобщённого и атомизированного западного общества, вынужденного по мере усиления антиклерикальных настроений («освобождения от пут религиозной веры») постоянно искать или конструировать образ внешнего врага. Не случайно известная книга К. Поппера, ставшая теоретическим обоснованием проекта «открытого общества» (цель проекта — консолидация Запада в послевоенном «биполярном мире» перед лицом «красной угрозы»), получила говорящее название: «Открытое общество и его враги». Столь жёсткая и неизменная позиция *цивилизаторов* вызывает вполне предсказуемую реакцию со стороны большинства принудительно *цивилизуемых* — многих народов, которые отнесены «цивилизованным миром» (варварами в строго историческом значении этого слова) к категории «варваров» и «изгоев», хотя именно за плечами «изгоев» чаще всего стоят мировые цивилизации с многовековой историей. Всё это делает угрозу цивилизационных войн вполне реальной, превращая откровенно провокационные политические теории в научные пророчества и

легитимируя тем самым политику силы в межгосударственных отношениях.

Такая же, по сути, установка лежит и в основе основного набора идей панъевропеизма, без которой невозможно реконструировать процессы европейской интеграции и, соответственно, заложить устойчивые и доверительные отношения между двумя «европейскими полюсами». С одной стороны, речь идёт о «вечной России», распространившей христианскую веру и европейскую культуру на огромных евразийских пространствах, а с другой стороны, о постоянно эволюционирующей Европе, «прогрессирующей» от христианской, хотя и разобщённой культуры к «толерантно-постхристианской» сверхдержаве, а от неё, судя по доминирующей тенденции, — к «происламистскому» конгломерату. Как говорил Куденхове-Калерги в своём манифесте «Пан-Европа», если не существует и не может существовать справедливых границ, то остаётся два варианта: или смириться с заведомо несправедливыми и противоестественными границами, или отказаться от границ вообще. Он не рассматривал, разумеется, третий вариант — все формы губительного для Европы силового, военного решения проблемы и настойчиво предостерегал европейских политиков от применения военной силы против России. По его мнению, в действительности существует только один радикальный способ защитить европейскую цивилизацию, решив европейский вопрос о границах справедливо и надолго. «Этот способ называется не перенос границ, а их ликвидация... Европейец, который способен ради мира отказаться перенести политические границы, должен направить всю свою энергию на ликвидацию границ, национальных и экономических»¹⁸⁶.

Это положение, принципиально важное для понимания архитектоники современного Евросоюза, важно выделить, если учесть потенциал политического всеславянского проекта. Об этом Куденхове-Калерги говорит совершенно прямо, имея в виду основную задачу панъевропейского союза как прообраза Единой Европы: «Непосредственной угрозой отделения Восточной Европы являет-

¹⁸⁶ Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 95.

ся панславизм. Актуальной эта проблема может стать только в случае изменения курса российской внутренней политики. Если панславянские настроения проявятся у южных и западных славян, тогда и венгры с болгарами также попытаются с помощью русских реакционеров вернуть свои *утраченные территории*. В этом случае власть России распространится до Адриатики. Только своевременное создание Панъевропейской федерации может воспрепятствовать этой опасности. Исторический момент для этого самый благоприятный. С каждым месяцем ситуация может ухудшиться, а возможность создания панъевропейского объединения после победы российской реакции более чем сомнительна»¹⁸⁷.

Подобное суждение, высказанное ещё в 20-х годах прошлого века, может показаться вполне обоснованным (с учётом угрозы «большевизации Европы»), если забыть о ближайших и отдалённых политических и, что намного важнее, цивилизационных и этнокультурных последствиях такой политики, а также о цене, которую пришлось и ещё придётся заплатить европейцам за Европу без «национальных мифов кровного родства», вечно противостоящую русской угрозе. Причём угроза эта должна сохраняться, по мнению Куденхове-Калерги, независимо от политического строя и курса самой России: «если коммунизм сменится другим политическим строем», то и в этом случае в итоге «придёт русский Наполеон, который из малых восточноевропейских государств создаст свой Рейнский союз и с его помощью нанесёт Европе смертельный удар»¹⁸⁸.

Иерархия ценностей, характерная для осознания цивилизационной принадлежности, в определённой степени служит этому политическому идеалу, поскольку позволяет сохранить преем-

¹⁸⁷ Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 43.

¹⁸⁸ Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа. М.: Вита планетаре, 2006. С. 22, 81. Нельзя недооценивать влияние таких идей-жупелов на сознание европейцев сегодня, если учесть аналитический гений и прогностический дар Куденхове-Калерги, который ещё в середине 20-х годов XX века достаточно точно спрогнозировал начало и исход Второй мировой войны с победой русского оружия, а также крайне опасный для европейцев гегемонизм США в Европе и создание после войны пророссийского и антизападного Восточно-европейского экономического и военного блока с включением в его состав всех славянских стран.

ственность культур и неизменную, т.е. подлинную идентичность. Важно заметить, что хотя «подлинность идентичности» определяется, конечно, весьма условно, однако само стремление обнаружить её позволяет, как минимум, распознать проявления изменённого сознания. К подобным проявлениям следует отнести, прежде всего, преходящие и ложные формы самоидентификации, будь то конструирование новых наций «под политический проект» с подготовкой и экспортом «демократических этнореволюций» или канувшее в Лету строительство идеологически несовместимых мировых лагерей.

Цивилизационная идентичность, как уже говорилось, трудно совместима с преходящими идеологическими формами идентификации, поскольку цивилизационные отличия чаще всего связаны с конфессиональной принадлежностью, а все так называемые «великие учения» («измы»), лежащие в основе политических доктрин и стратегий, стремятся занять в массовом сознании место религиозной веры (свято место пусто не бывает). Здесь кроется причина почти необъяснимой ненависти к церкви, которую демонстрировали основатели и адепты подобных учений (от радикально-либеральных до коммунистических). Таким образом, установление цивилизационного родства востребовано в эпоху глубокого кризиса идеологий в значительно большей степени, чем традиционная для двадцатого столетия политическая индоктринация. Под индоктринацией мы понимаем разнообразные способы внедрения в сознание масс политических доктрин, т.е. идей и теорий, специально адаптированных для усвоения массовым сознанием в интересах легитимации (или делегитимации) власти. Вместе с тем представление о *своей* цивилизации (например, о *западной* или *европейской*, *восточно-христианской* или *православной*, а тем более о собственно *российской*, *русской* или *славянской* цивилизации) служит инструментом явной или скрытой, осознанной или стихийно осуществляемой индоктринации. Индоктринация подобного рода (цивилизационная индоктринация) отличается от политической и имеет ряд достойных уважения целей. Назовём только некоторые из них.

Во-первых, она направлена на консолидацию родственных в культурно-конфессиональном и (или) языковом отношении наро-

дов перед лицом новых вызовов времени. Один из них — установление внешнего управления над «странами-клиентами», навязывание экономического, военного и культурного господства, т.е. цивилизаторство в его самой опасной форме, осуществляемое методами «горячей» или «холодной» войны, морального и доктринального разоружения «варваров» или «народов-изгоев».

Во-вторых, целью индоктринации может служить сотрудничество различных народов, направленное на сохранение цивилизационного многообразия и собственной идентичности в глобализирующемся мире, что также предполагает определенную унификацию сознания (отказ от множественных стандартов, используемых для разделения народов на «своих» и «чужих»).

В-третьих, целью цивилизационной индоктринации является формирование или коррекция исторического самообраза народов и государств в сознании граждан, соотечественников и иностранцев (Россия явно «теряет своё лицо» из-за нежелания или неготовности политического класса чётко заявить о её исторической цивилизационной миссии).

2.5. Историческая миссия России, диалог цивилизаций и парадоксы мультикультурализма

Миссия в высшем значении этого слова — предначертанность, призвание и служение, долг и редкий дар, который мы сохраняем и сторицей приумножаем, лишь отдавая дар обществу. Всеми этими качествами, определяющими смысл бытия, могут обладать и отдельные люди, и многоликие человеческие сообщества, в том числе нации и семьи наций, но только до той поры, пока они не утратят способности верить в Высший Разум. Понятие цивилизации, как и сама суть цивилизационной миссии (если не сводить её к плоской идее постоянного техногенного преобразования мира),

почти неотделимы от отношения к религии (религиозного самосознания) и к вечности. Без этих ценностных координат миссию невозможно обнаружить.

Поддаётся ли миссия осмыслению и определению? Да, но только в тех границах, в которых поддаются отождествлению процесс целеполагания и промысел, отображение реальности и сама реальность. Самый трудный вопрос — это философский вопрос о том, где проложен путь от промыслительного Божьего попечения о народах и странах (миссия как промысел) к сознанию человека и массовому сознанию (миссия как язык, знание и интеллектуальная работа, т.е. промысел, тех, кто использует язык и свои знания, навязывая какие-то цели обществу). Другая, лингвистическая, версия того же вопроса: через какие языковые пласты цивилизационная миссия пробивает (или не пробивает) себе путь, овладевая душами? Видимо, для одних людей и народов кратчайший путь («русло» миссии) лежит через мифопоэтический язык и многообразие художественного самовыражения, для других — через философский, гуманитарно- или естественнонаучный дискурсы, для третьих — через язык политики или экономическую и техническую изобретательность, а для многих — через проповедь и язык молитвы.

Собственно, эти различия даров, определяемые как доминирующие начала различных культурно-исторических типов, и лежат в основе теории цивилизаций Н.Я. Данилевского (концепция видов культурной деятельности) и многих других теорий, восходящих к его учению. Но даже суждения самых выдающихся мыслителей, имена которых соединяются в нашем сознании с самообразом той или иной цивилизации, — только один из способов постижения цивилизационной миссии, ибо мыслители думают «не как все» и, соответственно, все думают не так, как они. К тому же, у каждого мыслителя своя собственная теория, отличная от прочих и призванная не только объяснять сущность явлений, но и, как уже говорилось, конкурировать с другими объяснениями, теориями и школами. Нет и никогда не было жёсткой границы между конкуренцией идей и конкуренцией людей, творящих идеи. Именно здесь можно обнаружить различия между миссией, о которой го-

ворят люди (учители или лжеучители), и миссией, которая заложена в самом развитии цивилизации. Наиболее объёмное представление о том, как понималась и интерпретировалась миссия России в русской философии, можно почерпнуть из книги В.В. Аксючица «Миссия России»¹⁸⁹.

Осознание культурной и цивилизационной миссии многим представляется очень простой задачей, поскольку её очень легко спутать с задачами совершенно другого плана.

Первая из них лежит в плоскости прогностической деятельности. В рамках этого процесса складывается представление о целях средне- и долгосрочного развития, которое с необходимостью обусловлено анализом политической конъюнктуры и геополитической ситуации. При этом, что особенно важно, мы опираемся на знание, в том числе и на общедоступную и (или) инсайдерскую информацию, о том, какие стратегии и программы уже приняты или не приняты, реализуются или не реализуются, а какие могут быть приняты в обозримой перспективе.

Вторая задача связана с самим процессом стратегического планирования, то есть с теми же программами и проектами, которые включают в себя, как правило, элементы альтернативного прогнозирования, подчинённого общим целям.

Третья задача сводится, как правило, к реконструкции истории и выведению на этой основе некой «национальной идеи» или «вечной формулы развития», созвучных устоявшимся представлениям о национальной истории и культурным традициям. Большинство исследователей, впрочем, не различают эти три разноплановые задачи, полагая, что заняты открытием (точнее, изобретением) некоей миссии, что приводит к постоянной подмене понятий, а в случае, когда такие опыты становятся востребованными при выработке государственной политики, — к грубым ошибкам стратегического характера. Примеров тому много, в том числе и в российской истории.

Кроме того, во всех этих случаях обычно пользуются методом, который иногда называют нарративацией истории и который сво-

¹⁸⁹ Аксючиц В.В. Миссия России. М.: Белый город, 2010.

дится, по сути, к попыткам подменить логически выстроенными историями-рассказами реальный этап или срез исторического развития. При этом подлинная логика развития вряд ли нам доступна во всей полноте. Некритическое использование таких способов в исследовательской, аналитической, а тем более в политической работе порождает массу ошибок. И действительно, чем убедительнее покажется рассказ, тем выше риск принять за истину одну из возможных версий, показавшихся более достоверной среди прочих.

В этом смысле вполне можно согласиться с позицией Д.С. Лихачёва, согласно которой миссия России во многом связана с той ролью, которую играло Российское государство в культурном развитии и в обеспечении безопасности народов, исторически связанных единой цивилизационной судьбой. При этом важно заметить, что осознание и обеспечение этой миссии — одна из самых сложных задач, поскольку нет, пожалуй, более политизированной темы, чем анализ феномена исторической предопределенности. Это вдвойне верно, когда речь идет о долгосрочном и дальнесрочном развитии множества народов. Причём именно цивилизационное измерение этой проблематики открывает дальние и сверхдальние временные горизонты прогнозирования и, соответственно, планирования.

Сама же попытка раскрыть логику становления и эволюции локальных цивилизаций как метаисторических общностей требует особой осторожности и по той причине, что даже самые жизнеспособные цивилизации, сохраняющие жизненную энергию в течение столетий и тысячелетий, смертны. А одна из причин их гибели — узурпация отдельными людьми или группами права предрешать судьбы народов и навязывать им высший смысл существования, т.е. подменять непреходящее преходящим, неконъюнктурное по своей сути — изменчивой конъюнктурой.

Такая «рационализация истории» и попытки «приватизировать будущее» не имеют ничего общего с логикой цивилизационного развития, хотя, в соответствии с известной позицией А. Тойнби, цивилизации возникают или гибнут в зависимости от того, способны ли «творческие меньшинства» найти способы разрешения кризисов эпохи.

Но предложение определённого пути разрешения кризисов — не то же самое, что «присвоение» цивилизационной миссии. Перефразируя Камю, можно сделать вывод: мы, по сути, отказываемся от самой миссии, когда передаём её в руки доктринеров-истолкователей. Последние особо опасны для миссии, когда видят только себя в качестве её самозванных «проводников», «носителей» и «толмачей».

Именно смена эпох вносит свои краски, а иногда серьёзные изменения как в общую направленность взаимных контактов локальных цивилизаций и процессы общецивилизационного развития, так и в коллективную память и языки народов, фиксирующих эти изменения. Такая коррекция позволяет судить об адапционном потенциале каждой из цивилизаций, о её способности отвечать на «вызовы времени» (одним из возможных толкований этого феномена может служить концепция «вызова и ответа» А. Тойнби), в том числе и на глобальные проблемы. Решение проблем такого класса предполагает использование всего потенциала междивилизационных контактов и связей, а не только возможностей отдельных стран-лидеров и межгосударственных союзов, как это было характерно для эпохи модерна.

В этой связи можно говорить о начале новой эры, которую иногда называют эрой междивилизационного диалога, хотя это и не самое точное определение. Дело в том, что диалог является лишь одним из условий сотрудничества в рамках пока ещё не сформированной общей стратегии, основанной на уважении к различным цивилизационным мирам. Не менее важные условия — очевидность тупика, в который заводит человеческое сообщество технологическая гонка (технологический прогресс отождествляется с технологической цивилизацией, унифицирующей многоцивилизационный мир и сопряжённой с непоправимыми поломками планетарных социоприродных систем), а также выравнивание статуса участников диалога на основе признания самоценности локальных цивилизаций.

Осознанию этих тенденций (условий диалога) мы обязаны не постмодернистским теориям и школам, поскольку они не спровоцировали, а лишь предложили свои варианты объяснения объек-

тивного процесса девальвации «больших рассказов» и «великих учений» (политических идеологий). Причина и не в демонтаже социальных систем, основанных на этих учениях, в том числе и в первую очередь — биполярной геополитической системы. Всё это важные факторы, не исключающие наличие главной причины: эра межцивилизационного диалога — закономерный и неизбежный итог восстановления статуса жизнеспособных локальных цивилизаций. Когда ослабли искусственные «идейные оболочки», разделявшие людей, семьи и нации по враждующим «лагерям» (лагерь социализма и лагерь капитализма), открылась подлинная, метаисторическая, т.е. исторически непреходящая социальная реальность — многоцивилизационный мир. Таким образом, цивилизационные миссии вновь приходят на смену идеологическим инверсиям (именно так можно охарактеризовать ситуацию, когда политические доктрины выполняли не свойственные им функции, вытесняя религиозное самосознание и захватывая его нишу).

Впрочем, роль «отдельных лиц» в эпохальных исторических преобразованиях, а следовательно, и в опосредованной коррекции цивилизационной миссии трудно не заметить уже по той причине, что иногда наиболее значимые периоды в жизни общества носят имена выдающихся вождей и героев, мыслителей или творцов. Среди них наряду с «добрыми сеятелями» и просветителями стоят представители армии «цивилизаторов», распространявших свою веру (религиозную и/или политическую) с мечом в руках, не оставляя камня на камне от культур и языков «варварских народов».

В качестве иллюстрации достаточно вспомнить устойчивые обороты речи, некоторые из которых имеют отчётливую оценочную коннотацию. В этой связи можно вспомнить о «шекспировских» и «пушкинских» временах, эпохах Петра Великого или королевы Виктории, «временах царствования Екатерины Второй» или «сталинской эпохе». Однако всё чаще на смену им приходят «сниженные» наименования, выбор которых продиктован популярностью субкультур, например, музыкальных — от «эпохи Битлов» (в её рамках выросла целая индустрия) до «эпохи Высоцкого» в России. Отношение к взаимосвязи конкретных личных имён с названиями эпох — позитивное или отрицательное — меняется

со временем и зависит как от социального статуса, образовательного ценза и общей политической культуры, так и от конфессио-нально-цивилизационной, языковой и этнокультурной принадлежности.

В наши дни смена эпох становится в какой-то степени управляемым процессом, что продиктовано как сменой технологических укладов (феномен информационного общества), так и коммерциализацией всех или почти всех сфер жизнедеятельности, в том числе и политической (большая политика — крупный бизнес). Подобная смена уже не требует временных масштабных исторических изменений (мегагоризонтов), а происходит на глазах одного поколения.

При этом она сознательно ускоряется (провоцируется), находя своё отражение в массовом сознании, где уходящие и идущие им на смену эпохи всё чаще ассоциируются с именами «падающих звёзд» — кумиров поколений, благодаря чему становятся возможными межпоколенческая дифференциация и принудительная самоидентификация возрастных групп. Одно из следствий такого ускорения — перемещение укладов жизни из сферы многовековых традиций в область коммерческих проектов. Другое следствие — дерзновенное стремление технологов от политики сделать предметом коммерции, товаром и междивизиационный диалог, и саму цивилизационную миссию, поставив на поток «производство миссий»: новые миссии — новые потребности — новый спрос и предложение.

Диалог цивилизаций — тема, которая не только пронизывает политический и научный дискурсы, но и проникает в механизмы подготовки и принятия политических решений, если речь идёт о международной политике. Об этом свидетельствует характер и направленность большинства документов, которые можно отнести к доктринальному уровню геополитического планирования и прогнозирования. Речь идёт как о межгосударственных соглашениях, так и о деятельности надгосударственных органов и многочисленных международных неправительственных организаций, созданных и создающихся в интересах обеспечения коллективной безопасности. Более того, эта тема перемещается в сердцевину внутренней политики ведущих государств мира, в том числе Европейского союза и России.

Именно здесь, в зонах условной стабильности и столь же условного благополучия (большого или меньшего, но обеспеченного уровнем конституционно закреплённых социальных гарантий), пересекаются почти не контролируемые миграционные потоки из регионов, где доминируют иновелизационные традиции и обычаи, клановые и родовые связи, не характерные для «оазисов стабильности». В результате именно благополучные регионы неизбежно превращаются в арену наиболее острых межцивилизационных конфликтов, а основные показатели устойчивого развития, с таким трудом принятые на уровне межгосударственных связей, становятся малоэффективными.

К сказанному следует добавить, что проблематика межцивилизационного взаимодействия оказывает существенное влияние на тематический спектр ряда наук гуманитарного, социально-политического и естественнонаучного профиля, в «зоне соединения» которых и удавалось до недавнего времени выработать рекомендации по стратегии устойчивого развития для всех регионов планеты. Ученые, специализирующиеся в различных областях фундаментальной и прикладной науки, всё чаще объединяются на основе общности проблемного поля, что повышает отдачу междисциплинарных исследовательских программ. Этот процесс не предполагает обязательной институционализации новых научных дисциплин или направлений, хотя такая тенденция не ослабевает (примером служит усиление междисциплинарных исследований по теории и методологии устойчивого развития), но делает науку более «отзывчивой» на вызовы времени.

Эта тенденция объясняется рядом факторов. Во-первых, следует выделить выдвижение на первый план таких наукоемких проблем, как проблема снижения рисков межцивилизационных конфликтов, которая неизбежно входит в проблемное поле устойчивого развития. Во-вторых, тенденция усиливается благодаря заметному повышению наукоёмкости в большинстве областей практической деятельности, в том числе и политической. В-третьих, цивилизационный аспект научных исследований обусловлен широким распространением и повышением роли научно-аналитического сопровождения политики.

«Размножение» и становление наук — длительный процесс, который в значительной степени был продиктован не внешними влияниями, а внутренней логикой становления научной и вузовской инфраструктуры. По этой причине он не успевает за нуждами практики, а тем более за новыми проблемами, стоящими перед человечеством, о чём свидетельствует, в частности, явно заниженный уровень осмысления глобальных проблем, к разряду которых и относится обострение межцивилизационных противоречий на фоне осуществления масштабных глобализационных проектов. Это обострение оказалось настолько мощным, что лидерам ведущих европейских стран пришлось сделать заявления о крахе стратегии мультикультурализма, что молниеносно изменило не только тематику политического дискурса, но и общий тон научных исследований в этой области. Столь высокая степень «заполитизированности» социально-политических наук может служить показателем недостаточной эффективности и надежности многих политических, в том числе и наднациональных, институтов, а также свидетельством недостаточной зрелости самого научного знания, прежде всего, гуманитарного и социально-политического.

Как известно, мультикультурализм — понятие, которое было введено в широкий научный оборот и политическую лексику сравнительно недавно, в 80-х годах XX века. Оно служит для обозначения нескольких, связанных между собой, но различных явлений, что создаёт путаницу и часто используется в целях политической демагогии. Попытки механически перенести идеи, принципы и модели политики мультикультурализма в современную Россию, которые активно предпринимались нашими политиками и учеными на протяжении последних лет, представляются безосновательными, поскольку в исторической России сложился совершенно иной, отличный от западных традиций, цивилизационный опыт мирного сосуществования множества национальных культур. Этот опыт накапливался столетиями и не был связан с неконтролируемой миграцией.

Под мультикультурализмом подразумевают феномены далеко не тождественные.

Во-первых, так определяют особый тип общественного устройства, сложившийся в развитых странах, для которого характерно искусственно созданное в течение сравнительно короткого времени (иногда в течение жизни одного-двух поколений) многообразие трудно совместимых национальных культур, языков, обычаев и жизненных укладов. Это многообразие явилось результатом ускоренной глобализации (феномен турбокапитализма). Одна из основных причин формирования мультикультурной среды — «великое переселение народов», как называют процессы масштабной и зачастую неконтролируемой миграции больших групп населения, в том числе беженцев, из неблагоприятных регионов мира (зоны социальных и природных бедствий, межэтнических и военных конфликтов) в развитые страны.

Основная цель большинства мигрантов — не адаптация к традициям и образу жизни коренного населения, а стремление получить набор социальных гарантий и прав, которых они лишены на родине. Эта тенденция, с одной стороны, позволяет развитым странам решать множество проблем, связанных, например, с потребностью в постоянном притоке «дешёвой» рабочей силы, но, с другой стороны, является фактором повышенного политического и социального риска.

Среди наиболее опасных последствий сохранения и усиления этой тенденции — хроническая перегрузка социальной сферы и дестабилизация политической системы, разрушение уклада жизни коренного населения, деформация традиционного культурного и конфессионального пространства, которое формировалось столетиями. При этом реальная угроза для сохранения «цивилизационного кода» и поддержания социального мира «накладывается» на демографическую катастрофу, связанную с деструктивными изменениями этнокультурного состава населения и «вымыванием» народов, которые создали западную цивилизацию. Многие европейские народы в результате нарастающей депопуляции уходят с исторической сцены под натиском мигрантов, не способных и (или) не желающих адаптироваться к культуре и обычаям «новой родины». Эта тенденция будет лишь усугубляться по мере нарастания других глобальных проблем, в том числе экологических,

связанных с климатическими изменениями и техногенными катастрофами, которые вызовут многомиллионные потоки т.н. «экологических беженцев».

Во-вторых, под мультикультурализмом понимают множество культурологических и политологических концепций и авторских теорий, по преимуществу, либерального толка, которые объединяет стремление обосновать, объяснить и оправдать (легитимировать) феномен сосуществования различных культур и верований на основе принципа толерантности. Многообразие таких конкурирующих концепций и теорий, а также их различная идеологическая окраска препятствуют формированию единой концепции мультикультурализма как целостного и непротиворечивого научного учения, которое вошло бы в свод знаний, рекомендованных для всеобщего усвоения. Особую роль в популяризации идей мультикультурализма сыграли американская социология, политология и правоведение. На стыке этих дисциплин сложилось научное направление, призванное соединить принципы правового государства с принципами политического устройства, гарантирующего равные права меньшинствам — национальным, религиозным, сексуальным и другим.

Примером может служить концепция мультикультурного гражданства Уилла Кимлики (Will Kymlicka), последователя Джона Ролза — автора известной теории справедливости, которая признаёт социальную значимость отдельных форм неравенства, если они приносят пользу обществу. Такая позиция является альтернативной по отношению к политической теории «плавильного котла», господствующей в США и предполагающей глубокую интеграцию, «сплав» этнических компонентов в рамках гражданской нации. Но этот «котёл» в последние годы утрачивает былую эффективность, что и повышает в США интерес к теориям и проектам построения мультикультурного общества.

В-третьих, чаще всего термин «мультикультурализм» обозначает сами политические проекты, которые осуществлялись, большей частью — безуспешно, или до сих пор осуществляются с разной степенью политических и социальных рисков в ряде развитых стран с целью поставить под контроль процессы межэтнической

интеграции, снять или смягчить противоречия, возникающие в обществе в результате глобальной миграции. Единого, общепринятого проекта мультикультурализма не было и не может быть, поскольку существуют принципиальные отличия в истории становления государств, в социальных структурах, традициях и верованиях. Эти различия можно проследить, сопоставляя исторический путь развития европейских национальных государств с опытом государственного строительства США и Канады, в создании которых основная роль принадлежала и принадлежит мигрантам. Опыт Канады представляет особый интерес, т.к. в этой стране принцип мультикультурализма включается в число базовых принципов внутренней государственной политики.

В-четвёртых, точнее всего было бы подвести под определение мультикультурализма политический курс, в основу которого положен выбор определенного проекта построения мультикультурного общества. Тот факт, что в большинстве европейских государств, как уже говорилось, такой политический выбор продемонстрировал свою нежизнеспособность, не означает, что арсенал политики пополнился новым инструментарием и идеями, способными решить проблему обострения межцивилизационных отношений в «успешных» регионах.

В-пятых, не менее обоснованным выглядит и желание назвать мультикультурализмом (сам термин подсказывает этот вариант его применения) политические доктрины и конституционные принципы, а также системы законов и подзаконных актов, специально разработанных и принятых для реализации политического курса, цель которого — формирование и легитимация мультикультурного общества. Примером столь последовательного осуществления политики мультикультурализма могут служить, как известно, опыт Канады и, в частности, Конституционный акт 1982 года и «Канадская хартия прав и свобод», в основу которых положен принцип мультикультурного наследия канадцев. Эта позиция неоднозначно оценивается в самой Канаде, особенно в Квебеке.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что политический механизм, обеспечивающий взаимопонимание локальных цивилизаций и названный диалогом цивилизаций, требует «большого

ремонта», который должен начаться с осмысления уроков грубой политизации научного знания, когда цели и методы науки подменялись целями и методами «научно-аналитического сопровождения» уже реализуемых политических и геополитических проектов.

2.6. Глобальные проблемы через призму цивилизационной теории

Цивилизационный подход к изучению глобальных проблем

Предваряя анализ цивилизационных аспектов изучения глобальных проблем, следует кратко перечислить некоторые распространённые подходы к этой теме, которые, как правило, не совпадают друг с другом, но сливаются в массовом сознании в единый образ. Именно этот синкретичный образ, далёкий от строго научного понимания сути вопроса, доминирует в современной политике и геополитике, в системе образования и средствах массовой информации, а также в самой науке. О науке мы упомянули в последнюю очередь, поскольку именно она, по логике вещей, должна диктовать оценки этого социокультурного феномена, но на самом деле, как показывает опыт, находится в слишком тесной, а потому опасной зависимости как от политической конъюнктуры, так и от представлений, навязываемых общественному сознанию через систему массмедиа.

Назовем только *семь таких подходов*, выстроив их иерархию не по научной и социальной значимости, а по принципу доминирования в специализированных областях науки, политическом дискурсе и массовом сознании с учётом частотности использования самого выражения «глобальные проблемы» в качестве системообразующего понятия. Парадокс, который сразу бросается в глаза, заключается в том, что собственно научное понимание природы глобальных проблем находится на периферии общественных интересов.

Первый подход. Глобальные проблемы — универсальный приём, широко и целенаправленно используемый в большинстве сфер деятельности (политической, общественной и научной) для повышения статуса и обоснования исключительной актуальности намеченных проектов, программ или акций любого уровня, класса и направленности.

Второй подход. Глобальные проблемы — набор идей и научных гипотез, имеющих различную степень собственно научной обоснованности, но широко применяемых в качестве инструментов политического давления («страшилок») в конкурентной борьбе и в целях лоббирования интересов отдельных корпоративных групп, стран или межгосударственных союзов, а также отраслей производства и научных направлений в сфере национальной и международной политики.

Третий подход. Глобальные проблемы — основная тематика медийного дискурса, выбор которой диктуется распространёнными в эпоху техногенных и социальных катастроф массовыми страхами, навязчивыми фобиями и «апокалипсическими настроениями», что вызывает и поддерживает в течение многих лет устойчивый «информационный спрос» у всех основных социальных и профессиональных групп во всех странах мира.

Четвёртый подход. Глобальные проблемы — адаптированные концептуальные схемы, внедряемые через многоуровневую систему общего и профессионального образования (в перспективе — через систему образования в течение всей жизни) и призванные сформировать у различных народов, возрастных, профессиональных и социальных групп навыки сотрудничества и социально ответственного природопользования.

Пятый подход. Глобальные проблемы — концептуальная основа научной и культурной легитимации «нового мирового порядка», позволяющая использовать методы и социальные технологии «мирного и добровольного» перераспределения планетарных ресурсов или в интересах развитых стран и транснациональных корпораций (глобализация как инструмент разделения и господства), или в интересах устойчивого развития.

Шестой подход. Глобальные проблемы — объектная и предметная область междисциплинарных научных исследований, це-

люю которых является совершенствование методологии управления системными рисками (прежде всего, рисками принципиально не локализуемых катастроф) в интересах обеспечения национальной и коллективной международной безопасности.

Седьмой подход. Глобальные проблемы — *реальные противоречия в развитии планетарных социоприродных систем*, порождающие «поломки» в их функционировании, которые могут привести к необратимой деградации или гибели живой природы и человеческой цивилизации.

Для того чтобы увидеть подлинные масштабы глобальных проблем, составляющих сердцевину современной геополитики, если, конечно, не сводить её к навязыванию групповых интересов, переделу ресурсов и сфер влияния, необходимо воспользоваться цивилизационным подходом, основанным на теории локальных цивилизаций. Чтобы в этом убедиться, достаточно задать ряд вопросов, которые можно было бы назвать риторическими, поскольку вряд ли кто-нибудь решится дать на них отрицательный ответ.

Вопрос первый. Почему в качестве глобальной проблемы не рассматривают очевидную для большинства специалистов угрозу исчезновения с лица Земли большей части культур и языков в течение жизни нескольких ближайших поколений, хотя её недооценка и замалчивание ставит под вопрос существование всех народов и самой мировой цивилизации? Суть проблемы заключается в том, что в результате этой катастрофы в недалекой перспективе исчезнет до 60% всех языков и наречий. И это только по оптимистическим прогнозам. По пессимистическим прогнозам, вымирание, которое ежегодно набирает обороты, будет тотальным — до 90%! Но в традиционном перечне глобальных проблем её нет. Вместе с тем эта разрушительная тенденция на порядки усиливается в условиях неконтролируемой миграции и касается не только языков многих малочисленных этнических групп и народностей, но и языкового пространства ряда великих европейских наций, носителей европейской цивилизационной идентичности. Заметим, что и пространство русского языка, а следовательно, и нашей цивилизации, катастрофически сужается в последние годы...

Вопрос второй. Почему почти никто из политиков не обращает должного внимания на тот факт, что глобальное сокращение этнического многообразия тесно связано с другой тенденцией, которая, напротив, находится в центре внимания, — с лавинообразной динамикой разрушения природных систем и резким повсеместным сокращением уникального биологического многообразия во всех регионах мира? Эта глубинная связь, о которой мы уже говорили («принцип живой кровли»), почти всегда уходит из поля зрения даже на мировых встречах на высшем уровне, где доминирует экологическая тематика, поскольку масштабы климатических изменений и динамика разрушения экосистем, действительно, запредельны и требуют немедленного реагирования и консолидированной позиции¹⁹⁰. Например, как свидетельствуют Обзоры экологической ситуации, проводимые для ООН, всего за два десятилетия из-за установки на неограниченное потребление, экономический рост и конкуренцию национальных экономик планета потеряла около четверти видов млекопитающих и 12% видов птиц. Но неужели гибель культур, а следовательно, и самих народов, менее значимая проблема, чем приближающаяся глобальная экологическая катастрофа?

Возможно, столь односторонний взгляд связан с тем, что в экологическом плане речь идет о понятных для всех последствиях — *о видовом истреблении живой природы*. А в случае исчезновения языков никто не говорит *о геноциде, физическом уничтожении народов* и тем более об исчезновении человека как вида, речь идёт «всего лишь» о языковой, культурно-этнической и цивилизационной унификации, хотя за этим эвфемизмом скрывается едва ли не самая опасная форма геноцида. Глубинная причина «незрячести» и полного отсутствия системности мышления открывается, когда проблема рассматривается не только как экологическая или лингвистическая и этнокультурная, но и как цивилизационная. Этой причиной является укоренившееся нежелание «цивилизованных народов» признавать многообразие мировых цивилизаций, их

¹⁹⁰ За исключением нескольких международных саммитов, которые прошли в конце 1990-х годов и на которых эта проблематика обсуждалась по нашей инициативе (список конференций приведён во «Введении»).

равное право на сохранение и защиту своей уникальности, а следовательно, на жизнь и развитие.

В результате замалчивания «языкового геноцида» проблема сохранения человеческой цивилизации сводится либо к природоохранной тематике, либо к поиску способов выживания с выходом на исследования в области «генетического редактирования» человека как вида (одно из доминирующих направлений в рамках идеологии трансгуманизма, на разработку которого уже потрачены миллиарды долларов). Этот список необратимых потерь можно продолжать до бесконечности, хотя в возникшем контексте само слово «бесконечность» приобретает двусмысленный характер: бесконечное разрушение живого мира под предлогом экономической целесообразности чрезмерно сужает временной горизонт долгосрочного прогнозирования и приближает «конечную точку невозврата», за которой экономическое и культурное развитие становится невозможным.

Вопрос третий. Разве синхронность указанных выше деструктивных процессов (природных и социальных), стирающих многообразие жизни на планете и саму возможность сохранения человеческой цивилизации, не приводит нас к единственно верному выводу о внутренней иерархии глобальных проблем, на вершине которой находится проблема природного и культурного синтеза? Нет сомнения в том, что важнейшим препятствием для этого синтеза, поддерживающего жизнь на планете, служит подлинно глобальная проблема — это сцепление, наложение и синхронизация глобальных угроз социального и экологического порядка, а основным условием устойчивого развития — межцивилизационная солидарность перед лицом общих угроз.

Цивилизационный подход к изучению глобальных проблем позволяет по-новому взглянуть на региональный аспект генезиса глобальных проблем, возникающих в болевых точках земного шара — наиболее ценных, а потому и наиболее уязвимых природных и историко-культурных территориях, где (в отличие от других территорий планеты) любые катастрофы в принципе необратимы и не поддаются локализации.

Само упоминание о глобальных проблемах давно превратилось в универсальный и почти ритуальный приём, широко используе-

мый в различных сферах деятельности и, прежде всего, в сфере публичной международной политики, в средствах массовой информации и в масштабных научно-исследовательских программах для обоснования актуальности тех или иных проектов или акций, требующих транснациональной кооперации. И действительно, что может быть более актуальным, чем борьба за выживание всего человечества? Для того чтобы убедиться в справедливости этого вывода, достаточно бегло просмотреть тематику международных встреч за последние десятилетия, в том числе саммитов лидеров ведущих стран мира. С каждым годом всё очевиднее становится общая тенденция выделения тех или иных глобальных проблем как ключевых и сквозных тем, позволяющих не только выстроить внутреннюю логику переговорного процесса применительно к конкретной ситуации, но и обозначить преемственность такого рода встреч и дискуссий на длительный период.

По сути, благодаря самому факту выделения глобальных проблем в особый класс в международной политике последних лет прослеживается несомненная эволюция от методов закрытого и чаще всего спонтанного решения текущих задач в узком кругу руководителей стран и дипломатов к открытому и научно обоснованному обсуждению консолидированных стратегий долгосрочного и сверхдолгосрочного развития. Заметим, что неизбежный для политического дискурса схематизм и даже некоторый примитивизм научного обоснования глобальных проблем на «политических площадках» (документы, принимаемые на этом уровне, рассчитаны на публичных политиков и широкую аудиторию, а не на узких специалистов) не препятствует сближению позиций основных политических акторов.

Поэтому закономерная критика со стороны научного сообщества, связанная с оценкой уровня политических дискуссий на самых престижных международных площадках, не всегда соответствующего требованиям научной корректности, так же как и критика итоговых политических документов, зачастую эклектичных, с точки зрения научной логики, не может служить основанием для принижения их значимости. Этот дефект связан с особенностью подготовки и принятия политических документов на

основе консенсуса многочисленных акторов политики, в том числе и разнообразных «однопроблемных движений» (феминистских, экологических, пацифистских и других), которые преследуют свои интересы.

В результате они навязывают свои позиции остальным участникам. Так появляются упоминания о правах меньшинств, например, в документах о защите фауны и флоры, что в целом не снижает их ценности. Впрочем, иногда таким образом навязываются недостаточно обоснованные в научном отношении позиции или лоббистские интересы (примеров «проталкивания» интересов транснациональных компаний под видом глобальных проблем великое множество)... Таким образом, слишком очевидный и заметный разрыв между принципами политической целесообразности и научной состоятельностью принимаемых решений, связанных с преодолением или минимизацией угроз, подрывает так называемую научную легитимность политики и снижает доверие гражданского общества к усилиям правительств и международных организаций по снижению глобальных рисков.

Похожая ситуация складывается и в научной сфере. Иллюстрацией такого вывода могут служить, к примеру, монографии или рефераты докторских и кандидатских диссертаций по самому широкому спектру дисциплин. Значительная часть этих научных текстов начинается с обоснования того вклада, который авторы вносят или заявляют, что вносят, в решение какой-либо глобальной проблемы. К сожалению, при этом никакого сколько-нибудь заметного прироста знаний о глобальных проблемах или подвижек в процессе междисциплинарной интеграции, диктуемой единством проблемной области (глобальные проблемы — общее исследовательское поле), как правило, не происходит, с чем связан возможный негативный результат бесконтрольного использования подобного приема. Речь идёт о девальвации самой идеи выделения и специального научного изучения глобальных проблем, которые в этом случае превращаются в «общее место» политического, научного или наукообразного дискурсов и надоедливый «информационный шум».

Но на фоне отмеченных негативных тенденций следует выделить несомненные позитивные результаты, значимость которых

трудно переоценить. Среди наиболее значимых тенденций последнего времени — активизация интереса политиков, ученых и широкой общественности к глобальным социальным и экологическим последствиям принимаемых политических решений. Причина такого интереса заключается в том, что почти все проблемы, относимые сегодня к разряду глобальных, являются либо экологическими, либо социальными, либо социально-экологическими. Во всяком случае, не вызывает сомнения наличие экологического и социального измерений у каждой из таких проблем. Соответственно, даже ритуальный характер ссылок на глобальные проблемы позволяет решить триединую задачу, которая сводится к методологическим и мировоззренческим установкам, изменяющим направленность научной политики во многих странах мира и характер международного сотрудничества почти во всех областях.

О какой триединной задаче идет речь? *Во-первых*, о повышении значимости социально-экологической тематики в политике и науке. *Во-вторых*, о системном подходе к определению приоритетов в реальной международной политике и междисциплинарных научных исследованиях. *В-третьих*, о максимально возможном сближении позиций мирового научного сообщества и политических элит различных стран.

Такое сближение позиций на международной сцене обусловлено тем фактом, что властные группы (национальные политические элиты) несут огромную долю ответственности, в том числе и персональной, за ближайшие и отдалённые последствия своей деятельности в интересах грядущих поколений, а следовательно, и ответственности за поддержку исследовательских программ, обеспечивающих поиск путей решения глобальных проблем. Эта задача вполне органично вписывается в деятельность многих престижных международных организаций, структур и масштабных проектов, в том числе одной из первых в истории человечества коллективных инициатив, направленных на изучение и защиту цивилизационного наследия.

Сердцевину стратегии долгосрочного социально-экономического развития России должна составить детально проработанная концепция государственной поддержки фундаментальной науки и фунда-

ментального образования. Это позволит обеспечить преемственность в развитии научной и образовательной инфраструктуры в России, а также конкурентоспособность отечественной науки и высокую степень участия российских ученых в международных исследовательских и внедренческих проектах, направленных на решение глобальных проблем. Очевидные трудности и противоречия, возникающие в процессе реформирования в сфере научной и образовательной политики, во многом обусловлены тем фактом, что наша страна только ещё выходит из зоны исторического безвременья, возвращая навыки долгосрочного стратегического прогнозирования и планирования.

Говоря об опасностях, связанных со сциентизацией политики, достаточно упомянуть о скрытой и явной конкуренции, существующей не только между различными научными теориями и школами, но и между основными исследовательскими центрами, а также между секторами науки, научными дисциплинами, направлениями и более того — между фундаментальными исследованиями и так называемыми прикладными областями науки. Сама эта конкуренция — явление нормальное и даже необходимое, но она приобретает особые формы в ситуации, когда наука востребована большой политикой. А это, как показывает опыт, способно негативно отразиться как на процессе принятия политических решений, так и на логике развития самого научного знания. Не следует забывать, что *определение приоритетов при дефиците ресурсов — это смертельный приговор тем жизнеспособным направлениям, которые по какой-то причине или не попали в список приоритетов, или были помещены в число отложенных приоритетов. И подлинной трагедией для будущего большого государства становится политика «отложенных приоритетов», если она ударяет по механизмам самовоспроизводства большой науки, то есть по фундаментальным дисциплинам и фундаментальной компоненте образования*¹⁹¹.

Замечание о возможных диспропорциях в становлении фундаментальной и прикладной науки стоит выделить особо, поскольку

¹⁹¹ Черешнев В.А., Расторгуев В.Н. Социальные и экологические приоритеты Северной стратегии России // Экономика региона. Издательство Института экономики Уральского отделения РАН. 2007. № 2.

стихийное, неорганизованное вовлечение какой-то части научного сообщества в политический процесс иногда оборачивается резким спадом интереса к фундаментальной науке. Лишь тщательно выверенная государственная долгосрочная стратегия опоры на отечественную и мировую науку способна не только решить поставленные политические задачи, но и резко поднять статус фундаментального знания. А это со временем позитивно отражается и на статусе отраслевого сектора науки, и на вузовской науке, динамика и уровень развития которой напрямую связаны с прорывами или поражениями на фундаментальных направлениях. О верности этого суждения лучше всего свидетельствует уникальный опыт опережающего развития сектора академической науки в нашей стране в предвоенный период, в годы Великой Отечественной войны и во всех иных случаях, когда требовалась системная модернизация экономики и военно-промышленного комплекса. Многие алгоритмы управления наукой, успешно применённые в нашей стране, были, как известно, заимствованы ведущими странами мира (с поправками на особенности политических систем, специфику системного потенциала и культурные традиции) при выработке национальных стратегий.

К сожалению, эти процессы — политизация наук и сциентизация политики — почти никогда не рассматриваются как две взаимообусловленные тенденции, от грамотного сочетания или «баланса» которых зависит здоровье и тонус научной политики государства. Что мешает такому подходу? Прежде всего, речь идёт о вполне объяснимых предубеждениях со стороны научного сообщества к *любой* политике и политикам. Именно в этой сфере наиболее зримо проявляется разрыв между высокой компетенцией как атрибутом власти (компетенция как обезличенная область ответственности с набором соответствующих должностному статусу прав и обязанностей) и компетентностью, в основе которой лежат личностное знание и профессиональные качества специалиста. В этом же ряду стоит и недооценка роли фундаментальных знаний, характерная для политических функционеров.

И наконец, политизация наук и сциентизация политики остаются разнонаправленными процессами по причине несовершен-

ства механизмов подготовки и принятия политических решений, обусловленного закрытым характером именно тех областей политической деятельности, где научное сопровождение политических решений сводится к аналитическим услугам экспертов и консультантов, участвующих только на подготовительных стадиях работы. Даже в условиях открытого общества, широкой демократии и «прозрачной» работы парламентов и правительств многие важные составляющие политического процесса остаются доступными только для узкого круга политиков, да и то непосредственно «включённых» в процесс принятия решений, которые, кстати, далеко не всегда имеют своей целью решение конкретных проблем. По этой причине информацию о реальных проблемах, многие из которых должны рассматриваться как «модусы», или проявления глобальных проблем, адаптируют, доводят до уровня, доступного для понимания, а следовательно, подменяют сложные теоретические построения и обоснования на упрощённые схемы, иногда не имеющие ничего общего с реальным положением дел.

* * *

Обрисовав в общем виде проблемы, связанные со сциентизацией политики, следует вернуться, но уже на новом уровне к феномену политизации науки, под которой понимают обычно сугубо негативные, деструктивные проявления внешнего, некомпетентного и административного вмешательства в закрытый для непосвящённых мир научного поиска. А когда речь заходит о роли науки в реальной политике, то и здесь указывают на чисто служебную, а иногда и якобы «лакейскую» функцию научных экспертов, которых власти подбирают среди самых «сговорчивых» и компромиссных специалистов, готовых «легитимировать», т.е. обосновать с позиций науки, почти любое готовое решение.

В подобных рассуждениях есть, разумеется, немалая доля истины, но такой подход крайне односторонен. Во всяком случае, он не должен мешать увидеть главное: вызовы времени или глобальные проблемы не будут ждать, пока мы созреем до их понимания и тем более до признания объективной неизбежности политизации науки. Правда, под этим противоречивым про-

цессом следует понимать, прежде всего, возрастание роли *научной политики* как особой отрасли специализированной деятельности в жизни мирового сообщества и каждой из стран, в него входящих.

Именно в сфере научной политики сходятся и как бы накладываются друг на друга обе указанные тенденции — политизация науки и сциентизация политики. Это происходит на наших глазах, сегодня. А временной точкой их пресечения стали последние десятилетия и годы, названные не вполне удачно эпохой глобализации, под которой понимают совершенно разные, а иногда и взаимоисключающие тенденции и тренды. К примеру, глобализацией называют шаги, направленные на консолидацию мирового сообщества в интересах решения глобальных проблем и прямо противоположные усилия по навязыванию миру губительных правил игры «в одни ворота», где проигравшими обречены стать страны-аутсайдеры и сама природа. Другими словами, эпохой глобализации именуют и попытки решения глобальных проблем, и производство новых проблем, неизбежно перерастающих в факторы глобальной опасности.

Процесс сближения науки и политики крайне противоречив и труден. Остановимся на функциональных особенностях политики и науки, чтобы увидеть эту проблему под новым углом зрения. Начнём с того, что наука и политика — два совершенно разных мира. Если политика — *царство компромиссов*, поскольку её цель — участие во власти и коллективный контроль за ресурсами, то наука по своей природе *бескомпромиссна*. Её главная цель — постоянное приближение к истине. Наука в своей основе — мир фундаментальных знаний, которые не подчиняются волевым решениям, совершенно не зависят от общественного мнения и политической конъюнктуры. И нет такой власти, которая была бы способна изменить законы природы, а следовательно, и законы науки. Как говорил Аврелий Августин, «мы не знаем, долго ли просуществуют земля и небо, но знаем, что всегда 3 и 7 будет 10». В сфере политики всё иначе: здесь слишком многое зависит от случая — от наличия или отсутствия политической воли, от столкновения разнонаправленных интересов и изменчивой конъюнктуры, от лич-

ных качеств лидеров и общественных настроений, от менталитета — и так до бесконечности.

Но современный мир не случайно называют обществом риска. Нельзя полагаться на волю случая, если речь идет о судьбах народов и миллионов людей. Поэтому сегодня так часто повторяют известную истину: политика — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее политикам. Это относится даже к тем политикам, которые вполне заслуживают нашего доверия по своим личным качествам, но при всем желании не могут предвосхитить последствия принимаемых решений. Различия между наукой и политикой — условие их взаимного притяжения. Они пересекаются во многих сферах деятельности, но наиболее полно — в сфере государственной, а теперь и международной научной политики, где должны быть равно значимы и равноценны два начала: политическая воля и научная истина. Форма такого синтеза — средне- и долгосрочная *государственная стратегия развития науки*.

Причем речь идет об особом уровне стратегического планирования и прогнозирования — об *упреждающей стратегии*¹⁹², поскольку сначала разрабатывается план, а потом приступают к строительству. Чем ответственнее и сложнее стройка, тем выше требования к плану, к его научной составляющей. Если задача России — расширение временного горизонта планирования, то главное условие грамотной постановки этой задачи — научная политика, делающая возможными: а) прогнозирование в условиях нестабильности; б) сценарное средне-, долго- и дальнесрочное планирование, основанное на прогнозировании с включением цивилизационного аспекта; в) оперативное стратегическое управление на основе сценарного планирования. При этом требуется объемное научное видение глобальных проблем — с позиций естествоиспытателей и с позиций гуманитариев. В противном случае обеспечена технократическая рутина, способная свести на нет любые достижения научной мысли и любые результаты грамотной политики.

¹⁹² Обоснование см.: *Расторгуев В.Н., Черешнев В.А.* Национальная экологическая политика: задачи политического планирования в контексте глобализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 4.

*Парадоксы глобализации
и научное обоснование глобальных проблем*

Когда мы вплотную приближаемся к осмыслению глобальных проблем, в том числе и тех, которые в научном знании, как правило, «проходят по ведомству» естественных наук, то сразу сталкиваемся с рядом парадоксов, требующих чрезвычайно тонкого и грамотного гуманитарно-методологического и цивилизационного подхода.

Рассмотрим три парадокса, возникающие на стыке наук при изучении так называемых «вызовов времени», как в последнее время всё чаще называют глобальные проблемы.

Первый парадокс может быть условно назван *абберацией интеллектуального зрения*, или *эффектом научной дальновзоркости*. Этот эффект был точно подмечен академиком Д.С. Лихачёвым, который писал (в известной статье «Будущее литературы как предмет исследования»), что труднее всего предвидеть то, что совершится в ближайшем будущем, а легче разглядеть общие тенденции развития, протягивающиеся в далекое будущее. И это действительно так. Если распространённое мнение диктует нам некую линейную концептуальную схему, в соответствии с которой человечество в процессе поступательного развития практики и научного знания, то есть шаг за шагом, поднималось к постановке и решению все более масштабных проблем — вплоть до постановки проблем глобальных, то в действительности всё обстоит совершенно иначе.

Масштабные проблемы, способные качественно изменить наше будущее или даже ставящие под вопрос само существование человечества, открываются значительно раньше и быстрее, чем узконаучные проблемы, от своевременной постановки которых зависит устранение или минимизация глобальных угроз. Известно, к примеру, что важнейшая, пожалуй, из современных глобальных проблем геополитического толка, которую часто называют с подачи С. Хантингтона «конфликтом цивилизаций», была в своей наиболее глубокой философской версии поставлена ещё Н.Я. Данилевским. Именно он ввёл в научный оборот концептуальную схему сосуществующих культурно-исторических типов, взаимо-

действие которых не может осуществляться бесконфликтно, из чего не следует, разумеется, вывод о неизбежности неустранимых и неразрешимых конфликтов, а тем более межцивилизационных войн. В противном случае мы сталкиваемся с особым типом аберрации сознания, которая, по мнению Т. Адорно («Проблемы философии морали»), была выявлена ещё И. Кантом: речь идет о неправильном употреблении разума.

Второй парадокс может быть назван «атакой проблем». Людям часто кажется, что именно они, а точнее, самые наблюдательные, одаренные и удачливые среди них открывают и решают важнейшие проблемы (как известно, открыть проблему — наполовину её решить). В действительности мы, как правило, сталкиваемся с противоположной тенденцией: назревшие, «больные» проблемы не ждут, когда их обнаружат, а находят нас. Сами проблемы заставляют нас считаться с ними, если, конечно, мы не будем сводить феномен зарождения проблемы к психологическому затруднению, возникающему в ходе практической или интеллектуальной деятельности, а обратим внимание и на их «подводную часть» (онтологический статус проблем). Проблемы действительно «выбирают» тех немногих, кто способен непредвзято взглянуть на какое-то явление, оторвать на минуту взгляд от заданной «картины мира» и увидеть очевидное для непредубеждённого ума — надвигающуюся угрозу глобального масштаба. Именно по этой причине, кстати, миллионы озабоченных судьбой планеты экологов, то есть людей, большинство из которых не принадлежат ни к одному научному сообществу, идут не позади, а зачастую впереди экологов-профессионалов, заставляя их по-новому подойти даже к выбору объектов и методов исследования.

Третий парадокс заключается в том, что, говоря о глобальных проблемах, мы довольно часто путаем причины и следствия — механизмы решения глобальных проблем и факторы, их порождающие. Это связано с тем, что мы обычно не замечаем границ между собственно научным и политическим дискурсами, что мешает увидеть принципиальное различие двух видов этой деятельности. Такой подход, в свою очередь, открывает почти неограниченные возможности для манипулирования массовым сознанием и

дискредитации науки, методы которой позволяют проникнуть в природу глобальных угроз — деструктивных процессов в функционировании социоприродных систем. Политики чаще всего используют отсылки на глобальные проблемы (имея в виду отдельные научные гипотезы и конкурирующие теории) в интересах, не связанных с поиском истины. При этом внимание фиксируется лишь на внешних характеристиках всемирных трендов, порождённых процессом глобализации, суть которого в этом случае сводится не к снижению рисков и не к минимизации угроз, что составляет цель постановки глобальных проблем, а к установлению контроля за планетарными ресурсами в условиях нарастающего ресурсного, энергетического и водного голода¹⁹³.

Этот голод обостряет «политические инстинкты» властных элит, включенных в круг основных акторов современной геополитики. Он диктует новые правила игры. Всё чаще приходится слышать рассуждения о неизбежности международных конфликтов и о возможном очередном силовом переделе планетарных ресурсов, который может начаться с конфликтов, связанных с защитой «жизненных интересов» ведущих государств на территории Арктики — «нераспечатанной» кладовой Земли. В СМИ все чаще просачивается информация о разработке новых видов вооружений, предназначенных для использования в арктических широтах, но всё реже — о неизбежных и катастрофических глобальных последствиях как ожидаемого «арктического передела», так и очередного витка хищнического освоения северных территорий.

Глобализация, включающая в себя насаждение своеобразного культа глобальных проблем, диктует новые требования к экологическим и социальным аспектам долгосрочного и сверхдолгосрочного планирования не только на национальном и субнациональном уровне, но и на уровне наднациональном. Суть этих требований известна: она заключается в том, что глобальное пространство (экономическое и политическое, культурное и информационное) расширяет наш мысленный горизонт, освобождая его от всех

¹⁹³ Подробнее о цивилизационных аспектах проблемы водного голода см.: *Рассторгуев В.Н.* Политическое планирование в условиях «водного голода» // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1.

искусственных и даже естественных преград и барьеров. И горизонт этот расширяется до такой степени, что даже невооружённому глазу открываются природные опоры мира, которые уже основательно подточены техногенной цивилизацией. В результате даже самый недалёкий человек начинает осознавать, что экологические и социальные гаранты сохранения жизни и поддержания качества жизни — это, по сути, одно и то же. Эта идея сегодня достаточно хорошо воспринимается в сфере политической культуры, хотя по-разному интерпретируется в мире науки — в концепциях коэволюции и коадаптации, в учении о ноосфере и во многих других, менее известных, но не менее продуктивных теоретических построениях.

Вместе с тем глобализация постепенно разрушает старые механизмы защиты национальных интересов, а следовательно, социальные и цивилизационные устои, без которых не сохранить и среду обитания. Эти механизмы оказались недостаточно жизнеспособны, поскольку были продуктом так называемого «дробного», «доглобалистского» пространства. Они основывались исключительно на методах самоизоляции государства от внешних деконструктивных влияний и на патерналистском принципе поддержки отечественных отраслей производства. Фактор глобализации не только широко открывает экономические шлюзы, но и будоражит сознание *экологистов* (так теперь все чаще называют деятельных защитников природы, которым наука нужна скорее как аргумент в споре, чем как судья, способный принимать самостоятельные решения). Очевидно, что цели учёных-экологов и экологистов пересекаются и частично совпадают. По сути, такое совпадение на уровне мотивации научной деятельности и стало причиной возникновения целого спектра наук, которые сегодня мы относим к сфере экологического знания.

Если бы у ряда биологов или у микробиологов, к примеру, не было искреннего стремления использовать потенциал своей науки и её методов для защиты природного многообразия, то не произошло бы и выделения экологии растений, экологии животных, экологии микроорганизмов и т.п. То же можно сказать и о социальной экологии, политической экологии и далее по всему списку ново-

образованных научных дисциплин, которые во второй половине XX века не только заявили о своем праве на существование, но и успешно институционализировались в рамках современного научного знания. Глобализация делает очевидной взаимосвязь природной, антропогенной и социальной сфер, что не только стимулирует выделение и институционализацию экологических «ответвлений» от традиционных отраслей научного знания, но и приводит к сближению и слиянию экологических наук самого различного происхождения в единый научный агрегат знаний. А агрегирование знаний, как известно, является важнейшим условием и предпосылкой их систематизации (это положение было впервые научно обосновано И. Кантом). Таким образом, само появление экологической науки в её нынешнем состоянии отчасти может рассматриваться как косвенное следствие глобализации.

Вместе с тем можно говорить только о частичном совпадении целей экологов и экологистов, поскольку полное совпадение и слияние ценностных установок, критериев и методологических ориентиров привело бы к превращению науки в служанку определённого политического или социального института, а следовательно, к деградации научного знания и свёртыванию академической демократии. В конечном итоге, это нанесло бы урон и тем высоким целям, которые преследуют истинные защитники природы. Из сказанного можно сделать вывод о взаимосвязи, существующей между процессами глобализации и механизмами институционализации новых научных направлений, изменяющих общую архитектуру научного знания и саму направленность научной политики.

Для нас этот вывод представляется особенно важным, поскольку экологическая, социальная и научная *политики* не только тесно взаимосвязаны, но и в случае их «привязки» к конкретному региону интенсивно проникают друг в друга, разрушая традиционно сложившиеся границы между этими областями специализированной политической деятельности. Именно в процессе европейской интеграции был наполнен новым содержанием подход, названный экологическим измерением национальной, региональной и глобальной политики. Экологическое измерение становится сквоз-

ным при определении контуров государственной научной политики, соответствующей пятому и шестому технологическим укладам. И это неудивительно, поскольку одной из основных отличительных характеристик современной политики и, в первую очередь, социальной и экологической отраслевой политики, является её чрезвычайно высокая наукоёмкость. Под наукоёмкостью в данном случае понимаются не столько эффективность инвестиций (о чем уже говорилось), а особые требования к сближению политической компетенции и научной компетентности.

Кроме того, сама глобализация имеет ярко выраженный *научно-экологический аспект*, далёкий как от оценочных подходов, которые характерны для экологистов, так и от политических интересов, которые при определённой ситуации могут превратить экологию в инструмент достижения политических целей или способ разрешения коммерческих проблем, не имеющих ни малейшего отношения к природоохранной деятельности. К счастью, научная истина беспристрастна и не зависит ни от политической конъюнктуры, ни от мотивации ученых. Дело в том, что так называемые глобальные проблемы по своей сути связаны с «поломками» в функционировании социоприродных систем, что требует сегодня введения научно обоснованных и универсальных экологических ограничений, распространяющихся на всех без исключения членов мирового сообщества.

Важно заметить, что унификация такого рода никогда не была кратчайшей дорогой к равенству и методом поддержки отстающих на благотворительной основе. Скорее напротив: именно унификация стандартов и требований порождает новые и более изощрённые формы неравенства, расширяя пропасть между странами-лидерами и странами-аутсайдерами. Глобализация, таким образом, существенно ужесточает конкуренцию не только между непосредственными участниками рынка: фирмами, корпорациями, отдельными производителями, — но и между странами, межгосударственными союзами и регионами. В этой игре неизбежно проигрывает тот, кому не хватит внутренних сил для национальной консолидации при выработке единой стратегии, имеющей отчётливые измерения — экологическое и социальное. Проиграет и тот, кто

недооценит экологические риски нового поколения, обусловленные введением экологических стандартов. Этот тип рисков можно назвать *геополитическими экологическими рисками*. Как раз на этой стороне стратегического планирования хотелось бы остановиться подробнее, поскольку именно для того, чтобы не допустить катастрофического отставания на ниве обеспечения экологической безопасности, мы и инициировали в 2000 году разработку Экологической доктрины Российской Федерации.

Распространение геополитических экологических рисков спровоцировано тем обстоятельством, что государственная экологическая политика представляет собой особую сферу деятельности, в рамках которой чрезвычайно сложно согласовывать, а тем более интегрировать интересы основных акторов политики — как внутренней, так и внешней — с интересами отечественного бизнеса и гражданского общества. «Разделяй и властвуй» — принцип, который не утратил и никогда не утратит своей актуальности. Основная причина рассогласованности целей и интересов тех, кто, по собственной воле или по принуждению, выполняет роль субъекта или объекта экологической политики, — это чёткая *запретительная доминанта*, характерная в целом для экологической деятельности. Как бы много мы ни говорили о том, что запретительство утрачивает былую роль при переходе к экологической политике, основанной на принципе профилактики, в действительности эта доминанта не только не ослабевает, но и усиливается. Это происходит по мере введения всё более жёстких форм экологического контроля, в том числе и наднационального, проникающего во все без исключения области производства и потребления. Глобальные проблемы и глобальный контроль (плюс самоконтроль) — две стороны одной медали.

Сегодня каждый человек, признающий факт существования глобальных проблем и неизбежность глобальных мегатрендов, отчётливо понимает, что экологический прессинг в той или иной мере болезненно коснётся всех граждан и всех социальных страт в любой стране мира, в том числе и в современной России. Причём уже в ближайшем будущем этот прессинг будет многократно возрастать по мере расширения интеграционных процессов. В пользу

такого вывода говорят факты. Это и неизбежное усиление роли международного права и полномочий наднациональных судебных инстанций. Это и ужесточение конкуренции в связи с вхождением России в ВТО, а также недобросовестная конкуренция транснациональных компаний с использованием коррумпированных элит, примером чему может служить «санкционная политика» ряда ведущих стран. Это и вступление в силу всё новых и новых международных соглашений, хартий и протоколов.

Защита окружающей среды включается в число главных приоритетов государственной политики. И это хорошо. Плохо другое: определение приоритетов происходит, по сути, независимо от воли политиков, заинтересованности бизнеса и желания общественности. Мы не замечаем признаков многоходового планирования. Да и сам полёт в это трудно предсказуемое завтра продолжается как бы в «автоматическом режиме». Мы привыкли повторять, что экологическое сотрудничество на высшем уровне и реализация совместных проектов в природоохранной области являются магистральными направлениями международной интеграции, но всё зависит от того, *кем, где, когда и в чьих интересах* будет проложена эта магистраль.

Мы уже давно работаем в рамках формирующейся глобальной и региональной экологической стратегии, но не всегда замечаем эту зависимость, потому что по инерции не готовы отказаться от убогого представления о якобы затратном характере экологических и социальных программ. Многие до сих пор убеждены, что и для западных стран громкие заявления о примате экологической и социальной проблематики — всего лишь риторика. Но это не так. Вся политика России, в том числе финансовая и экономическая, неразрывно связана с глобальными экологическими стратегиями и мерами по защите окружающей среды, осуществляемыми, в частности, под эгидой ООН. Нельзя не считаться также и с чрезвычайно активной экологической стратегией, демонстрируемой Европейским союзом. Это лидерство требует от России, заинтересованной в интеграции, введения целого ряда моделей модернизации экологической политики, которые не могут быть оценены однозначно.

С одной стороны, динамика ужесточения экологических требований и апробация более совершенных форм тотального мониторинга содействует скорейшему переоснащению нашей национальной экономики на основе внедрения энергосберегающих технологий, стимулирует сращивание науки и производства, позволяет оживить приоритетные направления фундаментальных и прикладных исследований, в том числе и в сфере экологии.

С другой стороны, эти же меры, по преимуществу сугубо запретительные, дают, как уже говорилось, особые преимущества в условиях глобальной конкуренции только самым сильным и подготовленным партнерам, способным как к мобилизации ресурсов, так и к эффективному лоббированию своих интересов на национальном и наднациональном уровне. В результате все, кто по каким-то причинам попадёт в число аутсайдеров, утрачивают шансы на защиту собственных интересов. Поэтому мы и обречены играть по правилам, в разработке которых или не могли участвовать, или просто не захотели по причинам, не имеющим отношения к сути экологической политики — будь то недостаточная компетенция или укоренившееся ошибочное представление о факультативной роли экологии и социальной сферы.

2.7. Цивилизационное измерение экологической и социальной политики России

Функциональные цели государственной политики в системе основных сфер человеческой деятельности

Наука и искусство, политика и религия — каждая из этих специализированных сфер человеческой деятельности имеет своё лицо, собственную историю и внутреннюю логику становления, эволюции и преемственности. И каждая из них не только служит сферой, где генерируется культурное и цивилизационное наследие, но

и сама является неотъемлемой составной частью национального и мирового достояния следующих поколений. Это живое наследие постоянно воспроизводится во многом благодаря сложившимся формам внутренней и внешней регламентации, в том числе правовой и политической. Регламентирующую функцию выполняют соответствующие «зеркальные» отрасли права и отрасли государственной политики — «зеркальные» по отношению ко всем другим видам человеческой деятельности, которые нуждаются в общественном признании, а следовательно, в правовой и политической легитимации, государственной поддержке и регулировании. При этом мы фиксируем внимание либо на случайных, постоянно изменяющихся и преходящих проявлениях и характеристиках самой деятельности, или на непреходящих, инвариантных и сущностных. Такого рода «близорукость и дальнорукость», характерные для любой специализации, свойственны и для государственного управления и планирования, где неизбежно превалирует, естественно, «близорукость», поскольку в политике многое определяется конъюнктурой, групповыми интересами и выборными циклами.

От чего же зависит «оптика» теоритического и практического знания, позволяющая видеть сущность явления и ориентироваться в многообразных и специфических функциях различных сфер интеллектуальной и регламентирующей деятельности? Решающую роль здесь играет выбор временного горизонта. Если мы ограничиваемся краткосрочной и среднесрочной временной перспективой (взгляд в будущее) или ретроспективой, то в поле зрения попадают отдельные факты и события, а решающую роль начинают играть аргументы, основанные на поиске простых и рациональных решений. В рамках долгосрочной перспективы мы уже отчётливо видим большие событийные ряды, в том числе циклические. Благодаря этому обнаруживаются каузальные связи между исторически значимыми событиями. Если же речь идет о воистину дальнесрочных горизонтах, а точнее — о метаисторическом времени, то картина вновь существенно изменяется, а вся система обоснования в дальнесрочном горизонте смещается в пользу «вечных истин», настраивается на выявление доминирующих тенденций, отдалённых последствий и подлинной цены принимаемых

решений. Соответственно, многие из реформ, преобразований и программ, которые казались успешными и эффективными в границах текущего планирования, на поверку оказываются разорительными и губительными. Изменяются и представления о видах деятельности и специализированных сферах сознания, в том числе и отношение ученых к религиозному опыту. В исторической перспективе обнаруживается глубинная внутренняя связь этих сфер, свидетельствующая о единстве сознания. Как подметил Святейший Патриарх Кирилл, возникает понимание того, что «одним из наиболее распространенных заблуждений, проистекающих из упрощенной интерпретации, является представление о том, что наука имеет дело с фактами, разумом, переменами к лучшему, а религия — с вымыслом, верой и неизменными истинами»¹⁹⁴.

Всё дело в том, что аналитическая работа, осуществляемая в «узких временных границах», делает доступными локальные процессы развития, а также разрывы преемственности, возникающие в результате, например, конфликта интересов. Здесь имеется в виду, прежде всего, так называемый человеческий фактор — понятие, употребляющееся обычно исключительно в негативном смысле, в соответствии с которым человек является заведомо слабым звеном в любой технологической системе. В позитивном смысле принято говорить не о человеческом факторе, а либо о человеческом капитале, либо о роли личности в истории. В этих двух случаях предполагается совершенно иное понимание времени. Если «вложения в человеческий капитал» (экономический подход) рассчитаны на долгосрочную отдачу в течение жизни нескольких поколений, то осознание реального вклада отдельных личностей, народов и наций в историю цивилизации происходит, по определению М. Фуко, в «молчаливой отрешённости метаисторической идеальности» или, как писал А.С. Панарин, в масштабах метаисторического времени. Но метаистория открывается не каждому: горизонты подлинной истории («метаисторические дали») не вмещаются в логику политических дискурсов, в тексты

¹⁹⁴ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с учёными в Сарове 1 августа 2016 года // www.patriarchia.ru/db/text/4579909.html.

летописей, протоколов, мемуаров вождей и фолианты маститых историков. Метаистория если и написана, то не сталью и не чернилами, не кровью и не коварством, а верой.

По словам Панарина, история — это судьба человека, тот путь, которым он, выброшенный в тварный мир объективаций, должен идти: «Вместе с тем он ставит перед собой отнюдь не только благие цели и не только в них вкладывает свою творческую силу и страсть. Но история равнодушна к человеку, поскольку преследует не человеческие цели, а цели цивилизаций, государств, наций, классов, и при этом всегда вдохновляется идеалами экспансии и силы. История использует человека в качестве материала для нечеловеческих целей. И в этом смысле вся история делалась и делается как преступление. Она развивается по законам античеловеческой морали. В ней господствуют эгоизм, борьба классов, войны между государствами, насилие всякого рода. Действие рока в истории вытесняет действие Бога и человеческой свободы, ведёт к объективации «рабьего мира», насыщенного враждой и ненавистью. Поэтому между историей и человеком, путями истории и путями человеческими всегда существует глубочайший конфликт. Но несмотря на это, мы не можем перестать быть историческими существами. Человек втягивается в историю, подчиняется её року и одновременно сопротивляется истории, противопоставляя ей ценность личности, своей индивидуальной судьбы. <...> У истории, помимо земных целей, есть свой сокровенный метаисторический смысл, который, согласно Бердяеву, и открывается в метаистории, в движении к Царству Божьему. Однако переход от истории к метаистории возможен только на основе свободы человека»¹⁹⁵.

Метаисторическое измерение политики призвано выполнять особую миссию в стратегическом долгосрочном планировании, хотя оно, разумеется, не вписывается в принятую, законодательно прописанную методологию. Между тем эта миссия чрезвычайно важна по той причине, что точно так же, как долгосрочный горизонт в ряде случаев демонстрирует картину, прямо противоположную той, которая открывается при кратко- и среднесрочном пла-

¹⁹⁵ Философия истории: Учебное пособие / Под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. С. 170.

нировании, метаисторический горизонт позволяет увидеть недосягаемое научной и политической прогностике: «Если в логике пространства закономерно побеждают физически сильнее, то в логике метаисторического времени, открытой мировыми религиями, торжествуют униженные. Реальная политическая история прокладывается между этими полюсами. Либеральная программа потерпела фиаско. Она оказалась чистейшей, абсолютной утопией, куда более абсурдной, чем коммунистическая утопия. Лежащая в основе этой программы либеральная презумпция всеобщего благоденствия, основанная на том, что мы всех сделаем собственниками, абсолютно несостоятельна, даже теоретически»¹⁹⁶.

В «периоды большой длительности» на первый план выходят не преходящие события, не частные и групповые интересы, а метаисторические процессы, когда нам открываются, по точному определению Фуко, не только исторические реалии и большие событийные ряды, но и телеология самого разума. Это свидетельствует, по его мнению, «о возврате к философии истории, к представлениям о великих эпохах мира, к периодизациям, которые бы исходили из «предназначения цивилизаций», что не позволяет свести проблему «к простой линейной схеме»¹⁹⁷. В этой ситуации нам становятся доступны функциональные отличия, существующие между наукой, искусством, правом, моралью, политикой и религией как сферами, где в соответствии с известной кантовской классификацией доминирует либо направленность на открытие уже существующего — научная сфера, либо направленность на изобретение нового, не существовавшего прежде, т.е. искусство. (В широком значении это понятие не сводится к «изысканным искусствам».) К кантовской классификации следует добавить и область регламентации: наряду с условно выделяемыми сферами, где ключевыми функциями являются «открытие» и «изобретение», здесь доминирует регламентирующая функция, которая распространяется на все сферы человеческой жизнедеятельности. Это

¹⁹⁶ Панарин А.С. Реабилитация бедных — логика метаисторического времени // Логика метаисторического времени: Сборник посвящён памяти А.С. Панарина (МГУ). М.: Социально-политическая мысль, 2004. С. 26.

¹⁹⁷ Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. С. 11.

религиозное сознание и мораль, а также политика и право, в котором выражаются государственные интересы.

При этом доминирование только одной функции не означает, что все другие функции не присущи в разной степени каждой из сфер. Поэтому можно говорить, к примеру, об искусстве (изобретательности) политика, теоретика и миссионера, хотя это не определяет суть и ценность его деятельности. Имеются все основания выделять и так называемые «практические открытия». Иллюстрацией могут служить открытия, или, точнее, *предоткрытие* законов физики в технической деятельности (изобретение механических часов рассматривается как практическое открытие всех законов механики), или аналогичное *предоткрытие* законов психологии в художественном творчестве (признание З. Фрейда и целого ряда других психологов о том, что свои открытия они черпали в романах Ф.М. Достоевского). То же самое можно сказать и о регламентирующей функции в научном познании и художественном творчестве (имеется в виду и особая роль парадигм, и процесс превращения авторских концепций в научные учения и их превращение в политические доктрины, и становление всего многообразия художественных стилей и направлений)¹⁹⁸.

Важно помнить, что функциональные цели политики имеют такое же отношение к целеполаганию в политической деятельности, как течение реки к лодиям, которыми пользуются моряки, пытаясь обезопасить движение своих судов — торговых или военных, снующих по реке с самыми различными целями и во всех направлениях. Функциональные цели могут осознаваться или не осознаваться людьми, включёнными в политическую жизнь. Они неизменно пробивают себе дорогу даже в том случае, если отдельные политики или конкурирующие группы влияния сознательно пытаются перекрыть течение или использовать его в своекорыстных целях, не согласующихся с общими целями, построить барьеры и плотины или повернуть течение вспять, рискуя спрово-

¹⁹⁸ О методологии изучения функциональных целей и особенностях концептуального синтеза в специализированных сферах сознания и видах деятельности см.: *Расторгуев В.Н., Завьялова М.П.* Единство и преемственность сознания. Томск: ТГУ, 1988.

цировать катастрофу. Но и при этом функциональные цели сохраняют свою силу и направляют политическую деятельность независимо от того, как понимаются и интерпретируются сами государственные интересы (найдите двух человек, которые бы их понимали одинаково). Функциональные цели действуют независимо от политического режима и господствующей идеологии, а также от «законов общественного развития», открытых мыслителями всех времён и народов, включая сюда «законы классовой борьбы», которые никто не отменял в классовом обществе.

В то же время сами политики руководствуются разнонаправленными целями, в том числе конъюнктурными и лоббистскими, далёкими от программных установок своих партий и порою взаимоисключающими. Однако совершенно не признавать функциональные цели политики невозможно: откажись, к примеру, правящая элита от этих предначертанных целей ради сиюминутных выгод, и пойдёт на дно государственный корабль вместе со всеми, кто на нём находится. Палубы и классы, интересы и задачи у всех «пассажиров» и членов команды разные, а устойчивость корабля — дело общее, вопрос жизни и смерти. И многое зависит от правильного курса, от выверенной, грамотно проложенной лоции и соблюдения элементарных правил безопасности. Именно здесь, на пересечении противоположных функциональных целей, личных устремлений и групповых интересов и возникает потребность в долгосрочном и дальнесрочном политическом и геополитическом планировании, в строительстве государственных институтов, способных устоять при любых испытаниях и потрясениях¹⁹⁹.

Постепенно, с большим трудом, в нашем обществе пробивает дорогу осознание того, что политика без человека, а точнее без достойных людей, посвятивших себя этому делу, — это бесчеловечная политика, поскольку созидательная политическая деятельность всегда держалась и держится на лучших человеческих качествах. В роковые эпохи политических нестроений, когда на

¹⁹⁹ *Рассторгуев В.Н.* Функциональные цели политики и интересы политиков в зеркале философии права // Государство и право. 2018. № 6; См. так же: *Рассторгуев В.Н.* Философия политики. Методология политического планирования: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2017.

поверхность политической жизни поднимаются деструктивные силы и тёмные личности, главный удар наносится именно по *цивилизационным символам* — национальным героям, культурным лидерам и духовным светочам нации (проблему личностного измерения цивилизации регулярно затрагивал «Вестник Экспертного центра ВРНС»). В эпоху перемен может показаться, что мировая и отечественная политика всегда была сборищем злодеев и казнокрадов. Так распространяется дегероизация истории, порождающая, в свою очередь, правовой и этический нигилизм, который помогает за маской всеобщего отрицания традиционных ценностей скрыть противоестественность политики и права, основанных на предательстве национальных интересов и отказе от функциональных целей (в этом случае даже писаное право, по мысли Гегеля, превращается в свою противоположность — неправо). Но бури проходят, а вся наносная грязь смывается временем. Имена подлинных столпов культуры и достойных представителей национальной политики возвращаются на своё законное место. Всё это лишь подтверждает тот факт, что не следует искать святости ни в какой-то отдельной науке, ни в политике, ни в правосознании. Её носителями могут быть только сами люди, для которых служение своим целям и интересам не исключает служения долгу.

*Шкала ценностных ориентиров — цивилизационная основа
отраслевой и региональной политики*

В основе построения государственной стратегии долгосрочного и дальнесрочного развития России и каждого из её регионов лежит *шкала ценностных ориентиров*, соответствующих функциональным целям всех звеньев отраслевой политики, и прежде всего — *экологической и социальной*, поскольку эти две отрасли соотносятся между собой и с другими отраслями особым образом. Если воспользоваться метафорой, то соотношение отраслей политики в процессе стратегического планирования и прогнозирования можно сравнить с укладкой рельсов и шпал. Рельсы, проложенные через историческое пространство, — это экологическая и социаль-

ная отрасли. А шпалы, скрепляющие рельсы и обеспечивающие их надёжность и полную синхронность, — различные и постоянно обновляющиеся модели экономической и финансовой, научной и технологической политики, а также все другие специализированные отрасли и подотрасли. Данная метафора достаточно точно раскрывает сущность методологии стратегического управления, осуществляемого одновременно в режиме кратко- и среднесрочного, долго- и долгосрочного планирования и прогнозирования. При этом ценностные ориентиры и, соответственно, функциональные цели экологической и социальной политики неизменны и в этом смысле не зависят от политической или идеологической конъюнктуры — это *природосбережение и народосбережение*. Данные функциональные цели имеют абсолютный приоритет перед всеми иными функциональными и конъюнктурными целями государственной политики.

Экологическую и социальную отрасли политики, если рассматривать их через призму цивилизационного подхода, связывает воедино тот факт, что *качество жизни* отдельных людей и народов (а это основной показатель состояния социальной сферы) в значительной степени определяется набором экологических и климатических факторов. Учитывая, что эти факторы специфичны для каждого природного региона, в этих отраслях недопустима механическая унификация и требуется разработка региональных программ устойчивого развития в рамках единой стратегии. Кроме того, временные границы стратегического планирования и прогнозирования в этих сферах соизмеримы друг с другом: основные жизненные циклы природных процессов остаются неизменными и исчисляются столетиями и тысячелетиями, как и цивилизационные особенности народов. Всё это отличает их от большей части экономических, технологических или финансовых проектов и программ, жизненные циклы которых, как правило, не превышают 10–30 лет и характеризуются ускоряющейся динамикой. Таким образом, выделяя эти отрасли, мы получаем возможность определить долгосрочные и долгосрочные приоритеты развития такой страны-цивилизации, как Россия, где почти каждый регион крупнее среднего европейского государства, а совокупный ресурсный

потенциал, если выделять только наиважнейшие стратегические ресурсы планеты и, соответственно, мировой цивилизации, составляет львиную долю всех изведанных богатств мира.

Эти ценностные цивилизационные ориентиры должны определять деятельность человека в любой сфере, как и его поступки в повседневной жизни. Не случайно каждое первое воскресенье сентября во всех храмах Русской православной церкви совершается чин молебного пения о сохранении творения Божия. Как говорил Святейший Патриарх Кирилл, «творение — это всё, что нас окружает, это природа, звери, воздух, чистая вода, это то, что человек может погубить безвозвратно, если стремление обладать большим, если жадность человеческая победят. Если победа греха состоится, то и всё Божие творение, весь мир Божий будет разрушен, и необязательно войнами, а просто потому, что человек, греховный человек, всегда будет потреблять гораздо больше, чем ему нужно. Вот на это греховное потребление и расходуются ресурсы земли, а в результате загрязняются воздух и вода, исчезают дикие животные. Стремясь жить как можно лучше, мы губим самое драгоценное, что Бог нам дал, — Землю. Всё больше и больше людей понимают нравственные причины так называемого экологического кризиса»²⁰⁰.

Поэтому при определении долгосрочной стратегии следует учитывать не только её макроэкономические параметры, экономическую эффективность и постоянно изменяющийся геополитический контекст, но и *цивилизационное измерение развития*, позволяющее выявить *универсальные функции управления* в сфере отраслевой и региональной политики, связанные не с преходящей конъюнктурой, а с устойчивыми ценностными ориентирами.

Первая из таких функций — выявление специфики территорий с точки зрения их исторически сложившегося этнокультурного своеобразия и человеческого потенциала, а также природной ценности и уязвимости, что требует определения предельно допустимых антропо- и техногенных нагрузок на природные регионы,

²⁰⁰ Патриарх Кирилл: грех против природы — это грех перед Богом. Южно-Сахалинск, 5 сентября 2016 г. // www.pravoslavie.ru/96719.html.

среди которых особую роль играют *территории-ресурсодержатели*²⁰¹. К последним относятся, прежде всего, *водоохранные зоны* и так называемые *регионы-доноры*, служащие «энергетическими кладовыми» России (по большей части, это регионы Российского Севера). В этот же список входят особо ценные природные и историко-культурные территории, сохраняющие дар регионального культурного и биологического разнообразия, уникальные лесные и ландшафтные пространства (природные и культурные ландшафты — не менее важный *исчезающий ресурс цивилизационного развития*, чем богатства недр). Сюда следует отнести также природные ареалы, обеспечивающие жизнедеятельность и сохранность отдельных этнических групп и малочисленных народов. Природа бывает столь щедра, что зачастую соединяет на одной территории почти все возможные дары. Пример подобной щедрости — совокупное природное и культурное наследие регионов России.

Но политическое устройство и гражданская культура современного мира столь несовершенны, что именно территории, определяемые как *точки роста*, превращаются из источников национального процветания в *болевы* и *даже горячие точки планеты*,

²⁰¹ По устоявшейся традиции ресурсодержателями называют компании, работающие на ресурсном рынке, и даже отдельных лиц, «оседлавших», к примеру, природную ренту. При более широком подходе к проблеме, основанном на признании за самими территориями и местным населением неотъемлемого права контролировать эксплуатацию природных ресурсов и, что особенно важно, участвовать в выработке, осуществлении и коррекции долгосрочных стратегий территориального развития, было бы целесообразным рассматривать сами территории в качестве ресурсодержателей. Территории-ресурсодержатели могут делегировать отдельным собственникам только часть своих прав и функций и лишь на определенное время, оставляя за собой контрольные функции и возможность ужесточать требования к эксплуатации ресурсов (прежде всего речь идет об экологических требованиях). Представление о территориях-ресурсодержателях включает в себя не только фиксацию геофизических параметров региона, но и констатацию того факта, что абсолютное большинство территорий являет собой сверхсложные социоприродные системы. Это предполагает выделение особого типа национального природного и культурного наследия, обеспечивающего возможность поддержания жизни и качества жизни, служащего условием национальной, гражданской и этнокультурной самоидентификации. Этот тип наследия ни при каких обстоятельствах не может быть отчуждаем от подлинных наследников, среди которых государство и нация, этнос и сами граждане, местное население, исторически сложившиеся общины.

зоны пересечения интересов ведущих стран и трансконтинентальных корпораций. Фактором чрезмерного риска является и экологическая уязвимость особо ценных территорий, которые сегодня становятся *опорными точками* продвижения разрушительных геостратегий, направленных на передел планетарных ресурсов. Таким образом, в выражении «экологическая и социальная политика» акцент постоянно смещается с экологии и социальной ответственности на «политику», на разрешение узкополитических проблем, что отодвигает решение собственно экологических и социальных задач «на выживание».

Вторая функция — оптимизация и соответствующая регламентация всех форм природопользования в интересах безопасного для местного населения и устойчивого развития. Эта функция предполагает наличие универсальной шкалы ценностей, обеспечивающей приоритет природо- и ресурсосбережения, поддержание уровня и качества жизни, здоровья населения, а также способность природных систем к самовосстановлению и воспроизводству принципиально восполнимых ресурсов. В этом отношении экологическая политика должна рассматриваться не только как отдельная отрасль, но и как *составная часть широко понятой социальной политики* (от состояния среды обитания непосредственно зависит качество жизни), а также как *смысловой центр экономической политики*²⁰², подлинным критерием эффективности которой служит не ресурсопотребление, а ресурсосбережение. Что же касается устойчивого и безопасного развития, то оно зиждется не на искусственных системах поддержания безопасности, а на способности сверхсложных природных систем к самовоспроизведению.

Одно это обстоятельство обнаруживает предельно несовершенную методологию анализа рисков. Самые надёжные, на первый взгляд, искусственные системы поддержания устойчивости

²⁰² К слову, популярное некогда выражение «экономика должна быть экономной» было введено в оборот вовсе не партноменклатурой, как считают многие, а известным русским религиозным мыслителем в начале XX века и незаслуженно подвергается осмеянию только на том основании, что было одним из лозунгов «эпохи застоя». Подлинный смысл это фразы — указание на нереализованную природоохранную функцию (императив) ответственной экономики и на пределы экономического роста.

вытесняют и разрушают природные механизмы саморегуляции (или, что почти то же самое, легитимируют их разрушение и тем самым провоцируют его в дальнейшем), но никогда не смогут их заменить. Каким образом, к примеру, искусственные гидросистемы могут выполнить работу естественных водораздельных гидроузлов, обеспечивающих высший уровень безопасности — гарантию качества основных запасов питьевой воды на континентальных пространных, если жизненная сила и продуктивность естественных гидроузлов полностью предопределяется сохранностью *первозданной природы* у истоков рек (неосушённые болота, несведённые леса и непостроенные АЭС)?

Третья функция — проведение экологической инвентаризации, экспертиз и коррекции краткосрочных, средне- и долгосрочных, а также сверхдолгосрочных целей, планов и программ во всех областях деятельности. Эта функция может быть определена как созидательная и конструктивная, раскрывающая природу активной политики как разновидности *социальной инженерии*, призванной трансформировать социальную реальность на основе методологии долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования. В рамках *политической концепции устойчивого развития*²⁰³ экологическая политика рассматривается совершенно иначе, чем в рамках отраслевого видения. Суть концепции — в признании трёх *равноценных измерений* политики: экологического (измерение, позволяющее определить критерии, которые обеспечивают возможность сохранения жизни и контроль за её качеством); социального (изме-

²⁰³ Эта концепция, ставшая в последние годы *политической доктриной мирового сообщества*, то есть общепризнанной доктринальной основой унификации национальных и корпоративных стратегий в интересах международного сотрудничества, зачастую не выдерживает критики с позиций «строгой науки». Это происходит в силу специфики политических доктрин, разрабатываемых с учётом узконациональных, групповых, корпоративных и прочих интересов. Однако все издержки становления доктрины устойчивого развития полностью покрываются её политической целесообразностью, когда её слабости (адаптация научных идей к уровню массового сознания, компромисс между всеми участниками обсуждения и пр.) становятся признаком силы, обеспечивая доступность, приемлемость и эффективность. Политическую концепцию устойчивого развития следует отличать от её многочисленных и конкурирующих научных версий, которые, как правило, даже «не пересекаются» с процессом развития и осуществления политической доктрины, но также имеют право и на существование, и на осуществление.

рение, фиксирующее эффективность основных механизмов жизнеобеспечения и социального развития, включая сюда долгосрочные инвестиции в человеческий капитал: здоровье, образование, науку) и экономического (экономика — не самоцель, а инструмент решения природоохранных и социальных задач).

Экономическая и политическая глобализация вносит свои коррективы в оценки стратегических ресурсов и требует выработки общих приемлемых подходов на основе научно выверенной иерархии ценностей в сфере мировой ресурсной политики, что позволяет решить ряд задач на выживание:

Во-первых, в результате этой «иерархизации» политического сознания мировое сообщество приближается к созданию единой критериальной и методологической основы при разработке и, что особенно ценно, при согласовании и последующей синхронизации региональных, национальных и субнациональных экологических доктрин во всех странах и регионах планеты. А это, в свою очередь, поможет перевести многие трудноразрешимые проблемы (например, проблему предотвращения или минимизации последствий трансграничных или континентальных загрязнений) из области отвлечённых научных исследований в сферу совместных проектов и экологически ответственных политических решений уже на ранних этапах стратегического планирования и прогнозирования.

Во-вторых, к задачам на выживание можно отнести использование универсальной методологии при выработке национальных стратегий экономического и социального развития. Даже несовершенные и во многом декоративно-декларативные национальные экологические доктрины позволяют, как минимум, различать непреходящее и преходящее в процессе стратегического экономического планирования и тем самым закладывают надвременные, надотраслевые и надклассовые ограничители при постановке целей долгосрочного развития. К примеру, определение пределов роста и максимально допустимых техно- и антропогенных нагрузок на водоохранные территории — проблема не политическая, а сугубо научная от момента её постановки до поиска оптимальных сценариев решения (при этом автономия науки возможна при условии её полноценного обеспечения со стороны государства и бизнеса).

И только на стадии подготовки и осуществления практических шагов эта проблема переходит в разряд задач собственно экологической политики, осуществляемой государствами при деятельном (добровольном или принудительном) участии крупного бизнеса.

Роль национальных экологических доктрин отчасти в том и заключается, чтобы чётко зафиксировать как степень солидарной ответственности, так и границу функциональных обязанностей и полномочий политики, ответственного бизнеса и «чистой» науки. Эту границу никому не дозволено переходить даже под предлогом научного обеспечения государственной деятельности или защиты национальных и корпоративных интересов — ни политикам, ни учёным, ни предпринимателям. Отсутствие подобных доктрин в наше время или недооценка значимости их научного ядра — свидетельство опасных отклонений от нормы, позволяющее говорить о пределах доверия к политическому курсу или режиму. Такая ситуация резко меняет соотношение и удельный вес политического и собственно экологического (научного) начал экологической политики любого уровня — и национальной, и региональной, и глобальной. При этом резко возрастает социальная значимость академической свободы как подлинного гаранта политической демократии.

В-третьих, чёткая договорённость в вопросах иерархии стратегических ресурсов закладывает фундамент надполитического мирового порядка, который с неизбежностью изменяет вектор глобализации — от скрытой или явной политической борьбы за передел последних ресурсов и разрушения последних границ (государственных и административных, культурных и моральных) к научно выверенному определению последних пределов допустимого и доступного. За этой невидимой чертой политические ценности (даже гарантированные основные права и свободы) превращаются в свою противоположность — из инструментария устойчивого развития отдельных стран и народов в инструмент глобальной дестабилизации и разрушения. Не следует забывать, что дефицит воды сам по себе является и дефицитом реальной свободы, начиная со свободы выбора возможных путей развития, и дефицитом всех без исключения человеческих прав, начиная с права на жизнь! Хочешь сбереечь дорогие сердцу демократические и (или) национальные идеалы —

сбереги «природные гарантии» жизни и научись сотрудничать с людьми и народами иной культуры.

Эта методология в сконцентрированной форме нашла своё отражение в Экологической доктрине Российской Федерации и Стратегии экологической безопасности.

*Экологическая доктрина России
и Стратегии экологической безопасности —
политический инструментарий долгосрочного развития*²⁰⁴

Замысел Экологической доктрины Российской Федерации возник в начале девяностых годов. Для подготовки проекта доктрины был создан Экспертный совет по стратегии устойчивого развития при комитете по социальной политике Совета Федерации Федерального Собрания первого созыва²⁰⁵. В процессе работы над проектом доктрины был обобщён опыт регионов, в которых осуществлялись отдельные проекты экологически обоснованного развития особо ценных природных территорий. На этом фоне выделялся уникальный опыт реализации первой в истории страны федеральной программы системного устойчивого развития уникального природного региона — федеральной программы социального и культурного развития территории Тверской области (Великого водораздела Русской равнины)²⁰⁶. Итоговым документом деятельности Экспертного

²⁰⁴ Работа над Экологической доктриной детально описана в коллективной монографии: Колодцы мира. Великий водораздел двух тысячелетий и трёх морей (серия «Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам») / Под общ. редакцией В.Н. Расторгуева. М.: Финансовый контроль, 2004.

²⁰⁵ Председатель комитета — Г.Н. Карелова, заместитель председателя и руководитель Экспертного совета — В.Н. Расторгуев.

²⁰⁶ Государственная программа социального и культурного развития территории Тверской области (Великого водораздела Русской равнины) состоялась благодаря тому, что получила одновременную и деятельную поддержку всех заинтересованных сторон. В числе её инициаторов — руководство Тверской области (Глава Администрации В.А. Суслов), Верховный Совет Российской Федерации (Палата национальностей, комиссия по культурному и природному наследию народов РСФСР). Результат слаженной работы — единогласное голосование в пользу программы. Важную роль сыграла позиция академика Д.С. Лихачёва, признавшего планетарную значимость проекта программы и обратившегося к Президенту России с просьбой оказать всемерную поддержку.

совета стал первый проект национальной *социально-экологической доктрины*.

Проект получил такое название, поскольку замысел доктрины предполагал построение единой методологии управления социальными и экологическими рисками, а в функции доктрины входила оптимизация работы верхней палаты Федерального Собрания и, в частности, проведение обязательного социально-экологического мониторинга и системной экспертизы всех законопроектов, утверждение которых входит в компетенцию Совета Федерации. При этом среди критериев оценки законопроектов особое место отводилось интересам регионов, каждый из которых имеет свою природную программу, свои особо ценные территории и зоны повышенного риска.

Хотя концепция доктрины к тому времени была успешно представлена на серии международных конференций, в том числе наиболее значимых конференций ООН (например, на парламентском дне Международной конференции по проблемам народонаселения и развития 1994 г. в Каире и др.²⁰⁷), она в тот период так и осталась на уровне замысла. Для продвижения проекта недоставало главных предпосылок долгосрочного планирования и прогнозирования — социальной стабильности, политической воли руководства страны и необходимой открытости при определении курса внешней и внутренней политики. Кроме того, национальные доктрины в области социальной и экологической политики предполагают достаточную устойчивость властной вертикали на федеральном уровне, противостоят инерции распада и принципиально не совместимы с господством узкогрупповых интересов, волонтаристскими методами и десинхронизацией управления в центре и регионах.

²⁰⁷ См., к примеру: Национальный доклад России ко Всемирной конференции ООН на высшем уровне по социальному развитию в Копенгагене (М., 1995); доклад от Совета Федерации Федерального Собрания РФ на второй Восточно-Азиатской и Тихоокеанской конференции парламентариев по среде и развитию в Бангкоке, 1995 (*Rastorguev V. Global environmental problems and new horizon of social regional politics // Proceedings of the second East Asia & Pacific parliamentarians conference on environment and development. Bangkok, 1995*); доклады на конференциях Межпарламентской Ассамблеи СНГ (*Расторгуев В.Н. Социальное государство в контексте глобальной стратегии устойчивого развития: (социально-экологическая доктрина России) // Вестник Межпарламентской Ассамблеи СНГ. СПб., 1994. № 4*).

Осуществление задуманного стало возможным на этапе политической стабилизации, когда открылась перспектива консолидации гражданского общества и возникла острая потребность в построении долгосрочной национальной стратегии. Вопрос о своевременности разработки экологической стратегии неоднократно поднимался в обращениях лидеров экологических движений. Так, в 2000 году в Управлении внутренней политики Президента России было рассмотрено Обращение лидеров Экологического движения «Кедр» и Российского экологического конгресса, что позднее повлияло на принятие политического решения о поддержке инициативы Общенационального экологического форума России. Начиная с 2000 года проблема вновь стала предметом активного обсуждения на крупных международных и российских форумах²⁰⁸, в том числе и церковных²⁰⁹. В частности, концептуальная схема, восходящая к первому проекту и положенная позднее в основу современной версии экологической доктрины, прошла апробацию на Парижском экологическом форуме. Доклад с российской стороны был подготовлен Центром стратегического развития и инвестиций²¹⁰.

Новая концепция Экологической доктрины Российской Федерации, предложенная Общенациональным экологическим форумом России, оказалась востребованной. Она получила одобрение Президента России В.В. Путина, взявшего под личный контроль подготовку и прохождение проекта. Это решение было принято 31 января

²⁰⁸ См., к примеру, Резолюцию международной конференции ЮНЕПКОМ и Международного университета «Природа, общество и человек» (г. Дубна) 2000 г., посвящённую Повестке дня ООН на XXI век, а также действенные проекты и акции по защите качества питьевой воды, организованные Институтом экологии человека и охраны окружающей среды РАМН.

²⁰⁹ См.: Юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви 2000 года. Доклад Управляющего делами Московской патриархии митрополита Солнечногорского Сергия, а также серия докладов на международной конференции МГИМО МИД РФ «Духовные основы государственной политики». Доклад о замысле Экологической доктрины обсуждался и на VIII Международных Рождественских образовательных чтениях 2000 года (Конференция «Христианство и проблемы экологии. Роль Русской православной церкви в становлении общенациональной стратегии развития России»).

²¹⁰ Текст доклада и материалы дискуссии см: *Rastorguev V. L'Effet de Serre specificite russe et recherche d'une nouvelle strategie // Effet de Serre. P., 2000* и его же: *Rastorguev V. Une «strategie» pour l'environnement // PMV (Paris, Moscou, Vladivostok). P., 2000. № 1.*

2001 года во время встречи Президента с инициативной группой экологического форума, в день открытия первого организационного заседания. В своём обращении к участникам форума Президент, в частности, сказал: «Форум собрал известных ученых, экспертов, представителей различных регионов страны — тех, кого волнуют проблемы сохранения уникального природного и культурного наследия, предотвращения техногенных катастроф. Сегодня, на фоне стремительного развития цивилизации, вопросы экологической безопасности окружающей среды приобретают особое значение. Очень важно, что главным вопросом повестки дня станет выработка экологической доктрины России, которая поможет определить единые ориентиры экономического развития страны с учётом природных особенностей её регионов, их ресурсного, научного и человеческого потенциала» (Стенограмма заседания).

Одобрённый Президентом концептуальный замысел национальной экологической доктрины воплотился в завершённый проект в конце 2001 года, но потребовался ещё немалый срок, чтобы соединить усилия общественности и заинтересованных государственных органов, учесть и по возможности согласовать всё многообразие позиций и мнений. Окончательный вариант, который впоследствии был представлен Министерству природных ресурсов, дорабатывался с участием представителей Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных экологических организаций, деловых и научных кругов²¹¹.

²¹¹ В состав Редакционного совета по подготовке проекта Экологической доктрины Российской Федерации и авторского коллектива, который работал на общественных началах, входили: В.А. Черешнев (председатель Общенационального экологического форума и руководитель проекта), В.А. Акимов, В.В. Аникиев, С.И. Барановский, И.К. Беляк, Ю.П. Бородин, В.Н. Большаков, И.А. Веселов, С.С. Забелин, М.Ч. Залиханов, Е.М. Заславский, В.М. Захаров, Ю.А. Израэль, О.Л. Кузнецов (первый заместитель председателя Общенационального экологического форума), Н.А. Моисеев, Г.Г. Онищенко, М.В. Островский, А.А. Панфилов, А.Ф. Порядин, В.Н. Расторгуев (заместитель председателя Общенационального экологического форума, учёный секретарь Редакционного совета), Ю.А. Рахманин, Е.А. Шварц, А.С. Щеулин, А.В. Яблоков.

Идея разработки Экологической доктрины, тесно и органично связанная с системным подходом к совершенствованию российского законодательства, с самого начала встретила деятельную и эффективную поддержку со стороны Федерального Собрания и, в частности, *С.М. Миронова*, по инициативе которого группа разработчиков доктрины была включена в состав Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации²¹². Такая спайка ученых-экологов и парламентариев открыла новые перспективы для успешного осуществления намеченных в доктрине целей и для опережающей правотворческой деятельности в интересах обеспечения устойчивого развития страны с учетом требований экологической безопасности.

Проект, предложенный Общенациональным экологическим форумом России, лёг в основу окончательной версии доктрины, подготовленной Министерством природных ресурсов Российской Федерации при участии профильных министерств и ведомств, представителей форума и ряда других неправительственных экологических организаций. В феврале 2002 года рабочий вариант проекта прошёл апробацию на заседании Межведомственной комиссии Совета безопасности Российской Федерации по экологической безопасности, образованию и культуре, а также на Всероссийском совещании МПР, РАН и МГУ по проблемам науки. Эта синхронность в работе различных органов государственной власти и общественности — лучшее свидетельство социальной значимости проекта.

На завершающей стадии проект доктрины был детально рассмотрен также на выездном заседании рабочей группы президиума Государственного совета по подготовке вопроса об оздоровлении экологической обстановки в стране. Задачи, связанные с основными направлениями работы по осуществлению Экологической доктрины Российской Федерации, специально обсуждались в присутствии Президента России на президиуме Государственного совета

²¹² Состав секции «Экологическая политика» Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации: В.А. Черешнев (координатор секции), В.К. Донченко, О.Л. Кузнецов, Н.А. Моисеев, В.С. Литвиненко, Д.С. Львов, В.Н. Расторгуев, В.Н. Скуба, А.В. Яблоков.

Российской Федерации (тема заседания — оздоровление экологической обстановки в Российской Федерации). Столь высокий уровень поддержки инициативы Общенационального экологического форума объясняется той ролью, которая отводится региональному аспекту национальной экологической стратегии.

Проект Экологической доктрины России получил одобрение на заседании Правительства Российской Федерации 27 августа 2002 г., то есть за несколько дней до начала Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (сентябрь 2002 года). Таким образом, успешно завершился, по сути, первый в отечественной истории опыт национального стратегического планирования, основная стадия которого прошла не в кабинетах чиновников и не в изоляции от общественного мнения, а в научных коллективах и неправительственных организациях, с привлечением к дискуссии всех граждан, неравнодушных к будущему родной земли. Задачам практического осуществления Экологической доктрины Российской Федерации и мерам по совершенствованию взаимодействия государства и общества в вопросах охраны окружающей природной среды был посвящён Третий съезд по охране природы²¹³.

Во вступительном слове на заседании Совета безопасности (состоявшемся 20 ноября 2013 года) Президент России поставил задачу дополнить доктрину Стратегией экологической безопасности России: «Напомню, что ещё в 2002 году была принята Экологическая доктрина России. Однако за эти годы так и не сформирована законодательная база для эффективного управления охраной окружающей среды. В том числе отсутствует полноценный механизм «экологических платежей» со стороны бизнеса и других структур за использование природных ресурсов. Весь цивилизованный мир идёт именно по этому пути. За счёт таких платежей мобилизуются ресурсы для охраны и восстанов-

²¹³ На открытии пленарного заседания съезда, которое состоялось 21 ноября 2003 года в Кремлевском дворце съездов, были вручены Благодарности Президента России группе разработчиков доктрины: С.И. Барановскому, С.С. Забелину, О.Л. Кузнецову, Н.А. Моисееву, В.Н. Расторгуеву, Ю.А. Рахманину, В.А. Черешневу (руководитель коллектива).

ления природной среды. Считаю, что нам нужно уже в ближайшее время разработать и принять Стратегию экологической безопасности России. Она должна содержать оценки внешних и внутренних угроз в этой сфере, а также пороговые показатели безопасности»²¹⁴.

Поручение было выполнено в 2017 году. В «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента от 19 апреля 2017 года N 176) особо отмечается необходимость «проведения стратегической экологической оценки проектов и программ развития Российской Федерации, макрорегионов, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, оценки воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, а также экологической экспертизы и экспертизы проектной документации, экспертизы промышленной безопасности»²¹⁵.

Роль Доктрины и Стратегии в становлении эффективной экологической политики заключается и в том, что они служат инструментом, позволяющим объективно (в соответствии с логикой саморазвития природных систем) оценить риски, сопряжённые с реализацией важнейших долгосрочных стратегий — отраслевых и корпоративных, региональных (субнациональных) и межрегиональных. Но главная задача Экологической доктрины — *расширение временного горизонта государственной политики*, обеспечивающее саму возможность альтернативного сценарного прогнозирования и планирования, где сцена — реальные природные и административные регионы. При этом основной сценарий деятельности (как и выбор возможных альтернатив) строится не только на основании политических установок и духа времени, но и в соответствии с реальными временными горизонтами природных процессов.

²¹⁴ Заседание Совета безопасности, посвящённое обеспечению национальной безопасности в сфере охраны окружающей среды и природопользования // kremlin.ru/events/president/news/19655.

²¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // www.kremlin.ru/acts/bank/41879.

*Российский Север:
инициативы Северного социально-экологического конгресса*²¹⁶

Творческий коллектив, составлявший ядро Общенационального экологического форума и входивший в состав инициаторов и разработчиков Экологической доктрины Российской Федерации, в последующие годы стал организатором международного Северного социально-экологического конгресса, который ежегодно проходит в Москве, в северных регионах страны России и за ее рубежами. С момента своего основания в 2005 г. конгресс стал знаковым событием в научной жизни страны. С поддержкой конгресса и обращениями к его участникам неоднократно выступал Президент России В.В. Путин. В настоящее время создана целая библиотека научных изданий Конгресса по широкому кругу проблем, связанных с освоением северных территорий и Арктики. Организаторы конгресса отработывают и совершенствуют на основе единой методологии механизмы мониторинга и интеграции исследовательских программ и инновационных инфраструктурных проектов, осуществляемых в северных регионах России и других приарктических стран. Такой подход содействует расширению форм сотрудничества российских ученых, представляющих академическую, вузовскую и отраслевую науку, с ведущими международными научными организациями и центрами, имеющими отношение к северной проблематике.

Международный Северный социально-экологический конгресс стал не только форумом для ежегодных встреч ведущих учёных мира, политиков и представителей бизнеса, деятельность которых имеет отношение к северной проблематике, но и перспективным научным центром. Основная цель научной работы конгресса — содействие в разработке и реализации долгосрочной стратегии устойчивого развития северных регионов и Арктики с учётом их природной и этнокультурной специфики, ресурсного и интеллек-

²¹⁶ Обзор основных итогов работы Северного социально-экологического конгресса см. в монографии: Северология: проблемное поле, методология и социально-экономические основы долгосрочного планирования / Под общ. редакцией академика В.А. Черешнева. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2016.

туального потенциала. Основной инструментарий достижения цели — мониторинг и социально-экологическая экспертиза научных программ и инновационных проектов, связанных с освоением северных и приарктических территорий, поддержка наиболее значимых региональных и международных инициатив, а также системное научное и информационно-аналитическое обеспечение стратегических разработок.

В числе постоянных организаторов и участников конгресса, наряду с Российской академией наук, МГУ им. М.В. Ломоносова и другими научными и вузовскими центрами, Администрация Президента России и Правительство Российской Федерации, Совет Федерации и Государственная Дума, Общественная палата и Торгово-промышленная палата Российской Федерации. В подготовке форумов деятельное участие принимают отечественные и зарубежные неправительственные организации социальной и экологической направленности.

В сферу деятельности конгресса входит участие в разработке и осуществлении региональных и межрегиональных программ и проектов долгосрочного развития северных регионов-ресурсодержателей. При этом в центре внимания находятся социальные, этнокультурные, экологические и медицинские проблемы, решение которых непосредственно связано с качеством жизни северян, защитой культурного и природного наследия народов Севера.

Главная особенность Северного социально-экологического конгресса — широкая социальная платформа и активное участие в его работе компетентного гражданского общества, наиболее компетентную часть которого составляет научная среда, полноценно представленная и в самих северных регионах России. Впервые в отечественной практике в рамках конгресса почти ежегодно организовывалось до 50 престижных научно-практических конференций, в том числе общероссийских и международных, а также специализированные выставки и молодёжные форумы, выездные заседания РАН и ведущих научно-аналитических центров.

В концепции Северного социально-экологического конгресса внимание акцентируется на уникальном историческом опыте мирного и взаимопольного сосуществования двух мощных этниче-

ских пластов: славянского и угро-финского, — что представляет исключительный интерес в контексте долгосрочных взаимоотношений России и Евросоюза, где происходит культурная и политическая интеграция аналогичных «этносегментов», исторически связанных со становлением российской цивилизации. Но если в России славянское и угро-финское население составили в течение столетий совместного политического развития единое и гармоничное единство, не нарушающее целостности гражданского и культурного пространства России, то Евросоюзу придётся пройти длительный путь, чтобы наметить пути к подобному сближению.

При этом организация конгресса не дублирует, но существенно расширяет тематику других международных форумов. Данная позиция была одобрена девятым Петербургским экономическим форумом, среди важнейших тем которого была выработка ориентиров северной стратегии и обсуждение перспектив международного сотрудничества в деле сохранения окружающей природной среды Арктики.

Конгресс с момента своего образования стал центром консолидации научных и общественных сил северных территорий, что позволяет решить целый спектр сугубо практических задач по оптимизации управления в ряде субъектов Российской Федерации. Конгресс призван определить подходы к развитию научно-образовательной инфраструктуры, отвечающей духу времени и позволяющей синхронизировать деятельность ведущих научных и вузовских центров Севера с учетом его специфики.

Формат конгресса предполагает постоянное и поэтапное усиление международной компоненты и повышение уровня политического представительства. Конгресс призван, во-первых, обеспечить сотрудничество между научным сообществом и политической элитой при выборе форм стратегического планирования, минимизируя уровень социальных и экологических рисков, устраняя их превращение в риски политические, а во-вторых, открывать новые перспективы международного сотрудничества России, чему способствуют совместные программы конгресса.

Постоянным предметом обсуждения на конгрессе является особая роль северных территорий России в решении ряда гло-

бальных проблем, большинство из которых имеет чётко выраженное локальное цивилизационное и социально-экологическое измерение. При этом тематика конгресса позволяет направить исследования и разработки в области региональной политики в русло современной методологии территориального стратегического планирования, учитывающей не только ресурсно-экономический потенциал и степень развитости соответствующей производственно-социальной инфраструктуры, но также природную и этнокультурную специфику регионов.

Деятельность конгресса призвана сблизить позиции приарктических стран в оценке угроз, связанных с обострением борьбы за передел ресурсов и зон влияния, а также с разжиганием межкультурных и межцивилизационных конфликтов. Одно из направлений деятельности конгресса — выработка стратегий и поиск решений в сфере социальной и экологической политики, приемлемых для всех участников международного процесса. Важным результатом деятельности конгресса может стать и снятие искусственных напряжений, вызванных деятельностью по дестабилизации этнокультурного пространства Российского Севера. Этот факт учитывался при определении тематической направленности конгресса.

Тематика работы конгресса ежегодно обновляется при сохранении общей методологической направленности. Четыре первых конгресса состоялись в г. Сыктывкаре при организационной поддержке Правительства Республики Коми.

На Первом конгрессе 2005 г. «Культурная и природная палитра Российского Севера» в центре внимания были проблемы системного изучения и защиты природного и культурного наследия России и народов Севера. Заседания в рамках конгресса были посвящены организационным вопросам и методологическим ориентирам работы, координации планов с программами НИОКР региональных отделений РАН и ведущих вузов, установлению связей с ведущими вузовскими и научными центрами северных стран, особенностям природного и культурного синтеза в условиях Российского Севера, перспективам реализации Экологической доктрины России. Тематика Второго конгресса 2006 г. — «Горизонты экономического и культурного развития». Одна из центральных проблем — потенци-

ал международного сотрудничества с учетом финно-угорского измерения российской политики.

На площадках Третьего конгресса 2007 г. «Социальные перспективы и экологическая безопасность» предметом широкого обсуждения стали итоги осуществления Системного экологического мониторинга — сложной междисциплинарной многолетней программы, проводимой организаторами и участниками конгресса в ряде северных регионов России. СЭМ — комплексный (космический, геофизический, метеорологический, гидрологический, социальный, медицинский и т.д.) мониторинг был направлен на установление причинно-следственных связей между внешними воздействиями, здоровьем и качеством жизни людей, на прогнозирование неблагоприятных явлений и процессов, на предупреждение, минимизацию или ликвидацию негативных природных и техногенных воздействий. Итогом СЭМ было присуждение Премии Правительства 2006 года. Среди других тем конгресса — мониторинг ряда экономических проектов и разработок с учётом экологических и социальных последствий и обсуждение проектов, осуществляемых конгрессом в рамках подготовки «Международного года Арктики» (эта тема и стала ключевой при подготовке следующего, четвёртого, конгресса).

Знаковым событием стал четвёртый конгресс 2008 г. «Северное измерение глобальных проблем: первые итоги Международного полярного года». Основное событие — проведение на базе конгресса центрального ежегодного мероприятия Международного арктического научного комитета (IASC) — Недели арктической науки (Arctic Science Summit Week). На площадках конгресса были организованы заседание Тихоокеанской арктической группы (PAG), работа Исполнительной сессии Европейского полярного совета (EPG), а также международная дискуссия на тему: «Глобальные проблемы в современной науке и политике: уроки Арктики и климатические изменения».

Открытие Пятого конгресса 2009 г. состоялось в Норвегии, в Университете Тромсё. Тема заседания: «Северное измерение России: наука, инновации, международное сотрудничество». Основные пленарные заседания и конференции были продолжены в

Москве (итоговое заседание в Колонном зале, проведение выставки северных регионов), а также в Сыктывкаре, где была проведена серия конференций (январь-март). Только в России в рамках пятого конгресса было организовано 5 международных научно-практических конференций в профильных министерствах, ведущих вузах страны, а также проведено 14 крупных секций. Заседания проходили на площадках Российской академии наук, МГУ имени М.В. Ломоносова (философский факультет), МЧС, МГИМО(У) МИД РФ, РАГС, в других вузовских центрах. Завершился конгресс пленарным заседанием в Колонном зале Дома советов. По результатам международных конференций, прошедших в рамках конгресса, опубликовано 7 книг (всего с момента организации конгресса увидело свет свыше 100 книг и сборников материалов). Межрегиональная выставка, которая была открыта в Доме советов, включала в себя экспозиции Архангельской области и Красноярского края, Республики Коми (природно-ресурсный потенциал; лесопромышленный комплекс; инновационный потенциал; ОАО «Белкомур»; ОАО «Ярега-Руда»; ОАО «Монди Сыктывкарский ЛПК» и др.), а также экспозицию проектов, связанных с разработкой системы мониторинга состояния окружающей среды в условиях развития северных территорий России (Сибирский федеральный университет).

Шестой конгресс состоялся в МГУ имени М.В. Ломоносова (2010 г.) и включал себя серию международных конференций, в том числе: «Экологическая безопасность и этнокультурная политика приарктических стран»; «Цивилизационное развитие северных регионов: ресурсный и научно-технологический потенциал» (эта тема разрабатывается конгрессом совместно с Научным центром РАН по изучению и охране культурного и природного наследия); «Этнокультурное и социальное измерение северной стратегии России: исторический опыт, международные связи, новые возможности», «Особо ценные природные и историко-культурные северные территории».

Седьмой конгресс (Москва и Архангельск, 2011 г.) был посвящён 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Основная тема: «Приращение богатств России и качество жизни северян».

Этапы работы: Заседания в Государственной Думе и Совете Федерации; Пленарное заседание в Северном государственном медицинском университете. Важнейшая из проблем, ставшая предметом дискуссий, — «Основы современной северологии: междисциплинарный подход к научно-аналитическому обеспечению внутренней и внешней политики России». Ряд новых направлений были намечены в рамках Научно-практической конференции с международным участием, прошедшей в рамках конгресса: «Циркумплярная медицина: влияние факторов окружающей среды на формирование здоровья человека».

Восьмой конгресс 2012 г. состоялся в городе Якутске, Республика Саха (Якутия). Тема: «Сбережение народов и природосбережение — императивы устойчивого развития Российского Севера». По итогам конгресса предложен пакет рекомендаций главам (губернаторам) регионов Севера. Среди основных направлений: «Человеческий капитал и природосбережение — императивы устойчивого развития регионов Севера»; «Ресурсы Арктики и северных территорий России»; «Перспективы социально-экономического развития»; «Роль мирового научного сообщества в оптимизации долгосрочной стратегии освоения Арктики». В центре внимания была методология работы над Северной стратегией.

Девятый конгресс 2013 г. в Архангельске был посвящен теме: «Российский Север: перспективы, долгосрочные прогнозы, управление рисками». В дни конгресса были проведены: итоговая конференция по проекту «Изменение климата и управление водными ресурсами — общие задачи, общие решения» с выделенной секцией «Северные реки: современное состояние водных ресурсов бассейнов северных рек»; конференция «Актуальные вопросы жизнедеятельности в экстремальных условиях», посвящённая 10-летию НИИ арктической медицины Северного государственного медицинского университета. Сквозная проблема конгресса — «Способы оценки системных рисков, связанных с освоением северных регионов и Арктики». Основной приоритет — переход к методологии управления рисками в процессе построения средние и долгосрочных (в том числе сценарных) планов и прогнозов, которые составляют важнейшее звено стратегического планирова-

ния — отраслевого и межотраслевого, регионального, межрегионального и субрегионального.

Главными событиями Десятого конгресса (Архангельск, 2014 г.) стали Научно-практическая конференция «Северные регионы: социальная перспектива, безопасное развитие, инфраструктурные проекты» и Всероссийская конференция с международным участием «Состояние арктических морей и территорий в условиях изменения климата», а также тематическая секция «Обеспечение экологической безопасности при реабилитации радиоактивно загрязнённых территорий и акваторий Арктического региона».

Одиннадцатый конгресс 2015 г. открылся в Москве. Общая тема: «Северные территории России: междисциплинарные основы стратегического прогнозирования и научно-аналитическое обеспечение региональной экологической и социальной политики». В рамках конгресса состоялись расширенное и итоговое заседания Оргкомитета (в Государственной Думе ФС РФ и на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова), два пленарных заседания, круглый стол и молодёжный семинар (в Государственной Думе и в МГУ), а также обучающий семинар для работников медицинских учреждений территорий расположения филиалов ОАО «Концерн Росэнергоатом».

Участники конгресса сделали предметом детального обсуждения проблемы, связанные с методологией управления рисками при реализации системных проектов в Арктической зоне как территории устойчивого развития, что позволяет по-новому определить стратегические цели освоения северных регионов. Предметом обсуждения стали и военные аспекты стратегического прогнозирования в зонах повышенного риска. Одно из важнейших направлений работы конгресса — синтез культурного и природного в цивилизационном наследовании с учётом особенностей народов Российского Севера. С этой темой тесно связана и проблематика становления профессиональных элит в контексте развития научно-образовательной инфраструктуры северных территорий России. В процессе обсуждения было отмечено, что Северный социально-экологический конгресс расширил область международного сотрудничества с учётом новых возможностей, открывшихся благодаря постоянному Российско-

французскому семинару с участием ведущих ученых России и Франции, который в течение 2015 года провел около 10 совместных заседаний при участии членов Оргкомитета конгресса.

XII Северный социально-экологический конгресс (2016 г.) был организован при участии неправительственного Экологического фонда имени В.И. Вернадского совместно с Уральским отделением Российской академии наук по теме «Наследие Российского Севера и Арктики: биологическое многообразие и человеческий потенциал в контексте устойчивого развития». В рамках программы конгресса прошла международная конференция «Микробное разнообразие: ресурсный потенциал» (ICOMID). Конгресс собрал участников не только российских, но и зарубежных научных школ из Бельгии, Австралии, Франции, Италии, Латвии, Польши, Великобритании, Армении и других стран.

Говоря о методологических принципах, на которых строится работа конгресса, следует обратить внимание, прежде всего, на взаимосвязь *междисциплинарного и межсредового подходов* к изучению перспектив развития северных территорий и Арктики. Если первый имеет отношение к интеграции исследовательских программ и соответствующей координации научных сообществ, работающих в общем предметном поле, то второй подход требует также и совершенствования методов управления отраслями государственной политики. В данном случае имеется в виду развитие межотраслевых связей и становление, институционализация трансотраслевых механизмов управления, обеспечивающих саму возможность долгосрочного и дальнесрочного планирования с перспективой воссоздания аналога Госплана (система предложений, которые в настоящее время широко обсуждаются в России по инициативе Президента). Очевидно, что многоуровневая методология такого типа нуждается в обращении к цивилизационной теории, что существенно расширяет временные рамки планирования и прогнозирования, а также в критическом анализе различных парадигм, без чего невозможно интегрировать исследовательские программы из совершенно разных областей науки.

Именно по этой причине организаторы Северного социально-экологического конгресса согласуют свою работу с Научным сове-

том РАН по изучению и охране природного и культурного наследия (председатель совета — академик Е.П. Челышев). В рамках этого совета при организационном участии Экспертного центра ВРНС инициирована и осуществляется чрезвычайно перспективная программа «Цивилизационный путь России», где во главу угла поставлено *междисциплинарное исследование культурно-природного синтеза*, лежащего в основе развития локальных цивилизаций, и чётко сформулированы методологические принципы, разделяемые организаторами и участниками Северного конгресса. Среди этих принципов особое место занимает *принцип единства культурных и природных факторов в процессе становления мировых цивилизаций* (культурно-исторических типов). Этот принцип важен не только для понимания специфики цивилизационного пути России как страны-цивилизации, её всемирного значения и отношения с другими цивилизационными мирами, но и для исследования цивилизационной уникальности северных территории России и других приарктических стран.

2.8. Путь от утопии к стратегии: концепция устойчивого развития и принцип экологического императива

Д.С. Лихачёв отмечал, что для него работа по сохранению цивилизационного наследия России начинается с вечного вопроса: «А не утопия ли это — сохранить жизнь на планете?» И вопрос этот представлялся ему вовсе не риторическим, а остроактуальным, требующим немедленных действий — и от отдельного человека, и от всего социума, — ибо для подавляющего большинства людей совершенно очевидно, что без борьбы за общее будущее оно действительно останется утопией. Отсюда — уверенность в силе общественного мнения, которое способно эффективно воздействовать на правительства разных стран: «Человек в ответе не только

за собственное выживание. Ведь вопрос стоит о спасении всего многообразия жизни, которая и есть высшая ценность. Но единственное живое существо на земном шаре, наделённое даром слова, — Человек. Он, обладающий речью и сознанием, — единственная надежда всей жизни на Земле»²¹⁷.

Трудно сберечь наследие прошлого, но ещё труднее сберечь будущее, которое мы можем потерять из-за воистину запредельных рисков, с которыми связано превращение техногенной цивилизации в моноцивилизацию. В результате этой незаметной эволюции из нашего бытия исключается сама возможность сохранения культурного и языкового разнообразия мира, а также выносятся приговор всему биоразнообразию планеты. Постановка этой проблемы воспринимается многими людьми, в том числе и учёными, всего лишь как алармистский приём для получения инвестиций в исследования. В лучшем случае, сама постановка такого вопроса рассматривается как заведомо пессимистический, но маловероятный прогноз, который допускается чисто теоретически «для полноты картины», хотя в действительности масштабы надвигающейся катастрофы не вызывают сомнений, а дефицит времени, необходимого для выработки коллективной стратегии, способной минимизировать риски, с каждым годом становится всё острее.

Почему это происходит? Одной из главных причин является вполне объяснимая ограниченность позиции исследователей, не выходящих, как правило, за узкодисциплинарные рамки, не говоря уж о барьерах между гуманитарной и естественнонаучной областями знания. Их преодоление по силам очень немногим представителям научного сообщества с поистине энциклопедическим кругозором и «громкими именами» в мировой науке, свидетельствующими о том, что за их энциклопедизмом стоит качественно новое знание, а не обычный дилетантизм. Дилетантизм опасен не только потому, что дилетанты распространяют ложные знания, но также потому, что они девальвируют и те очевидные истины, которые зачастую вплетены в недостоверные обоснования и потому воспринимаются как лжеучения.

²¹⁷ Лихачёв Д.С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 22.

К счастью, иногда и среди гуманитариев, и среди естествоиспытателей встречаются мыслители такого масштаба, который позволяет им быть подлинными учителями и пророками даже «в своем отечестве». Назовём только два имени всемирно известных отечественных ученых, которые полностью соответствуют роли пророков от науки: это Д.С. Лихачёв, который вывел свои исследования на уровень понимания «экологии культуры», и Н.Н. Моисеев с его всемирно известным обоснованием гипотезы о «ядерной зиме». Их сближает и то обстоятельство, что их видение проблемы оказало заметное позитивное влияние на общую политическую культуру и на вектор поиска приемлемых стратегий международного сотрудничества. С их уходом стало ощутимым, что степень риска существенно возрастает, когда явно недостает столь же весомых авторитетов в научном мире, способных повлиять и на массовое сознание, и на выбор политического курса.

Д.С. Лихачёв, говоря о будущем цивилизации, прямо указывал на главного «убийцу будущего», в роли которого выступает, как это ни парадоксально, популярная и плодovitая идея прогресса в её самом примитивном (а потому и самом популярном) толковании: «Идея прогресса сопутствует истории человечества в её обозримом участке (не таком большом). С конца XVIII века она имеет определяющее значение в большинстве исторических учений. В своих примитивных формах она рассматривает прошлое и настоящее как жертву, приносимую во имя будущего. Но получилось так, что в реальной жизни она начала жертвовать будущим во имя короткого настоящего»²¹⁸.

Н.Н. Моисеев пришёл к аналогичному выводу, хотя вся его научная работа основывалась на совершенно иной картине мира, включавшей идею технического и технологического прогресса, поскольку в его творчестве явно доминировало проектное мышление. Но новая идея в его сознании почти всегда вырастала до масштабов большой стратегии, зачастую глобальной, с характерными для синтеза стратегий междисциплинарными проникновениями и философскими обобщениями. Он не боялся больших го-

²¹⁸ Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000. С. 347.

ризонтов, когда идея выростала до воистину космических масштабов. Поэтому, наверное, ему близка была теория ноосферы, согласно которой человечество вступает в эпоху всемогущества человеческого разума, обретающего способность самому создавать предпосылки, необходимые для обеспечения коэволюции природы и общества, без чего невозможно не только поступательное развитие, но и сохранение жизни.

Идея ноосферы по-разному преломлялась в трудах многих мыслителей — и богословов, и естествоиспытателей, и гуманистов. Многие современные авторы, изучающие наследие Лихачёва, относят его взгляды к разряду модификаций ноосферного учения, хотя это не совсем так, поскольку нет и никогда не было единой доктрины, а существуют совершенно различные, хотя и родственные, концепции. Вместе с тем, сам Лихачёв, как известно, связывал свою теорию концептосферы с теорией В.И. Вернадского, а термин «концептосфера» был им введён по аналогии с такими концептами, как ноосфера и биосфера. Всемирно известным концепт ноосферы стал благодаря откровенно утопическому и, как подчёркивал Моисеев, сугубо иллюзорному учению Тейяра де Шардена о слиянии наций в единое целое, что автор этой концепции считал предзнаменованием «слияния человечества с Природой и Богом», а следовательно, и утверждением ноосферы как финала эволюции и истории.

Совершенно иным содержанием этот же термин наполнил В.И. Вернадский, который ещё в начале века (в 1904 году) с трибуны Московского университета говорил о том, что человек превратился в основную геологообразующую силу планеты. А несколько позднее он утверждал, что человеку придётся взять всю полноту ответственности не только за судьбы общества, но и биосферы в целом.

Моисеев, который специально останавливался на этой тематике, рассматривал подобные учения о ноосфере как великие утопии, во многом разнонаправленные и конкурирующие («финалистские», «алармистские» и «мотивационные»), в которых, тем не менее, содержится зерно истины — признание прав и ответственности Коллективного Интеллекта. Для Моисеева сама идея

ноосферы была в высшей степени продуктивной, поскольку содержала в себе высший императив, который должно принять человечество только по одной причине — в силу его безальтернативности, в целях самосохранения перед лицом неизбежной катастрофы.

Для прояснения своей позиции он ввёл в научный оборот понятие *экологического императива* как основного гаранта возможности развития без глобальной катастрофы, вероятность которой должна быть сведена к минимуму. Основная трудность современности, по его мнению, в том и заключается, что признание экологического императива в научном и, что не менее важно, в политическом сообществе — это всего лишь маленький шаг на пути к тому, чтобы императив стал действительно абсолютным императивом — безусловным руководством к действию. А для этого потребуется создание новых, по сути, организационных структур в мировом масштабе.

Надо ли говорить, как далека эта идея до воплощения в наше время? По этой причине она нами и воспринимается как абсолютная утопия. Но всё дело в том, что у этой утопии нет альтернатив. Вопрос заключается, по словам Моисеева, лишь в том, произойдёт ли переворот в организации общества стихийно, «когда переход будет связан с уничтожением значительнейшей части человечества (а может быть, и его полной гибелью) или с реализацией некой оптимальной СТРАТЕГИИ перехода, разработанной Коллективным Интеллектом»²¹⁹. При этом под Коллективным Интеллектом Моисеев понимал общие знания и возможности владения технологией передачи, накопления и использования информации — всю эту информационную систему, включая технологию принятия решений, которая может возникать только на основе общего понимания цели. По его мнению, «становление Коллективного Интеллекта — это такой же естественный процесс, как и развитие мозга и индивидуального интеллекта»²²⁰.

Развивая мысль Моисеева, можно сказать, что первым шагом на пути превращения утопии в стратегию и может служить кон-

²¹⁹ Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. М.: МНЭПУ, 1997.

²²⁰ Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. М.: МНЭПУ, 1997. С. 136.

цепция устойчивого развития. Такая мировоззренческая установка предопределила широту научных интересов Моисеева. Его наследие до сих пор в равной степени интересно и математикам, и экологам, и представителям технических наук, и философам. Останемся только на одной грани его творческого наследия — на его понимании всемирно распространённой концепции устойчивого развития, которую многие воспринимают как чистую утопию, а другие — как единственно верную стратегию. Но для того чтобы подойти к этой проблеме, потребуется более чётко объяснить отношение Моисеева к утопиям и стратегиям, а точнее, к тому, что по традиции мы относим *либо к утопиям, либо к стратегиям*. Обычно мы не находим никакой связи между этими категориями из совершенно разных, на первый взгляд, миров — мира иллюзорного и мира реального. Но когда речь заходит о проектном мышлении и о научном обеспечении действительно больших и социально значимых междисциплинарных проектов, то всё изменяется самым кардинальным образом. И здесь, кстати, мы также видим схожесть его позиций с позицией Лихачёва (смотри эпиграф).

Во-первых, именно смелые идеи, которые воспринимаются даже в научном сообществе как чистые утопии, особенно если они посягают на базовые парадигмы и традиционное видение, часто оказываются наиболее продуктивными при выборе стратегий.

Во-вторых, никому не дано знать, какой из масштабных проектов, претендующих на то, чтобы изменить мир, является утопией, а какой несёт в себе реальную стратегию: слишком велико число факторов — и субъективных, и объективных, из которых складывается в конечном итоге успех или поражение.

В-третьих, даже реализованный проект не является доказательством того, что он не утопичен в прямом, исходном значении этого слова, фиксирующем внимание на *небытии* (утопия — место, которого нет). Примером может служить великий и явно небезуспешный проект строительства общества без эксплуатации и эксплуататоров в отдельно взятой стране, который состоялся наперекор всему и позволил в кратчайшие сроки возродить государство из руин и переломить хребет нацистской утопии. Характерно, что первыми увидели в этом социальном эксперименте

только опасный утопизм именно те, кто ещё недавно доказывал, что у коммунистического глобального проекта нет и не может быть альтернатив... В конечном итоге, даже демонтаж первого социалистического государства, который вполне укладывается в логику утопичности глобалистских целей этого проекта, сохранявшихся на всех стадиях его постоянной модернизации, ещё не означает утопичности самой идеи социалистического эксперимента — с плановым хозяйством и доминирующими формами общественной собственности.

В-четвёртых, весьма поучительной для понимания логики превращения утопии в реальность может быть реализация такого геополитического проекта, каким был, по сути, проект Евросоюза. Его «генеральный конструктор» граф Р. Куденхове-Калерги, который начал этот проект в 20-х годах прошлого века, когда все считали его абсолютной утопией, уже тогда сформулировал принцип превращения утопии в стратегию. Он вполне обоснованно считал, что на идею пан-Европы неизбежно обрушатся упреки в утопичности, хотя создание пан-Европы не противоречит, по его словам, ни одному из законов природы. Напротив, «пан-Европа отвечает интересам преобладающего большинства европейцев, а ущерб наносится интересам незначительного меньшинства. Это небольшое, но очень сильное меньшинство, которое сегодня вершит судьбы Европы, захочет приклеить идее пан-Европы ярлык утопии. На это можно возразить, что каждое великое историческое событие начиналось как утопия, а заканчивалось как реальность».

В качестве примера Куденхове-Калерги приводит тот факт, что власть коммунистов в России казалась всем утопией — вплоть до того момента, когда их победа стала реальностью. И на этом основании он делает вывод об обратной зависимости между способностью к фантазии у политиков и их способностью к планированию. Чем ограниченной мир фантазии, тем шире кажется мир утопии и уже границы возможного: «У мировой истории больше фантазии, чем у её марионеток, — продолжает Куденхове-Калерги, — она представляет собой цепь чередующихся неожиданных событий и осуществлённых утопий. Останется ли идея утопией или станет реальностью — зависит, как правило, от количества её привер-

женцев и их энергии. Пока в идею пан-Европы верят тысячи людей — это утопия, как только в неё поверят миллионы — она станет политической программой, и только когда в неё поверят сто миллионов — она станет реальностью»²²¹.

Но вернемся к теории Моисеева и его не менее парадоксальному видению этой проблемы, хотя во многом более взвешенному, учитывающему тот факт, что и *успешно осуществлённый проект может оставаться утопией*. На множестве примеров он показал, как утопия превращается в стратегию, а стратегия в утопию. Причём и этот процесс нельзя считать однонаправленным. По его мнению, «любая активность человека, особенно в интеллектуальной сфере, всегда начинается с утопий». Причём эту закономерность проектного мышления он относил, прежде всего, к себе. В книге «Судьба цивилизации. Путь Разума» он говорит о своих проектах как об утопиях, но особого рода, выделяя среди всех типов утопий «*конструктивные утопии*», опирающиеся не на логику теоретика, а на логику Природы.

По мысли Моисеева, его собственная теория — это такая же утопия, но относящаяся к разряду *конструктивных утопий*. Её принципиальное отличие состоит в том, что при её описании он не пытался говорить о том, как должен быть устроен будущий мир, а лишь о том, *чего нельзя делать и без чего нельзя обойтись*. При этом она будет опираться на систему эмпирических обобщений или логических следствий всей той схемы мирового эволюционного процесса, фрагменты которого и составляют историю человечества²²².

Моисеев считал, что любые далёкие прогнозы и любые схемы построения общества будущего всегда будут несостоятельны и в этом смысле утопичны, поскольку сама жизнь распорядится, как должен быть устроен мир в следующих столетиях. «И всё же, — подчеркивал он, — такие утопии людям необходимы — это своеобразный катализатор для человеческой мысли и активности. По мере роста могущества цивилизации и роли разума в судьбах человечества необходимость прогностических схем, всё более и бо-

²²¹ Куденхове-Калерги Р.Н. Пан-Европа. М.: Вита Планетаре, 2006. С. 13.

²²² Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: МНЭПУ, 1998. С. 90.

лее использующих данные науки, будет расти — они способны предвидеть опасности»²²³.

А теперь вернёмся к вопросу о том, как Моисеев относился к концепции и, соответственно, к стратегии устойчивого развития. В одной из своих работ, посвящённых этой теме, он писал: «Я не стремлюсь искать замену термину «sustainable development» или предлагать другой перевод, который заменил бы явно неудачное «устойчивое развитие». Об этой банальной трактовке следует просто забыть. Но считаю совершенно необходимым придать термину иной смысл: устойчивое развитие — это реализация стратегии человека. Человечество в целом и каждая страна в отдельности будут встречать и преодолевать многочисленные кризисы, взлёты и падения. Это путь непрерывных поисков, а не устойчивое развитие. И чем научнее выверена стратегия, тем безболезненнее кризисы»²²⁴.

В этом рассуждении недостаёт, по нашему мнению, только одного звена. Сегодня отсутствует даже рабочая классификация многообразных феноменов совершенно разного генезиса из научной, политической и медийной сфер жизни, которые подводятся под модное понятие «концепция устойчивого развития». Нам действительно мешает такое размытое понимание термина, ведущее, по сути, к его обесцениванию, детерминализации. Причина сводится к одной методологической ошибке, из-за которой нередко существенно преувеличивается та роль, которую играет научное сообщество в формировании концепции устойчивого развития. В действительности эта концепция принимается на совершенно иных принципах, чем научные теории. Их принимают не учёные, а политики на основании соответствующих процедур. На отдельных этапах действительно привлекается экспертное сообщество, где наряду с экспертами «первого уровня» — специалистами, дающими заключения, например, о правовом соответствии разрабатываемых документов нормам действующего национального законодательства и международного права, о возможности их ресурсного и

²²³ Моисеев Н.Н. Избранные труды: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 143.

²²⁴ Моисеев Н.Н. Избранные труды: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 143.

финансового обеспечения и т.п. — также участвуют представители науки, общественности, деятели культуры...

Но на важнейших стадиях принятия решения они, как правило, участия не принимают. А политики, как известно, руководствуются иными соображениями, продиктованными национальными, корпоративными, лоббистскими и иными интересами, не имеющими никакого отношения к науке, а также чувством партийной или групповой солидарности и, наконец, укреплением собственной «устойчивости» в системе. При этом ради согласования разнонаправленных интересов участникам процесса иногда приходится жертвовать даже логикой и системой теоретических обоснований. Этот факт, собственно, и вызывает возмущение в рядах учёных, которые отчётливо видят дефекты в обосновании и логике, а потому норовят «исправить концепцию», предлагая свои варианты и искренне удивляясь, что их не слышат.

Эта парадоксальная ситуация приводила Моисеева к радикальному выводу о том, что «концепция устойчивого развития — одно из опаснейших заблуждений современности, особенно в том виде, как она интерпретируется политиками и экономистами». Причина чрезвычайного риска заключена в примитивизме политической и экономической интерпретаций, в уповании на технократические способы решения глобальных проблем. В действительности человечеству ещё придётся пройти долгий и тернистый путь, наполненный трагедиями планетарного масштаба. Но «к этому общество должно быть готово, и мы не имеем права заменять реальность упрощёнными и опасными иллюзиями. Этот путь будет совсем не похож на устойчивое развитие»²²⁵.

Не собираясь пересказывать длинную историю становления концепции устойчивого развития на политической ниве и в сфере науки, напомним только основные вехи её развития. Среди организаторов политических дискуссий на международных площадках выделялся Всемирный союз охраны природы, предложивший в 1980 г. совместно с другими международными организациями «Всемирную стратегию охраны (консервации) природы», где и

²²⁵ Моисеев Н.Н. Избранные труды: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 83.

был выделен этот концепт. Поэтому не удивительно, что с самого начала в этой концепции рассматривались *три основных измерения мирового развития: экологическое, экономическое и социальное*, причём во главу угла ставилась экологическая проблематика.

Через эту призму рассматривались все основные глобальные проблемы, которые были и остаются содержанием политического дискурса. Среди них ограничение роста населения и бедности, поддержание качества жизни и защита глобальных экосистем, а также сбережение стратегических природных ресурсов и минимизация последствий загрязнения окружающей среды, которые приобретают угрожающий характер на фоне глобализации и экономического роста. Значительной вехой в развитии политической концепции устойчивого развития и усиления «экономической доминанты» стал Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», в котором понятие устойчивости употреблялось уже как синоним понятия устойчивого экономического роста, поскольку именно такой рост позволит решить проблемы бедности и загрязнения окружающей среды.

Как видим, с самого начала концепция устойчивого развития приобрела отчётливо выраженный характер поиска компромисса между ведущими странами мира, что привело к тому, что едва ли не каждая из них обзавелась собственной стратегией и программой устойчивого развития. Соответственно, на второй план ушел вопрос о том, можно ли какую-либо научную теорию выделить как основу стратегии устойчивого развития.

Сделаем промежуточные выводы из сказанного.

Во-первых, в основе концепции устойчивого развития, если, конечно, предельно схематично её рассматривать, заложен *принцип равенства трёх измерений* — экономического, социального и экологического. В этом случае мы имеем дело не с очередной глобальной утопией, а всего лишь с технологией управления глобальными рисками, которая может быть более или менее эффективной, а также с довольно развитой системой рейтинговой оценки достижений различных стран с позиций устойчивого развития.

Во-вторых, если ценность научной теории и исследовательской программы предопределена, прежде всего, её эвристическим и

эпистемологическим потенциалом, то у политической концепции, доктрины и стратегии совершенно иное назначение. Здесь всё определяется её способностью или неспособностью оптимизировать достижение политических целей и регламентировать поведение акторов политики на всех «ветвях» и «этажах» власти. А архитектоника политики достаточно сложна, и на каждом «этаже» и уровне власти концепция устойчивого развития по-разному функционирует и осмысливается.

Наметившийся в последнее время заметный поворот российской политики в сторону экологии, который произошёл во многом под влиянием крупнейших учёных, и следование экологическому императиву в политике для многих оказались неожиданным. А именно о таком повороте свидетельствует возвращение к Экологической доктрине Российской Федерации. Не останавливаясь подробно на истории создания Доктрины и на пути, который прошёл проект с момента зарождения идеи до стадии официального принятия документа Правительством РФ, отметим только важный для нашего понимания аспект темы: в основе Экологической доктрины лежит концепция устойчивого развития, закреплённая в соответствующих международных соглашениях и хартиях. Если открыть Доктрину, то уже в преамбуле говорится об этом.

Примечательно, что и здесь мы соприкасаемся с наследием Лихачёва и Моисеева, которые рассматривали и принцип Экологического императива, и концепцию устойчивого развития в рамках цивилизационного подхода. Под цивилизацией Моисеев понимал «некоторую общность людей, характеризуемую определённым набором ценностей (в том числе и технологиями, и навыками), системой общих запретов, похожестью (но не тождественностью) духовных миров и т.д.». Вместе с тем, он тонко чувствовал различия, существующие между различными концептуальными схемами, на основании которых мы отличаем моноцивилизационные теории, основанные на унификации мирового процесса, от теорий, описывающих локальные цивилизации. По словам Моисеева, «любому эволюционному процессу, в том числе и развитию цивилизации, сопутствует и рост разнообразия форм организации жизни, в том числе и «цивилизационных разнообразий» — цивилиза-

ция никогда не была и не будет единой, несмотря на объединяющую человечество технологическую общность»²²⁶.

В этом отношении особый интерес представляет его критика теории С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, где делается вывод о роли границ цивилизационных разломов в современной истории. Однако аргументация Хантингтона не представляется Моисееву достаточно убедительной, поскольку причины неизбежного столкновения цивилизаций лежат в гораздо более глубоких горизонтах, чем это представляется автору: «Одной из важнейших причин современных цивилизационных противостояний являются процессы модернизации и создание и распространение некоторых общепланетарных стандартов, отвечающих потребностям возникающей технологической основы цивилизации. Но постепенно эти противостояния перейдут в сферу экологии»²²⁷.

²²⁶ Моисеев Н.Н. Избранные труды: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 92.

²²⁷ Моисеев Н.Н. Избранные труды: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 90.

ГЛАВА 3

Русский язык и цивилизационный путь России в истории и современности

3.1. Русский язык в становлении российской цивилизации

Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и бережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью.

А.И. Куприн

Роль языка в становлении российской цивилизации как культурной общности менталитета, чувств, волевого настроения народов, населяющих Россию, колоссальна. Эта роль раскрывается как при обращении к выразительным высказываниям о языке русских писателей-классиков, так и при знакомстве с обобщающими, внутренне мобилизующими суждениями отечественных филологов. Суждения первых у всех на слуху, включая известное стихотворение И.С. Тургенева о «великом, могучем, правдивом и свободном русском языке» или написанное в 1942 году стихотворение А.А. Ахматовой со строками «И мы сохраним тебя, русская речь!»... Это тоже свидетельства отношения к языку в общественной культуре народа. Менее известны свидетельства того же военного времени, исходящие от ученых-русистов и философов, хотя они для научного осмысления русского языка в жизни народа не менее значимы и выразительны. Первое, которое мы приведем, принадлежит В.В. Виноградову, чье имя носит теперь созданный им Институт русского языка РАН. Именно В.В. Виноградов написал в 1945

году книгу «Великий русский язык», начав её следующим суждением:

«Язык не только мощное орудие культуры, не только важнейший фактор духовного развития нации, но и очень активная и выразительная форма национального творчества, национального самосознания»²²⁸. Будущему академику (тогда В.В. Виноградов ещё был профессором, только вернувшимся из ссылки-эвакуации) удалось сказать здесь и о культуре, и о духовном развитии, и о творчестве, и о самосознании, связав язык с ключевым словом «нация».

В это же время на Западе другой выдающийся деятель русской научной мысли (только уже философской) И.А. Ильин писал о русском языке и его способности вмещать и выражать все стороны бытия человека: «И ещё один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нём вся она, наша Россия. В нём все дары её: и ширь неограниченных возможностей, и богатство звуков, и слов, и форм: и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Всё доступно нашему языку. Он может всё выразить, изобразить и передать»²²⁹.

В 90-е годы прошлого века Россия пережила период, по масштабам потерь сопоставимый с уроном времён Великой Отечественной войны, а сегодня утверждает своё право на самостоятельный духовный и материальный (вкуче это как раз и будет цивилизационный) путь развития. Этот поворот вселяет большие надежды как в сердца большинства россиян, так и в сердца большинства здраво и объективно мыслящих людей планеты. Открытость и «общежителность» русского человека не даёт повода для сомнений в искренности нашего желания утверждать своеобразие своего цивилизационного пути в единстве и взаимопонимании мировых культур и народов.

²²⁸ Виноградов В.В. Великий русский язык. М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1945. С. 3.

²²⁹ Ильин И.А. О России. Три речи 1926–1933 // Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 6. Книга II. С. 18.

*Российское осмысление Слова и языка:
из актуальной истории Древней Руси*

Осмысление роли русского языка в создании российской/русской цивилизации (предлагаем читателю пока не заострять внимание на толковании этих синонимов) необходимо начать с общего понимания роли Слова в создании общества, культуры и всех областей деятельности человека. Идея Слова, которое было «в начале» всего сущего, является основной идеей европейской культуры, философии, филологии и всех областей знания, а если взглянуть на проблему шире, и общей идеей христианской цивилизации. Словом как Словом Божиим создается мир, жизнь, и именно словом Господь наделяет своё любимое создание — человека, поэтому как человек создан по образу и подобию Божию, так и «слово человеческое подобно Слову Божию»²³⁰. **Словесное** — синоним **Божественного** в человеке (человек — «творение словесное»), и эта мысль была общим местом в дореволюционной педагогике (например, педагогике Царскосельского лицея, взрастившего пушкинскую плеяду), формировавшей через словесное образование нравственную культуру своих учеников.

Объединяющая роль слова, отражавшего единомыслие и единодушие народа, всегда проявлялась «во дни торжеств и бед народных», поскольку обретение общей вдохновляющей всех идеи, мысли всегда требует словесного воплощения, поэтому примеры народного героизма, личной инициативы, гениальных озарений всегда находят знаковое или символическое воплощение прежде всего в словесных текстах, как и в произведениях искусства, материальных свидетельствах самого разнообразного творчества. Слово при этом неотрывно от дела, потому что и само слово есть поступок: оно, воплощая мысль, должно соответствовать делам, но и дела, поступки, события описываются, сохраняются всегда как свидетельства яркого, культурно значимого слова.

Язык в народной мудрости понимается, прежде всего, как орудие общения и взаимодействия (*Язык языку весть подает*),

²³⁰ *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Рассуждение о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим // *Язык мой — враг мой*. М., 1999. С. 7.

инструмент организации и управления всеми сторонами жизни (*Мал язык горами ворочает; Языком — что рычагом; язык — стяг, дружины водит*). Здесь же — мысли об опасности языка, ошибках, которые постоянно допускает человек в своих речевых поступках (*Язык мой — враг мой; Язык до добра не доведёт; Не ножа бойся — языка...* и т.д.). Фольклорные правила, зафиксированные в пословицах и поговорках, песнях и сказках, предлагают не просто развлекающие ребенка и взрослого тексты, но в образной форме рекомендуют определенные правила поведения, среди которых основными, безусловно, являются правила речи.

Однако фольклорная культура как совокупность духовных и материальных достижений жизни человека нормализовала малые коллективы в пределах племени или деревни-села. Основной отличительной чертой этих коллективов с позиций словесности должна быть названа **устная речь**, ибо племенной, деревенский быт как раз характеризуется отсутствием **письменной речи**. В данном случае мы говорим о принципиальных отличиях фольклорной цивилизации от цивилизации письменной, элитарной, к которой должна была принадлежать образованная, грамотная часть общества. С точки зрения филологии, народ рождается как языковое объединение именно в период появления письменной культуры. Вот почему именно в письменной словесности появляется значение слова ЯЗЫК как НАРОД. Это значение отсутствует в фольклоре и появляется только в письменности и литературе — ср. в русской словесной культуре: «нашествие двенадцати *языков*» (о наполеоновской армии); «вскую шаташся *языцы* и людие поучишася тщетным?» (перевод: зачем мятутся народы, и люди замышляют тщетное? — начало 2-го псалма) и т.д..

Российская цивилизация, культура, ментальность начинают создаваться в Древней Руси, когда формируется своеобразное единство духовно-нравственных и материально-культурных ценностей и представлений о способе существования зарождающейся нации. При этом следует иметь в виду, что все понятия духовного и материального мира выражаются именно в языке, что «язык — душа народа», поэтому язык — носитель и выразитель сущности любой национальной цивилизации и культуры. «Народ выражает себя полнее всего и вернее всего в языке своём. Народ и язык, один без

другого представлен быть не может...» — писал выдающийся классик-исследователь древнерусского языка И.И. Срезневский.

Памятники древнерусской письменности и культуры свидетельствуют о том, как зарождаются и формируются представления о смыслах бытия, целях человеческой жизни, а вместе с тем и конкретные представления и рекомендации о том, как следует существовать в реальности окружающего мира. Эти смыслы и цели, безусловно, связаны с теми нравственными представлениями, которые были получены в результате Крещения Руси, т.е. принятия христианства как целостной концепции духовно-нравственного, материального и физического существования. Язык и слово осмысляются в связи с противопоставлением друг другу Божественного и дьявольского начал, добра и зла, истины и лжи, подлинной красоты и ложной прелести.

Наиболее выразительно и ярко эти мысли представлены в кратких наставлениях, пословицах, притчах, которые изложены в таких сборниках, как «Пчела» XII–XIII веков, «Цветник» и ряде других, выстраивавших принципы духовной морали, речевой этики и философии языка Древней Руси. Поскольку по законам культуры эти принципы духовно-нравственного существования не исчезают, если только их сознательно не отвергают создатели новой, искусственно конструируемой этики и философии, они могут быть признаны как основополагающие постулаты философии языка и речевого поведения той цивилизации, которая формировалась на ранних этапах строительства российской государственности. Их систематизация затруднена тем, что духовная мораль вообще с трудом укладывается в научные схемы, но сами рекомендации всегда достаточно ясны и определённы. Вчитаемся в эти постулаты:

Язык есть самый благодетельный и самый вредный орган у человека.

Худое слово и добрых делает худыми, а слово доброе и худых делает добрыми (Св. Макарий Великий).

Одна речь, одно слово, безрассудно произнесённые, достаточны иногда бывают, чтобы решить наше несчастье.

Здесь множество предупредительных суждений об опасности слова, осторожном обращении с ним, пользе молчания и безмолвия, которые заложили на Руси традицию, тесно связанную с философией исихазма. Именно в русском цивилизационном сознании формируется представление о молчании (безмолвии) как собеседовании с Богом. Молитвенное молчание не только не лишает, но делает человека подлинно словесным (богоподобным) существом, настраивая его на гармоничное существование в Боге и душевное единство с Богом:

*Безмолвие есть начало очищения души (Василий Великий).
Люби более молчать, нежели говорить, ибо молчание собирает, а многословие расточает (Авва Исаяя).
Кто не умеет молчать, тот не умеет говорить.*

Возможно, что с таким отношением к молчанию связан отчасти образ современного россиянина и русского речевого поведения: в диалоге с иностранцами (например, в иных сложных внешнеполитических ситуациях) мы и поныне более склонны занять выжидательную позицию, нежели наши контрагенты. Несмотря на кажущуюся пассивность такого поведенческого алгоритма, сложившегося в российском цивилизационно-культурном сознании, она не лишает нас возможности отвечать ударом на удар, сохраняя верность исходным нравственным принципам христианской этики и морали.

Именно здесь формируется цивилизационная модель речевого поведения, которая фиксируется в конкретных советах и рекомендациях к речевым поступкам в различных ситуациях внутрисоциального и, наверное, внешнеполитического существования, которые, как замечено выше, с трудом поддаются систематизации, но вполне конкретны и доходчивы:

(об истине и лжи) Когда тебе необходимо должно говорить, говори о всем правду открыто, без всякой двусмысленности, а ложь есть целый и прямой путь к геенне.

(о подготовке речи с описанием возможной модели развития ее содержания) Мудрый передумывает многое, прежде

де, чем он говорит, именно: что, кому, где и когда он должен говорить (Св. Амвросий Медиоланский).

(предупреждение о вреде многословия и празднословия)

Будь внимателен к себе для того, чтобы ни одного праздного слова из уст твоих никогда не выходило. И за одно праздное слово суд будет (Мф., 12:23).

Таким образом, цивилизационные принципы отношения к языку — речи — слову могут быть сформулированы следующими постулатами, сохраняющими свою значимость и поныне:

1. Язык оценивается антиномично, то есть он может быть и орудием для достижения блага, и привести человека к несчастью.

2. Язык — речь — слово подлежат нравственной оценке: они либо худые и злые, либо добрые и благие.

3. В речи выражаются все добродетели (качества), чувства (эмоции, «страсти») человека, которые оцениваются либо с положительной стороны (*уступчивость, кротость, милосердие* и т.д.), либо с отрицательной (*гнев, бешенство, грубость* и т.д.).

4. Речь оценивается положительно на основании следующих принципов: осознание опасности языка, вербальная сдержанность; праведность и мудрость, явленные в языке; подготовленность речи, уместность, правильность и другие качества речи;

5. Речь оценивается отрицательно на основании следующих принципов: *вербальная несдержанность; злость и глупость как проявление речевых поступков; несвоевременность речи; неподготовленность; пустословие, смехословие* и т.д.

*Науки о русском языке — слове — речи
как цивилизационное свидетельство
российского могущества в XVII–XIX столетиях*

Органический характер развития российской цивилизации проявился в начале XVII века в следующем: воцарение новой династии Романовых, восстановление страны после Смутного времени означали совершенствование всех сторон жизни. Укрепление экономической мощи государства предполагало опору на гуманитар-

ное знание, в том числе «словесное» — и именно такое развитие получила наша страна, с одной стороны, заимствуя классическое античное наследие, с другой — добавляя собственные наработки в виде создания новых научных и литературных памятников.

Именно в период восстановления разрушенной событиями Смутного времени Руси, постепенного укрепления новой династии Романовых был создан первый научный свод гуманитарных дисциплин под названием «Сказание о семи свободных мудростех», а затем тривиум филологических дисциплин, куда входили грамматика, риторика и диалектика (логика). В «Сказании о семи свободных мудростех» неизвестным автором был использован образ Мудрости из 8-й «Книги притчей Соломоновых», призывавшей на стогнах града к её изучению, ибо она «паче злата и серебра». В «Сказании» каждая мудрость-наука обращалась к читателю, рассказывала о сущности каждой из наук.

Затем каждая из «словесных наук» была реализована в авторитетном сочинении, а все вместе они переписывались как единый образовательный свод, формирующий целостное идеологическо-образовательное пространство. Сущность грамматики была воплощена в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, которая была написана в 1619 году; первая русская «Риторика» 1620 года была сделанным неизвестным писцом-дидаскалом анонимным переводом краткой редакции латинской «Риторики» Филиппа Меланхтона, великого учителя Германии; «Диалектика» Иоанна Дамаскина, известная в России с XIV века, представляла основы знания логики. Таким образом, в допетровской Руси формируется единое целостное знание «словесных наук», которые назывались «мудростями», «художествами», «хитростями» — впрочем, слово *наука* встречается как раз в первой русской «Риторике» 1620 года: «Сию же науку никто от философ не преминавал для приснотекушаго и неисчетнаго от нея происходящаго разума»²³¹.

Характерно, что совершенно иная цивилизационная ситуация складывалась в Малороссии, откуда, в сущности, шли европейские знания на Русь. Киевская братская школа была создана в 1615 году, и

²³¹ Аннушкин В.И. Первая русская «Риторика» XVII века. М., 1999. С. 21.

в её описании сказано о неких «риторике и диалектице», которые «русским (*sic!* — В.А.) языком списаны». Однако это не та русская московская «Риторика» 1620 года, поскольку в ней нет никаких элементов малороссийского, или украинского извода великорусского языка, которые с очевидностью отмечаются в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого. Возможно, первоначально Киевская школа вместе с Луцкой братской школой были ориентированы на развитие отечественного языка, однако с приходом к руководству Киевской братской школой Петра Могилы произошла переориентация на латиноязычное образование, и с 1631 года в малороссийских землях наблюдается доминирование латинского языка. Об этом свидетельствуют многочисленные учебники риторики и философии, написанные в Киево-Могилянской академии, которые, по видимому, писались учителем (профессором риторики или философии) на каждый новый учебный год²³².

И это важное цивилизационное наблюдение, свидетельствующее — при всей близости русского и украинского народов и культур — о той разнице, которая наблюдалась в организации учебного гуманитарного образования: в московских землях существовала единая идеологическая схема обучения по устоявшимся учебникам филологического цикла наук, а в киевских землях проявилось стремление к разнообразию идеологических установок, некое колебание во взглядах на предметы этих изучавшихся наук. Если в первом случае это грозило некоторой консервативностью, косностью — вот почему в последующее петровское царствование актуализировалось требование открыть на Руси «академию», — и первая Типографская школа, где начали преподавать приглашенные из Греции братья Лихуды, была открыта лишь в 1686 году, то во втором случае в украинских землях, при всей «учёности», была опасность размытости идеологического образовательного предмета вследствие множественности точек зрения на него. Итак, консервативность, традиция противостоят современности и поверхностности; единство противостоит «вариативности» (используя современный термин); собранность — хотя и консервативная, но

²³² Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А. Описание курсов философии и риторики Киево-Могилянской академии. Киев, 1982.

сила, — противостояла размытости, которая в известной степени могла быть проявлением цивилизационной слабости и неустойчивости.

Эпоха Петра не может быть оценена однозначно. Вместе с цивилизационной ломкой старых традиций и устоев незыблемой оставалась вера в Россию, желание молодого царя осуществлять все преобразования во славу и благоденствие страны. Создавая принципиально новый уклад и стиль жизни, Петр Великий (можно с уверенностью говорить!) утверждал идею могущества и величия страны. Чувствуя отсталость в науках и промышленности, молодой Петр развивал все стороны российской жизни и особое внимание уделял школе и образованию. В академической науке делался акцент на технические науки, демонстрировавшие наибольшие успехи, однако самые решительные преобразования происходили также в языке и общественно-речевой практике, речевом этикете и организации правил общения.

Прежде всего, Петром была проведена реформа азбуки, или орфографическая реформа, т.е. удалены буквы, обозначающие звуки церковно-славянского языка, не использовавшиеся в языке русском. Известно, какими сложностями в переустройстве общественного сознания обернулось принятие новых форм одежды, нового речевого этикета, новых вводимых Петром традиций и порядков. Всё это сопровождалось очевидными перегибами, которые так характерны для всех периодов революционных ломок и переустройств, — и это уже не российская цивилизационная примета, а универсальное свойство всех революций. Однако во всех этих перегибах и преувеличениях не только оставалась подспудной и незыблемой исконная вера в существование самой страны, но и утверждалось её величие.

Между тем, происходило существенное обогащение языка параллельно с развитием всех областей государственной и деловой жизни. Причём трудно сказать, что в развитии отечественной цивилизации чем подстегивается: мысль и язык побуждают к творчеству во всех областях государственной и экономической деятельности, или же сама деятельность в разных областях побуждает профессионалов создавать творческие новации в языке. В начале

XVIII века таких новаций было предостаточно. В русский язык бурным потоком вливались и бытовые слова, и термины из наиболее развитых европейских языков: голландского, французского, немецкого.

Ранние исторические толкования языковой политики или путей развития русского языка находим у наиболее авторитетных деятелей XVIII века. Характерно, что это были не оторванные от речевого творчества теоретики, а творцы профессиональной художественной литературы: В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, М.В. Ломоносов. Роль каждого исключительна по своему дальнейшему воздействию на характер не только литературы, но и языка, а в результате — на становление российского менталитета и образа мыслей.

В.К. Тредиаковский первым заговорил о «чистоте русского языка». Именно ему принадлежит идея совершенствования человека посредством учения (хотя сама идея являлась для тогдашнего человека общим местом, известным из Евангелия: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Матф., 5, 48). Идея «чистоты» несколько десятилетий спустя станет «целью» деятельности Академии Российской, все члены которой будут писать Словарь — и это свидетельство понимания обществом роли и значения языка. Кроме того, основные направления деятельности Академии, возглавляемой княгиней Е.Р. Дашковой, буквально повторяют то, о чем писал В.К. Тредиаковский. В.К. Тредиаковский сокрушался о трудностях в «рассуждении чистоты нашего языка», а затем показывал, где же нужны будут «чистота, красота и желаемое по том его совершенство»²³³. Первой и главной задачей всех учёных, собранных в Российской Академии наук, была, как сказано в Предисловии к Словарю Академии Российской, «чистота русского языка»²³⁴.

Такова была языковая политика Екатерины Великой, ставившей вопросы языка во главу угла, иначе говоря, в центр деятельности

²³³ Тредиаковский В.К. Речь, которую в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук к членам бывшего русского собрания во время первого их заседания марта 14 дня 1735 года о чистоте русского языка говорил В.Т. // В.К. Тредиаковский. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. Издание подготовила Н.Ю. Алексеева. Санкт-Петербург, Наука, 2009. С. 145–150.

²³⁴ Словарь Академии Российской. Т. I–VI. СПб., 1789–1794. Репринтное издание. М., 2004. Т. I. С. 14.

Академии, — и эта «словесно-языковая» составляющая, несомненно, одна из причин её успешного царствования. Пафос борьбы за утверждение русского языка в науке и образовании проходит красной нитью через весь XVIII век, а выдающиеся учёные и поэты предлагают пути развития этой языковой политики. Так, поэтическое описание А.П. Сумароковым науки о языке поражает ясным пониманием, выражаясь современным языком, идеей коммуникации и культурной преемственности. Конечно, эти идеи высказаны только в самом общем виде: в строении языка «мысли» делятся «голосом» на «мелкие части», т.е. на слова, слоги, звуки, а «то, что постигнем мы, друг другу сообщаем» (т.е. язык — средство общения, коммуникации), «и в письмах то своих потомкам оставляем» (письменная речь обеспечивает культурную преемственность). Далее излагаются основы государственной языковой политики, т.е. говорится о неравноценности языков вследствие их различной культурной значимости²³⁵:

Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки;
Возьмем себе в пример словесных человек:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал французский,
Иль, наконец, сказать, каков способен русский!

Здесь, как и ныне, декларируется ориентация на наиболее развитые языки, коими являлись в ту пору языки классические и французский. Далее — пространные творческие советы, как, опираясь на культурный опыт, развить собственное национальное дарование.

Роль М.В. Ломоносова представляется сегодня наиболее прояснённой, но и здесь можно обнаружить новации. М.В. Ломоносов

²³⁵ Эта мысль встретилась мне одновременно в интервью у В.Г. Костомарова и в статье Ю.В. Рождественского: языки разные, но не равноценны.

намечает в Предисловии к «Российской грамматике» существование некоей **философии слова**, когда пишет о необходимости иметь «предводителем **общее философское понятие о человеческом слове**». Слово может пониматься в широком смысле — как «безмерно обширное поле» всей словесно-речевой деятельности человека. Венчает это предисловие стилистически возвышенное пожелание наследнику Павлу Петровичу: «...да возрастёт и российский **слова** исправность в богатстве, красоте и силе к описанию славных дел предков ваших...»²³⁶. Очевидно, что это и пожелание к развитию русского языка в целом.

В дальнейшем М.В. Ломоносов сделал несколько важных замечаний относительно **философии слова**. Текст самой «Российской грамматики» начат «Наставлением первым «О человеческом слове вообще». Как видно уже по самому началу этого раздела, М.В. Ломоносов фиксирует общефилософские суждения, которые, с одной стороны, были достаточно общими для его времени, с другой стороны, утверждали понимание человека как существа, в характеристике которого главное — «слово». Вот как пишет об этом сам учёный: «По благороднейшем даровании, которое человек среди прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий — разуме, первейшее есть **слово**, данное ему для сообщения своих мыслей»²³⁷. Итак, первое, чем человек обладает и чем превосходит других существ, — разум, управляющий нашими действиями, разум же выражается в слове, цель которого «сообщение мыслей». Кроме того что в этих рассуждениях вполне явлена логосическая традиция, ибо Логос есть единство «разума (мыслей) и слова», нельзя не видеть современности этого определения, ибо «со-общение» (именно так было переведено латинское слово *communicatio* в первой русской «Риторике» XVII века) как раз соответствует идее коммуникативности, на которой будет построено всё обучение речи во второй половине XX столетия.

²³⁶ Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. VII. С. 393.

²³⁷ Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. VII. С. 394.

Цивилизационные подходы к развитию языка в России

Российские цивилизационные подходы к развитию языка через соприкосновение с другими языками и культурами можно представить, наблюдая за тем, какими способами происходит освоение европейских идей в России и как рождается самостоятельное творчество в российской цивилизации. Русская научная культура и русский язык, «переимчивый и общежительный» (А.С. Пушкин), могут вступать во взаимоотношения с иностранными культурами и языками трояким образом: 1) копирувально (слепое заимствование — назовем таких деятелей **копиистами**), 2) в переработке и самостоятельных добавлениях (назовем таких людей **переработчиками**), 3) в самостоятельном творчестве, желательно основанном на знании мировой и отечественной традиций (назовем таких людей **творцами**).

Заимствуя классическое античное и западноевропейское научное знание, русская научная культура не только сформировала своеобразный взгляд и понимание теоретических дисциплин (филология, грамматика, риторика, поэтика), но и создала на их основе новые, с трудом переводимые или, что будет показано ниже, вовсе неперебиваемые на иностранные языки термины и направления научных исследований (словесность, культура речи). Переимчивость и способность к собственному творчеству в русской цивилизационной ментальности может проявиться трояким образом:

1) **отрицательно** — при условии слепого заимствования и копирования западного научного знания и опыта (что характерно для **копиистов**). Именно слепое копирование западного опыта всегда вызывало сопротивление и несогласие как у наследников традиции, так и у творчески мыслящей элиты общества. Слепым копированием было и заимствование в петровскую эпоху, и «слепое рабское пустое подражанье» в смешении «французского с нижегородским» в эпоху Пушкина и Грибоедова, и копирование западного опыта в перестройку 90-х годов прошлого века, когда в язык хлынул поток американизмов и англицизмов. Сегодня к этому располагает нас всемирная тенденция к глобализации. Очевидно, что это путь тупиковый. Именно этим путём пошла наша пе-

рестройка в 1990-е годы прошлого века, когда вовсю проявилась и слабость нашей филологии, призванной обучать людей мыслить и пользоваться словом. Если идеология как самостоятельное мыслительное творчество отсутствует, то начинается слепое копирование и перенесение чужого опыта на родную почву, которое явно ущербно. К сожалению, эта тенденция сохраняется и сегодня во многих областях и конкретных сочинениях.

Естественно, что «отрицательным» опытом не могут быть признаны переводные сочинения, которые, напротив, обогащают отечественную культуру взаимными контактами.

2) **смешанный** путь — заимствование и переработка чужого знания, что традиционно для русского научного творчества (деятелей этого направления мы назвали **переработчиками**). Этот путь типичен для отечественной науки, о чем свидетельствуют модификации авторитетных трудов западноевропейских ученых с тем, чтобы через добавления или анонимное усовершенствование внедрить новое и лучшее в российскую мысль. Примерами могут служить подавляющее большинство курсов риторики и словесности XVIII–XIX веков, авторы которых переводили иностранные книги и, по образному выражению академика В.В. Виноградова, «свою заплатку приляпывали», т.е. анонимно дополняли переводимые тексты собственными размышлениями. Таковы:

а) упомянутая выше первая русская «Риторика» 1620 года, анонимный перевод краткой латинской «Риторики» Филиппа Меланхтона, великого учителя Германии, где русский дидаскал-писец диктовал, но делал самостоятельные вставки по ходу устного перевода писцам, записывавшим его речь (начальная редакция памятника). Вторая редакция 1622 года, возможно, того же автора-переводчика, сохранилась в рукописи ГИМ, собр. Щукина, № 918, где он делал новые добавления-пояснения к сложным терминам риторики. Позднее эти маргиналии вошли в текст с припиской «О том же инако». Перевод этой первой русской «Риторики» поначалу был ошибочно приписан новгородскому и великолуцкому митрополиту Макарию, но подлинный автор-переводчик до сих пор не установлен (см. подробно Аннушкин, 1999). В сущности, он проявил типичный способ обращения с оригиналом, к которому переводчик-

писец относится творчески, убирая из своего перевода главное — имя автора (литературный профессионализм начнётся в России с сочинений Д. Кантемира и В.К. Третьяковского);

б) «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносова 1748 года — самый выразительный пример такого — одновременно переводческого и самостоятельного — творчества на основе знания лучших европейских и отечественных риторических сочинений своего времени. К сожалению, академическая публикация «Руководства» при филигранной текстологической точности издания стыдливо обошла вопрос происхождения источников ломоносовского труда (Ломоносов 1952: 89–378). И это тоже своеобразный реликт российской ментальности, который проявился у советских ученых-издателей: указывать западных предшественников в 1952 году по чисто идеологическим соображениям было неловко, если не невозможно. Между тем, этот вопрос был частично разрешён академиком М.И. Сухомлиновым, который отмечал заимствования М.В. Ломоносова из латинских риторик Коссена и Помея, латинской «Риторики» основателя Лейпцигской школы Иоганна Кристофа Готшеда, латинской «Риторики» Порфирия Крайского. Нам удалось выяснить, что перерабатывалась Ломоносовым и «Риторика» Михаила Усачёва: основные определения риторики и «средствий приобретения красноречия» творчески переосмыслены М.В. Ломоносовым в синонимических выражениях²³⁸. В сущности, перед будущим исследователем вырисовывается грандиозная исследовательско-издательская задача подготовки нового академического издания «Краткого руководства к риторике» 1744 г. и «Краткого руководства к красноречию» 1748 г., которое позволило бы обнаружить все возможные источники творческой ломоносовской мысли;

в) О других анонимных заимствованиях с творческими переделками скажем кратко: это и рукописные петровские риторик, и поздние профессорские курсы. Примеры: «Риторика» Михаила Усачёва 1699 г. — судя по тексту рукописи ГИМ, собр. Щукина, № 803, перевод с латинского вовсе не Михаила Усачёва с допол-

²³⁸ Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.

нениями переводчика; “*Книга всекрасного златословия*” Козмы Афоноуверского 1710 г. — перевод-переделка на российско-православный лад обрусевшим греком «Златослова» Францискоса Скуфоса (с самостоятельными примерами из российской истории!); наконец, более поздние сочинения университетской профессуры первой половины XIX века: “*Краткая риторика*” А.Ф. Мерзлякова 1804 г. (самостоятельное толкование — перевод И. Эшенбурга), “*Чтения о словесности*” И.И. Давыдова 1837 г., для которого образцом являлись сочинения англичанина Г. Блэра, на которые он прямо указывает во вступлении к 4-томному изданию. В результате можно сделать вывод: русская наука развивалась в контактах с классической античной и западно-европейской традицией, но наиболее зримые её результаты вызревают тогда, когда на этой основе создаются полностью самостоятельные сочинения, о чём говорим ниже;

3) **положительный** опыт собственного творчества русских ученых — самостоятельных **творцов**, впрочем, также многочислен и может быть проиллюстрирован выразительными историко-филологическими примерами. Вот некоторые из них:

а) создание «Словаря академии Российской» 1789–1794 годов под руководством княгини Е.Р. Дашковой, чей 275-летний юбилей отмечался 28 марта 2018 года. Целью Словаря была «чистота русского языка», а в работе над Словарём принимали участие не только словесники, но и учёные разных областей российской науки. Это говорило об осознании обществом значимости самого феномена языка, организующего всю научно-культурную деятельность государства. Борьба же за развитие отечественного языка проявилась не только в фундаментальных описаниях самих терминов *язык* — *речь* — *слово* (тема отдельного разговора), но в стремлении к замене иностранной терминологии русской, например, вместо «риторики» — «ветийство», вместо поэтики введен термин «стихотворение». Именно авторы Словаря создали термин «словесность», который проанализируем ниже.

б) «Риторика» профессора российской и латинской словесности Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанского, выдержавшая 10 изданий с 1829 по 1849 годы. Именно этому учёному-педагогу принадлежит заслуга литературного воспитания первой блестящей плеяды Ли-

ця, но его сочинения только сегодня начинают по-настоящему осмысливаться нами, будучи опубликованы совсем недавно (Кошанский 2013; Кошанский 2015);

б) 4-томник профессора Одесского Ришельевского лицея К.П. Зеленецкого, включивший труды по риторике, поэтике и истории русской словесности (Зеленецкий 1849). Именно К.П. Зеленецкому принадлежит уникальный труд «Введение в общую филологию» (Зеленецкий 1853), а в 1950-е годы директор Главного Педагогического института в Санкт-Петербурге И.И. Давыдов на базе учебников К.П. Зеленецкого и Н.Ф. Кошанского создал анонимную «Теорию словесности», ставшую основным «учебником для Российской империи» (Теория словесности 1851–1860).

Таковы классические примеры инициативного творчества выдающихся русских учёных-филологов, которые, очевидно, могут послужить для потомков примером вдохновенного и самостоятельного труда.

*Общественно-стилевая и языковая цикличность
в историческом развитии российской цивилизации*

Источниковедческое изучение истории русской филологии как учения о слове (языке, речи) и его взаимодействии с культурой позволяет наблюдать прямые связи с политическими, идеологическими, экономическими преобразованиями в жизни российского общества и его историей в целом. Эти наблюдения подтверждают фундаментальную мысль Ю.В. Рождественского, сформулированную на основании анализа творчества его выдающихся учителей — академиков В.В. Виноградова и Н.И. Конрада: «развитие языка, его культурная полнота и насыщенность есть... источник общественного прогресса. Пути прогресса зависят от прогресса языка»²³⁹. Внимательный анализ библиографических источников по истории риторики и словесности позволил открыть прямую связь времени создания учебников русской риторики и словесности, их

²³⁹ *Рождественский Ю.В.* Н.И. Конрад и В.В. Виноградов // *Лободанов А.П.* Юрий Владимирович Рождественский. Опыт творческой биографии. М., 2009. С. 212.

содержания и стилевых намерений с изменениями в истории русского общества, его идеологическими и социально-экономическими преобразованиями. Это значит, что творческая инициатива учёных-филологов находила прямую реализацию в жизни общества, и движущей силой его развития является вовсе не материальная сила, а значимые культурно-духовные инициативы, выражающиеся в реальных текстах наиболее влиятельных руководств в области речевых наук: грамматики, риторики, словесности, стилистики, поэтики, культуры речи.

Между временем создания учебников риторики, других речевых наук (наш анализ построен целиком на библиографических источниках по истории речевых наук в России²⁴⁰) и периодами важнейших преобразований в общественной жизни России существует прямая связь. Поскольку риторика и словесные науки в целом отражают стиль жизни общества, предлагают образ мысли и слова, они оказываются напрямую связанными с политикой, идеологией, экономическими и общественными преобразованиями. Создание новых учебников риторики, словесности, стилистики и культуры речи, как и появление новых наук, описывающих общественную речь, приходится на время активных преобразований в жизни российского государства.

Эти периоды преобразований случаются с определённой последовательностью или цикличностью. Это предполагает, что в жизни общества случаются времена революционных потрясений и «перестроек», а затем наступает период гармоничных преобразований, когда как раз и требуется активная созидательная работа в области речи. Эта работа воплощается в установлении определённого стиля мысли, слова и жизни, когда наступает время стабильной идеологии, мировоззрения, верований и т.д. После этого начинается время сомнений и критики, когда начинают действовать различные диссиденты и критики системы идеологии и речи — так готовится очередная революция («перестройка»).

Таким образом, в русской истории наблюдаются периоды продолжительностью около 60 лет, когда совершается этот круг: 1) револю-

²⁴⁰ *Аннушкин В.И.* История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002. С. 399–408; *Аннушкин В.И.* Русская риторика: исторический аспект. М., 2003. С. 334–348.

ционная перестройка стиля жизни и речи; 2) время созидания и преобразований; 3) время стабильности; 4) время критики и сомнений, готовящее очередную революционную перестройку. Каждая часть такого периода имеет продолжительность от 10 до 30 лет, но если ломка-перестройка-революция занимает обычно не более 10 лет, то период стабильности или вызревающей критики, конечно, дольше — до 25–30 лет. Вот как представляется эта периодизация в конкретном описании:

- Первая русская «Риторика» была написана после Смутного времени, как раз при восстановлении государственной жизни к 1620 году. Тогда же были систематизированы науки и искусства в России в первом обобщающем научном сочинении «Сказание о семи свободных мудростех». В течение всего XVII века, вплоть до петровского времени, эта «Риторика» была единственным руководством в обучении общественной речи²⁴¹.

- Начало петровских реформ в 90-е годы XVII века связано и с реформой русского образования: начинает действовать Славяно-Греко-Латинская академия, Пётр Великий всячески насаждает науки и художества, понимая, что от их развития зависит будущее преуспеяние России. Как раз с 1698 по 1710 годы написаны основные риторики (Софрония Лихуда, Михаила Усачёва, Стефана Яворского, Андрея Белобочкокого, Козмы Афоноверского), которые расходились в рукописях весь XVIII век. Использование этих руководств, регламентировавших общественную речь, продолжалось до первой половины XIX века, создавая в школьном образовании значимую конкуренцию печатным руководствам М.В. Ломоносова и Амвросия Серебренникова.

- После череды дворцовых переворотов и бироновщины с воцарением «дщери Петра» Елизаветы начинается эпоха российского классицизма. Тогда же пишутся Ломоносовым его риторические учебники — первое неопубликованное «Краткое руководство к риторике» в 1743 году, второе — «Краткое руководство к красноречию» в 1748 году. Восхождение на престол Екатерины в 1762 году предрека-

²⁴¹ *Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика» XVII века. М., 1999. 362 с.; 2-е изд., М., 2006. 368 с.

ло и безраздельное господство в грамматике и риторике ломоносовских идей²⁴². Время стабильности в данном периоде отмечено блестящей деятельностью Российской академии наук под руководством княгини Екатерины Романовны Дашковой, чьим попечением был создан первый «Словарь Академии Российской»²⁴³.

- Восхождение на престол Александра I в 1801 году привело не только к преобразованиям в деловой жизни России. После 1812 года начинается бурное развитие русской словесности, где главной наукой считалась именно риторика. Замечательные русские педагоги, учителя великих русских писателей Я.В. Толмачев, А.Ф. Мерзляков, Н.Ф. Кошанский утверждали риторiku как науку о силе ума и даре слова. В последнее время осуществлена научная публикация текста «Риторик» главного «словесника» Царскосельского лицея профессора Н.Ф. Кошанского²⁴⁴.

- С воцарением в середине XIX века Александра II Освободителя в России произошло много положительных реформ: отмена крепостного права, установление суда присяжных, изменения в системе образования. Изменившееся общество не устраивала прежняя система словесности с её ориентацией на античную и устаревшую национальную классику; критике подвергалась прежде всего риторика, которая не поспевала за развитием новых форм мысли и развитием литературных стилей. Она была заменена — вместо риторики начинает преподаваться словесность в виде художественной литературы. Писатель, поэт, а также стоящий над ними критик были провозглашены главными творцами языка²⁴⁵.

- Октябрьская революция 1917 года преобразовала не только экономический строй России, перераспределив собственность, изгнав «эксплуататоров» и провозгласив власть рабочих и крестьян.

²⁴² Аннушкин В.И. Задачи освоения и изучения «Краткого руководства к красноречию» М.В.Ломоносова // М.В.Ломоносов и современная филология. Научные чтения. М.: Гос.ИРЯП, 2008. С. 60–74.

²⁴³ Научная общественность страны отметила 275-летие со дня рождения Е.Р. Дашковой (1743–1810), выдающегося деятеля российского просвещения, президента Российской академии наук, замечательного писателя и педагога.

²⁴⁴ Кошанский Н.Ф. Риторика / Издание подготовили Аннушкин В.И., А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М.: Русская панорама; Кафедра, 2013. 320 с.

²⁴⁵ Первым эти причины падения риторики вскрыл акад. В.В. Виноградов в кн. «О художественной прозе» 1930 года.

Сама революция означала победу ораторов и писателей (риторов) коммунистической идеологии, поэтому 20-е годы стали временем осмысления теории ораторского искусства, отказа от «старой» словесности, построения новой социалистической культуры речи.

- Демократическая перестройка, начавшаяся в 1985 году и продолжившаяся распадом СССР в 1991 году, происходила по риторическим законам. Это был своеобразный протест против устаревшего стиля жизни как системы взглядов и речей. Общество не желало больше жить в прежнем пространстве мыслей и слов. Формирующийся сегодня стиль жизни рождает новую риторику развитого информационного общества — и необходимо построить её на прочном фундаменте русской культуры, морали и образованности.

Обратим внимание на три закономерности в этом российском цивилизационном стилевом процессе:

- 1) потребность в создании новых теоретических учений о речи всегда приходится на время ломки и перестройки общественного сознания, формирования нового стиля жизни;

- 2) каждый период охватывает время примерно в 60 лет (от 50 до 70). Это — срок человеческой жизни, достаточный для того, чтобы общество созрело для очередных стилевых перемен;

- 3) каждый риторико-стилистический период включает в себя время самой перестройки (написания учебников), утверждения этого стиля мысли и жизни, превращения его из новаторского в консервативный, критики и, наконец, нового революционного изменения.

Периодизацию истории русской филологии в связи с историей русского общества можно представить в следующем виде:

- 1) 1620–1690/95 годы — *допетровский* период, когда сформировался тривиум словесных дисциплин: грамматика, риторика, диалектика;

- 2) 1690–1745/50 годы — *петровский* период, когда посредством реформы азбуки и орфографии, введения новых слов, написания в раннее петровское время учебников риторики, нормировавших общественную речь (С. Лихуд, М. Усачёв, А. Белобочкий, Стефан Яворский, Козма Афоноверский и др.), преобразовался язык;

3) 1745/50 — 1790/1800 гг. *лomonосовский* период, когда формируется стиль русского классицизма;

4) 1800–1850/60 годы — *расцвет* русской учёной словесности и риторики, когда главными считались руководства А.Ф. Мерзлякова, Н.Ф. Кошанского, словесность понималась как дар слова, совокупность всех словесных произведений речевой культуры, риторика — как учение о мысли и слове, построении прозаической речи;

5) 1850/60–1917/20 гг. — период *художественной словесности* с критикой риторики и выведением её из состава преподавания. В гимназиях преподаются теперь русский язык и словесность, понимаемая как художественная литература;

6) 1917/20–1985/90 гг. — *советский* период с господством коммунистической идеологии, агитации и пропаганды. Он начат огромным интересом к теории и практике ораторского искусства в 1920-е годы, а закончен критикой советского стиля речи. Перестройка породила риторическую борьбу и фигуры достаточно ярких ораторов со спорной идеологией (А.А. Собчак, А.А. Сахаров и др.). Каждый современный оратор-политик идёт к вершинам своей политической карьеры через убеждающее и влиятельное слово;

7) С 1990 г. — начало нового стиля жизни, который связан с информационным обществом (радио, телевидение, компьютер, Интернет). С 2000 года начинается утверждение этого стиля мысли, речи и жизни, которое сопровождается реформами в образовании, появлением целого ряда новых речевых наук (связи с общественностью, информатика, имиджелогия, коммуникативистика и мн. др.). Развивается и риторика, приобретая очертания всеобъемлющей фундаментальной науки о мысли и речи, всей совокупности видов слова в развитом постинформационном обществе. При этом развитие риторики будет связано с тем, каким философским, нравственным, эстетико-словесным содержанием наполнится данная наука. Наша реальная общественно-речевая практика, как и языковая политика, во многом не устраивает общество вследствие отсталости нашей филологии как учения о слове в разных его проявлениях. Благополучие общества и личности будет также не в последнюю очередь зависеть от того, как современный русский человек научится пользоваться всеми видами общественно-рече-

вой коммуникации, в особенности новыми — Интернетом и медиатехнологиями.

Обратим внимание на тот факт, что в начале каждого из таких периодов (а началом можно было бы назвать время стабилизации государственной жизни после «революции» или «перестройки») происходит обновление филолого-речевых дисциплин, т.е. появляется новый состав научно-образовательных дисциплин с исчезновением некоторых критикуемых. Таким образом, развитие филологических наук применительно к речевой практике и языковой политике государства происходит в следующем виде:

- после Смутного времени появился тривиум в виде грамматики, риторики и диалектики (логики);
- в петровское время формирующими общественный стиль речи оказались шесть основных петровских риторик, созданных в начальный период петровских преобразований (Софроний Лихуд, Михаил Усачёв, Стефан Яворский и др.);
- М.В. Ломоносов создал «словесные науки», изобретя новый термин «красноречие» (оно впервые вошло в название его «Краткого руководства»);
- в начале XIX века был утверждён новый термин «словесность», очень быстро ставший основным в русской науке о языке — слове — речи;
- в середине 60-х годов XIX века риторика была выведена из состава преподавания и заменена словесностью, понимаемой как «художественная литература» (именно тогда сложился состав преподавания школьных предметов, таких, как «язык и литература»);
- после 1917 года словесность в свою очередь была удалена из преподаваемых дисциплин и сложился новый состав предметов научной и школьной филологии, куда вошли культура речи, развитие речи, в практической жизни оказались значимыми агитация и пропаганда, формировавшие риторику в сфере массовой информации;
- наконец, после перестройки 1985–2000 годов вместе с восстановлением риторики произошёл ввод «новых» дисциплин, которые не просто появились, но оказывают ключевое влияние на формирование стилевого облика нового российского образования (ср: теперь новые факультеты и отделения называются «связями с

общественностью», а новомодными становятся такие словообразования, как имиджелогия, коммуникативистика, теория и практики коммуникации, лингвистика общения и мн. др.).

Рассмотренную концепцию можно суммировать и в виде таблицы, где будут представлены как время интенсивных преобразований, так и основные фигуры в филологии и политике. При этом прислушаемся к мнению Ю.В. Рождественского, писавшего, что «в XX в., в отличие от XVIII в., политические деятели не являлись культуuroобразующими фигурами. Политические деятели XX в. (за малыми исключениями, такими как Ганди и Неру) интересовались, главным образом, текущими материальными процессами... Оказалось, что подлинно культуuroобразующими деятелями XX в. были не политики, а учёные и деятели искусств»²⁴⁶. Однако несомненно, что в каждый период во время перестроечной ломки во главе государства встаёт выдающаяся личность, с правлением которой и связывают историко-стилевые преобразования в общественно-политической и социокультурной жизни.

Обобщение предшествующего описания можно представить в следующей таблице:

Время преобразований	Сочинения	Науки о речи	Политические деятели-лидеры	Учёные-филологи
1613–1620	Сказание о семи свободных мудростех «Грамматика» Мелетия Смотрицкого 1619 г., первая русская «Риторика» (до 1620 г.)	Грамматика, Риторика, Диалектика	Царь Михаил Фёдорович, начало династии Романовых	Автор неизвестен
1695–1710	«О силе риторических» С. Лихуда 1698 г., «Риторика» М. Усачёва 1699 г., «Наука проповедей» и «Краткая риторика» А. Белобоцкого (с 1690-х), «Рука риторическая» С. Яворского 1705 г., «Книга всекраснаго златословия» Козмы Афоноверского 1710 г., Старообр. «Риторика» 1712 г.	Грамматика, Риторика, Поэтика, Диалектика	Пётр Великий	Софроний Лихуд, Михаил Усачёв, Андрей Белобоцкий, Стефан Яворский, Козма Афоноверский, Семен Денисов

²⁴⁶ Рождественский Ю.В. Н.И. Конрад и В.В. Виноградов // Лободанов А.П. Юрий Владимирович Рождественский. Опыт творческой биографии. М., 2009. С. 212.

1748–1762	«Краткое руководство к красноречию» 1748 г. М.В. Ломоносова	+ Красноречие = искусство, Риторика=наука: оратория и поэзия	Екатерина Великая (с 1762 г.)	М.В. Ломоносов
1795 – 1805	1789 г. Словарь Акад. Рос. «Правила высшего красноречия» (рпк 1792 г.) М.М. Сперанского, «Логика и риторика» А.С. Никольского (1790–1830 — 7 изд.), «Краткая риторика» А.Ф. Мерзлякова (1804–1828), «Опыт риторики» И.С. Рижского (1796–1822)	+ Словесность. Расцвет риторики.	Александр I Благословенный (с 1801 г.)	М.М. Сперанский, А.С. Никольский А.Ф. Мерзляков, И.С. Рижский, Н.Ф. Кошанский
1845 – 1860	Риторические сочинения (4 тома) К.П. Зеленецкого 1846–1849 гг., «Теория словесности» 1851–1860 гг. Зеленецкого и Кошанского под ред. И.И. Давыдова. Критика К.К. Фойгта, А.А. Потебни, Белинского, Чернышевского	Критика риторики + Художественная словесность. Преподают русский язык, стилистика	Александр II Освободитель (с 1855 г.)	К.П. Зеленецкий, К.К. Фойгт * А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, * В.Г. Белинский, Добролюбов, Чернышевский
1917–1930	Институт живого слова (с 1918 г.), сборники «Русская речь», «Умение говорить публично» А.В. Миртова (с 1923 г.), «Слово оратора» В. Гофмана (1930), и др.	Критика словесности + Культура речи (в школе — развитие речи)	В.И. Ленин	А.В. Миртов, Б.Казанский, В.Гофман, +В.В.Виноградов, Л.В.Щерба, Г.О.Винокур
1985–2000	Ю.В. Рождественский (с 1973 г., «Теория риторики» 1996 г.), А.А. Волков (1994), С.Ф. Иванова, С.А. Инеева (с середины 1980-х). Риторическая ассоциация России — с 1997 г.	Риторика + Связи с общественностью, имиджелогия, коммунология, прагматика, психология общения и др.	Б.Н. Ельцин, В.В. Путин с 2000 г.	Школы: московские (2), пермская, красноярская, саратовская, воронежская, екатеринбургская

Очевидно, что образовательная культура требует как знания традиции, так и учёта всех особенностей существования новых электронных видов речи в постинформационном обществе. В XXI веке опережающими темпами будут развиваться те страны, которые будут понимать роль и значение эффективной организации речевой жизни общества, значение языка как инструмента управления всеми общественными деяниями.

3.2. Русский язык и современный цивилизационный путь России

Значение языка и языковой политики любой страны состоит в том, что, отражая духовно-нравственную и материальную жизнь народа, поступки людей и общую социально-психологическую атмосферу в обществе, состояние языка и проводимая языковая политика создают тот конкретный и неповторимый образ национально-культурного бытия, который оценивается либо как благополучный, либо, напротив, как неприемлемый и неблагополучный. Сложившаяся в результате перестройки в 1990-х годах ситуация в России выявила многие недостатки языковой политики, которые привели к тому, что сворачивание роли русского языка в мире стало общей тенденцией. Однако очевидно, что сегодняшняя ситуация — при всей её сложности — говорит не только о «сосредоточении» России в области пропаганды русского языка, но и об энергичных попытках решить многие острые вопросы языковой политики как внутри страны, так и за её пределами.

Говоря о языковой политике, академик Е.П. Чельшев отмечает, что «вопрос о русском языке как государственном языке Российской Федерации — один из ключевых не только в языковой, информационной и культурной политике современной России, но и во всех областях долгосрочного стратегического планирования в сфере внутренней и внешней политики. Более того, это вопрос

продолжения того цивилизационного пути, который был избран Россией в интересах всех народов и народностей, считающих ее своей родиной»²⁴⁷. С этим тезисом невозможно не согласиться, хотя связь состояния русского языка как государственного языка со «стратегическим планированием в сфере внутренней и внешней политики» слабо понимается как обществом в целом, так и его интеллектуальной элитой. Скорее всего, существует некая реальность, в которой человек живет и не может не ощущать зависимости своего благополучия и благоденствия от того, каким языком он пользуется, как этот язык отражает его личные интересы, каково содержание общения на этом языке и каков стиль окружающих его речей в языковой реальности.

Под **языковой политикой** государства следует понимать совокупность конкретных действий, законодательных актов, мировоззренческих ценностей, сформулированных на данном языке, общественных настроений, которые так или иначе предлагаются обществу и отражают основные идеи языкового развития. Языковая политика создает стиль общественной речи и характер коммуникативного взаимодействия людей, а стиль речи и характер взаимодействия создают стиль жизни общества. В этом смысле **каков язык, такова жизнь; как говорим, так и живём...** При этом следует иметь в виду, что цивилизационный характер языковой политики основывается на нравственном и идеологическом фундаменте, который отражает характер и дух народа, выраженные в конкретных текстах, общении внутри страны и общении с другими народами.

Языковая политика государства требует прояснения понятий **государственный язык** и **официальный язык**. Под государственным языком КЭС понимает «язык, использование которого законодательно предписано в официальных сферах общения». Данное определение не приемлемо по многим причинам. Прежде всего, язык — такая субстанция, которой трудно что-либо «зако-

²⁴⁷ *Чельшев Е.П.* Русский язык и цивилизационный путь России // Проблемы культурно-природного синтеза: Материалы конференции (Москва, 2008 г.): К 15-летию совета / РАН. Научн. совет по изуч. и охране культ. и природ. наследия. М.: Институт иностранных языков, 2009. С. 100.

нодательно предписать», потому что человек «законодательно» свободен в выборе средств выражения, за исключением, конечно, общенной лексики. Размытостью обладает и термин «официальные сферы общения»: какие сферы сюда войдут, а какие останутся за бортом? Относится ли к государственному языку массовая коммуникация с её многочисленными жанрами? или театр? или футбольный репортаж с чемпионата мира? или устный деловой язык?

Подобным образом «официальный язык» этот словарь рассматривает как «политико-юридический синоним языка государственного». И данное определение также не может удовлетворить требованиям точности, поскольку и сфера политики, и сфера юриспруденции, конечно, находятся в ведении «государства», а нам хотелось бы выяснить различия и точные значения терминов.

Более внятным является определение «государственного языка» у А.С. Пиголкина: «Это язык, на котором государственная власть общается с населением, разговаривает с гражданином. На нём публикуются законы и другие правовые акты, пишутся официальные документы, протоколы и стенограммы заседаний, осуществляется работа органов власти, управления и суда, делопроизводство и официальная переписка. Это язык официальных вывесок и объявлений, печатей и штампов, маркировки отечественных товаров, дорожных знаков и наименований улиц и площадей. Это язык, на котором осуществляется обучение в школах и других учебных заведениях, который должны изучать и активно использовать граждане соответствующего государства. Преимущественное использование на телевидении и радио, при издании газет и журналов — также одна из функций государственного языка»²⁴⁸. Приведённая дефиниция — наиболее детализированное описательное определение государственного языка путём перечисления его социальных функций, точнее, сфер его применения.

При сопоставлении отечественной терминологии с зарубежной мы обнаруживаем также некоторое несходство смыслов. Так, определение нашего «государственного языка» в терминологии

²⁴⁸ *Пиголкин А.С.* Законодательство о языках Российской Федерации: опыт, проблема развития // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992. С. 22–23.

ЮНЕСКО (national language) не вполне соответствует своему исходному смыслу, точнее применить словосочетание state language. National language — это «национальный язык», т.е. язык народа, нации, а государственный язык — это язык, который выполняет разные социальные функции в пределах государства. В России русский национальный язык стал государственным языком, т.е. языком государства. Согласно определению экспертов ЮНЕСКО, «официальный язык — язык государственного управления, законодательства, судопроизводства», но в данном случае термин «официально-деловой», существующий в классификации стилей и сфер общения в русской научной традиции, противостоит научному, литературно-художественному и прежде всего бытовому языку. В некотором смысле официальный язык — это язык высокоинтеллектуальных речевых профессий, которые всегда связаны с речевой (языковой) коммуникацией. Термин «официальный язык» может иметь и другое значение — как язык взаимодействия на официальных международных встречах.

Другие авторы, например, эксперты ЮНЕСКО, предлагают разграничить понятия «государственный язык» (national language) и «официальный язык» (official language) и дают этим терминам следующие определения: «Государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах и выступающий в качестве символа данного государства». Это определение более удачно, потому что отмечает две важные функции: 1) интеграции, собирания интересов граждан данного государства в единую общность, и 2) быть символом данного государства (возможно, в этом исходная ревность националистически настроенной части украинского общества к русскому языку. При этом не учитывается свойство русской нации, культуры, языка вмещать в себя все культуры, как и щедро делиться своими культурно-языковыми ценностями).

Рассмотрение особенностей языковой политики России, функционирования государственного и официального языков включает три группы проблем, на которых должно остановиться, предлагая их решение:

1) **языковая политика внутри страны**, связанная с пониманием и оценкой русского языка как государственного, решением проблем развития современного русского языка в условиях нового информационного пространства, глобализации, агрессивной «американизации» и «жаргонизации» речи, а также роли русского языка для других народов России;

2) **языковая политика по отношению к странам постсоветского пространства**, которые явно разделились в своём отношении к русскому языку как языку культуры и науки, языку межнационального общения;

3) **языковая политика по отношению к странам дальнего зарубежья**, где происходит такое же явное разделение на страны, где вместе с российской политикой принимается и её язык, и страны, где, несмотря на всё понимание значимости культурно-научных и просто человеческих контактов, это взаимодействие сворачивается.

*Языковая политика в России:
от национальной безопасности до культуры речи
и психологической атмосферы бытия*

Вопрос продолжения и развития цивилизационного пути, который избрала Россия в интересах всех своих народов и народностей, связан с русским языком как языком государственным и, безусловно, влияет на «долгосрочное стратегическое планирование в сфере внутренней и внешней политики»²⁴⁹. В этом нет никакого преувеличения, если представить, что язык — «душа народа» (П.А. Вяземский), а построение языковой политики свидетельствует о процветании или, напротив, увядании нации, а также о существующих проблемах в духовно-нравственной и материально-экономической жизни данного государства. Попробуем уяснить, что такое сегодняшняя языковая политика и как проявляется государ-

²⁴⁹ *Чельшев Е.П.* Русский язык и цивилизационный путь России // Проблемы культурно-природного синтеза: Материалы конференции (Москва, 2008 г.): К 15-летию совета / РАН. Научн. совет по изуч. и охране культ. и природ. наследия. М.: Институт иностранных языков, 2009. С. 102.

ственный статус русского языка, обратившись к уже высказанным авторитетным мнениям и анализируя состояние и перспективы сложившейся ситуации.

Основными социальными функциями русского языка в Российской Федерации акад. Е.П. Чельшев называет, «во-первых, национальный язык русского народа, составляющего примерно 83,7% жителей России; во-вторых, средство языкового единения многонационального государства, язык межнационального общения народов России; в-третьих, государственный язык, употребляемый в разных сферах общения — деловой сфере, сфере науки, сфере образования, сфере массовой коммуникации»²⁵⁰.

Русский язык — фактор обеспечения национального единства России, как об этом справедливо писал К.К. Колин²⁵¹. Затем автор статьи привел выразительные примеры опыта Сингапура в решении проблемы национального единства. Однако знакомство с удачным опытом другой страны не гарантирует успешности этих моделей на новой национально-культурной почве. Более того, приведенные К.К. Колиным примеры как раз показывают, на наш взгляд, неприменимость «сингапурского опыта» у нас в России. Так, в качестве общегосударственного языка в Сингапуре принят английский, а не китайский язык, хотя около 70% населения составляют китайцы; но и все этнические языки Сингапура (китайский, тамильский, малайский и другие) имеют статус государственных языков, на которых осуществляется судопроизводство. Очевидно, что вся цивилизационная история России говорит о другом: русский язык, как язык, на котором созданы великая наука, искусство, литература, исторически объединяет и приглашает к единству и взаимодействию другие языки, нисколько не ущемляя их права. Идея **равенства** языков, внимания к их развитию всегда лежала краеугольным камнем в основе национально-

²⁵⁰ Чельшев Е.П. Русский язык и цивилизационный путь России // Проблемы культурно-природного синтеза: Материалы конференции (Москва, 2008 г.): К 15-летию совета / РАН. Научн. совет по изуч. и охране культ. и природ. наследия. М.: Институт иностранных языков, 2009. С. 102.

²⁵¹ Колин К.К. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2007. № 2 (12). С. 143.

языковой политики России. Во всяком случае, никогда и нигде мы не обнаружим деклараций о насильственном уничтожении национальных культур и языков.

Научный взгляд на состояние интеллектуально-культурного развития языков говорит о том, что языки *«равноправны, но не равноценны»* (президент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, академик РАО В.Г. Костомаров). Юридическое *«равноправие»* языков не означает их *«равенства»*. Не-*«равенство»* проявляется в различной степени *развитости* языков (акад. РАО Ю.В. Рождественский). В этом нет ничего обидного или оскорбительного: есть языки, на которых существует только устная речь (таков язык какого-либо этноса, не имеющего необходимости в письменной речи, но и представителю такого этноса надо дать возможность защищать свои интересы в международном суде). Есть малые народы, получившие письменность (таковы малые народы России), но не имеющие развитой художественной литературы и науки — тогда, *«распри позабыв»*, совершенно естественно, что малый народ подтягивается до *«старшего брата»*, не испытывая при этом ни чувства унижения, ни комплекса неполноценности. И мы видим практически, как представители малых народов органически осваивают русскую культуру, науку, литературу, становятся профессионалами в разных областях деятельности — всё это с помощью русского языка.

Идея **единства** и **общности** — ключевая идея русской философии языка. Единение, единство, согласие, нахождение общих, солидарных точек зрения на предмет создаёт в обществе (социуме, коллективе, семье) гармонию, порядок, благоденствие. Единомыслие и единомушие не означают *«одинаковости»* взглядов, но служат отправной точкой для развития позиции, основывающейся на определённых нравственных, идеологических или профессиональных принципах и подходах. Ироническая фраза Козьмы Пруткина *«вести единомыслие в России»* является высмеиванием одинаковости, бесформенности, а единство и общность понимания, согласие и общественная гармония, находящие выражение в языковом общении, — это прочная основа для общественной солидарности и развития разномыслия, для расцвета каждой челове-

ской личности. Лучше всего это выражено в формуле: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всём — любовь» (св. Викентий Лиринский).

В XX веке мы были свидетелями общественно-идеологического раздора, нравственно-философского недопонимания разных общественных сил, приводившего то к революции, то к перестройке, а в современном состоянии общества — к возникновению идеологических течений, не допускающих примирения и согласия. Язык является как раз такой духовной ментальной скрепой, которая позволяет выстраивать общественный и личный диалог, потому что преимущественное наличие общих смыслов в языке дает противоборствующим сторонам возможность находить «общий язык» и точки соприкосновения. Примеры такого противостояния мы регулярно видим и слышим в общественных теледискуссиях, когда по-разному толкуются слова *демократия*, *коммунизм*, *Церковь* и т.д., когда по-разному интерпретируются события революции вековой давности, и у каждой стороны «свои факты». При необходимости сформулировать честно и непредвзято наши оценки недавнего прошлого очень важно предлагать новые нестандартные решения, к которым всегда был готов русский человек в непростые для него исторические моменты. Естественно, что эти решения требуют мысле-риторической изобретательности и убедительной стилевой выразительности текстов, владения языком, что и позволит формировать положительный и привлекательный образ современно-го россиянина как внутри страны, так и за её пределами.

В настоящее время России требуется искать такое «народное единство», которое позволяло бы противостоять современным вызовам во всех сферах жизни. Примеры прошлого не просто вдохновляют, они живут в «светлой точке сознания» современного россиянина, напоминая ему те или иные прецедентные тексты культуры, которые создают языковую общность: «народное единство» в 1612 году предполагало определенные речевые действия вождей Народного ополчения гражданина Минина и князя Пожарского; победа в Отечественной войне 1812 года для русского гимназиста прошлого века всегда была связана с манифестами царя-освободителя Александра I, которые писал академик Шишков;

примеров народного единства в СССР или современной России немного, но они явны: «река Бессмертного полка» — не только ментальная, но и языковая находка для нашего общества, требующего единства взглядов и форм выражения этого единства. Эта форма найдена: шествие по улицам городов с плакатами-фотографиями участников Великой Отечественной войны, как правило, близких родственников с кратким описанием их биографий. Концепт-понятие «единого» неслучайно выходит на первое место как в названии главной партии современной России («Единая Россия»), так и в спорах о «едином образовательном пространстве», «единых учебниках» — как по истории, так и по русскому языку и литературе. Во всех описываемых предметах имеется объединяющая идея, находящая конкретное разноимённое воплощение: так, подвиг у каждого участника «Бессмертного полка» свой, а идея защиты и служения Родине одна; идея самоотверженного служения современной России нас объединяет, но у каждого своя мера и своё место в этом служении; подобным образом требуется единый состав литературных текстов, формирующих нравственный облик современного молодого человека, хотя методики обучения — различны, как и многообразии формируемых человеческих личностей.

О проблемах нашей языковой политики в послеперестроечное время профессиональные филологи-словесники заговорили откровенно и прямо, утверждая, что «современное положение русского языка плохое»²⁵². Фактическим проявлением этого «плохого положения» была неопределённость его социально-политического статуса. Так, в национальных республиках, которые в 1990-е годы начали называть «национально-государственными образованиями», существовали попытки перевести всё делопроизводство на местные языки. Совершенно очевидно, что в столкновение приходили эгоистические интересы двух, а то и нескольких языков-народов. Прежде чем анализировать конкретную историю или сегодняшние ситуации, складывающиеся в вопросе соотношения и «борьбы» языков, следует определить некоторые очевидные философско-этические установки. Они состоят в том, что должно быть одобрено сохране-

²⁵² *Рожественский Ю.В.* О современном положении русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 117.

ние и развитие всех языков, исходя из установки: монолингвально устроенный человек, т.е. знающий только свой единственный язык, всегда несколько ущербен (выражаясь афористично, «чем более знает языков человек, тем более он человек», вариант: «Сколько ты знаешь языков, столько раз ты человек»). Этот настрой на диалог с другим (в современной культуре довольно много истинных и ложных теорий диалога) не должен входить в противоречие с установкой защиты, сбережения и развития родного национального языка.

Таким образом, в основу национально-языковых отношений закладывается все тот же христианский принцип любви, сбережения и инициативного творчества. Греховная человеческая природа заставляет размышлять и защищать только «свои» интересы, нарушая основные принципы культуры: сохранения достижений и творческого развития всего окружающего мира. Покажем существование этих принципов на конкретном примере. Многие национальные республики России имеют два государственных языка, например, в Башкортостане два государственных языка — русский и башкирский. После Октябрьской революции (так же как и позже в «перестройку», когда заговорили о «параде суверенитетов») встал вопрос развития национальной культуры и языка, т.е. лидеры башкирского национального движения главное внимание уделяли вопросам развития и сохранения родного языка, национальной культуры, тесно связывая их с экономической и политической самостоятельностью Башкортостана. Противоречивая дальнейшая история с перегибами то в сторону почти полной самостоятельности башкирского языка (см. постановление «О реализации башкирского языка» 1926 года), то в сторону великодержавного подавления такой самостоятельности убеждает в одном: мир и согласие в вопросах языкового существования возможны там, где веротерпимо, с пониманием конкретных нужд разных национальностей решаются данные вопросы.

Сегодняшняя ситуация в Башкортостане показывает, что если русским языком владеют практически 100 процентов населения, пользуясь этим языком как на работе, так и в быту, то о башкирском языке этого сказать нельзя. Социальные функции этих двух языков совершенно неодинаковы, и в ближайшем будущем сфера

применения башкирского языка вряд ли расширится (Уфимский журнал)²⁵³. Предложение вести делопроизводство параллельно на башкирском и русском языках невыгодно экономически, искусственное же введение башкирского языка породило бы, как всякое принуждение, обратный эффект. Здесь стоит сказать об ошибках всякого подобного национально-языкового крена в сторону родной культуры: последняя может быть развита только тогда, когда национальная культура учитывает, а не отказывается от достижений более развитой культуры, с которой её соединяет многовековая история и традиции совместного бытия. Всякий такой отказ чреват странными и смешными перегибами и чудачествами, созданием ложных национально-исторических мифов и легенд (пример — сегодняшняя Украина), потому что построение культуры — процесс постепенный, требующий последовательного освоения духовных, интеллектуальных и профессиональных достижений разных соседствующих культур, выражающих эти достижения в языке.

Характерно, что ситуация национального многоязычия в России всегда находила благоприятное разрешение. Так, в том же современном Башкортостане в муниципальных образованиях, где компактно проживают представители разных национальностей, допускается официальное применение разных родных языков. К примеру, на автостанциях в Бакалах объявлять рейсы наряду с русским и башкирским можно на татарском, в селе Золотоножка Стерлитамакского района — на украинском, в населённом пункте Максим Горький Архангельского района — на латышском языке.

Философия языкового существования в России опирается на нравственно-этические принципы, которые полнее всего сформулированы в православной философии, требующей как защиты и отстаивания родных национальных интересов, так и понимания, взаимодействия со всеми окружающими человека народностями и языками. В сущности, именно этот принцип был нарушен в перестроечные годы, когда основополагающий советский принцип «дружбы народов» (имеющий несомненно христианскую природу) был объявлен устаревшим и ненужным, когда человека можно

²⁵³ Ссылаемся на статью: Артур Асафьев. Реалии. См.: journalufa.com/21156-yazyk-razdora.

было осудить, оскорбить, обвинить только потому, что он — лицо другой национальности. В советское время на подобные действия был наложен запрет (пусть формальный, но он существовал) — и в этом известное величие советского времени. Честность и достоинство современной российской позиции в вопросах философии языка, отношения к культурам и языкам всех народов, как населяющих нашу страну, так и живущих за её пределами, говорит о том, что нам есть чем гордиться и есть о чем печалиться, если задуматься о том положении, в котором находятся сейчас наши соотечественники, проживающие на Украине и в странах Балтии.

Тем не менее, многое в состоянии современного русского языка и проводимой в России языковой политики вызывает озабоченность — и об этом высказано много критических замечаний. Попробуем суммировать эти справедливые упреки современному русскому языку, пытаясь понять причины и предлагая выходы из сложившейся языковой ситуации. Е.П. Чельшев и М.В. Орешкина обобщают эти трудности, или «негативные явления» существования современного русского языка, следующим образом.

1. *«Снижение языковой культуры и чистоты русской речи»*, что всегда являлось показателем и *«общей культуры российского общества»*²⁵⁴. Причины этого явления необходимо искать в изменившейся информационно-речевой структуре общества и смене нравственно-идеологической парадигмы. Эти причины объективны, они характеризуют общее информационно-технологическое развитие человечества, а вот результаты зависят, конечно, от тех субъективно-индивидуальных усилий, которые прилагаются к тому, чтобы приспособиться к новым условиям и научиться в них выживать.

Всеобщее «демократическое» раскрепощение было отчасти виной тому, что в нашу речь хлынул в 1990-е годы поток «грязной» лексики (Гераклит писал о таком сорте людей, которые «наслажда-

²⁵⁴ Чельшев Е.П., Орешкина М.В. Языковая политика и национальная безопасность России // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. акад. Е.П. Чельшева; Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия; Институт языкознания РАН. М.: ИЦ Азбуковник, 2017. С. 5.

ются грязью»). Сегодня этот поток в значительной мере приостановлен, но до сих пор то там, то здесь слышишь призывы кинорежиссеров разрешить употребление «запретных» слов на экране, о театре же не приходится и говорить, потому что иные постановщики полагают, что спектакль не будут смотреть, если в нем не будет словечка с «душком»... К сожалению, эти «инженеры человеческих душ» не понимают главных принципов культуры, которая, по словам акад. Д.С. Лихачёва и Ю.М. Лотмана, начинается с «запрета». И это как раз запрет на использование не только «скверных» слов, но и всякой пошлости, вульгарности, «обнищания» нашего богатого и выразительного языка, а начинается всё это с «обнищания» души, потери нравственных ориентиров.

Где же путь к осуществлению такой языковой политики, которая способствовала бы оздоровлению = «очищению» нашей речи? На наш взгляд, выход — не столько в обличении всех отрицательных явлений, сколько в предложении альтернативы — образцов хорошей, чистой, богатой русской речи, которая обязана звучать сегодня в средствах массовой информации, общественных дискуссиях, в новых литературных произведениях, использующих классическое наследие. Требуется создание в обществе обстановки внимания к воссозданию высококультурной, содержательно глубокой и стилистически совершенной речи. Увы, из уст некоторых наших ведущих русистов прозвучал тезис об отсутствии в современном языке высокого стиля (мол, остались только «низкий» и «средний»). Но если остались высокие мысли, то должен быть соответствующий им способ выражения. И разве речь Президента в День Победы, Слово Святейшего Патриарха в Пасхальное воскресенье, любое праздничное поздравление в дни юбилеев не включают элементы высокого стиля? Другое дело, что современная стилистика предполагает максимальное разнообразие средств выражения, а каждый искусный оратор или писатель создаёт свой авторский образ в соответствии с замыслом речи.

2. Перенасыщение русского языка терминами и оборотами иностранного происхождения, своеобразная «вестернизация» отдельных сфер использования русского языка, например, газетно-публици-

тической²⁵⁵. Цивилизационно-культурная причина этого феномена, имеющего глубокие исторические корни, кроется в традиционной русской открытости, готовности перенимать всё, что кажется лучшим и передовым. Впрочем, несомненно, что виновата и наша российская пассивность, неготовность творчески мыслить и изобретать, риторическая неумелость самостоятельно думать и говорить... до тех пор, пока не придёт необходимый момент («пока гром не грянет...»). Кажется, что сегодня этот момент настал: этому способствует и острая конфронтационная обстановка в отношениях с Западом, и проснувшаяся готовность, внутренняя смелость, вдохновение и дерзновение переориентироваться и творить в новом, собственном, творчески активном, национально специфическом стиле мысли и речи.

Национальная цивилизационная особенность нашего отношения к словам иностранного происхождения имеет антиномичный характер — и эти антиномии блестяще вскрыл Н. Бердяев в книге «Душа России», показав «противоречия» русской жизни и русской души. Они распространяются и на наше отношение к иностранным словам: с одной стороны, «раболепство» перед иностранным, неоднократно высмеянное нашими классиками как «слепое, рабское, пустое подражанье», копирование, кажущаяся неспособность к собственному творчеству, с другой стороны, слышатся призывы отказаться от иностранных слов (другая крайность!) с заменой их русскими. Очевидно, что истинный путь, или решение данного вопроса, в создании некоей гармонии между заимствованиями и собственным национальным языковым творчеством, определяемой необходимостью и общественно-языковым вкусом. К сожалению, наши творцы нового (например, в сфере массовой коммуникации) не ищут новые формы, а предпочитают копировать их с Запада. Недавно автору этих строк предложили участвовать в новом проекте популярного телеканала под названием

²⁵⁵ *Чельшев Е.П., Орешкина М.В.* Языковая политика и национальная безопасность России // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. акад. Е.П. Чельшева; Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия; Институт языкознания РАН. М.: ИЦ Азбуковник, 2017. С. 6.

«Гений нации». После вопросов о том, где родилась идея этого очередного «шоу», выяснилось, что предлагается делать копию передачи английского телевидения. Пришлось отказаться.

3. «Американизация» научно-технической терминологии и общественно-политической лексики и соответствующих стилей русского литературного языка, о чём пишут и Е.П. Чельшев, и М.В. Орешкина,²⁵⁶ и К.К. Колин²⁵⁷. Увы, эта тенденция, рождённая той же перестройкой, проявляется весьма резко и затрагивает умы в самых разных областях науки. В русистике эта тенденция проявляется в модной ныне ориентации на определённые западные термины и теории (мода эта меняется раз в пять-десять лет, например, в филологических науках только ленивый ныне не пишет о дискурсе и дискурсивной лингвистике, в каждой пятой работе анализируется разница между дискурсом и текстом); в политологии также считается хорошим тоном начинать повествование со ссылки на американского автора, последние же высказывают нередко довольно тривиальные суждения, восходящие к научной классике, которой мало кто интересуется.

В сущности, сложившаяся ситуация объясняется также тенденциями глобализации (а всё глобальное взято от наиболее влиятельной ныне культуры — американской) и компьютерной информатизации, когда новым организаторам и управленцам от науки кажется, что парадигма знания должна меняться каждые пять лет. Поэтому до недавнего времени существовало требование не использовать в качестве «основной литературы» издания старше 5 лет. Такое требование автоматически исключало для русистов-филологов знакомство с филологической классикой. Сумеет ли мы, оставаясь современными профессионалами, интересующимися развитием актуального знания, противопоставить сиюми-

²⁵⁶ Чельшев Е.П., Орешкина М.В. Языковая политика и национальная безопасность России // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. акад. Е.П. Чельшева; Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия; Институт языкознания РАН. М.: ИЦ Азбуковник, 2017. С. 6.

²⁵⁷ Колин К.К. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2007. № 2 (12). С. 143.

нутной американизированной неоглобалистской суете глубину отечественной мысли с творческим развитием её лучших идей — зависит от твердости нашей позиции и от наших творческих усилий.

4) *«Засорение русской речи жаргонной лексикой, так называемая «криминализация» русской речи»*. И эта проблема также знакома российской цивилизации: всякая революция освобождает не только творческое светлое начало, но вводит общество в обман псевдосвободы, поднимая со дна общественной жизни мутные дремлющие силы. Так, в перестройку казалось, что «блатная жизнь», уголовные песни (основателем этого стиля в современной музыке, несомненно, должен быть признан талантливый бард В.С. Высоцкий) не просто вошли в моду, но стали предметом пристального внимания учёных и, вне всякого сомнения, формировали среду и стиль общественно-культурной жизни 1990-х. Появились не только многочисленные словари и исследования уголовно-тюремного языка (а начиналось всё со ссылки на материалы акад. Д.С. Лихачёва, собранные им на Соловках), но и многотомные исследования русского мата... Последнее было настоящим вызовом русской словесной культуре, потому что, кроме главного аргумента (скверное слово калечит человеческую душу, и ни о каких «художественно-выразительных средствах» тут просто не стоит говорить), «непечатное» слово потому и зовется «непечатным», что не могло быть напечатанным: просто русский глаз неймёт скверное слово... оно не для чтения, а только для сотрясения воздуха.

5) Распространение особого стиля *«ёрничества»*, *«стёба»*, издевательской иронии, используемой в пародийных контекстах, о чем выразительно написал Ю.Л. Воротников²⁵⁸ — это звенья одной цепи, свидетельствующие о невозможности данных творцов языка (обратите внимание на то, как много сейчас пародий и пародийных жанров в современной масскультуре) создать что-то своё, подлинно новаторское. Настоящее новаторство как в искус-

²⁵⁸ Воротников Ю.Л. Русский язык и проблемы национальной безопасности России // Языковая политика в современном мире: По материалам Третьего и Четвертого международных семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия (Париж, 2005; Санкт-Петербург, 2005–2006). СПб.: Златоуст, 2007. С. 8–10.

стве, так и в других формах деятельности возможно только при знании культурно-цивилизационной традиции — именно это переосмысление позволяет создавать творческие шедевры, изобретая оригинальные произведения человеческой мысли, слова и дела.

Попытку заложить основы новой языковой политики предприняла Государственная Дума, приняв 1 июня 2005 года Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями на 5 мая 2014 года)²⁵⁹. Этот закон долго готовился и вызвал множество споров и разногласий как среди сообщества учёных-филологов, так и среди широкой заинтересованной общественности. Нередко авторитетные ученые высказывают скептические суждения относительно возможностей «законодательно» управлять языком, определив ему какие-то более или менее жёсткие рамки, поэтому многие отказываются от участия в таком законотворчестве. Эти скептические реплики и отказы звучат, как правило, в частных разговорах и университетских коридорах, поэтому автор статьи не вправе их разглашать. Ответим скептикам вопросом на вопрос: «А разве в реальном общении каждый из нас не ставит себе определённые рамки, не придерживается правил и законов, которые, может быть, он сам себе и определил, но эти законы и правила не существуют ли реально?» К сожалению, мы не знаем многих законов языка, но, как говорится, «незнание не освобождает от ответственности». Характерно, что эту ответственность за сказанные или написанные тексты несёт каждый из нас.

Принятый Закон о государственном языке обозначает сферы его использования «на всей территории страны» — и этот тезис не вызывает сомнений. Естественно, что более всего общественность страны интересуется реальной языковой практикой, в частности, те проблемы, о которых говорилось выше. Вопрос: может ли Закон о языке их решить? Например, Закон определяет: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соот-

²⁵⁹ Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ // Российская газета. 07.06.2005; Документ с изменениями, внесенными: Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 101-ФЗ (вступил в силу с 1 июля 2014 года) // www.pravo.gov.ru (05.05.2014).

ветствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке» (в редакции, введённой в действие с 1 июля 2014 года) [Федеральный закон, 2005, ст. 1, п. 6].

Особенности ли русского языка, или нашего культурного менталитета заставляют поставить вопрос к авторам закона, по видимому, нефилологам: можно ли законодательно установить «соответствие нормам языка»? Увы, невозможно. К сожалению, нарушают норму русского литературного языка часто по незнанию, а не по злему умыслу. Ошибки в нарушении нормы могут случиться и с честными, законопослушными гражданами, и с высококультурными интеллектуалами. Норма языка, как правило, бывает только рекомендована, она характеризует уровень культуры и образованности человека, но никак не может быть предметом судебного разбирательства.

Запрет и законодательное регулирование «использования слов и выражений» возможны только относительно нецензурной брани. Кстати, всем понятно, что такое сквернословие, или нецензурная брань, однако ловкие адвокаты, как и «ловкие на язык» деятели искусств, оправдывают использование «крепких» выражений особенностями ситуации или требованиями художественного жанра. Русская языковая цивилизация такова, что не терпит морализаторства, но широкая «интеллектуальная» публика, наполняющая залы театров и концертов, нередко с удовольствием воспринимает сцены с «подвыпившими» персонажами и «острыми» словцами, буквально на грани фола.

Тем более, у многих скептиков возникает вопрос: что такое «иностранное слова, не имеющие аналогов в русском языке»? Выше мы писали о психолингвистической особенности россиянина блеснуть, увы, иностранным словечком вместо русского. Как грибы вырастают и входят в нашу жизнь новомодные слова: *модератор* вместо *ведущего* (причём на большинстве всероссийских конференций), *презентация* вместо *представления*... и т.д. В нашей жизни действительно появились такие должности и сферы деловой жизни, которые всё больше связаны с иностранным бизнесом

и требуют введения иностранных слов-терминов, например: *промоутер* — специалист, продвигающий дела компании на рынке; *риэлтор* — специалист по продаже недвижимости и нек. др. Спрашивается: могли бы мы найти русское слово для называния этих областей деятельности? Конечно, могли бы. Но современная языковая психология такова, что легче взять «чужое» готовое слово, чем выдумывать и вводить в употребление своё русское. Кроме того, иностранное слово, введенное в какую-то деловую сферу, всегда ограничивает смыслы его употребления, а русское слово может иметь какие-то дополнительные ассоциации. И всё-таки закончить эти размышления хочется словами В.Г. Белинского: «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус».

У нас часто ссылаются на эффективность французского законодательства о языке, препятствующего проникновению во французское языковое пространство англо-американской кинопродукции и музыкальной индустрии. Эти действия одобрены языковым законодательством Франции, однако едва ли этот опыт может быть слепо перенесён на российскую почву. Русская национально-языковая психология отрицательно воспринимает всякий казённый запретительный пыл, в нашем обществе, скорее, действуют законы создания **влиятельного стиля и вкуса**, когда общество соглашается с предлагаемыми изменениями в содержании и стиле речевого общения. Для этого должен быть предложен иной **образ действительности**, воплощаемый в современном русском языке. Он формируется, прежде всего, 1) нравственными законами, лежащими в основе речевого взаимодействия, 2) правилами общественного вкуса как соответствия идеалам прекрасного в языке и, в конечном итоге, 3) нашим стремлением формировать в современном россиянце привлекательный для нас самих и для других народов **образ совершенного человека**, владеющего *силой ума*, имеющего развитый *дар слова* и *желание общего блага* как этическую основу речевых поступков²⁶⁰. В последней формулировке, выражающей «истинное красноречие» как воплощение чистоты

²⁶⁰ Кошанский Н.Ф. Риторика / Издание подготовили Аннушкин В.И., А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М.: Русская панорама; Кафедра, 2013.

русской речи, мы процитировали профессора Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанского, воспитавшего «словесностью и риторикой» первый выпуск блестящей пушкинско-горчаковской плеяды лучших людей России. Квинтэссенция русской цивилизационной идеи ясно говорит: цель словесного образования — формирование в человеке совершенного образа Божия, воплотившего в своём языке — речи — слове подлинные идеалы Добра, Истины и Красоты.

В последнее десятилетие многое делается в этом направлении. В 2007 году был создан Фонд «Русский мир», занимающийся вопросами пропаганды и распространения русского языка в России и мире. Результаты работы Фонда впечатляют: открыты сотни Центров русского языка в разных уголках мира, проводятся международные конференции и конкурсы, посвящённые русскому языку, проблемам методики преподавания русского языка, выпускается журнал «Русский мир» и т.д. В 2014 году указом Президента РФ № 409 был образован Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку. На протяжении более двух десятилетий в России действует Федеральная целевая программа «Русский язык», выполняемая различными научно-исследовательскими, научно-образовательными и культурно-просветительскими организациями. В настоящее время реализуется Концепция этой Программы на 2016–2020 гг., что служит красноречивым свидетельством государственной поддержки русского языка, которая является частью борьбы за государственную безопасность и отвечает стратегическим интересам России.

Однако, как справедливо отмечают Е.П. Чельшев и М.В. Орешкина, закрепление за русским языком статуса государственного языка Российской Федерации, равно как и закрепление за титульными языками республик РФ статуса государственных языков республик, «не решило многих проблем, имеющих в настоящее время у русского языка, у других языков народов России и не обеспечило им полной защиты от отрицательных воздействий». В российском законодательстве о языках присутствует «некая декларативность, излишняя стандартность, обобщённость, в отдельных случаях несоответствие реалиям и запросам, расплывчатость и нечёткость формулировок, которые сложно толковать и тем более

применять, неясность терминологии, а главное, отсутствие в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона»²⁶¹. Со всеми этими отмеченными недостатками нашего законодательства невозможно не согласиться, — как и с предложениями найти пути его конкретизации.

Разговор о современной языковой действительности необходимо продолжить обсуждением проблемы **культуры речи** в широком цивилизационном контексте современной российской жизни. **Культура слова — языка — речи** (позволим употребить эти термины как синонимы, обозначающие в широком смысле орудие общения, средство взаимосвязи людей) — это:

(1) **культура сердца**, а значит, помыслов и сформированных ими идей (очевидно, что мысль рождается в глубине сердечной). Однако понятие «сердца», столь очевидное для духовно-философской и педагогической прозы духовных писателей (см. сочинения И.А. Ильина, св. Иоанна Кронштадтского), попросту неведомо нашей обычной современной педагогике;

(2) **культура чувства**, ибо «основания красноречия суть страсти» (М.М. Сперанский),²⁶² но именно «чувства» выражаются в речи, и в филологии существует понятие «речевых эмоций», т.е. эмоций, рождаемых с помощью речи. Нравственное убеждение начинается с чувства, взаимного благорасположения, доверия, поэтому именно чувственная, эмоциональная, энергетическая сторона речи так много значит в создании и восприятии нашей речи и воспитании «словесного» человека;

(3) **культура мысли** как умение рождать благие и полезные мысли, способность изобретать аргументы и выстраивать цепи доказательств, для чего в риторике как искусстве доказывания существует технология обучения содержанию речи. Вдохновенная творческая работа мысли всегда была тесно связана с кристальной ясностью выражающего мысль языка;

²⁶¹ *Чельшев Е.П., Орешкина М.В.* Языковая политика и национальная безопасность России // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. акад. Е.П. Чельшева; Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия; Институт языкознания РАН. М.: ИЦ Азбуковник, 2017. С. 15–16.

²⁶² *Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. СПб., 1793. С. 1.

(4) **культура слова** как реализация мысли через творческие действия в отборе чистых, ясных, богатых и уместных слов. Именно **словесная стилистика** как способ словесного выражения рождает привлекательность и влияние речи, которая заинтересовывает и увлекает читателя или слушателя;

(5) **культура фразы** (предложения, периода) как способности соединять слова в распространённых и подлинно прекрасных, уместных фразах (или фигурах речи). По этой способности оцениваются как литературный талант, так и стилистика убеждения;

(6) **культура произношения**, ибо надо выработать способность, умение, навык произнести заготовленные мысли и слова, требующие освоения технического искусства произнесения речей, где важно всё: и деление речи на такты, и паузы, и артикуляция-дикция, и логическое ударение, и интонация, и таинственная красота тембра голоса, воздействующая на человека, но главное — энергетика, характеризующая духовно-нравственное состояние человека, находящее выражение в его звучании;

(7) наконец, **культура телодвижения**, ибо восприятие речи всякого человека начинается ещё до «слова», т.е. воспринимаются не-словесные (паралингвистические) характеристики: внешность человека, одежда, походка, причёска, поза, взгляд — «всё», что, согласно знаменитому крылатому выражению, «в человеке должно быть прекрасно». Не о том ли предупреждает нас в своём дневнике царица Александра Фёдоровна, когда пишет, что можно обидеть «взглядом, интонацией, жестом, словом»?

Очевидно, что разговор о нравственно-философских основах бытия, о духовной жизни человека — наиболее трудный и сложный предмет для вынесения на общественное обсуждение. Но именно в этом разговоре более всего нуждается современный человек, ибо что может быть важнее внутренней, душевной, духовной жизни личности? Но найти подход к личности — это уже зависит от искусства слова, или речи, и такой подход можно основать только на любви, знании, вдохновенном творчестве.

*Языковая политика России
в отношении стран постсоветского пространства
и дальнего зарубежья*

Политика России по отношению к языкам народов, её населяющих, базируется на традиционных подходах, которые проистекают из общих нравственных постулатов нашей цивилизации. Эти принципы предполагают уважение и внимание к другим языкам и культурам, готовность передать свой исторический опыт и знания, убедить в ценностях тех выработанных веками традиций образования и общего уклада жизни, которым без насильственного навязывания могут следовать другие народы.

Ситуация, сложившаяся в 90-е годы XX века, привела к резкому сокращению русского информационного присутствия в странах ближнего зарубежья, вытеснению русского языка из стран дальнего зарубежья, ограничению в его использовании как одного из языков международного общения. В последнее десятилетие всем этим серьезным угрозам, которые отмечают многие авторы, противостоит активная деятельность целого ряда организаций, государственных институтов и общественных движений. Отметим наиболее важные государственные и гражданские инициативы, которые в современном, быстро меняющемся мире способствуют утверждению русского языка и культуры на международной арене.

Прежде всего, это **Фонд «Русский мир»**, созданный во исполнение Указа Президента В.В. Путина 21 июня 2007 года. Основными целями Фонда обозначены популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом. Фонд «Русский мир» содействует распространению объективной информации о современной России и российских соотечественниках, а также формированию на этой основе благоприятного общественного мнения о России. Известно, сколько трудностей сегодня встаёт на этом пути: прежде всего, это невозможность распространения объективной информации о нашей стране даже в таких «классических демократических сообществах», как чешское или

немецкое, когда потенциальные визави не заинтересованы либо в распространении достоверных фактов о России, либо в развитии наших языковых и культурных связей. Автор данной статьи ссылается на собственный опыт участия в «гуманитарных экспедициях» по ряду европейских стран, где создаются искусственные препоны для наших дружеских культурно-языковых контактов, что было трудно представить ещё несколько десятилетий назад. Однако «запреты» не только не снижают интерес к языку и культуре России, но у простого европейца этот интерес возрастает, потому что все народы заинтересованы в получении объективной информации о происходящих изменениях в нашей стране.

Характерно формирование самого нового понятия «русский мир», которое включает не только русских, не только россиян, не только наших соотечественников в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигрантов, выходцев из России и их потомков. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. Фондом «Русский мир» открыты более сотни центров русского языка и культуры, которые занимаются поддержкой преподавания русского языка и литературы. Активно сотрудничает Фонд с иностранными и международными организациями и учреждениями образования и культуры в деле популяризации русского языка и культуры. Ежегодно проходят Ассамблеи Фонда «Русский мир», собирающие наиболее ярких представителей российской науки и культуры, авторитетных зарубежных русистов и культурологов. XI Ассамблея, посвящённая 10-летию «Русского мира», состоялась в ноябре 2017 года в Нижнем Новгороде, где были приняты представители 73 стран мира, более 500 делегаций, — тех, кто, по словам вице-губернатора Нижегородской области Евгения Люлина, «несёт русскую душу, русскую культуру, русский язык в самые отдалённые страны».

Заметим, что в последнее десятилетие серьезно изменилась информационная картина мира с её новыми возможностями коммуникации, создания новых видов виртуального общения, различного рода контактов, которые не ограничиваются «электронно-визуальными» средствами связи, но предполагают организацию

множества форумов, конференций, олимпиад, конкурсов, курсов повышения квалификации преподавателей русского языка и т.д. К участию в таких контактах привлекаются сегодня не только столичные вузы, но, в сущности, инициатива переходит к наиболее активным и изобретательным членам научно-педагогического сообщества. Именно они получают право на проведение различного рода олимпиад и конкурсов для преподавателей русского языка и литературы, курсов по подготовке преподавателей русского языка и т.д. Приведем конкретный пример: в Москве преподавателями столичных вузов в течение нескольких лет (с 2015 по 2017 годы) проводился конкурс «Лучший учитель русской словесности для стран ближнего и дальнего зарубежья». 1-й тур Конкурса включал заочные задания, и в нём принимали участие учителя и преподаватели вузов более 40 стран, а на 2-й творческий очный тур приглашались 15 победителей 1-го тура из разных стран мира. Трудно передать обстановку воодушевления, которая царит на таких конкурсных дружеских соревнованиях, позволяющих русистам разных стран не только подружиться, но получить новые профессиональные знания, увидеть современную Россию и увезти в свои страны к своим ученикам добрую память и благорасположенность к великой русской культуре, её языку, её земле.

Исторически предшествует Фонду «Русский мир» другая организация с несколько иными задачами — **Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ)**, которая существует с 1967 года (в 2017 году она отметила в Париже свое 50-летие). Будучи неправительственным общественным объединением, созданным с целью популяризации, сохранения, развития и изучения русского языка и литературы как части мировой культуры, МАПРЯЛ содействует успешному преподаванию русского языка и литературы, обмену информацией и опытом в разработке и применении наиболее эффективных методов и приемов обучения. Именно МАПРЯЛ является свидетельством той языковой политики, которая может исходить не от отдельного государства, а от представителей разных государств (идеологий, культур), но которая объединяет учёных и педагогов разных стран на основе любви и преданности великому русскому языку, литературе, куль-

туре. Характерны высказывания, которые звучали на вышеупомянутой встрече в Париже от представителей тех стран, где положение с русским языком может показаться «проблемным». Так, Дэн Дэвидсон, вице-президент МАПРЯЛ, президент американских Советов по международному образованию, сказал об увеличении за последние 7 лет в американских школах количества учеников, выбирающих русский язык, на 20 процентов. «Главный русист» США объясняет это «новой волной билингвального образования», но характерно, что выбор падает именно на русский язык, а не на какой-либо иной.

Безусловно, одной из наиболее сильных школ иностранной русистики является Казахстанская русистика, подготовившая целую армию отличных специалистов по русскому языку. В настоящее время многие встревожены предстоящим к 2025 году переходом Казахстана с кириллицы на латиницу, хотя мы вполне сознаём, что это «личное дело» каждой страны. Дело в том, что, с точки зрения языковой политики, введение новой графики или алфавита, любая орфографическая реформа — это акт, мешающий сохранению культурных традиций (после любой такой реформы из внимания читающего общества невольно выпадает целый комплекс текстов, к которым будет утерян интерес). Языковая политика Казахстана сегодня заключается в том, чтобы развивать все языки образования, и прежде всего три: казахский, русский и английский. Касаясь русского языка, вице-президент МАПРЯЛ, глава КАПРЯЛ (Казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы) Элеонора Сулейменова неслучайно говорила об «уникальности» Казахстана, высокой «витальности русского языка» и его перспективах, потому что «трудно найти в Казахстане человека — независимо от его этнической принадлежности — кто не стремился бы овладеть русским языком». Эта оценка — вовсе не политический маневр известного русиста. Автор данной главы убедился в верности сделанной оценки во время недавней поездки в Казахстан, куда регулярно приглашают учёных-педагогов из России, поддерживая и развивая многолетние дружеские связи. Заключительным аргументом в пользу влияния и перспектив русского языка в Казахстане является планируемый в Астане (Республика Казах-

стан) очередной Конгресс МАПРЯЛ под названием «Русское слово в многоязычном мире», который будет проходить с 29 апреля по 4 мая 2019 года. Заметим, что Конгресс МАПРЯЛ — крупнейшее событие в области мировой русистики, проводимое один раз в пять лет и объединяющее около 1000 ученых со всего мира.

Противоречивость и оптимистическую перспективность нынешней ситуации с русским языком в странах дальнего зарубежья лучше других подчеркнул на Парижском форуме политолог, председатель Комитета Государственной Думы России по науке и образованию, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов: *«Русскость на подъёме, а Россия — хит номер один»*, — этими словами он начал своё выступление, связав интерес к изучению русского языка в некоторых западных странах с изменившейся политической конъюнктурой и возвращением формата «холодной войны». Впрочем, современный мир даёт нам и другие, положительные примеры мотивации: так, в Сирии руководством страны принято решение об открытии преподавания русского языка во всех без исключения школах, целый самолёт школьных учебников на русском языке отправился в Таджикистан. *«Вчера в Москве мы встречались с группой депутатов-законодателей штата Нью-Йорк, в том числе представляющих районы со значительной долей русскоязычного населения. Они рассказали, что Законодательным собранием было принято решение о том, что в Нью-Йорке русский язык является официальным. Это пятый официальный язык города. И в этом году был принят закон, что каждый апрель в штате Нью-Йорк — месяц, посвященный культурному наследию России. И это несмотря на все трудности наших отношений»*, — подчеркнул в заключение Вячеслав Никонов.

Итак, ситуация с русским языком как в странах ближнего зарубежья, так и в странах дальнего зарубежья весьма сложна и противоречива, отражая современную политическую мировую ситуацию в целом. Отношение к русскому языку во многом формируют политические пристрастия: если на Украине обострение антирусских настроений толкает к фактическому вымыванию русского языка из сферы образования (при этом большинство населения страны продолжает пользоваться русским языком), если в Латвии

за выступления в защиту русского языка сажают в тюрьму (как это происходит с Александром Гапоненко, выступающим за сохранение образования на русском языке), если европейские страны вследствие развившейся русофобии фактически сокращают до минимума языковые контакты в области образования (судим по минимальному уровню контактов с европейскими вузами по сравнению с советским временем, когда эти контакты были значительно шире), то во многих странах, напротив, картина весьма оптимистична: так, в Белоруссии русский язык считается вторым государственным языком и на нём ведётся основное вузовское и школьное преподавание; безусловны позиции русского языка в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии; русский язык экономически «выгоден» Таджикистану и Молдавии. В сущности, языковая философия каждой страны на постсоветском пространстве должна была бы говорить о культурной важности сохранения контактов с развитой русской наукой, языком, литературой, ибо только на основании культурных многовековых взаимовыгодных традиций можно развить собственную культуру. И конечно, особые отношения у нас складываются сегодня с Китаем и Вьетнамом, откуда к нам едут учиться тысячи студентов. Видимо, не стоит объяснять это только экономическими причинами и выгодами, потому что интерес, который пробуждается к России у иностранной молодежи, обязательно станет фундаментом будущих дружественных связей как в областях культуры и науки, так и в большой политике и экономике.

Языковая политика в отношении стран ближнего и дальнего зарубежья выразительна в сфере развития образования на русском языке. Совершенно очевидно, что сегодня в непростых политических условиях, когда народам необходимо сохранить мир и доверие друг к другу, важны нестандартные творческие инициативы, решения и поступки, которые могли бы способствовать продвижению наших культурно-цивилизационных ценностей. Для этого многое делается нашими передовыми вузами, работающими над качественным обучением русскому языку как наших российских студентов, так и иностранцев, желающих получить образование на русском или приобщиться к русской культуре. Приведём несколь-

ко положительных примеров-инициатив, которые уже сегодня эффективно работают в мировом образовательном пространстве. Так, в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина в 2015 году начат проект «Образование на русском», обращённый не только к российским гражданам, желающим сдать ЕГЭ или проявляющим интерес к русскому языку, но прежде всего к иностранцам (как преподавателям-русистам, так и простым иностранцам, желающим в онлайн-режиме начать изучать русский язык). Возможности интернет-контактов на сегодняшний день действительно впечатляют: на портале Института Пушкина зарегистрировано более 1 миллиона 100 тысяч участников, 70 тысяч преподавателей: они могут слушать онлайн-лекции ведущих преподавателей, посещать вебинары по методике преподавания русского языка, просматривать видеозаписи предыдущих вебинаров и лекций. Безусловный интерес вызывают сегодня такие новаторские формы пропаганды русского языка, как организованные в разных вузах Москвы Университетские субботы, на которых ведущие преподаватели читают лекции всем желающим — надо сказать, что эта «классическая» форма лекций для вольнослушателей собирает в Институте Пушкина большое количество слушателей. Подобной инициативой является создание в Институте Школы русского слова, задача которой — популяризация знаний и привлечение внимания широких групп населения к русскому языку, культуре речи, риторике как искусству эффективной коммуникации. Очевидно, что это и есть практическое осуществление национальной языковой политики, которая должна найти опору во всех, кто любит Слово, понимает его роль в жизни общества и личности, хочет совершенствоваться в русском языке.

Перспективным направлением в языковой политике государства должна стать пропаганда хорошего, правильного и чистого русского языка в средствах массовой информации. На сегодняшний день невозможно сказать, что здесь не ведётся никакой работы, но то, что делается, не всегда эффективно или недостаточно результативно. В сущности, на основных телеканалах России нет ни одной передачи, посвящённой культуре русской речи. Увы, наши центральные телеканалы не знают, не хотят или не умеют

организовать серьёзный разговор о русском языке, русской речи, словесности. Плохо представляют это и радиоканалы, стремящиеся всякий разговор о языке превратить в «птичью», весёлую и развлекательную беседу.

Попытка серьёзного и занимательного разговора о русском языке была предпринята автором данного материала на телеканале «Культура», где записаны три цикла передач «Живое слово» (всего 40 передач по 45 минут). Несомненно, работа на телевидении коллективно-коллективная, а всякая передача представляет собой разнообразие тем и речевых жанров, которые создатели передачи и пытались воплотить и в беседах о культуре речи, и риторическом тренинге, и анализе образцовых художественных текстов, и в выразительном чтении русской классики, и даже в написании диктантов.

Как видится сегодня перспектива теле- или радиопередач о русском языке — речи — слове? Тематика таких передач должна отличаться всеобъемлющим охватом самых различных вопросов, показывающих связь русского языка и Слова с множеством проблем и областей современной жизни российского общества. Это должны быть увлекательные беседы и сюжеты о «жизни слова» и «мире языка», которым организуется современная российская действительность и от которого зависит благоустройство общественной и личной жизни человека.

К участию в этих передачах необходимо привлечь цвет научно-академической и педагогической общественности, тех, кто умеет говорить о русском языке увлекательно и серьёзно, аргументированно и занимательно. Передачи обязаны быть и интерактивными, т.е. в них должны участвовать студенты и молодые специалисты, зрелые носители языка, с которыми возможно организовать разнообразные формы занятий и дискуссий. Это станет реальным и конкретным осуществлением нашей языковой политики, подготовкой к овладению хорошим и правильным, эффективным и выразительным государственным языком.

В настоящее время перед нами стоит задача создания философии языкового развития, которая сформулировала бы основы языковой политики как разностороннего описания нашей языковой

действительности во всём многообразии её связей как внутри России, так и за её пределами. Эта политика должна базироваться на национальных духовно-культурных ценностях, учитывать традиции и творчески их развивать в инициативных новаторских идеях.

Примером такой инициативы в общероссийском масштабе стало создание 26 мая 2016 года Общества русской словесности, которое возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В докладе на I Учредительном съезде Общества Патриарх Кирилл сказал о его главной цели: «Мы объединились ради сохранения нашего национального достояния — русского языка и великой русской культуры». Понимание российской интеллектуальной элитой значимости языка и литературы для организации народной жизни выразительно сформулировал Президент РФ В.В. Путин, пришедший в Колонный зал Дома Союзов приветствовать участников съезда: «Сбережение русского языка, литературы и нашей культуры — это вопросы национальной безопасности, сохранения своей идентичности в глобальном мире». В кулуарах съезда (по свидетельству председателя Комитета по образованию Госдумы РФ В.А. Никонова) он сказал Святейшему Патриарху Кириллу и президенту Российской академии образования, лидеру нашей русистики Л.А. Вербицкой: «Вы занимаетесь самым важным делом в нашей стране».

Таким образом, русское слово через «словесность» поставлено в центр интересов общества, а Президент не случайно сказал о сохранении национальной идентичности, которая прямо связана с языковой политикой государства. Недооценка Слова и словесности как науки и практического искусства владения эффективной речью дорого обошлись нашему Отечеству: мы «проиграли страну», потому что в психологической войне не отстояли всё лучшее в стране Словом; мы едва не проиграли Чечню, потому что воевать нужно было не танками, а Словом, но как только назвали прежних «сепаратистов» «террористами и бандитами», дело пошло на лад; мы терпели бедствие «перестройки», потому что были неизобретательны в мысли и Слове, и нам дорого обошлось словесное манипулирование сознанием собственных граждан и слепое копирование Запада; сегодняшняя информационная война

ведётся словесными средствами, и побеждать в ней будет тот, кто, «стяжав дух мирен», будет честен, ответственен, изобретателен, остроумен, совершенен словесно. Для этого требуется знание и владение словесными науками и искусствами.

Характерна первая задача Общества русской словесности, записанная в постановлениях резолюции I съезда: «провести экспертизу состояния нормативно-правового обеспечения языковой политики и начать разработку концепции государственной языковой политики Российской Федерации». Именно эта задача видится сегодня как наипервейшая и труднейшая, касающаяся широкого круга вопросов, связанных с языковой практикой, к которой имеют отношение все граждане нашего Отечества.

Несомненно, что с языковой политикой связаны все вопросы преподавания русского языка и литературы. Метафорически эту мысль выразил Ф. Бисмарк, сказавший о «войнах, которые выигрывает школьный учитель». Такой учитель, конечно, воспитывает словом нравственные убеждения личности. Формирование в подрастающем поколении нравственного идеала является необходимым условием устойчивого развития и безопасности общества и государства, а литература — основной предмет, который позволяет ученику прийти в соприкосновение со сферой нравственных ценностей. Воспитание в новых поколениях россиян патриотизма, стремления к деятельности на благо общества, профессиональной и социальной компетентности, творческой инициативности, нравственной ответственности, мужества и личной чести основано на овладении национальной духовной, материальной и физической культурой и на правильном отборе тех достижений культуры, которые необходимы для успешной деятельности общества и обеспечивают максимальное разнообразие форм и видов такой деятельности. Язык является важнейшим инструментом воспитания, потому что сформировать нравственно и интеллектуально совершенную личность можно лишь с помощью столь же совершенного слова.

Российская цивилизация воплощена средствами русского языка в культурно значимых текстах, которые современное гражданское сообщество призвано хранить и развивать. Цивилизация, по мнению Святейшего Патриарха Кирилла, высказанному в одной из

передач «Слово пастыря», понятие не географическое и не политическое: «Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром. Русский мир — это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. Русский мир — от киевской купели крещения. Русский мир — это и есть особая цивилизация...» Отличает Россию от других стран «наличие многих национальностей, различных религий; но самое главное, что отличает Россию от других стран, это её история, её **традиция и система ценностей**, которые в этой стране по милости Божией сохранились. Русский мир — это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности. Русские, даже которые именуют себя русскими, могут к этому миру и не принадлежать, потому что говорить на русском языке или понимать русский язык — это не единственное условие принадлежности к Русскому миру».

Да, говорить на русском языке — не значит принадлежать к российской цивилизации, Русскому миру. Но русский язык — воплощение и выразитель тех традиций и системы ценностей, которые определяют наше цивилизационное измерение (нравственное, духовное, культурное). Если этот язык несовершенен, если слово не выполняет своей объединяющей роли, если речь не является инструментом эффективного управления и организации всей жизни общества, невозможны ни передача религиозных ценностей, ни честная политическая борьба, ни профессиональный квалифицированный труд, ни радость педагогического общения, ни простое семейное счастье. Формирование языковой политики, словесное образование общества и каждой личности, реализация функций государственного и официального языка возможны в современном информационном обществе только в том случае, если человек творчески воспримет традиционные духовно-нравственные и интеллектуальные ценности своей цивилизации и будет их применять в инициативном и новаторском труде.

ГЛАВА 4

Российская экономическая цивилизация: вклад в мировую экономическую культуру

Становление России как государства-цивилизации тесно связано с формированием особой внутристрановой культуры и традиций в таких областях, как коллективные общественные взаимодействия, государственное управление, социальная психология, экономика. Развитие отечественной экономики как важной составной части российской культуры (в широком смысле последнего слова) в течение двух последних веков отличалось специфическими особенностями, носило во многом пионерный характер и стало мощным фактором воздействия на общемировую экономическую культуру²⁶³.

Речь здесь идёт не о материальных благах, создаваемых или добываемых в России (ранее — в Советском Союзе, ещё ранее — в царской России) и экспортируемых в зарубежные страны. Более важными, чем материальные ресурсы, являются фундаментальные факторы развития мировой экономики, связанные с общественным синтезом и выбором вариантов системы институтов общественного устройства, магистральных целей, путей и средств экономического развития стран. Именно эти базовые процессы происходили и происходят в мировой экономике под мощным влиянием масштабных социально-экономических событий, зарождающихся и протекающих на просторах России. Впоследствии эти процессы, стартовавшие в России, приводили к необратимому изменению «выражения социально-экономического лица» многих как развитых, так и развивающихся стран.

Особенности природно-географического, исторического, социально-психологического, ментального характера определили ме-

²⁶³ См., напр.: *Расторгуев В.Н., Черешнев В.А.* Цивилизационный аспект модернизации и границы сосуществующих эпох // Диалог культур в условиях глобализации. СПб., 2011.

сто России в мировом развитии, сформировали её историческую миссию, ограничения и перспективы её движения в мировом экономическом сообществе и позволяют говорить о России как о *государстве-цивилизации*²⁶⁴. Сочетание особой миссии России в мире с особой миссией экономики в самой России позволяет говорить о специфической российской *экономической цивилизации* и её активном взаимодействии с мировой экономической культурой.

Для обоснования и развития этого тезиса ниже уточняется и структурируется понятие страновой экономической цивилизации, проводится системный анализ места экономики в структуре связей с такими компонентами страновой цивилизации, как общественные отношения в сферах влияния государства, социума, бизнеса и др., определяется пространство инвариантов и вариантов социально-экономического развития страны в связи с возможными версиями её исторической миссии в мировом сообществе.

4.1. Экономика в структуре общества: элементы макросистемного анализа

Понятие «экономика» имеет три основных смысла: онтологический, гносеологический и праксеологический. В онтологическом смысле экономика понимается как определённым образом организованное *хозяйство* — сфера реализации процессов производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ. В гносеологическом смысле экономика — это *научная дисциплина*, предметом изучения которой служит сфера протекания упомянутых процессов, включая отношения между людьми, возникающие в связи с этими процессами. Наконец, экономика в прак-

²⁶⁴ *Расторгуев В.Н.* Цивилизационное наследие славянского мира. М.: ГАСК, 2009; Малков С.Ю. Россия — государство-цивилизация // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. М.: Научный эксперт, 2013.

сеологическим смысле понимается как система принятия и реализации решений, *политика* в сфере производства, распределения, обмена и потребления. Часто слово «экономика» употребляется в обобщённом смысле, включающем в себя все три ипостаси экономики (например, в словосочетаниях типа «экономика России», «рыночная экономика», «экономика знаний» и т.п.).

Каждая из ипостасей экономики занимает одно из центральных мест в соответствующей сфере. В гносеологической сфере экономика играет роль интегрирующей дисциплины среди общественных наук. Не случайно именно на базе экономики предлагается интегрировать различные дисциплины социального профиля в системе общего социального анализа²⁶⁵. В экономической науке опосредуются или находят свое отражение практически все аспекты общественной жизни. Такая позиция, отметим, вовсе не означает признание «экономического империализма» в духе Г. Беккера, просто экономическая наука за счёт использования разнообразного исследовательского инструментария, включая математическое, графическое, компьютерное, физическое, биологическое, метафорическое моделирование и другие виды моделирования, создала и опробовала мощный арсенал средств анализа, применение которого в сфере других общественных наук пока не получило столь же широкого, как в экономике, распространения. В настоящее время сочленения экономики и психологии, экономики и философии, экономики и права определяют структуру всей области социальных наук.

Подобно этому, в праксеологическом контексте экономика лежит в основе управления обществом. Стратегическое планирование социально-экономического развития определяет магистраль движения государства и выступает организующей силой. Экономические рычаги, стимулы и санкции считаются наиболее эффективными мерами воздействия на всех уровнях управления.

Наконец, в онтологическом смысле экономика выступает как обеспечивающая система, производящая и распределяющая мате-

²⁶⁵ См.: *Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа (Ещё раз о кризисе экономической теории, или Наш ответ английской королеве). Научная конференция памяти академика Д.С. Львова. Москва, 11 марта 2010 г. Сборник докладов. М.: ЦЭМИ РАН, 2011.

риальные блага, необходимые для поддержания жизнедеятельности социума, а также предоставляющая членам социума возможность самореализации в ходе трудовой деятельности.

Всё это в целом позволяет говорить о значимости экономики в цивилизационной структуре общества. Более детально вопрос о роли экономики в культуре каждой конкретной страны можно исследовать на основе предлагаемой ниже структуризации основных сфер общества.

Очевидно и общепризнано, что эта структура включает в себя государство как политическую систему, регулирующую жизнь общества; социум как население, структурированное с помощью различных общественных организаций, в т.ч. партий, движений, культурных феноменов и др.; экономику как сферу производства, распределения, обмена и потребления благ. Эти три сферы на макроуровне являются относительно самостоятельными составляющими цивилизационной структуры страны.

Вместе с тем, иногда вместо экономики в этом контексте употребляют понятие «бизнес». Следует ли рассматривать бизнес и экономику как синонимы? Если нет, то не растворяется ли одно из них полностью в другом? От ответа на эти вопросы зависит понимание миссии экономики в цивилизационном пространстве страны, а в конечном счете — и миссии России в мировой экономической цивилизации.

Наша позиция здесь такова. Экономика, понимаемая как сфера протекания процессов производства, потребления, распределения и обмена благ («народное хозяйство»), не тождественна бизнесу, который следует понимать как сферу проявления предпринимательской способности в процессе коммерческой деятельности, ведущейся в интересах того или иного предпринимателя (бизнесмена). Не случайно понятия, обозначающие типового представителя этих двух сфер — «работник» и «бизнесмен» — имеют совершенно различную этимологию и разный смысл. Как мы увидим ниже, экономика и бизнес как социально-экономические системы имеют разную природу и относятся к разным типам социально-экономических систем. Экономику и бизнес следует рассматривать как разные и (в принципе) равноправные подсистемы странового уровня. Таким

образом, в качестве различных и относительно самостоятельных макросубъектов следует рассматривать не три: государство, социум, экономика, а *четыре* подсистемы: государство, социум, экономика, бизнес.

Миссии указанных четырёх макросистем и их реальные роли в жизни страны принципиально различны. Эти роли можно определить, используя подходы и результаты «новой теории экономических систем»²⁶⁶, возникшей как развитие и обобщение системной парадигмы Я. Корнай²⁶⁷.

Согласно предложенной в новой теории социально-экономических систем типологии таких систем, каждая социально-экономическая система, независимо от масштаба (от уровня предприятия до уровня страны) может быть отнесена к одному из четырёх классов по признаку наличия пространственной (территориальной) локализации и ограниченности жизненного цикла системы:

1. Системы, локализованные во времени и в пространстве («проектные» системы).
2. Системы, локализованные в пространстве и не локализованные во времени («объектные» системы).
3. Системы, локализованные во времени и не локализованные в пространстве («процессные»).
4. Системы, не локализованные ни во времени, ни в пространстве («средовые» системы).

Из таких классов подсистем состоит «начинка» любой социально-экономической системы, идёт ли речь о предприятии, регионе или стране в целом. При этом каждый из этих классов систем имеет свою задачу в обеспечении функционирования и развития той социально-экономической системы, которую мы рассматриваем:

- проектные системы приносят локальные изменения и инновации;

²⁶⁶ Клейнер Г. Новая теория экономических систем и её приложения. Вестник РАН. 2011. № 9.

²⁶⁷ Kornai J. The System Paradigm, William Davidson Institute Working Papers Series 278. William Davidson Institute at the University of Michigan, 1998; Корнай Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. См. также: Dosi D. Innovation, Organization and Economic Dynamics. Selected Essays. Cheltenham: Edward Elgar, 2000.

- объектные системы обеспечивают устойчивость и стабильность в пределах своего ареала;
- процессные реализуют задачи распределения потоков материальных благ, информации, инноваций;
- средовые системы способствуют однородности, равномерности распределения этих потоков в социально-экономическом пространстве-времени.

Для того чтобы страна была способной к самостоятельному бескризисному и устойчивому развитию, в ней на каждом значимом уровне (макро-, мезо-, микроуровнях) должны функционировать и быть в достаточной степени развиты подсистемы всех четырех типов. Незрелость или дисфункция объектных подсистем лишает систему возможностей устойчивого развития; незрелость проектных подсистем грозит стране застоём; дисфункция процессных подсистем приводит к пространственной фрагментированности; незрелость средовых подсистем разрушает территориальное единство системы²⁶⁸.

Пользуясь приведёнными результатами теории социально-экономических систем, проанализируем с этих позиций роль четырёх определённых выше систем, составляющих макроструктуру страны: государства, социума, экономики и бизнеса. Оказывается, что эти подсистемы как раз и реализуют на макроуровне указанные общесистемные функции четырёх типов систем: объектных, средовых, процессных и проектных.

Для демонстрации этого сформулируем функции страновых макросистем.

Государство: регулирует функционирование страны как единого целого, обеспечивает её единство, преемственность во времени, территориальную целостность и перспективы развития и тем самым поддерживает *объектную* ипостась страны как социально-экономической системы; государство несёт ответственность за объектные качества страны.

Социум: формирует социальную среду, заботится о равенстве прав и возможностей своих членов и поддерживает *средовую*

²⁶⁸ Клейнер Г. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1.

ипостась системы; несёт ответственность за *средовые* качества страны.

Экономика: реализует процессы производства и потребления, обеспечивает экономическое единство страны, однородность экономических условий в разных частях территории, несёт ответственность за *процессную* ипостась страны как социально-экономической системы.

Бизнес: является движущим началом различных предпринимательских проектов, реализует инновационную предпринимательскую функцию, поддерживает и реализует коммерческие инициативы различного рода, несёт ответственность за *проектную* компоненту страны как социально-экономической системы.

В итоге мы видим, что по своим функциям на макроуровне государство представляет *объектную* систему; социум — *средовую*, экономика — *процессную*, а бизнес — *проектную* систему. Отсюда вытекает, что четыре указанные макросистемы — государство, общество, экономика, бизнес — в принципе равно необходимы для сбалансированного устойчивого функционирования и социально-экономического, политического и технологического развития страны как единого целого в пространстве и во времени. Представление этой системы в виде соединения её четырёх подсистем адекватно отражает её системные характеристики.

Отметим, что четырёхэлементное представление общественно-го устройства, включающее бизнес (предпринимательство) в структуру общественных макросистем в качестве самостоятельного элемента, выглядит вполне органично для стран с рыночной экономикой. Подходит ли оно для стран с плановой экономикой, в том числе для Советского Союза? По нашему мнению, подходит со следующими уточнениями.

В рыночной экономике коммерческая предпринимательская деятельность осуществляется в интересах предпринимателя, на его страх и риск, связанный, в первую очередь, с возможной потерей вложенных в бизнес средств. В плановой экономике СССР основным видом ценностей, которыми рисковал предприниматель, кроме относительно небольших личных средств, был *социальный капитал*, отражавший личную репутацию предпринимателя в глазах

партийного, советского и профсоюзного руководства и связи данного индивида в социально-экономической среде. «На карту» предприниматель ставил свою карьеру и будущие перспективы. Существовал при этом ряд каналов, позволявших предпринимателю обосновать общественную полезность своей инициативы и в случае успеха реализовать её в легальных формах. Тем не менее, такие возможности были весьма ограничены, и поэтому предпринимательская активность в экономике переливалась в теневой сектор. Сферы торговли, услуг, лёгкой и пищевой промышленности представляли собой основную площадку для деятельности предпринимательского сообщества. Таким образом, предпринимательство как определённая сфера деятельности и как социальная группа существовали в стране практически в течение всего рассматриваемого периода, независимо от того, было ли оно обособлено с помощью формальных норм или неформальных институтов.

Для завершения анализа структуры основных компонентов социально-экономического уклада страны на макроуровне осталось определить взаимоотношения между указанными четырьмя макросистемами. Этому посвящён следующий раздел.

4.2. Особенности конфигурации «государство — социум — экономика — бизнес» как базовые характеристики страновой цивилизации

Как установлено в п. 1, жизнедеятельность и развитие страны обеспечиваются четырьмя базовыми общественными подсистемами: государством, социумом, экономикой и бизнесом. Поскольку эти сферы являются, как мы видели, системами четырёх разных типов, их взаимоотношения подчиняются закономерностям, характерным для так называемых *системных тетрад* — устойчивых групп из четырёх систем разного типа²⁶⁹. Каждая тетрада имеет вид цепочки: «объект-

²⁶⁹ Клейнер Г. Новая теория экономических систем и её приложения // Вестник РАН. 2011. № 9.

ная система — средовая система — процессная система — проектная система». При этом отношения между соседними членами этой цепочки носят характер сотрудничества, в то время как отношения между объектной и процессной, а также между средовой и проектной системами характеризуются определённой напряжённостью. Применительно к структуре общественных страновых макросистем это означает, что в цепочке «государство — социум — экономика — бизнес» между соседними членами есть предпосылки для установления кооперационных отношений, а в отношениях между государством и экономикой, а также между социумом и бизнесом предпосылки для сотрудничества отсутствуют. Можно заметить, что именно такая ситуация сложилась в настоящее время между этими системами в России. Это связано с природой социально-экономических систем соответствующих типов.

В графическом виде данную ситуацию можно отобразить следующим образом. Следуя методологии Т. Парсонса²⁷⁰, структуру подсистем в масштабе страны представим в виде разделённого на четыре равные части квадрата. Внешний квадрат представляет общество (страну) в целом, внутренние части квадрата — государство, социум, экономику и бизнес (см. рис. 1).

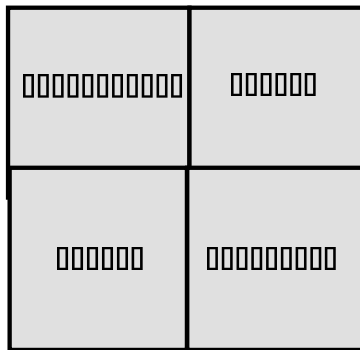

Рис.1. Символическая матрица взаимодействия страновых макросистем

²⁷⁰ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 462–525.

Соседствующими и имеющими протяжённую границу по горизонтали или вертикали здесь являются пары «государство — социум», «социум — экономика», «экономика — бизнес», «бизнес — государство». Экономика и государство, а также социум и бизнес не имеют протяжённых границ между собой. Таким образом, экономика непосредственно взаимодействует с бизнесом, с одной стороны, и социумом, с другой. Это положение в структуре общественных подсистем определяет её базовые обязательства. Так, экономика по отношению к бизнесу должна предоставлять ему площадку для реализации предпринимательских инициатив, выделять ресурсы для инновационных проектов, демонстрировать восприимчивость к инновациям и проявлениям новаторских начинаний. В свою очередь, бизнес должен позитивно реагировать на потребности экономики в изменениях, обеспечивать на всей территории выявление проблемных ниш и «узких мест» в функционировании народного хозяйства.

Отношения экономики и социума также должны носить взаимный кооперационный характер. Экономика обеспечивает социум создаваемыми ею благами, осуществляет справедливое распределение благ и создаёт стимулы для их эквивалентного обмена. Экономика также предоставляет обществу рабочие места на всей территории страны. Как процессная система, экономика обеспечивает единство условий жизнедеятельности членов социума на территории страны, возможность межрегионального перетока ресурсов из одной точки страны в другую. В свою очередь, социум снабжает экономику трудовыми ресурсами, превращающимися в экономике в человеческий капитал, обеспечивает также отбор и закрепление социально-экономических институтов, необходимых для функционирования экономики.

Нормальную схему общественной динамики, пользуясь рис. 1, можно представлять как передачу импульсов от одной подсистемы к другой через общую границу подсистем по часовой стрелке. Установки, формулируемые в сфере государственной юрисдикции, поступают в сферу социума, производят изменения в общественном сознании. Когда идея «овладевает массами», она становится материальной силой и овеществляется в виде экономического

процесса. Если данная идея выглядит привлекательно с коммерческой точки зрения, она включается в сферу бизнеса, адаптируется и трансформируется в серию бизнес-проектов. После реализации этих проектов итоги подводятся государством, получают одобрение или критику и цикл повторяется снова.

В итоге можно следующим образом суммировать обязательства экономики по отношению к её непосредственным «соседям» в цепочке «государство — общество — экономика — бизнес». Экономика должна:

- предоставлять социуму рабочие места в соответствии с потенциалом социума и потребностями экономики;
- обеспечивать потребности общества в экономических благах;
- обеспечивать возможность перемещения трудовых ресурсов и продукции по территории страны; гармонизацию условий жизнедеятельности всех индивидов и социальных групп на всей территории страны;
- предоставлять бизнесу площадку и ресурсы для реализации предпринимательских инициатив;
- быть восприимчивой к инновациям, исходящим от бизнеса, вести их отбор для возможного распространения и закрепления в виде рутин;
- гармонизировать успешные инициативы бизнеса в рамках экономических процессов при положительных результатах отбора;
- обеспечивать движение к общему и локальному экономическому равновесию.

Социум, в свою очередь, нуждается в государстве как субъекте делегированных со стороны общества прав. Тесные взаимоотношения между государством и обществом служат залогом стабильности будущего. Наконец, взаимоотношения между бизнесом и государством должны быть достаточно дружественными, в противном случае общественное благополучие ставится под угрозу. Пассионарность бизнесменов как предпринимателей должна быть реализована в процессах развития экономики и государственного устройства.

Наилучшим вариантом, обеспечивающим эволюционное поступательное развитие страны, в общем случае является равноправное конструктивное взаимодействие государства, социума, экономики и

бизнеса в виде гармоничного частно-государственного социально-экономического партнерства, ориентированного на развитие страны. Однако реальная конфигурация для каждой страны из числа стран, относимых к государствам-цивилизациям, отличается от равновесной. В зависимости от того, какая из четырёх сфер является доминирующей в данной стране, мы можем говорить о четырёх вариантах социально-экономического уклада страны:

- бюрократическом (доминирует государство и его структуры);
- социальном (доминирует социум и общественные структуры);
- экономическом (доминирует экономика как сфера обеспечения материальных потребностей социума);
- предпринимательском (доминирует бизнес и его интересы).

Символически разномасштабность четырёх макросистем можно изобразить с помощью квадрата, разделённого на четыре неравных прямоугольника (рис. 2).

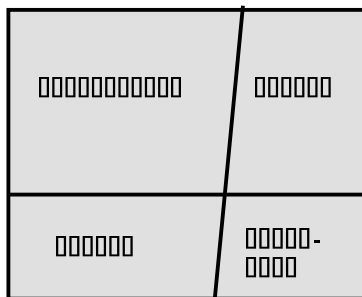

Рис. 2. Пример символической матрицы взаимодействия страновых макросистем: доминирование государства

В данном случае на рис. 2 отражено соотношение макросистем, соответствующее бюрократическому укладу.

В реальности возможно и сочетание двух разных типов социально-экономических укладов в данной стране в данный период; при этом, однако, формировать доминирующие группы могут лишь соседствующие на рис. 1 и 2 сферы; так возникают демократическое общество (государственно-общественное доминирование); социалистическое общество (доминируют социум и эконо-

мика); и государственный капитализм (альтернативное название: государственно-частное партнёрство, т.е. совместное доминирование государства и бизнеса). Что касается совместного доминирования сферы бизнеса и сферы экономики, то здесь возможны в принципе два варианта: а) общество социально ответственного бизнеса, т.е. социально-экономический уклад, при котором интересы бизнеса подчинены общеэкономическим интересам, б) олигархическое общество, где интересы бизнеса замкнуты на самом бизнесе. Именно такое общество сложилось в настоящее время в России. Графически доминирование двух из четырёх макросистем может также быть отражено на схеме, подобной рис. 2, путем сдвига вертикальной или горизонтальной линий, проходящих внутри квадрата.

Изложенный выше методологический подход к анализу структуры, состава и взаимоотношений страновых макросистем позволяет обосновать следующий вывод, лежащий в основе предлагаемой концепции исследования вклада России в мировую экономическую цивилизацию. Базовыми характеристиками цивилизации как определённого культурно-исторического типа или стадии развития общества, отражающего пространственно-временное единство условий создания, распространения и потребления материальных и духовно-нравственных ценностей, социальных взаимоотношений, а также восприятия действительности и мировоззрения представителей данной цивилизации, являются уровень развития четырёх страновых макросистем: государства, общества, экономики и бизнеса, а также взаимоотношения между ними. Таким образом, макрохарактеристики цивилизации отражают взаимосвязи и пропорции между этими сферами. Устойчивые характеристики развития государства, социума, экономики и бизнеса, а также взаимоотношений между ними для данной страны могут рассматриваться как параметры ее *цивилизационного кода* — идентификатора особенностей типа развития страновой культуры.

Цивилизационные особенности страны имеют многоаспектный и многоуровневый характер. Можно говорить о цивилизационных особенностях межличностных отношений, об управленческих аспектах цивилизации, о цивилизационных особенностях

страновой экономики. По нашему мнению, именно последний аспект служит своеобразным маркером, отличающим одно государство-цивилизацию от другого. Экономическую цивилизацию таких стран, как Китай, Россия, США, Япония, Евросоюз и др., в свою очередь, можно трактовать как один из аспектов цивилизационного развития, отражающий взаимоотношения между экономикой как страновой макросистемой и остальными тремя сферами макроуровня.

Теперь у нас есть необходимая концептуально-методологическая база для анализа основных особенностей отечественной экономической культуры и её влияния на мировую экономическую цивилизацию. Эмпирическая база такого анализа должна характеризовать особенности природы, истории и, самое главное, населения России. В следующем разделе мы остановимся кратко на объективных характеристиках особенностей российского социума.

а. Ментальные и поведенческие особенности отечественного социума

Несмотря на весьма радикальные перемены в социально-экономической структуре России в течение последних двух веков, исследования позволяют выделить определённые социальные инварианты — устойчивые особенности населения страны, сохраняющиеся в течение долгосрочного периода и существенные для стратегического анализа российской экономической цивилизации. Эти особенности характеризуют черты восприятия, осмысления, оценки и переработки индивидуальными агентами информации, важной для принятия экономических решений, а также обусловленные этими процессами особенности экономического поведения российского *homo economicus*. Источниками для приведённых выводов послужили публикации в экономической, социологической, публицистической, а также художественной литературе.

Бинарность мышления и особенности ментальной эволюции. Известный культуролог Б.А. Успенский отмечал: «Специфической чертой русской культуры является её принципиальная по-

лярность... Основные культурные ценности... располагаются в двухполюсном ценностном поле, разделённом резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны»²⁷¹. Такая бинарность отличает в социокультурном плане Россию от стран Запада, сделавшего выбор в пользу трёхзначной логики мышления аристотелевского типа²⁷² вместо двузначной платоновской, и неизбежно ведёт к «взрывному», по выражению Ю.М. Лотмана, характеру развития, при котором полюса общественно-ценностных диполей просто меняются местами²⁷³.

О ментальной неустойчивости в сходном смысле ещё раньше писал И.А. Бунин: «Есть два типа в народе. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений»²⁷⁴. Сходное мнение формулировал и академик И.П. Павлов в знаменитой лекции «О русском уме», прочитанной в 1918 г.: «Всё дело в детальной оценке подробности условий. Это основная черта ума. Что же? Как эта черта в русском уме? Очень плохо. Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом. Мы всё достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта»²⁷⁵.

Индивидуальное восприятие окружающего мира в виде биполярной ценностной модели и соответствующее политическое кредо («кто не с нами, тот против нас») создаёт ментально-идеологическую основу «осцилляционного», неэволюционного стиля развития общества. Эволюционный стиль движения может иметь место только при наличии в ценностной шкале промежуточной, «нормальной» зоны. Именно здесь, в серединной зоне, происходит непредвзятый (объективный) анализ и оценка ситуации, сепарация позитивных элементов и тенденций, закрепление достигнутого и формирование перспектив последовательного роста. Серединная зона общественного сознания служит хранилищем

²⁷¹ Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 220.

²⁷² Аристотелевский закон «исключённого третьего» допускает объективное существование «третьего» (кроме «А» и «не А») варианта, но требует исключения его из логики доказательства.

²⁷³ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.

²⁷⁴ Бунин И. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990.

²⁷⁵ Павлов И.П. О русском уме // Природа. 1999. № 8.

исторической памяти народа, позволяющей не повторять прошлые ошибки, обеспечивать поступательный эволюционный характер развития.

Бинарность отношений в обществе. Бинарность мышления субъекта приводит к его несамостоятельности, зависимости от внешних обстоятельств. При этом главным фактором этих отношений является влияние *лидера*: «Россия относится к лидерскому типу обществ. Это значит, что у нас не развит социальный порядок, т.е. договорные нормы, цели и связи, сознательно выработанные и всеми признанные»²⁷⁶. Это приводит к тому, что в реальности действиями субъекта управляет не закон и принятый порядок, а мнение или указание конкретного лидера — начальника или «авторитета». Фактически субъекты становятся «имитаторами» действий этих лидеров. Вслед за «лидером» субъект может в одночасье изменить ценностную структуру (по крайней мере, её поверхностный слой) и признать желаемым то, что отвергалось ранее. Общество разбивается на пары «ведущий — ведомый», и его организация поддерживается не столько принятыми нормами и институтами, сколько структурой подобных бинарных взаимосвязей. В этих условиях влияние закона (как правило, духа закона, а зачастую и буквы закона) на принятие индивидуальных экономических решений подавляется прямым указанием или высказыванием соответствующего лидера. Устойчивая эндогенная целеустремлённость подменяется неустойчивым экзогенным целеполаганием. Такая ситуация порождает всеобщее неравенство даже в минимальной группе, где в кратчайшие сроки определяется ведущий и ведомый, а равноправные отношения, как правило, сводятся к минимуму.

Личностный характер общественных отношений. В любой подсистеме отечественного общества, начиная с производственного коллектива и кончая российским социумом в целом, отношения носят сугубо личностный характер. Так, сколько-нибудь эффективный менеджмент в российских условиях возможен только с помощью органического сочетания поиска «пути к душе» управляемого субъекта, с одной стороны, и явного применения власти, с

²⁷⁶ Пригожин А.И. Патологии политического лидерства в России // Общественные науки и современность. 1996. № 3.

другой. Если для американского менеджмента традиционно считается справедливым девиз «ничего личного», то для российского более верен его антипод: «ничего безличного».

Согласно концепции Ю. Пивоварова и Ф. Фурсова, системообразующим элементом русской истории выступает «власть — не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление, Власть вообще». По их мнению, такие властные отношения — результат влияния ордынского господства. Именно Золотая Орда принесла на Русь принцип: «Власть — всё, население — ничто»²⁷⁷.

Вместе с тем традиционная российская «власть власти» не означает, что все решения индивидуумами принимаются только под диктовку сверху. Не следует также думать, что власть задает нерушимые ограничения, в рамках которых и принимаются решения. Иррациональный характер поведения субъектов²⁷⁸ [Клейнер, 2004(б), гл. 2] приводит к тому, что и эти рамки оказываются нарушенными, а направление решений искажённым. И задаваемые действующими институтами ограничения, и властные призывы к индивидууму могут в любой момент быть им нарушены ввиду эмоциональной неустойчивости и переменчивости внутренних ценностных установок.

Частичная рациональность ожиданий и поведения. Для экономического агента в западных странах свойственны «рациональные ожидания» как естественная экстраполяция предсказуемых тенденций в экономике. Для российского менталитета скорее свойственны неоправданно завышенные «иррациональные ожидания». Отечественный фольклор наполнен историями, когда в тяжёлой или неопределённой ситуации на помощь приходит чудо. Разрыв между затратами труда и его результатами, сложившийся в сознании в течение многих веков, заполняется ожиданиями чуда.

Иррациональность ожиданий деформирует «поле возможностей» выбора и не позволяет правильно оценить его последствия, а бинарность мышления создаёт помехи при осмыслении и фор-

²⁷⁷ Пивоваров Ю., Фурсов Ф. Русская власть, русская система, русская история. Красные холмы. Альманах. М.: Городская собственность, 1999.

²⁷⁸ Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. Глава 2.

мулировании цели выбора. Вместе с тем это позволяет многим индивидам, наделенным творческим даром, за пределами рационального поля возможностей отыскать и реализовать такие решения возникающих проблем, которые не могли быть найдены рациональными субъектами²⁷⁹. Основное затруднение при этом состоит в том, что «рациональное» решение приложимо, как правило, к множеству ситуаций, в то время как «иррациональные» решения должны изобретаться каждый раз *ad hoc*. Кроме того, «иррациональные» решения носят индивидуальный характер и с трудом распространяются от одного индивидуума к другому.

Контрактация и постконтрактное поведение. Контракт (как формализация некоторого порядка) в качестве фактора, регулирующего поведение индивида, не играет существенной роли в российской социально-экономической системе, хотя сам процесс и факт заключения формального контракта имеет значение. Контракт в России — не догма и не руководство к действию. Скорее, контракт несёт те функции, которые в других экономиках свойственны протоколу о намерениях.

Обычно различают два полярных подхода к контрактам, определяющим взаимоотношения работника и работодателя (предприятия). Первый из них получил название «философия контракта» (условно говоря, американская система), второй — «философия судьбы» (условно говоря — японская). По нашему мнению, для взаимоотношений между работником и предприятием в российских условиях наиболее характерной является «философия гостя». Для российского общества в целом характерен низкий уровень контрактной дисциплины и неуважительное отношение к закону («законнепослушание», по выражению В.С. Автономова²⁸⁰).

Личностный характер общественных отношений существенно деформирует и систему транзакционной контрактации. Заключение и реализация контракта о поставках в российском обществе — это тоже своеобразный «путь к душе». В условиях доминирования личностных отношений выгода заключения и исполнения, скажем,

²⁷⁹ Множество таких примеров содержится в рассказах М.Н. Задорнова.

²⁸⁰ Цивилизационная специфика России: «каким аршином мерить?» М.: Никитский клуб, 2003. С. 70.

контракта о поставках между двумя юридическими лицами оценивается с позиций тех физических лиц, кто заключает эти контракты или определяет степень их выполнения.

Особенности торга и несклонность к компромиссу. Полярная ментальность отечественных субъектов рынка определяет и такое распространённое явление, как несклонность к компромиссу: если срединная ценностная зона отсутствует, то процесс принятия решений сводится к победе в «перетягивании каната». Стоит сравнить торговлю на рынке в центральной России с поведением продавцов и покупателей на восточном базаре, чтобы понять ментальное различие между жителями этих местностей: основой торговли на восточном базаре является взаимный компромисс продавца и покупателя, в то время как на типичном российском базаре покупка, как правило, осуществляется по цене продавца. В итоге разброс цен на один и тот же товар в пределах одного города может превышать 50%.

Такой же «бескомпромиссный» способ принятия решений имеет место в большинстве ситуаций, где присутствуют противоположные интересы. Л. Горичева справедливо противопоставляет российский тип согласования интересов при принятии решений западному «симфоническому» стилю совместного функционирования²⁸¹. По нашему мнению, бинарный характер отечественного менталитета допускает «симфонический» способ функционирования только при наличии сильных властных ограничителей и мотиваций, которые способны обеспечить гармонизацию поведения участников, имеющих полярные и неустойчивые взгляды. Иными словами, в российской экономике «оркестр» без дирижёра-лидера и административных методов руководства, по-видимому, невозможен.

«Импульсный» характер труда. Основные трудности экономика России в течение многих десятилетий испытывала из-за низкого качества массовой продукции. Для России, в отличие от промышленно развитых стран, «проблема тиражирования», т.е. выпуска больших объёмов продукции с достаточно высоким качеством всех товарных единиц, и сейчас остаётся наиболее сложной.

²⁸¹ Горичева Л. К вопросу о целостности национального хозяйства // Вопросы экономики. 1996. № 9.

Создание же и изготовление *выставочных образцов* продукции, прежде всего тех, где требуются нестандартные творческие решения, в особенности в экстремальных условиях, в связи с экстраординарными событиями (выставка!), в условиях дефицита ресурсов, — вот сфера, в которой российскому работнику нет равных в мировом масштабе. Именно здесь трудовой (а следовательно, и общеэкономический) потенциал России может быть реализован в наибольшей степени. *Импульсный* характер труда, по-видимому, изначально затрудняет большинству отечественных товаропроизводителей поддержание надлежащего уровня качества работы в течение долгого времени.

В системе будущего международного разделения труда Россия должна занять те ниши, в которых могут быть проявлены наиболее выигрышные черты её социально-экономического потенциала. Так, на наш взгляд, вряд ли эффективно организовывать в России в широких масштабах так называемые «отвёрточные» производства. Значительно большие надежды на получение конкурентных преимуществ сулит производство наукоёмкой и интеллектоёмкой продукции. Экспорт именно такой продукции должен со временем сменить сырьевой экспорт России.

Преобладание экзогенных ценностей над эндогенными в ценностном поле индивида. В работе автора²⁸² была предложена классификация социальных субъектов в зависимости от характера их целевых установок: субъекты, для которых главным мотивом выбора является достижение экономических (финансовых) целей, относятся к типу «*homo economicus*»; субъекты, для которых мотивация связана главным образом с изменением институционального положения, относятся к типу «*homo institutus*». В художественной и публицистической литературе такие типы характеризуются соответственно как «рвач» («стяжатель», «корыстолюбец») и «карьерист» («честолюбец») ²⁸³. Если «рвач» рассматривает карьерные дости-

²⁸² Клейнер Г.Б. Особенности формирования социально-экономических институтов в России // Вестник Государственного университета управления. Серия. Институциональная экономика. 2000. № 1.

²⁸³ Контраст между двумя типами личности можно проиллюстрировать на примере персонажей поэмы Н. Гоголя «Мёртвые души» Плюшкина и Ноздрёва.

жения как средство получения материальной выгоды, то «карьерист» рассматривает материальные ценности как возможное средство достижения властных или авторитетных позиций. Если же трактовать выбор агента как решение оптимизационной задачи на максимум при заданных ограничениях, то для *homo economicus* материальная выгода относится к критериальной части задачи, а институциональные характеристики ситуации — к ограничительной, в то время как для *homo institutus*, наоборот, доступные материально-финансовые ресурсы играют роль ограничений, а оценка институциональной ситуации — роль критерия. Было показано также, что в силу ряда геополитических и этнокультурных факторов в российском обществе преобладает тип *homo institutus*.

Это обстоятельство в существенной степени определяет психологию массового сознания. Изменение вектора общественных настроений в мире «*homo institutus*» происходит благодаря импульсам, идущим «сверху вниз», поскольку *homo institutus* обладает повышенной чувствительностью к возникающим вонне мнениям «начальства» и готовностью к ценностной переориентации. Эндогенные (и более устойчивые) ценностные установки свойственны меньшинству индивидов в России.

Выявление комплекса специфических черт поведения российских экономических агентов ставит вопрос о факторах, благодаря которым эти черты сформировались. Как правило, исследователи выводят эти особенности из геополитического положения страны, истории её развития, культурных традиций.

Так, по результатам исследований Г.А. Гольца²⁸⁴, разрыв между уровнями сельскохозяйственного производства в урожайные и в неурожайные годы в большинстве стран Европы находится в пределах 1,5–2 раз, а в России, как правило, достигал 6–7 раз. Поскольку Россия была на протяжении большей части своей истории аграрной страной, это не могло не сказаться на ментальности её жителей.

Если первый (корыстолюбец) озабочен сохранением и приращением вещественных и денежных ценностей, то второй (честолюбец) идет на всё, в том числе — на материальные потери, ради завоевания внимания и интереса любой, пусть даже временной, аудитории.

²⁸⁴ Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.

Кроме того, для городской культуры, казалось бы, отличающейся большей преемственностью и эволюционным характером, мощным фактором нестабильности в России были пожары. Практически каждое деревянное здание в России (а таких было до начала XX века подавляющее большинство) подвергалось разрушительному пожару в среднем один раз в 30 лет. Это означает, что имущество каждого из поколений большинства семей утрачивалось ещё при жизни этого поколения.

В итоге в сознании людей зависимость между вложенным трудом и его результатами оказалась размытой. «От трудов праведных не наживёшь палат каменных» — гласит одна из наиболее популярных отечественных поговорок. В какой-то степени данный феномен объясняет целый ряд важных психологических особенностей населения. В мире, где результат не зависит от вложенных усилий, можно, условно говоря, представить себе два возможных способа действий: один — чисто религиозный, опирающийся на безоглядную веру в милосердие Бога («будет день, будет и пища»), другой — чисто криминальный: использовать для себя то, что является результатом затрат труда другого субъекта. Ведь если зависимость результата от затрат случайна, то и принадлежность его также может быть поставлена под сомнение! В своём экстремальном выражении первый путь ведет к юродству, второй — к преступлению.

Бинарная ментальность сказывается не только на принятии текущих социально-экономических решений, но и на результатах метаконкуренции институтов. В результате основополагающие общественные институты также носят бинарный характер.

Если рассмотреть развитие России в XX–XXI веках как единый процесс, то станет заметным ряд более или менее равномерно расположенных во времени крупных дискретных преобразований. К ним можно отнести:

1905 г. — «малая социалистическая» революция, начало столыпинских реформ по «капитализации» сельского хозяйства России;

1917 г. — Великая Октябрьская революция, начало интенсивного строительства социализма в России;

1929 г. — «великий перелом», переход на централизованное пятилетнее планирование;

1941 г. — переход на рельсы военной инновационной экономики;

1947 г. — отмена карточек на товары, введение неограниченного денежного обращения, денежная реформа;

1957 г. — переход от отраслевого к территориальному управлению экономикой;

1965 г. — «первая косыгинская» реформа деятельности предприятий, введение хозрасчета предприятий и отраслей, учреждение фондов экономического стимулирования;

1979 г. — «вторая косыгинская» реформа управления экономикой, создание системы долгосрочного, многоэтапного и комплексного планирования на основе экономических нормативов;

1991 г. — либерализация цен, внешней торговли, приватизация, начало интенсивного строительства капитализма;

2003 г. — административная реформа, изменение структуры и состава функций исполнительной власти на федеральном уровне и в субъектах Федерации.

Видно, что крупные преобразования проходили в России примерно каждые 12 лет, с некоторым временным сжатием во время войны с Германией 1941–1945 гг. (когда один год для фронтовиков официально приравнивался к трем).

Если же говорить о возможном вековом тренде, то из анализа содержания преобразований вытекает следующий вывод: цикл, в начале которого на рубеже XIX и XX веков стоит первая сознательная попытка строительства капитализма в России, завершается аналогичной попыткой на рубеже XX и XXI веков.

Вглядевшись в экономический характер этапных реформ общества, можно увидеть в них перманентную борьбу нескольких крупных идей-антитез:

- централизация/децентрализация управления (выбор основного *объекта* экономического регулирования: народное хозяйство в целом, регион, отрасль, объединение, предприятие и др.);
- натуральное/денежное описание экономических затрат и результатов деятельности (выбор главного *аспекта* рассмотрения объектов регулирования и связей между ними);
- план/рынок (выбор *метода* регулирования);

- локальная/глобальная эффективность (выбор *целевой функции* регулирования — добиваться эффективности в каждом объекте в каждый период или ориентироваться на обобщённые показатели).

Например, реформа 1965 г. установила стоимостный подход к оценке деятельности предприятия, реформа 1957 г. в качестве основного объекта макрорегулирования определила регионы (вместо отраслей) и т.д. Каждую реформу можно охарактеризовать с помощью этих координат.

В целом анализ показывает, что динамика социально-экономического движения России носит *осцилляционный* характер. При рассмотрении процесса в долгосрочном аспекте и на определённом уровне обобщения можно сказать, что в России не бывает необратимых преобразований, в том числе и необратимых рыночных или антирыночных преобразований. Конечно, в результате преобразований необратимо меняются *формы* общественных отношений, но их *содержание* сводится к смене противостояний ограниченного числа известных антитез. Попытки отыскать тенденцию аксиологической или идеологической эволюции в ходе общественного развития России также оказываются бесплодными; наоборот, практически все общепризнанные на одном историческом этапе ценности и идеалы (неважно, заимствованные или выработанные самостоятельно) на том или ином из последующих этапов подвергались не только сомнению или забвению, но и категорическому отрицанию. Так было с идеалами самодержавия, общинности, коммунизма. Надо полагать, что такая же судьба ждёт и разделяемые в настоящее время большинством российских граждан идеалы строительства рыночной экономики.

Такой стиль социально-экономического развития можно охарактеризовать как «кризисный». Здесь (в отличие от развитых стран Запада) противоречия общественного развития не снимаются вскоре после их обнаружения в результате корректировки избранного курса при сохранении его общей направленности, а сохраняются, развиваются, генерируя очередную «лжетенденцию», пока не приводят к очередному новому кризису. Символически такое движение можно представлять себе в виде высокоамплитуд-

ной пилообразной ломаной линии, пиковые точки которой соответствуют кризисным моментам перелома сложившихся микротенденций.

Обучение на историческом опыте встречается, как известно, редко, а поэтому в обществе постоянно присутствует значительный протестный потенциал, обеспечивающий благоприятные условия для новых и новых витков циклической траектории социальных трансформаций.

Охарактеризовав временные аспекты развития страны и их ментальные предпосылки, в заключение данного раздела остановимся кратко на особенностях пространственного положения страны. Россия, как и Советский Союз, остаётся самой большой по территории страной в мире. Образ России как страны едва ли не неограниченного географического простора был создан в произведениях Толстого, Гоголя, Чехова и многих других. Многообразие и мозаичность российской действительности, многонациональность населения, многоукладность её экономики и дифференциация социума позволяют сделать вывод, что Россия представляет собой как бы социально-экономический заповедник. На территории России можно найти как архаичные фрагменты, так и черты будущих социально-экономических укладов. Такая цивилизация вбирает в себя и сохраняет на своей территории разнокачественные объекты и явления. Так, для России характерны наличие разных по культуре развития групп населения; высокая дифференциация доходов граждан; неоднородность социально-экономических укладов на территории страны; неравномерность развития отдельных территорий и секторов народного хозяйства; острая восприимчивость отдельных групп населения к внешним влияниям и т. д. Глубины человеческого сознания и высоты человеческого духа, цинизм и самопожертвование, интенсивная добыча полезных ископаемых и доказательство гипотезы Пуанкаре, постмодернизм и архаика, — вот компоненты, одновременно существующие на просторах России. Такое разнообразие отнюдь не случайно и отражает, по нашему мнению, объективные предпосылки для принятия Россией на себя особой миссии в мировом сообществе.

4.3. Российская экономическая цивилизация: основные особенности

Попытаемся теперь суммировать изложенные выше особенности развития страны в социально-экономическом и пространственно-временном аспектах, представив их в виде характеристик отечественной экономической цивилизации («экономико-цивилизационного кода»). Для этого воспользуемся рассмотренной в п. 2 цивилизационной конфигурацией «государство — социум — экономика — бизнес». Ниже отобраны лишь те особенности каждой из перечисленных макросистем, которые характерны для России на протяжении большей части исследуемого периода.

Государство.

1. Авторитаризм, слабое влияние общества в целом на принимаемые решения.
2. Отсутствие институтов ответственности государства перед обществом.
3. Неприятие оппозиции, отказ от сотрудничества с оппозицией.
4. Непрозрачность механизмов принятия решений, непропорциональная роль субъективных личностных факторов в принятии решений.
5. Идеократичность, чрезмерная вера в те или иные идеологические концепции и лозунги в ущерб эмпирическим фактам.
6. Непоследовательность, шараханье из одной крайности в другую. Низкая предсказуемость пространства решений, волюнтаризм.
7. Склонность к мегапроектам.
8. Значимая роль государственного сектора в народном хозяйстве.

Социум.

1. Биполярная ментальность, отсутствие срединной оценочной зоны, недостаточная терпимость по отношению к лицам, придерживающимся иных взглядов.
2. Всеобщее неравенство, возникновение лидеров даже в малых группах.
3. Несклонность к компромиссу, уступкам, торгу.
4. Доминирование указаний непосредственного лидера (началь-

ника) над требованиями закона или иного нормативно-правового акта или регламента.

5. Высокий уровень адаптивности к изменению внешних условий.

6. Ограниченность сферы собственного рационального анализа, преобладание эмоциональных или навязанных извне оценок.

7. Непоследовательность.

8. Короткий горизонт анализа и планирования.

9. Низкая контрактная дисциплина.

10. Креативность мышления.

11. «Импульсный» характер трудовой активности, несклонность к монотонному повторяющемуся труду.

12. «Импульсный» характер применения моральных оценок к своей деятельности.

13. Высокий уровень потребности в оценке собственной значимости со стороны сослуживцев.

Бизнес.

Фактически к участникам бизнес-процессов применимы все оценки, сформулированные для социума в целом, однако пассионарность бизнесменов делает все качества более контрастными и выпуклыми. Особо следует выделить следующие особенности:

1. Волатильность поведения.

2. Ориентация на личные связи в ущерб эффективности бизнеса.

3. Слабость института деловой репутации.

4. Низкий уровень социальной ответственности бизнеса.

5. Доминирование рентоориентированного поведения.

6. Недостаточное уважение к закону и обычаям делового оборота.

7. Ориентация на получение выгоды «здесь и сейчас».

8. Креативность, изобретательность, в особенности в решении проблем уклонения от действия формальных и неформальных институтов, ограничивающих возможности бизнес-решений.

Экономика.

К участникам экономической деятельности также применимы все оценки, сформулированные для социума. Они определяют приведённые ниже особенности процессов производства, распределения, обмена и потребления, а также отечественной экономики в целом.

1. *Производство*: недостаточное качество массовой продукции невоенного назначения; высокий потенциал производства высококачественных изделий единичного производства («выставочные экземпляры»); недостаточная производственная дисциплина. Несоответствие поведения производителя принципу максимизации прибыли.

2. *Распределение*: доминирование распределительных процессов над остальными тремя экономическими процессами, высокая доля «раздаточной экономики», т.е. административного волюнтаристского распределения ресурсов.

3. *Обмен*: высокая доля неэквивалентных обменов, привлечение административного ресурса как средства реализации неэквивалентных обменов.

4. *Потребление*: высокая доля нерационального потребительского выбора; высокая доля потребительского поведения, не соответствующего принципу минимизации затрат.

Кроме особенностей процессов производства, распределения, обмена и потребления, приведём ещё две специфические черты отечественной экономики, носящие обобщающий характер.

5. Укоренение и широкое распространение в обществе «экономики физических лиц» как вида экономики, в которой интересы физических лиц являются более значимыми, чем интересы организаций (юридических лиц) и других экономических систем.

6. Доминирование «экономики совести» (Д.С. Львов) над другими формами проявления моральных критериев в экономике; в рамках «экономики совести» обращение к моральным критериям происходит спорадически, имеет место в дискретном режиме, в то время как применение иных критериев (привычность поведения, выгодоприобретение, уступка административному давлению и т.п.) осуществляется постоянно.

Выше перечислены более или менее инвариантные, т.е. характерные для большей части рассматриваемого периода особенности отечественной «экономической цивилизации». Разумеется, существенное значение имеют и особенности, характерные только для социалистического или только для постсоциалистического периодов развития России. К числу последних относятся:

1) высокий уровень коррупции на всех уровнях управления, во всех сферах экономики и общества, включая искажение в оценках и принятии социально-экономических решений;

2) преобладание эгоистических интересов над альтруистическими;

3) фрагментированность экономики, распадение её на слабо связанные между собой анклавов в территориальном, отраслевом, технологическом и социальном пространствах;

4) атомизация общества вкупе с клановостью;

5) сырьевой характер экономики;

6) высокая степень зависимости отечественной экономики от состояния экономик других стран, снижение уровня самостоятельности и экономической безопасности.

Особенности экономики в период до 1991 г. могут быть сформулированы следующим образом:

1) централизованное иерархическое планирование при участии в разработке и согласовании плана практически всех предприятий страны;

2) непротиворечивое и эффективное сочетание территориального и отраслевого, текущего и перспективного, натурального и денежного планирования;

3) организованное взаимодействие между наукой, образованием, производством;

4) координация деятельности товаропроизводителей и товаропотребителей в масштабе страны;

5) высокий уровень консолидации и согласованности интересов участников производства на предприятиях;

6) реализация мегапроектов без критического для экономики отвлечения средств и ресурсов;

7) превращение страны в единый народнохозяйственный комплекс;

8) высокий уровень развития большинства отраслей науки и искусства.

Все перечисленные особенности позволяют сделать выводы относительно реального и потенциального вклада России в мировую экономику.

4.4. Вклад экономики России в мировую экономическую цивилизацию

Теперь мы можем сформулировать положения, характеризующие вклад России в мировую экономическую культуру. Ниже перечислены основные компоненты этого вклада, относящиеся к онтологическому и прагматологическому аспектам отечественной экономики.

1. Опыт управления многономенклатурной диверсифицированной экономикой, развивающейся и размещающейся на гигантской территории в условиях недостаточного информационного покрытия.

2. Переход от преимущественно сельскохозяйственной державы к индустриальной (индустриализация) и от индустриальной к сырьевой.

3. Организация коллективных хозяйств в сфере сельского хозяйства (коллективизация).

4. Создание системы электроснабжения на всей территории страны (электрификация).

4. Опыт проведения масштабных социальных и экономических преобразований, включая реформы и революции.

5. Превращение экономики в единый народнохозяйственный комплекс, включая единую энергетическую систему, единую систему образования, стандартов, транспорта и связи.

6. Опыт создания социально-ориентированной экономики, обеспечение низкого уровня дифференциации доходов граждан.

7. Создание эффективной мобилизационной экономики в условиях низких темпов экономического роста или экономического спада. Такая экономика создавалась в России в течение XX века неоднократно.

8. Консолидация населения вокруг социально-экономических мегапроектов, включая социальные реформы, электрификацию, освоение космоса, освоение целинных земель и т.п.

9. Организация управления экономикой на базе сочетания полномасштабного многоуровневого 25-летнего, 15-летнего, 10 и 5-летнего номенклатурно-финансового планирования.

10. Создание системы органического взаимодействия между фун-

даментальной и прикладной наукой, образованием, производством на базе институтов Академии наук, вузовской, региональной, отраслевой, корпоративной и заводской наукой, ВОИР.

11. Создание системы комплексного сбалансированного управления предприятием на базе техпромфинплана.

12. Согласование интересов внешних и внутренних стейкхолдеров российских предприятий.

13. Создание великих произведений литературы, кинематографа, театрального искусства, музыки в условиях материальной ограниченности и духовной несвободы.

С точки зрения вклада России в мировую цивилизацию, особого внимания заслуживает процесс эмиграции из России на Запад представителей научной, технической и творческой интеллигенции («утечка мозгов»). Начиная с «философского парохода», русская эмиграция оказывала существенное влияние на культуру стран Европы и Америки. Так, выступая на фестивале русской общины города в июне 2008 года, мэр Нью-Йорка М. Блумберг сказал, что «русскоязычная община самых разных вероисповеданий оказала огромное влияние на культуру мегаполиса... Русские подарили Америке вертолет, телевидение и Google». К списку областей культуры, где стояли у истоков или активно участвовали в развитии российские эмигранты, можно добавить телеиндустрию (В. Зворыкин), киноискусство (киностудии «Уорнер Бразерс», «Метро Голдвин Майер» и др.), театр (М. Чехов, О. Бакланова), балет (В. Нижинский, С. Балачин, Р. Нуреев, М. Барышников), музыку (И. Стравинский, С. Рахманинов) и т.д. Многие и многие эмигранты и беженцы в XX–XXI вв. (И. Бунин, В. Набоков, И. Бродский, А. Павлова и другие) интегрировались в местные национальные культуры Европы и Америки и обогатили их своим талантом.

Развитие российской экономики в гносеологическом аспекте также следует рассматривать как источник вклада отечественной экономической науки в мировую экономическую культуру. Здесь можно выделить следующие компоненты.

1. Развитие марксистской ветви экономической теории, политической экономии социализма. Здесь следует отметить труды В.И. Ленина, Н.А. Цаголова, Л.И. Абалкина и др.

2. Разработка теории и метода линейного программирования. Получение Л.В. Канторовичем в 1975 г. Нобелевской премии в связи с этими работами — яркое свидетельство признания мировой экономической элиты.

3. Разработка метода и модели межотраслевого баланса (модель «затраты — выпуск») имела колоссальное влияние на всю мировую экономическую науку XX века (премия Нобеля присуждена в 1973 г.).

По мнению ряда экономистов, в арсенале математических средств анализа экономики наиболее эффективными являются три группы методов: модели межотраслевых взаимодействий (модели «затраты — выпуск»); модели линейного программирования и модели производственных функций. Две из этих трех групп методов берут начало в истории отечественной экономической науки.

4. Теория экономических циклов (Н.Д. Кондратьев, С. Кузнец, Е.Е. Слуцкий).

5. Системные исследования экономики (А.А. Богданов).

Следует упомянуть также родившихся в России лауреатов Нобелевской премии С. Кузнеца (1971 г.) и Л. Гурвица (2007 г.), имевших прямое отношение к отечественной интеллектуальной традиции.

Приведенный выше неполный перечень достижений в сфере экономики позволяет утверждать, что вклад отечественной экономики в мировую экономическую культуру весьма значителен.

Однако наряду с экспортом социально-экономических, институциональных и научных достижений, миграцией их создателей и носителей имеет место и другой, в некотором смысле противоположный процесс, сопряжённый с первым. Этот процесс вплотную соприкасается с миссией России в мировом сообществе и определяет её функции как своеобразного накопителя, аккумулятора мировой культуры.

В заключение данного раздела — одно необходимое замечание. В XX — начале XXI веков образ и сущность мира сложились под исключительно сильным влиянием российской цивилизации — ее развития, успехов, неудач, проблем и решений. Первая и вторая русские революции, Первая и Вторая мировые войны, расцвет то-

талитаризма и идейный взлет коммунизма, наконец, процессы социальных реформ и трансформаций конца XX века — все эти события в значительной мере сформировали духовный и социальный облик мира. Не будет преувеличением сказать, что к десятым годам XXI века наиболее значимые черты экономик большинства стран сложились под влиянием событий, происходивших в нашей стране.

Анализ реального вклада России в мировую экономическую цивилизацию позволяет сделать важные выводы и о потенциальном вкладе России, иными словами, обрисовать миссию России в мировом сообществе.

4.5. Миссия России в системе мирового развития

В основе предлагаемого представления о миссии России в сообществе стран лежат следующие фундаментальные положения.

1. Миссия как предназначение каждой из сколько-нибудь длительно существующих стран является глубоко индивидуальной. При обобщенном описании миссии двух стран могут представляться сходными, но всегда существует уровень детальности описания, на котором они различны. Мировое социально-экономическое развитие возможно лишь в условиях гармоничного сочетания разнообразия стран и наличия у них общих черт.

2. Каждой стране присущ свой специфический путь развития, поиск и реализация которого и являются в общем случае целью её движения. Особенности этого пути являются предметом изучения со стороны национальной общественно-научной мысли и предметом осознания со стороны широких слоёв населения.

3. Конкретное содержание страновой миссии является в большей степени предметом стратегического *познания*, чем стратегического выбора. При этом познание не может ограничиться ни только научным, рациональным исследованием, ни только чув-

ственным, эмоциональным восприятием. Страновая миссия возникает и формулируется как результат *достижения* — сочетания всех видов проникновения в суть предмета, в первую очередь — в социально-экономический потенциал территории и духовно-нравственный потенциал её населения. В определённом смысле миссия представляет собой амальгаму *действительного, осознаваемого и желаемого*.

Мы понимаем страновую миссию как обобщённое описание предназначения и роли данной страны по отношению к окружающему миру. Можно также сказать, что определение и формулирование миссии — это путь от осознания *предназначения* к пониманию *назначения* данного объекта в процессе собственного и общестранового развития.

Фундаментальная проблема разработки миссии носит, если так можно выразиться, экзистенциальный характер. Миссия страны — это не просто «национальная идея», хотя эти понятия тесно связаны. Миссия — это *сформулированная, принятая и осмысленная социумом национальная идея*.

Каждая из существующих стран имеет свою специфику, неповторимую индивидуальность, обусловленную географическим положением, природными особенностями, историей и культурой данной страны, а также особенностями психологической структуры индивидуального, группового и массового сознания её граждан. Сравнение стран возможно и необходимо, однако ни в каком случае его нельзя будет признать всесторонним. Отсюда следует, что и рекомендации по повышению экономической эффективности и устойчивости развития каждой страны должны быть индивидуальными. Эта позиция идет вразрез с концепциями типа «вашингтонского консенсуса». Если, как это часто делается, сравнивать Россию с Португалией по уровню ВВП на душу населения, то из близости значений этого показателя нельзя делать вывод, что и пути развития этих стран должны быть схожими.

Основываясь на приведённых положениях, сформулируем миссию России. Здесь необходимо опереться на мнение академика Д.С. Львова — одного из крупнейших ученых-экономистов исследуемого периода: «Волей судьбы мы оседлали путь из «англичан в

японцы», как в былые времена путь из «варяг в греки». Вот почему так важно осознание того факта, что укрепление моста между двумя океанами является цементом, скрепляющим огромную страну»²⁸⁵.

Таким образом, Д.С. Львов связывает *пространственную миссию* России с её ролью своеобразного моста из Европы в Азию. Вместе с тем многообразие и мозаичность российской действительности, многоукладность её экономики и дифференциация социума позволяют сделать вывод, что Россия служит мостом не только в *пространственном*, но и во *временном* смысле, т. е. в смысле межпериодных связей. Заметим, что образ России как пути или дороги, использованный такими писателями, как Гоголь, Чехов, Лесков и др., как нельзя лучше выражает точку зрения Д.С. Львова на сущность миссии России. На просторах России сформировался особый «средовой» тип цивилизации. Такая цивилизация вбирает в себя и сохраняет на своей территории разнокачественные объекты и явления.

Если одни страны как бы застывают в своем развитии, то другие неизменно стремятся вперёд и оставляют в прошлом пройденные этапы. Для таких стран характерно стадийное движение. Что же касается России, то глубина российской души, высота лучших культурных образцов и широта пространства позволяют стране двигаться «во всех направлениях» как бы одновременно, в том числе включая (в разных частях страны по-разному) и движение от настоящего к прошлому, и от настоящего к будущему. Восприятие территории страны как неограниченного пространства создает у многих россиян и иллюзию двусторонней неограниченности времени.

В итоге Россия в мировом сообществе играет роль гигантской *выставки*, своеобразной культурной галереи времён. Не музея, где содержатся экспонаты прошлого, а выставки, где, наряду с прошлым и настоящим, представлены (в прототипической форме) и образцы будущего. В плане общественных форм здесь наблюдаются и элементы феодализма, и островки коммунизма, и начала капитализма, и фрагменты будущих укладов, не имеющих пока названия.

²⁸⁵ Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.

Таким образом, следует признать, что для России естественными являются *смешанная экономика* и *смешанное общество*. Драма, а порой и трагедия возникает тогда, когда к власти приходят пассионарные «пуристы» — политики, желающие видеть Россию «чистым» обществом (неважно даже, каким: коммунистическим, капиталистическим или каким-либо другим) и не жалеющие ни средств, ни людей для достижения этой цели. При таком взгляде на мир признаются только два вида движения: вперёд (прогресс) или назад (реакция). В рамках такого мировоззрения, заметим, и возникает концепция «догоняющей модернизации». России нужна не «догоняющая», а «эволюционная» модернизация, обеспечивающая преемственность и системность развития во времени, и «диффузионная» модернизация, обеспечивающая распространение позитивных инноваций на всё социально-экономическое пространство страны.

Внутреннюю миссию России можно видеть в органическом соединении социальных и экономических целей и критериев.

Выводы могут быть сформулированы следующим образом.

1. Природно-географические и исторические условия пространственно-временной локализации России сформировали особый «средовой» тип цивилизации. Она вбирает в себя и сохраняет на своей территории разнокачественные и разновозрастные объекты и явления. Для России характерны наличие разных по культуре развития групп населения; высокая дифференциация доходов граждан; неоднородность социально-экономических укладов на территории страны; неравномерность развития отдельных территорий и секторов народного хозяйства и т. д.

2. На протяжении веков Россия сохраняла абсорбционную способность и восприимчивость населения к внешним интеллектуальным и институциональным влияниям, поддерживая высокую «перцепционную» способность к инновациям при низкой абсорбционной способности к их закреплению в экономике и обществе и высокой частоте мутаций абсорбируемых инноваций.

3. В мировом сообществе стран Россия предстает в виде гигантской выставки, галереи времен, где наряду с прошлым и настоящим представлены (в прототипической форме) и образцы будущего. В плане общественных форм здесь наблюдаются и эле-

менты феодализма, и островки коммунизма, и начала капитализма, и фрагменты будущих укладов, не имеющих пока названия.

4. Каждая страна имеет в мировом сообществе свою миссию, обусловленную особенностями населения, историческим прошлым, географическим расположением, природными условиями. Развитие страны происходит как в сфере познания своей миссии, так и в сфере её реализации.

5. С учётом особенностей страны, её социально-экономического потенциала внешняя миссия России связывается с интеграционной функцией России, аккумулярованием культурных ценностей европейских, азиатских и иных стран. Внутренняя миссия связывается с развитием уникальных достижений в науке, искусстве, интеллектуальном и духовном творчестве. Реализация этой миссии в стратегии социально-экономического развития страны должна включать поддержку и развитие духовно-интеллектуального яруса экономики; продолжение развития природно-сырьевого яруса экономики при одновременной диверсификации и дефрагментации экономики в целях заполнения межъярусного пространства, обеспечения гармоничного развития страны.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Взгляд в будущее: солидарность цивилизаций

Почти все теории, посвящённые возникновению и развитию цивилизаций, основываются на простой метафоре, раскрывающей самую суть этого процесса: они уподобляют генезис цивилизации рождению и развитию человека. И для такого сопоставления есть все основания:

Во-первых, человек раскрывает свою индивидуальность, осознаёт себя как личность, реализует свои таланты, открывает для себя личное призвание и миссию благодаря врождённому чувству солидарности, в тесном общении с другими людьми. Но и сама цивилизация есть не что иное, как высшая форма человеческой солидарности, наряду с родовыми, религиозными и экономическими общностями, народностями и нациями, профессиональными и возрастными группами. Всю историю цивилизации можно уподобить, по мнению одного из первых авторов, писавших на эту тему, Ф. Гизо, борьбе солидарности и эгоизма — «социальных, коллективных инстинктов с эгоистическими человеческими побуждениями»²⁸⁶. С этим взглядом согласуется и позиция Э. Дюркгейма, который ввёл в оборот наиболее влиятельную в научном сообществе, но вместе с тем и предельно схематичную концепцию солидарности. В основе этой концепции лежит противопоставление механической солидарности (примитивной и принудительной), свойственной ранним стадиям цивилизационного развития, и солидарности органической, добровольной, востребованной на высших ступенях цивилизации и требующей уважения к индивидуальным особенностям и суверенитету отдельной личности. Кроме того, многие цивилизационные учения, раскрывающие

²⁸⁶ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Минск: БЭ, 2005. С. 7.

природу многоликости цивилизаций, прямо уподобляют их сложившимся личностям, каждая из которых имеет свой возраст и свою особую миссию, что предполагает признание её прав на существование и самобытность.

Во-вторых, всякий человек нуждается в семье, в семейной атмосфере и родовой памяти, в особом отношении к родным и близким. «Общественная солидарность, неразрывность интересов элиты и народа, — говорил Патриарх Кирилл на открытии XXI Всемирного Русского Народного Собора, — обеспечит структуризацию общества по модели большой семьи. Вряд ли верно расхожее мнение о том, что общество состоит из индивидов или из так называемых «малых групп» (то есть соседи, коллеги на работе, друзья по увлечению). Нет. Общество опирается не на малые группы, а на семью. Семья — структурная единица стабильного, здорового социума, главный элемент солидарного общества. Сохранение народа, культуры, языка, государства — всё это осуществляется при посредстве семьи, поскольку именно с семьёй связан механизм передачи опыта по цепи поколений. Если взглянуть на этот процесс со стороны, можно дать ему точное название: традиция. Не какая-то конкретная, а традиция как метод связи поколений в режиме общего делания»²⁸⁷.

Именно здесь зарождается чувство солидарности в его высших проявлениях и прежде всего как ощущение и осознание *соборности* (такое отношение к солидарности-соборности характерно для русской философской традиции).

С.Л. Франк писал, что подлинные брачные отношения, отношения между родителями и детьми, как и отношения кровной связи, и далее — как «всякое вообще сознание соборного единства есть мистическое чувство, выводящее человека из наружной, эмпирической обособленности его бытия в таинственные глубины космического и сверхкосмического единства. Так, религиозное чувство в самой глубокой и чистой форме есть чувство родства между человеком и Богом (Бог как Отец), и, с другой стороны, почитание родителей, культ предков и семьи, домашний очаг, как ал-

²⁸⁷ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного Русского Народного Собора // www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html.

тарь, есть первичная форма религиозной веры»²⁸⁸. Говоря о существенном и очевидном различии между обществом и личностью, Франк отмечает, что различные формы соборности — это «не суть конкретные формы, которые могли бы существовать в отдельности; они суть лишь абстрактно-выделимые стороны или сферы соборности». При этом всякая соборная связь, по мысли Франка, *переживается* и «приводит к совместности жизни и судьбы и, с другой стороны, укрепляется ею»²⁸⁹.

А в тесном общении со своими соплеменниками и представителями других культур мы не только приобретаем бесценный опыт межэтнической и межцивилизационной солидарности, не только опыт уважительного отношения к иным верованиям и традициям, но и понимание собственной идентичности — основы внутренней цивилизационной солидарности. Точно так же и каждая состоявшаяся локальная цивилизация, даже самая замкнутая и «эгоцентричная», не может сохраниться без постоянных межцивилизационных контактов, без «наследственной памяти», далеко не всегда основанной, кстати, на бесконфликтном сотрудничестве, что формирует особый тип внутренней солидарности перед лицом внешних угроз. Только так закладывается в «генотипе» цивилизации своеобразный иммунитет к обезличиванию и принудительному, чаще всего насильственному «иноземному цивилизаторству», равно губительному как для сохранения многообразия общечеловеческой цивилизации, так и для самих цивилизаторов, навязывающих представление о цивилизации-образце собственным народам, лишая их тем самым самобытности и иммунитета перед лицом миграционного нашествия.

Но именно на основе многовекового опыта потерь и приобретений, общих жертв, войн и примирений, союзов и коалиций формируется наивысшая форма человеческой солидарности — солидарности цивилизаций, что является условием их бытия или, точнее, со-бытия. Такая солидарность ещё далека от институционализации на уровне международной политики, где пока абсолютно доминируют иные типы солидарности — прагматической и ос-

²⁸⁸ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 111.

²⁸⁹ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 112–113.

нованной на совпадении интересов. Однако *со-бытие цивилизаций* уже существует как тенденция и пробивает себе дорогу в противостоянии с политизацией межцивилизационных конфликтов, которая хотя и получила свое обоснование в теории столкновения цивилизаций, но уже продемонстрировала свою ограниченность и ущербность.

В-третьих, люди нуждаются в вере, и эта потребность часто эксплуатируется псевдорелигиозными сектантскими учениями или политическими идеологиями. Идеологии эксплуатируют чувство негативной солидарности, направленное против общего врага — «мирового зла», либо персонифицированного в образе «врагов демократии и противников свободы», либо скрывающегося под категорией «эксплуататорских классов», либо в лице целых народов и цивилизаций, само существование которых представляет угрозу для «высшей расы» или «высшей цивилизации». Однако религиозная идентификация и языковая общность были и остаются важнейшими отличительными признаками, позволяющими выделять каждую цивилизацию. При этом религиозная самоидентификация человека, как уже говорилось, не тождественна степени его воцерковления, а основывается на признании личной сопричастности к коллективной памяти предков и на уважении к истории Отечества, нравственным идеалам и святыням собственного народа, что и служит фундаментом цивилизационной солидарности. Именно об этом говорилось в Слове Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного Русского Народного Собора: «Нам нужен великий синтез высоких духовных идеалов древней Руси, государственных и культурных достижений Российской империи, социальных императивов солидарности и коллективных усилий для достижения общих целей, определявших жизнь нашего общества большую часть века XX, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России. Синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии «правые-левые». Синтез, который можно описать формулой «вера — справедливость — солидарность — достоинство — державность»²⁹⁰.

²⁹⁰ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного Русского Народного Собора // www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html.

Но распространение интуитивно ясных и сугубо позитивных представлений о солидарности осложнено чрезмерной теоретической эксплуатацией этого понятия, «перегруженного» взаимоисключающими смыслами. Дело в том, что с момента введения этого термина в научный оборот оно столь широко использовалось в конкурирующих научных школах и враждующих политических доктринах, что превратилось в политическое заклинание, посредством которого легко можно оправдать, легализовать любые учения и действия, служащие разделению людей и народов, сеющие рознь и ксенофобию.

В результате, как отмечает О.Ю. Бойцова в статье о «негативной солидарности» как о концепте политической философии, сам факт наличия солидарности в обществе, не говоря уже о политических отношениях, представляется далеко не бесспорным: «Задача выработки чёткого определения солидарности, выявления её чистых форм и способов «опознания» в реальных взаимодействиях далека от решения. Во многом сложности концептуализации объясняются исторической спецификой — особенностями разработки парадигмы в «эпоху солидаризма», как иногда называют девятнадцатое столетие, когда идея солидарности пользовалась наивысшей популярностью. <...> Превращение «солидарности» в востребованный инструмент познания и основание легитимации политических проектов напрямую связано с социально-политической задачей, которой буквально «болел» девятнадцатый век, — решением так называемого социального вопроса. Многочисленные версии достижения единства и согласия, выстроенные с различных теоретических и идеологических позиций, были прямо ориентированы на практическое действие и содержали масштабные планы преобразования общества. <...> И хотя значительная доля подобных проектов так и осталась утопическими конструкциями, всё же многие из солидаристских планов были действительно реализованы. В частности, на их основе в политико-правовой сфере возникло и прочно укоренилось особое направление, впоследствии получившее название социальной политики, и сформировалась концепция социального государства, а консенсусные стратегии стали играть важную роль в общественной жизни».

ни и в реальной политике на государственном и международном уровне»²⁹¹.

Солидарность в западном менталитете — как в теориях, так и в сменяющих друг друга социальных проектах — всё в большей степени отождествлялась с представлениями о демократии и стадиями её эволюции, превращаясь в политический и политологический концепт, но утрачивая свой потаённый сакральный смысл. И это снижение высоких идей и понятий, сведение сакральных ценностей к прагматическим оценкам, которые выражаются в деньгах, целесообразности или эффективности, — тенденция, характерная для современной западной цивилизации.

Впрочем, нельзя недооценивать эти формы политической и гражданской солидарности, используемые как категориальный инструментарий в процессе строительства новых мировых отношений. В частности, выдающийся теоретик солидаризма Ю. Хабермас в своей работе с говорящим названием «Технократический гнев. Разобщённый Союз застревает у порога солидарности» вполне обоснованно утверждает, что дефицит солидарности является главным препятствием на пути устойчивого развития Европейского союза. При этом, как подмечает Н.В. Мотрошилова, анализируя эволюцию взглядов Хабермаса о солидарности, «морализирование и деполитизирование понятия солидарности» становится, по мнению немецкого философа, «большим недочётом именно в последнее время, когда понятие солидарности потребовалось применить не к одним этическим, а к социально-политическим или «чисто» политическим сторонам человеческих действий и отношений»²⁹².

Хабермас с немецкой пунктуальностью типологизирует и прописывает все формы инструментальной солидарности, которые могут быть востребованы в процессе социального строительства с учётом уровня цивилизационного развития общества. Но особо он выделяет традиционные типы солидарности, и прежде всего —

²⁹¹ *Бойцова О.Ю.* К вопросу о «негативной солидарности» как концепта политической философии. «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия». 2018. № 4. С. 63, 61.

²⁹² *Мотрошилова Н.В.* Юрген Хабермас о кризисе Европейского союза и понятии солидарности (2011–2013 гг.) // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 25.

«солидарность тех, кто родился позже, с их предшественниками, со всеми, кто потерпел ущерб от руки человека в своей телесной или личностной целостности». По его определению, «эта солидарность утверждается и иницируется только посредством памятования. Сила воспоминания, несущая освобождение, должна означать (как это имело место от Гегеля до Фрейда) не избавление современности от власти прошлого, но снятие с современности её вины перед прошлым», поскольку «именно невозвратный образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения, когда появляется современность, не умеющая угадать себя в этом образе»²⁹³. Однако и традиционное понятие солидарности, как показывает Хабермас, ссылаясь на «аристотелевскую традицию (вплоть до Ханны Арендт)», никогда не теряло тесной «связи с политическим концептом чувства солидарности»²⁹⁴.

Нельзя не заметить, что секуляризированный инструментально-политический взгляд на солидарность, которая всё в большей степени отождествляется с совершенствованием институтов и процедур демократии и массовой вовлечённости граждан в политику, имеет одно слабое звено, связанное с неизбежной в этом случае десакрализацией солидарности и демократии. Об этом с удивительной пронизательностью говорит Н. Хомский в очерке «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». В этой работе предлагается расширительное толкование термина «секулярное священство», введённого адептом идеальной демократии И. Берлиным для обозначения интеллектуалов-коммунистов, которые, по его мнению, превращали политическую идеологию в государственную религию. Хомский же считает, что этот термин не в меньшей мере подходит и для либеральных интеллектуалов, содействующих превращению западной демократии в ложную религию. Важным этапом в этом процессе стал, по его мнению, кризис 60-х годов XX века, когда на политическую арену организованным образом стали выходить именно те группы населения, которые в норме бывают пассивны и апатичны: женщины, меньшинства, молодёжь, пожилые люди и т.д., то есть почти что всё

²⁹³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. С. 26–27.

²⁹⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. С. 354.

население. Ну чем не подлинное народовластие и чем не истинная солидарность, если их интересы явно следует отличать от так называемых «национальных интересов» — оруэлловского термина, который, как напоминает Хомский, на практике относится к «постоянным интересам меньшинства преуспевающих»? На этот вопрос, который поставил бы сегодня в тупик многих политологов, Хомский отвечает предельно лаконично: «Наивные могут назвать это развитие событий шагом к демократии, но более искушённые понимают, что это — «эксцесс демократии», кризис, который необходимо преодолеть путём возвращения «приведённого в замешательство стада» на подобающее ему место: зрителей, а не участников действия»²⁹⁵.

Однако в России солидарность, как уже отмечалось, всегда понималась иначе, а связь с её сакральным началом, религиозным сознанием никогда не прерывалась — ни в массовом сознании, ни в русской философии, которую часто и не без основания называют русской религиозной философией. Это относится не только к русским мыслителям «серебряного века», которые ввели в научный оборот целый набор идей о природе общечеловеческой солидарности, берущей начало в соборности, но и к современным авторам. Многие из них в последние годы активно работают по цивилизационной тематике, раскрывая специфику цивилизационного развития России через призму традиционно русского понимания солидарности, справедливости и соборности.

При сопоставлении соборности и солидарности в методологическом плане внимания заслуживают не процедуры по уточнению понятий и не сама дискуссия об их совместимости или несовместимости, хотя этот путь и кажется самым коротким и продуктивным: поспорили, договорились и разошлись. В действительности дальше споров такой диалог не продвинется, а лишь усугубит разделение позиций. И здесь мы сразу сталкиваемся с дилеммой: если для «демократического дискурса» такой результат может считаться не только ожидаемым, но вполне допустимым и даже желательным, то для поддержания духа соборности именно он совершенно противопоказан.

²⁹⁵ Хомский Н. О природе и языке. М.: КомКнига, 2005. С. 268.

И действительно, с одной стороны, разделение позиций и конкуренция подходов — дополнительный аргумент в пользу политической солидарности, которая проявляется в незыблемости демократических институтов и гражданских свобод, что предполагает признание права и на свободную трактовку природы демократии вплоть до *вербального* отрицания ее базовых принципов (без посягательства на сами институты). С другой стороны, именно разделение людей и дробление сил, способных составить конкуренцию, было и всегда будет самым надёжным инструментом политики — и тоталитарной, и демократической, и той реальной, для которой любые идеологемы и методы приемлемы, если способствуют достижению поставленных целей. Именно такая — реальная и потому цинично-прагматичная политика (власть хорошо организованного меньшинства над плохо организованным большинством) — давно вытеснила традиционные представления о ценностях демократии из сознания тех, кто её конструирует и адаптирует с учетом «почвы и ландшафта». При этом «конструкторы демократии» избегают, разумеется, чрезмерно широкой популяризации своего опыта «лепки демократий»: сами граждане должны верить в неизменность демократических принципов. Избитое суждение о том, что цели оправдывают средства, многое объясняет в политике. Сам выбор и артикуляция целей в этой области деятельности зачастую предreshены уже имеющимся набором средств, ибо политика — всего-навсего искусство возможного...

Совершенно иное дело — опыт осмысления сути такого феномена, как соборность. Если переформулировать вышеназванное определение политики как искусства возможного, то соборность по контрасту выявляет себя как искусство невозможного, т.е. полного единения. Для достижения такого опыта духовной солидарности далеко не всегда могут быть полезны дискуссии и споры. Если они и помогают достичь желаемого согласия, то только в тех случаях, когда выявляют тех немногих, кто особо искусен, наделён, к примеру, пастырским и миссионерским даром. Но обычно сама суть предмета анализа ускользает сразу же, как только обнаруживается принципиальная несовместимость или конфликт интерпретаций, заложенный не только в политических дискурсах

(за ним почти всегда стоит конфликт интересов или несовместимость идеологических проектов), но и в природе научного мышления. Если следовать логике П. Рикёра, с именем которого, как известно, связано теоретическое обоснование конфликта интерпретаций, то придётся признать, что «только в конфликте соперничающих друг с другом герменевтик мы оказываемся способными выявлять те или иные грани интерпретированного бытия»²⁹⁶. При этом Рикёр указывает и на глубинный философский аспект поднятой им темы, когда говорит о том конфликте, который «возник между несколькими герменевтиками, существующими в современной культуре, в частности между герменевтикой, направленной на демистификацию смыслов, и герменевтикой, говорящей о взаимосвязанности смыслов»²⁹⁷.

Соборность — это, прежде всего, особое состояние духа, соединяющего людей и во времени, которым измеряется жизнь народов и преемственная связь поколений, а также в том особом пространстве, которое называют конфессиональным. Для России это пространство православного мира, на целостность которого сегодня покушаются злейшие враги христианства. Соборность как состояние духа трудно уживается с духом политики, которая почти полностью подчинена достижению целей (не обязательно низменных), но имеющих мало общего с целями духовного служения. Никто ещё не отменял политической формулы «Разделяй и властвуй». Именно этой логике следует негласный «синклит» политических идеологий, хотя адепты каждой из них ни при каких условиях не признают этой скрытой логики — скрытой, в том числе, и для большинства самих адептов.

По этой причине ключевым принципом для всякого, кто пытается понять суть феномена соборности, должен быть старый и проверенный принцип — не навреди. Не навреди своей душе, не навреди ближнему и, что особенно важно, не навреди «единому соборному организму Богочеловечества, единому великому все-

²⁹⁶ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. С. 52.

²⁹⁷ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. С. 101.

ленскому Человеку» (перефразированное Франком известное суждение Паскаля).

Для того чтобы понять глубину отличий между соборностью и солидарностью, а точнее, между западным (или прозападным) и русским (или пророссийским) восприятием солидарности и солидаризма, зададимся элементарным вопросом: можно ли представить, к примеру, чтобы связи между соборностью и солидарностью, а также проблемы сопоставимости или несопоставимости этих социальных феноменов обсуждались в Лондонском университете или в университете Денвера? Можно, но только в двух случаях: либо на эту тему кто-то из профессоров читает спецкурс по русской философии, либо организаторами такой дискуссии будут русские, которые захотят обсудить с коллегами особенности русской истории и специфику православной цивилизации...

Во всех случаях чрезвычайно важна мотивация спорящих о солидарности и соборности. Поясню на примере этот тезис. Однажды пришлось присутствовать на публичной дискуссии двух уважаемых коллег — известных российских философов (один из них, кстати, входит в число авторов этой книги). Они горячо спорили на схожую тему — о том, следует или не следует вводить в российских университетах теологические факультеты. Один утверждал, что университеты без теологических факультетов — добрая российская традиция, идущая от Ломоносова, со времён основания первого отечественного университета до наших дней, и она должна быть сохранена, поскольку позволила защитить Православие от экспансии католического богословия и воздействия секуляризированной науки, сохранив дух соборности в российском обществе. Другой оратор столь же убедительно доказывал, что отказ от европейской традиции, соединявшей светское и духовное образование, лишь углубил разрыв между духовной жизнью и светской, лишив светское образование высших смыслов и «замуровав» духовное образование в стенах духовных семинарий и академий. Именно это обстоятельство, по его мнению, привело к господству бездуховных начал в среде русской интеллигенции и к самоизоляции духовенства, а следовательно, к слабому развитию православной богословской традиции и «выветриванию» из массового со-

знания того духа соборности, который позволил четыре столетия назад всенародно избрать на трон первого царя из династии Романовых. Добавлю, что такое решение было на порядок более демократичным и солидарным, чем всё то, что может предложить нам современная демократия.

Каков же итог этого спора? Думается, его невозможно подвести на основе сопоставления аргументов. Дело в том, что многие противоречия в дискуссии о взаимодействии соборности и солидарности могут быть сняты, а внутренний смысл проблемы выявлен, если приоткрыть личную мотивацию спорящих, ибо солидарность и соборность начинается с личности. Если с позиции «чистого теоретизирования» взгляды основных участников дискуссии смотрелись как диаметрально противоположные, то с позиции глубинной мотивации все обстоит с точностью до обратного. Дело в том, что мотивы оппонентов полностью, абсолютно совпадали. И тот и другой искали пути к укреплению позиций православия, становлению и углублению самостоятельного и подлинно православного, незаимствованного, богословского дискурса, к возвращению в народную жизнь духа соборности. А выбор методов и стратегий достижения общих целей в каждом конкретном случае подтверждается результатами совместной деятельности. Это относится не только к выбору образовательных стратегий, но и к определению общенациональной стратегии долгосрочного развития России.

Но вернёмся к принципиально важному вопросу: как соединить, казалось бы, несоединимое — политические формы солидарности, «очищенные» от цивилизационного своеобразия и сакральности, которые зачастую механически переносятся на российскую почву, и солидарность, основанную на чувстве высшей справедливости и соборном восприятии мира, которая растворена в великой русской культуре на всех этапах становления русской цивилизации? С этим вопросом, по сути, обратился недавно председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин к гражданам России в статье «Буква и дух Конституции»²⁹⁸. Статья вышла, когда уже была поставлена последняя точка в нашей

²⁹⁸ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. № 7689 (226). 10.10.2018.

коллективной монографии. Но подходы предложенные Зорькиным, оказались настолько своевременными, что потребовали вернуться к работе и внести коррективы.

Самая главная мысль содержится в конце статьи: «Сейчас нам нужно признать, что Россия ещё не выработала такую стратегию развития, которая отвечала бы ожиданиям российского общества и его представлениям о справедливости, а также тому новому месту в мире, на которое претендует наша страна. Если попытаться сформулировать общие контуры подобной стратегии, то я бы сказал так. Надо суметь соединить присущий российскому народу коллективизм, сформированный, — можно сказать, выкованный, — суровой природой, бесчисленными оборонительными войнами, необходимостью объединить множество наций и народностей «общей судьбой на своей земле», на основе конституционных принципов правового, демократического и социального государства, — с созданием конкурентной экономической и политической среды». Статья вышла, когда уже была поставлена последняя точка в нашей коллективной монографии. Но подходы, предложенные Зорькиным, оказались настолько своевременными, что потребовали внести коррективы в уже завершённую книгу.

По мнению Зорькина, весь опыт работы Конституционного суда позволяет сделать вывод о том, что нам нужна существенная корректировка либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию, доминирующего в сегодняшней мировой теории и практике, которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма: «То есть нужна правовая теория, синтезирующая в рамках понятия права идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности. Такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию». При этом автор, по сути, предлагает тот же вариант, что и мы, указывая на духовный поиск русской философии: «В этой связи хочу напомнить, что для русской философии конца XIX — начала XX веков (с её учениями о соборности, всеединстве, всечеловечности и т.д.) было характерно стремление соединить идею абстрактного, обезличенного формально-правового равенства с идущей от раннего христиан-

ства идеей ответственности каждого не только за себя, но и за других».

Особую надежду он видит в формировании так называемой конституционной идентичности, которая должна, по его мнению, дополнить «религиозную, национальную или региональную (например, европейскую) идентичность, сохранять и укреплять традиционные ценности семьи, культуры, быта. А на уровне органов государственной власти это проявляется в стремлении предотвратить размывание национально-государственного суверенитета и утвердить конституционно-правовую идентичность государства».

Для достижения этой цели вовсе не обязательно «переписывать Конституцию» заново, как предлагается многими критиками действующей конституции, которая, конечно, не лишена недостатков. Но их можно устранить путём точечных изменений. «А заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой Конституции». Представления же о том, что путём радикальной конституционной реформы можно развернуть ход событий в каком-то более правильном направлении, — не просто поверхностны и недальновидны, но и опасны, поскольку чреваты резкой социально-политической дестабилизацией. Разговоры о том, что можно изменить структуру жизни с помощью одних лишь юридических решений, — это наивный идеализм, если не что-то худшее».

Конечно, и позиция Зорькина не представляется бесспорной, но эта статья стимулирует поиск самостоятельной стратегии, способной соединить конституционализм и соборность, политический инструментарий и неповреждённый, защищённый от внешнего манипулирования духовный уклад. Автору этих слов приходилось участвовать в дискуссиях о принципе конституционализма, в том числе и в самом Конституционном суде, открытом для работы с экспертами²⁹⁹.

²⁹⁹ *Расторгуев В.Н.* Идея конституционализма в философии политики и права // Философия права в начале столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. Московско-Петербургский философский клуб. М.: Летний сад, 2010.

На этой дискуссии, помнится, Зорькин сказал, что мы наблюдаем сегодня фантастически масштабный правовой поток, который охватывает всю планету. Речь идёт о международном праве, укрепляющем свои позиции. Образ очень сильный, впечатляющий. Но он даёт и понимание того, какова цена этого процесса, его оборотная сторона: если раньше этот мощный поток имел своё узкое, но глубокое русло, то теперь, растекаясь по всей поверхности Земли нашей, он, естественно, становится неглубоким, поверхностным. А это влечёт за собой заметную потерю глубины мышления, что становится заметным, когда мы занимаемся аналитикой в области конституционного права, раскрывая, в частности, принцип конституционализма. Уровень обсуждения зачастую существенно уступает тому, который был, скажем, сто или двести лет тому назад. В качестве иллюстрации сошлюсь на интерпретацию конституционализма с позиций локально-цивилизационного подхода, предложенную Н.Я. Данилевским. Он подходил к проблеме с учётом политического, социокультурного и исторического контекстов, демонстрируя при этом методологический потенциал теории культурно-исторических типов. По мнению Данилевского, причина того, что «конституционализм на английский лад» выдаётся за явление общечеловеческое, как и религиозный индифферентизм или государственный атеизм, а монархический феодализм — за явление национальное (национально-германское), объясняется «неверностью исторического взгляда, смешивающего Европу с человечеством, а ступени развития — с культурно-историческими типами»³⁰⁰. Согласитесь, столь тонкий анализ природы конституционализма редко встречается в современных работах, посвящённых этой теме.

А причина снижения глубины исследований всё та же: свобода от серьёзной философии оборачивается свободой от глубокого анализа. Для того чтобы это доказать, остановлюсь на нескольких тезисах. К примеру, сегодня многие, в том числе и достаточно серьёзные политики, обсуждают вопрос о так называемом глобальном конституционализме, который подаётся как новая форма

³⁰⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 146.

«глобальной солидарности», а следовательно, как способ укрощения власти или её ограничения. Но в действительности всё обстоит совершенно иначе: правильнее было бы говорить не о самоограничении власти, а о весьма своеобразном «самоограничении», которое предполагает, что сильнейший и хитрейший устанавливает правила игры. Конституционные правила — это, конечно, ограничение для всех, но тот, кто их разрабатывает и диктует, лишь расширяет тем самым свои полномочия и возможности. Слишком очевидно сходство такой игры с казино, чтобы согласиться с позицией адептов теорий глобального конституционализма. Другими словами, это не самая чистая и не самая честная сфера политической и правовой жизни по определению.

Но даже если предположить, что политика лишена пороков, которые ей не без основания приписываются (с такой смелой посылки Шопенгауэр начинал свои рассуждения о причинах вырождения политики в политику силы), то сомнения остаются. Довод о благородстве политической деятельности, кстати, вполне может быть обоснован, поскольку именно в рамках большой политики только и возможно достижение высших целей — природосбережения и народосбережения (сбережения не только «человеческой массы», но и самих народов, этнокультурного многообразия). Можно ли назвать более высокие цели? Итак, политика — это служение, пусть и в идеале. Но и в этом случае, рассуждает Шопенгауэр, она сохраняет свою сущность, ибо политика — всегда борьба, а в борьбе побеждает сильный и ловкий. Поэтому сила и ловкость — суть права. А если это так, то «право сильного — это и есть высшее право». Данный вывод имеет прямое отношение к вопросу о конституционализме, потому что Шопенгауэр имеет в виду как раз основу основ конституционной власти.

Сегодня доказывают, что расширение международного права и глобальный конституционализм как эффективное средство ограничения власти — это в значительной степени наиважнейшая гарантия для России, гарантия её безопасности. С одной стороны, все так и обстоит: хорошо было бы, если бы наши конкуренты и соперники на геополитической арене подчинялись общим правилам политического поведения. Но, во-первых, в исправление нра-

вов в геополитике верится с трудом, а во-вторых, есть и другая сторона проблемы: цена подобного установления — необратимое повреждение национальных суверенитетов, а следовательно, и основ демократии, которая не мыслится без суверенитета как государственно-правового института.

Поэтому единственно правильный выбор — стратегия, основанная на укреплении цивилизационной идентичности России и на принципе солидарности мировых цивилизаций. А одним из шагов на этом пути могла бы стать разработка Социальной доктрины России, первый проект которой был подготовлен как продолжение Экологической доктрины Российской Федерации, поскольку у этих доктрин общая методологическая основа и концептуальная основа.

* * *

А завершить книгу можно словами Президента России В.В. Путина из его приветствия Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, участникам, организаторам и гостям XXI Всемирного Русского Народного Собора: «Россия всегда была сильна традициями народного единения и сплоченности. Ратовала за укрепление мира, сотрудничества, доверительного, взаимопользительного диалога со своими партнерами. И только сохраняя это историческое наследие, нашу нравственную и духовную опору, мы сможем двигаться вперед, добиваться поставленных целей»³⁰¹.

³⁰¹ Приветствие Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, участникам, организаторам и гостям Всемирного Русского Народного Собора // www.kremlin.ru/events/president/news/55974.

Для записей

Для записей

Научное издание

Цивилизационное развитие России

наследие, потенциал, перспективы

Коллективная монография

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЧЕЛЫШЕВ Евгений Петрович, академик РАН (*председатель Редакционного совета*),
ВОЛОБУЕВ Сергей Григорьевич, КЛЕЙНЕР Георгий Борисович, член-корр. РАН,
КОСТИН Олег Александрович (*заместитель председателя Редакционного совета*),
ЛАКОВСКИЙ Сергей Геннадьевич, ЛЕПЕХИН Владимир Анатольевич, к.ф.н.,
ПОСАДСКИЙ Александр Владимирович, д.ф.н., РЕМИЗОВ Михаил Витальевич, к.ф.н.,
РУДАКОВ Александр Борисович, ТИМАКОВ Владимир Викторович,
ЦВЕТКОВ Николай Александрович, к.э.н.

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДДЕРЖКУ: Московский институт МИРБИС,
АНО «Центр развития гуманистической экологии и культуры», фонд «МЕТА»

Подписано в печать 24.10.2018. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офс. Усл.-печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 22,17. Тираж 500 экз. Заказ № 576.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*

Издатель Воробьев А.В. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. 8(495)772–03–76

Типография ООО «Поли Принт Сервис». Москва, ул. Бутырская, д. 86. Тел. 8(495)191-11-95
Изготовление любой печатной продукции // info@ppsprint.ru // ppsprint.ru